

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Юго-западный государственный университет
(Курск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Главное управление юстиции Гомельского областного исполнительного комитета

Гомельское областное отделение
ОО «Белорусский республиканский союз юристов»

Белорусская нотариальная палата

Управление Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области

Гомельское областное общественное объединение
«Союз следователей»

Общественное объединение «Сообщество трудового права»

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета

(Гомель, 29–30 ноября 2023 года)

В двух частях

Часть 2

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 342.22:34.04:321.02

Приоритетные направления развития правовой системы общества : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета (Гомель, 29–30 ноября 2023 года) : в 2 ч. Ч. 2 / редкол. : И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – 235 с.

ISBN 978-985-32-0044-7 (Ч. 2)

ISBN 978-985-32-0042-3

Во вторую часть сборника вошли материалы участников X Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета «Приоритетные направления развития правовой системы общества», раскрывающие актуальные проблемы: гражданского, хозяйственного и семейного права; гражданского и хозяйственного (арбитражного) процесса; теории и истории государства и права; конституционно-правовых и административных отношений; государственного управления и финансовых отношений, правового обеспечения информационного общества и электронного государства; устойчивого развития на местном уровне; социальной политики, идеологической работы и патриотического воспитания на современном этапе.

Издание адресовано преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам юридических факультетов, а также практическим работникам правоохранительных органов и государственным служащим.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (главный редактор),

В. А. Брилёва (заместитель главного редактора),

Е. И. Усова (ответственный секретарь),

С. Л. Емельянов, Ю. И. Иванова, Е. А. Ковалёва, Н. В. Копыткова, Л. Е. Можаяева,

А. Э. Набатова, Т. В. Сенькова, М. Я. Тишкевич, И. Н. Цыкунова

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-32-0044-7 (Ч. 2)

ISBN 978-985-32-0042-3

© Учреждение образования

«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

УДК 347.61:364.4:316.36(476)

М. В. Андрияшко

(Барановичский государственный университет, Барановичи)

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Государственная семейная политика представляет собой систему мер экономического, правового, социального, информационно-пропагандистского и организационного характера, направленных на улучшение жизнедеятельности семьи. Срок реализации Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы перешагнул свой экватор и следует задуматься над тем, какие показатели эффективности реализации программ в сфере семьи и детства будут учитываться в следующей среднесрочной перспективе.

Введение. В ст. 32 Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) установлены императивы государственной семейной политики [1], являющейся направлением социальной политики страны (в соответствии с п. 1 Основных направлений государственной семейной политики, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 [2]), имеющим приоритетное значение.

Комплекс мероприятий семейной политики определен в подпрограмме 1 «Семья и детство» Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 [3] (далее – подпрограмма 1 «Семья и детство»).

Основная часть. Убедительным аргументом в пользу тезиса о приоритетном значении для государства институтов семьи и детства является содержание расходной части Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 231-3 «О республиканском бюджете на 2023 год» [4], согласно которой в 2023 году из средств республиканского бюджета на помощь семьям, воспитывающим детей, планировалось направить 429 354 216,0 рублей (16,27 % от запланированных расходов на социальную политику в целом).

С другой стороны, неоспоримость этого тезиса не нуждается в дополнительной аргументации, так как красной нитью проходит не только через содержание принимаемых в стране актов законодательства, но и важных программных документов. Так, обоснование подпрограммы 1 «Семья и детство», начинается с утверждения о том, что «здоровая и крепкая семья – это основная составляющая демографической политики государства» [3].

Оценивая эффективность реализуемых в рамках государственной семейной политики мероприятий, можно использовать различные данные. Например, данные Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь о динамике численности многодетных семей. В частности, безусловным лидером в 2022 году по числу многодетных семей являлась Брестская область (24,7 тыс. семей). За ней следовали: Минская область (21,1 тыс. семей), Гомельская область (19,6 тыс. семей), г. Минск (16,6 тыс. семей), Гродненская область (14,5 тыс. семей), Могилевская область (12 тыс. семей), Витебская область (11,4 тыс. семей). Наблюдения за динамикой многодетности в семьях с 2019 года позволили сделать заключение о *наметившейся тенденции к количественному приросту по этому показателю в каждой области (и г. Минске) без исключения. При этом максимальный прирост многодетных семей отмечается в Витебской области (было: 8 969 семей) [5]. Несмотря на это, ни одна область (и г. Минск) не сместилась с занимаемых в 2019 г. позиций по показателю «численность многодетных семей».*

Результаты анализа данных переписи населения Беларуси (2019) также продемонстрировали наметившийся тренд в семейной сфере: «с 2010 г. по 2019 г. доля первенцев в числе родившихся сократилась с 52,3% до 38,7%, доля рожденных вторыми увеличилась – с 36,1% до 38,3%, а доля родившихся третьими и последующими увеличилась с 11,6% до 23%» [6, с. 8]. *Сокращение численности однодетных семей с одновременным увеличением численности семей с большим количеством детей (двумя, тремя) повлекло порождение спроса на услуги по уходу за детьми, организация и предоставление которых позволила бы родителям совмещать родительство и работу, что, в свою очередь, также является самостоятельным трендом в семейной сфере как части социальной политики государства.*

Абсолютные числа свидетельствуют о несомненных успехах реализуемой государством пронаталистской политики. Однако, как следует из методики оценки эффективности реализации государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, *численность многодетных семей не предусматривается в качестве показателя эффективности этой комплексной программы. В связи с этим, возникают вопросы о том, какие показатели учитываются при оценке эффективности упомянутой государственной программы и есть ли необходимость в их корректировке на перспективу*, так как срок реализации указанной программы перешагнул свой экватор и следует задуматься над тем, какие показатели эффективности реализации программы будут учитываться в следующей среднесрочной перспективе.

В настоящее время подпрограмма 1 «Семья и детство» направлена на решение двух *внешних по отношению к семье задач*, связанных, во-первых, с работой служб планирования семьи, организацией для женщин и детей доступа к качественному медицинскому обслуживанию, системой поддержки семей с детьми, и, во-вторых, с популяризацией «в обществе духовно-нравственных ценностей института семьи, совершенствование системы подготовки молодежи к семейной жизни» [3].

Как отмечается, ожидаемыми результатами реализации подпрограммы 1 «Семья и детство» к 2025 году являются четыре показателя, из которых собственно к семейной сфере весьма условно относится лишь один. В частности, предусмотрены следующие четыре показателя: 1) суммарный коэффициент рождаемости; 2) коэффициент младенческой смертности; 3) детская смертность; 4) количество учреждений общего среднего образования, в которых реализуются программы педагогического просвещения родителей и (или) программы факультативных занятий, содержащие вопросы подготовки обучающихся к семейной жизни. Полагаем, только четвертый показатель в контексте содержания ст. 14 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье («Подготовка к браку») [7] имеет отношение к администрированию семейно-правовой сферы. Три показателя, касающиеся рождаемости и смертности, относятся к сфере здравоохранения, имеют ключевое значение для демографической сферы и являются внешними по отношению к семье.

Ввиду указанного и возвращаясь к утверждению о том, что «*здоровая и крепкая семья – это основная составляющая демографической политики государства*» [3], стоит задуматься о том, какой из четырех выше перечисленных показателей, упомянутых в подпрограмме 1 «Семья и детство», релевантно визуализирует критерий «крепкая семья». Видится, показатели численности зарегистрированных браков, численности расторгнутых браков в судах, численности расторгнутых браков в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, численности рождения детей вне брака, численности заключенных браков со снижением брачного возраста обладают определённым и весьма убедительным потенциалом в деле достоверной оценки функционирования института семьи.

Полагаем, *численность многодетных семей* следует рассматривать в качестве критерия оценки эффективности мероприятий семейной политики. Равно как *численность аборт*ов в качестве критерия оценки эффективности даёт определенное представление о функционировании института семьи, системы государственной поддержки семей и детства, системы учреждений здравоохранения.

Собственно в характеристике актуального состояния семейной сферы разработчики подпрограммы 1 «Семья и детство» отмечают о том, что «несмотря на снижение числа абортс за последние 5 лет на 27,2 процента, частота искусственного прерывания беременности в стране остается высокой (9,7 на 1000 женщин фертильного возраста в 2019 году). Это свидетельствует о необходимости продолжения комплекса мероприятий, направленных на профилактику и снижение абортс, включая проведение преабортного психологического консультирования» [3]. Поддерживают указанную мысль и белорусские исследователи, отмечая, в частности, что «... проведению профилактических мероприятий против абортс уделено недостаточно внимания» [8, с. 118].

Ввиду указанного, видится целесообразным в государственных программах в сфере семейной политики на следующую среднесрочную перспективу учесть помимо иных следующие ожидаемые результаты: численность многодетных семей; численность абортс.

Заключение. В результате исследования существующих инструментов государственной семейной политики в Республике Беларусь сделан ряд выводов и внесены следующие предложения.

1. Наблюдаются следующие устойчивые тренды в сфере семей с детьми:

1.1 тенденции к количественному приросту численности многодетных семей в каждой области (и г. Минске) без исключения;

1.2 несмотря на прирост численности многодетных семей повсеместно в Республике Беларусь, ни одна область (и г. Минск) не сместилась с занимаемых в 2019 г. позиций по анализируемому показателю;

1.3 установилась тенденция к сокращению численности однопдетных семей с одновременным увеличением численности семей с большим количеством детей (двумя, тремя);

1.4 установился спрос на услуги по уходу за детьми, предоставление которых направлено на обеспечение совмещения родительства и работы.

2. Видится целесообразным в государственных программах в сфере семейной политики на следующую среднесрочную перспективу учесть помимо иных следующие ожидаемые результаты: численность многодетных семей; численность абортс.

3. Видится, показатели численности зарегистрированных браков, численности расторгнутых браков в судах, численности расторгнутых браков в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, численности рождения детей вне брака, численности заключенных браков со снижением брачного возраста обладают определенным и весьма убедительным потенциалом в деле достоверной оценки функционирования института семьи.

Статья выполнена в рамках проекта БРФФИ Г23ИП-003 «Традиции и новации института семьи как основы государственной семейной политики и устойчивого развития Республики Беларусь».

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Основной Закон Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-ХП ; в ред. принятой на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.03.2022. – 1/20213.

2. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.12.2007 г., № 676 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 5. – 1/9268.

3. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 28.12.2022 г., № 926 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 06.01.2023. – 5/51171.

4. О республиканском бюджете на 2023 год [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2022 г., № 231-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.01.2023. – 2/2951.

5. Динамика семей с детьми по численности и количеству в них детей [Электронный ресурс] : М-во труда и социальной защиты Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://goo.su/05mcsS>. – Дата доступа : 22.09.2023.

6. Методическое руководство для специалистов по социальной работе ТЦСОН по организации работы с семьями с детьми, направленной на предупреждение и преодоление трудной жизненной ситуации / Н. В. Милькота [и др.] ; под ред. Т. Н. Мироновой, В. Н. Пинязик ; НИИ труда Минтруда и соцзащиты. – Минск, 2021. – 97 с.

7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г., № 300-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 25.07.2023. – 2/3020.

8. Тимошенко, М. В. Некоторые аспекты повышения эффективности демографической политики Республики Беларусь / М. В. Тимошенко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 2 (101). – С. 116–119.

УДК 346.7

М. А. Баранашник

(БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Минск)

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РИЭЛТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В материале, рассмотрены вопросы совершенствования риэлтерской деятельности. В результате анализа норм Закона «О лицензировании» и других позиций был сделан вывод об отсутствии намерения исключить деятельность по оказанию риэлтерских услуг из перечня лицензируемых видов деятельности. Попытки реформирования специального законодательства не получили должной реализации несмотря на то, что развитие законодательства Республики Беларусь все же происходит и затрагивает сферу оказания риэлтерских услуг.

На протяжении последних лет в Республике Беларусь наблюдается активная деятельность государства, направленная на совершенствование национального законодательства. Началом его реформирования, полагаем, можно считать проведение 27 февраля 2022 г. республиканского референдума, на котором рассматривались вопросы о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. С инициативой о внесении изменений в Основной Закон страны и проведении республиканского референдума неоднократно выступал Президент Республики Беларусь. Свою позицию он обосновывал тем, что «в основе любых изменений и перемен как раз должна лежать Конституция, так как все должно быть по закону. Это естественный процесс перемен. А начинать надо как все цивилизованные и грамотные люди. Основой этих перемен должна быть Конституция.»[1].

После вступления в силу Конституции в обновленной редакции в Республики Беларусь было принято множество нормативных правовых актов, затрагивающих различные области. Однако, несмотря на активную деятельность государства, направленную на совершенствование законодательства, приходится констатировать, что реформирование затрагивает не все сферы общественных отношений. Так, например, на протяжении более десяти лет на различных информационных ресурсах время от времени появляется информация о необходимости совершенствования законодательства о риэлтерской деятельности. Представители Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – Минюст) неод-

нократно подчеркивали, что в Беларуси назрела необходимость совершенствования законодательства в указанной сфере. Проводились различные мероприятия с участием представителей названного ведомства и риэлтерского сообщества, направленные на соблюдение баланса интересов государства, потребителей и риэлтерских организаций. В 2019 г. на рассмотрении Совета Министров Республики Беларусь даже находился проект указа «Об изменении указов Президента Республики Беларусь». Однако он так и не был принят, несмотря на общественное обсуждение указанного документа. Организатором мероприятия выступил Минюст, который в очередной раз подчеркивал, что данный проект указа разработан с целью решения существующих проблем в сфере риэлтерской деятельности, а также дальнейшего развития и совершенствования данной сферы [2; 3].

В настоящее время каких-либо значимых изменений в специальные акты законодательства, регулирующие деятельность по оказанию риэлтерских услуг, не внесено. В то же время совершенствование в целом законодательства затронуло и данную сферу общественных отношений. Например, в 2022 г. был принят первый в истории белорусского суверенного государства законопроект «О лицензировании», названный как Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» (далее – Закон № 213-З) [4]. Новацией рассматриваемого нормативного правового акта стало исключение данного вида деятельности из перечня юридических услуг и выделение его в самостоятельный вид, получивший название «риэлтерская деятельность». В процессе разработки и обсуждения Закона № 213-З велись дискуссии между специалистами различных отраслей, представителями научного сообщества и государственных органов о необходимости включения одних видов деятельности и исключения других из перечня лицензируемых. Что касается риэлтерской деятельности, то в данной сфере общественных отношений усматривалось единство мнений о необходимости и в дальнейшем осуществление надзора за деятельностью риэлтерских организаций с помощью такого механизма как лицензирование.

Например, разработчики рассматриваемого законопроекта обосновывали свою позицию тем, что «совершение сделок с недвижимостью требует высокого уровня обеспечения их безопасности. Ведь, по сути, риелтор получает допуск к чужому имуществу, к информации об объектах недвижимости, а при выдаче доверенности – и право распоряжаться собственностью клиента» [5, с. 1]. Минюст необходимость лицензирования риэлтерской деятельности связывает с возможностью осуществления ведомством постоянного контроля за деятельностью риэлтерских организаций с целью ее дальнейшего совершенствования [6, с. 58]. Авторский коллектив Института экономики Национальной академии наук Беларуси, в своей монографии, также высказал позицию о необходимости лицензирования риэлтерской деятельности. Так, исследователи на основании изучения и анализа зарубежного опыта регулирования оказания юридических услуг, пришли к выводу об исключении оказания юридических услуг (за исключением риэлтерских услуг) из перечня лицензируемых видов деятельности, предусмотрев иные разрешительные механизмы, необходимые для приобретения статуса субъекта оказания юридических услуг [7, с. 117].

Анализ приведенных положений позволяет констатировать, что ни в одном из них не заложены какие-либо факты или события, указывающие на то, что риэлтерская деятельность должна оставаться в перечне лицензируемых видов деятельности. Более того, здесь усматривается формальный подход к сущности рассматриваемого вида деятельности и проблемам его правового регулирования, исходя из его правовой природы. В то же время позиция Минюста предельно ясна и понятна, поскольку он выполняет контрольно-надзорную функцию в данной сфере, работает с обращениями граждан и имеет возможность анализировать проблемные аспекты, а также пробелы в законодательстве о риэлтерской деятельности [8, с. 65]. Мнение же остальных лиц вызывает вопросы, поскольку в них отсутствует обоснование сложившихся позиций.

На наш взгляд, для деятельности по оказанию риэлтерских услуг, можно применить иные механизмы регулирования, например, саморегулирование. Суть указанного

способа регулирования общественных отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности, как нам видится, заключается в том, что «саморегулирование» представляет собой институциональную форму взаимодействия государства и субъектов хозяйствования, основанную на гражданско-правовых принципах, характеризующихся отсутствием административных барьеров, равноправием участников и возможностью самоопределения предпринимателей в рамках профессиональных сообществ в соответствии с целями деятельности [9, с. 63–64]. Полагаем, развитие института саморегулирования будет способствовать не только либерализации в сфере предпринимательской деятельности, но и развитию национальной экономики.

Кроме того, как отмечает М.А. Семенихин, с позицией которого нельзя не согласиться: «В некоторых отраслях отечественной экономики – в первую очередь среди организаций, оказывающих услуги (риэлтерские, туристические и т. д.), возник запрос на возможность участия в процессе регулирования соответствующих отраслей». В подтверждение своих слов автор ссылается на председателя РОО «Белорусская ассоциация «Недвижимость», который отмечал, что более 20 лет назад БелАН выступила инициатором принятия государственного стандарта СТБ 1098–98 «Услуги риэлтерские. Общие требования». Агентства проходили добровольную сертификацию, которая подтверждала знак качества, и брали на себя дополнительные обязательства. После введения лицензирования регулировать риэлтерскую деятельность стало государство. Сегодня для повышения качества риэлтерских услуг есть предложение вернуться к добровольной сертификации. Возможно, она позволит сформировать новые стандарты качества и быть основой для оценки надежности риэлтерских организаций [10, с. 50].

Полагаем, применение саморегулирования как альтернативного способа регулирования при осуществлении риэлтерской деятельности будет только способствовать развитию указанного вида деятельности, в том числе и повышению качества оказываемых услуг. Функции же по управлению деятельностью риэлтерских организаций сможет взять на себя общественное объединение «Белорусская ассоциация «Недвижимость» (далее – БелАН), которая, как отмечалось выше, постоянно выступает с предложениями вернуть добровольную сертификацию. Кроме того, деятельность данного объединения направлена на выработку единой тактики и политики ведения бизнеса, налаживание сотрудничества и взаимодействия с государственными органами по совершенствованию законодательной базы для эффективного функционирования рынка недвижимости в условиях рыночных отношений [11].

Однако для реализации рассмотренных положений, как ранее отмечалось, необходимо принятие соответствующих нормативных правовых актов, на основании положений которых будет реализована возможность внесения изменений в специальные акты законодательства или даже принятия новых нормативных документов, которые будут соответствовать потребностям современного общества и способствовать развитию предпринимательской инициативы.

В настоящее время в сфере оказания риэлтерских услуг возникло множество вопросов, которые требуют детальной проработки. Следует отметить, что существующие проблемы обусловлены не только необходимостью изменения действующего механизма правового регулирования указанного вида деятельности. Они, в частности, связаны с соблюдением правил профессиональной этики специалистами по риэлтерской деятельности, организацией трудовых отношений с работниками риэлтерских организаций, налогообложением сферы оказания риэлтерских услуг и прочее.

Таким образом, на основании изложенного представляется необходимым сделать выводы о том, что в законодательство Республики Беларусь, регулирующее риэлтерскую деятельность, на протяжении длительного времени не вносились существенных изменений. Попытки реформирования специального законодательства не получили должной реализации несмотря на то, что развитие в целом законодательства Республики Беларусь все же происходит и затрагивает также сферу оказания риэлтерских услуг. Например, в процессе обсуждения законопроекта «О лицензировании» ни один из специалистов,

позиции которых мы рассматривали, не высказался об исключении риэлтерской деятельности из перечня лицензируемых видов деятельности. Аргументированные выводы о необходимости регулирования рассматриваемого вида деятельности посредством лицензирования отсутствовали. Вместе с тем, несмотря на единство мнений о целесообразности регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений только методом властных предписаний в настоящем исследовании нами предложено использование в качестве альтернативы ему такого механизма как, саморегулирование. В частности, нами проанализирована позиция М.А. Семенихина, который основываясь на мнении председателя БелАН пришел к обоснованному выводу о возникновении запроса в некоторых отраслях экономики – в первую очередь среди организаций, оказывающих услуги (риэлтерские, туристические и т. д.) на возможность участия в процессе регулирования соответствующих отраслей [10, с. 50]. Кроме того, исследование направлений деятельности БелАН позволило нам сделать вывод о том, что именно указанное объединение смогло бы выступить в роли саморегулируемой организации в сфере оказания риэлтерских услуг.

Список использованной литературы

1. Совецание по вопросам изменения Конституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-itogam-vsenedrobnogo-obsuzhdeniya-proekta-izmeneniy-konstitucii/>. – Дата доступа: 09.10.2023.
2. Государственное регулирование риэлторской деятельности: как соблюсти баланс интересов? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/roundtable/view/gosudarstvennoe-regulirovanie-rieltorskoj-deyatelnosti-kak-sobljusti-balans-interesov-1165/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
3. Общественное обсуждение изменений в указы по вопросам риэлтерской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/actual/obshchestvennoe-obsuzhdenie-izmeneniy-v-ukazy-po-voprosam-rielterskoj-deyatelnosti/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
4. О лицензировании [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 14 октября 2022 г., № 213-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Федорова, А. Лицензирование: что изменится после принятия Закона / А. Федорова // Экономическая газета. – 2022. – 1 марта. – С. 1–2.
6. Булах, Т. А. Практические аспекты оказания риэлтерских услуг / Т. А. Булах // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 7. – С. 58–59.
7. Правовое регулирование в сфере лицензирования: мировой и отечественный опыт / В. К. Ладутько [и др.] ; под общ. ред. В. К. Ладутько ; Нац.акад.наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2022. –286 с.
8. Баранашник, М.А. Лицензирование как основной механизм регулирования риэлтерской деятельности / М.А. Баранашник// Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 63–69.
9. Баранашник, М.А. Основные научные подходы к практике правового регулирования риэлтерской деятельности/ М.А. Баранашник// Основные научные подходы к практике правового регулирования риэлтерской деятельности /М.А. Баранашник// Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып.7/ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2022. – С.58–67.
10. Семенихин, М.А. Саморегулирование экономической деятельности: перспективы развития / М.А. Семенихин Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений. Сборник научных статей. Редколлегия: О.И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 40–54.
11. Белорусская ассоциация «Недвижимость» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belan-belarus.by/>. – Дата доступа: 10.10.2023.

С. Д. Белоусова

*(Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Минск)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В БЕЛАРУСИ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ

Рассматривается текущее состояние цифровизации корпоративного права Беларуси. Обозревается опыт зарубежных в части внедрения цифровых технологий в корпоративное право. Делается вывод, что несмотря на положительный характер ряда положений белорусского корпоративного права, отечественному законодателю предстоит урегулировать еще множество вопросов.

Корпоративное право, которым руководствуются в своей деятельности юридические лица, на сегодняшний день подвержено влиянию цифровизации. В Беларуси уже внедрен ряд положительных решений, осуществляемых с помощью цифровых технологий. В частности, допускается подача документов для регистрации субъекта хозяйствования в электронном виде посредством веб-портала ЕГР, однако документы в таком случае должны быть скреплены электронной цифровой подписью [1].

Стоит отметить, что внедрение цифровых инструментов и процессов в корпоративное законодательство является общемировой тенденцией. Например, в 2019 г. была принята Директива (ЕС) 2019/1151 от 20 июня 2019 г. «О внесении изменений в Директиву (ЕС) 2017/1132 в отношении использования цифровых инструментов и процессов в законодательстве о компаниях», которая предусматривает онлайн-регистрацию компаний [2]. В отдельных штатах США внесены изменения в законы о новом виде общества, которое может использовать технологию блокчейн, однако для ее использования необходимо соблюсти два условия: предусмотреть его использование в учредительных документах и разработать специальное операционное соглашение [3].

Также белорусским законодательством о хозяйственных обществах юридическим лицам предоставлена возможность общее собрание участников (акционеров) или заседание совета директоров (в том числе проводимые в заочной или смешанных формах) проводить дистанционно с использованием систем дистанционного обслуживания (ст. 42) [4], что определенно направлено на улучшение прав тех участников, которые не могут присутствовать на собрании лично.

Отечественное законодательство под системами дистанционного обслуживания понимает электронную или иную связь, информационные сети (системы) или программно-аппаратные средства и технологии (ч. 3 ст. 14). При этом обязательно должны быть соблюдены следующие условия: а) возможность использования систем дистанционного обслуживания при проведении общих собраний участников должна быть напрямую предусмотрена в уставе хозяйственного общества, при этом устав должен предусматривать случаи и порядок их использования (ч. 3 ст. 14, ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 47); б) при направлении бюллетеня для голосования с использованием систем дистанционного обслуживания способ направления бюллетеня должен позволять достоверно установить, что соответствующий бюллетень направлен лицом, имеющим право на участие в общем собрании (ч. 1 ст. 43); в) использование систем дистанционного обслуживания должно позволять подтвердить участие лиц, имеющих право на участие в общем собрании, при этом порядок такого подтверждения должен быть указан в уставе хозяйственного общества (ч. 2 ст. 47) [4].

Проведение заседаний дистанционно допускается и российским законодательством (ч. 2 п. 1 ст. 181.2 Гражданский кодекс Российской Федерации), однако, исходя из требований данной статьи, для обеспечения законности и соблюдения корпоративных

прав участников хозяйственных обществ при проведении дистанционных собраний необходимо: 1) обеспечить надлежащую идентификацию голосующего лица, 2) обеспечить возможность участвовать в обсуждении вопросов повестки дня (что характерно для совместного присутствия), 3) точно определить волеизъявление участника гражданско-правового сообщества, чтобы не допустить нарушения его прав и злоупотреблений при проведении собраний [5]. Вместе с тем указывается на пробелы законодательства в отношении данных требований, в частности, способы идентификации лица, участвующего в собрании, в законодательстве не закреплены [6].

В Германии, где с 2022 г. законодательно разрешено проведение исключительно виртуального собрания акционеров, также установлены определенные требования к порядку его проведению. К данным требованиям относятся:

1. Трансляция всего собрания посредством видео- и аудиосвязи.
2. Осуществление права голоса акционеров посредством электронной связи, а также через доверенное лицо.
3. Право подачи ходатайств и предложений по голосованию посредством видеосвязи.
4. Акционерам предоставлено право запрашивать информацию посредством электронной связи.
5. Предоставление отчета совета директоров или его основного содержания не позднее, чем за семь дней до собрания, но только в том случае, если правление решит, что вопросы акционеров должны быть заданы в электронном виде до проведения виртуального общего собрания.
6. Акционерам предоставлено право подавать отчеты посредством электронной связи.
7. Возможность выступить на собрании посредством видеосвязи.
8. Акционерам, принимающим участие в собрании в электронной форме, предоставлено право обжалования решения, принятого общим собранием, посредством электронной связи [7].

В целом зарубежными исследователями отмечается, что возможность проведения собраний дистанционно повышает рыночную стоимость денежных средств компаний, в которых это предусмотрено. Более того, акционеры считают, что корпоративное управление укрепилось с введением такой возможности [8].

Вместе с тем остаются нерешенными множество вопросов ввиду продолжающегося развития цифровых технологий и их внедрения в деятельность компаний. Например, Е. В. Олейник указывает, что «необходимо дополнить, например, понятие, критерии и виды ответственности («цифровой ответственности») при использовании цифровых технологий должностными лицами и членами органов управления; разработать принципы безопасности цифровизации корпорации; закрепить способы защиты прав участников корпораций при применении цифровых технологий и взаимодействии с третьими лицами; разработать способы обеспечения доказательственной базы при совершении участником корпорации действий по голосованию в электронной форме; и др.» [3].

Таким образом, всемирная цифровизация затронула и белорусское корпоративное право, которое лежит в основе деятельности юридических лиц. В Беларуси уже внедрен ряд положительных решений, осуществляемых с помощью цифровых технологий: регистрации субъекта хозяйствования в электронном виде посредством веб-портала ЕГР, проведение общего собрания участников (акционеров) или заседаний совета директоров (в том числе проводимых в заочной или смешанных формах) дистанционно с использованием систем дистанционного обслуживания. Однако цифровизация корпоративного права требует дальнейшей проработки ряда вопросов, например, проблемы ответственности должностных лиц и членов органов управления при использовании ими цифровых технологий и т. д.

Список использованной литературы

1. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 16 января 2009 г., № 1 : в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Directive (EU) 2019/1151 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 amending Directive (EU) 2017/1132 as regards the use of digital tools and processes in company law [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019L1151>. – Date of access: 15.11.2023.
3. Олейник, Е. В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции [Электронный ресурс] // Гражданское право. – 2023. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
4. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 24.07.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
6. Шиткина, И. С. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства [Электронный ресурс] / И. С. Шиткина, К. В. Севеева // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 3 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
7. Stock Corporation Act [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aktg/englisch_aktg.html#p0726. – Date of access: 15.11.2023.
8. Lee, Eugenia Y. Electronic voting in shareholder meetings and the market value of cash holdings [Electronic resource] / Eugenia Y. Lee, Wonsuk Ha // International Review of Financial Analysis. – 2023. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S105752192300234X>. – Date of access: 15.11.2023.

УДК 347.121

А. А. Богустов

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ ПРАВА ЛИЦА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ

В представленной работе анализируется возможность распространения права гражданина на изображение на продукты деятельности искусственного интеллекта – цифровую фабрикацию и цифровой образ (цифровую копию личности). В частности, рассмотрены характерные черты подобных продуктов использования искусственного интеллекта и сопоставлены с признаками охраняемого изображения. Сделан вывод о том, что цифровая фабрикация нового образа и цифровой образ (цифровая копия личности) должны охватываться правом гражданина на изображение, поскольку они представляют собой лишь особый способ его создания и внешнего выражения.

Национальное законодательство Республики Беларусь об охране права гражданина на изображение в настоящее время находится на этапе становления. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 г. № Р-1145/2018 установило, что изображение гражданина представляет собой «его внешний (индивидуальный) облик

в объективированной форме, например в произведении изобразительного искусства, на фотографии или видеозаписи в конкретный момент времени» [1]. Признание Конституционным Судом Республики Беларусь необходимости регламентации указанной группы отношений в ГК привело к включению в Проект закона «Об изменении кодексов» положений, направленных на закрепление самостоятельного характера этого неимущественного права. Предполагается внести в ГК статью 153¹, в п.1 которой установлено, что «распространение и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» [2].

Признание национальным законодательством самостоятельного характера права гражданина на изображение требует помимо прочего решения двух взаимосвязанных вопросов. Во-первых, представляется необходимым определить сферу действия этого права. Во-вторых, нужно уяснить насколько развитие современных технологий способно повлиять на характер отношений возникающих по поводу изображения гражданина как особого нематериального блага. Например, российский исследователь Д.Е. Богданов высказывает мнение, что «очередная технологическая революция становится триггером в развитии концепции нематериальных благ человека» [3, с. 685].

В этой связи вызывает интерес правовой режим результатов использования искусственного интеллекта (*далее – ИИ*), затрагивающих право гражданина на изображение. К ним можно отнести два сходных, но, по нашему мнению, не тождественных продукта деятельности ИИ – цифровую фабрикацию и цифровой образ (цифровую копию личности).

Понятие цифровой фабрикации сформулировано в подготовленном ВОИС «Проекте концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта» (*далее – Проект*) [4], подготовленного в 2019 г. по итогам дискуссии «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)», В соответствии с этим документом результат использования технологии цифровой фабрикации это «генерирование сфабрикованных образов людей и их отличительных особенностей (включая, например, их голос и внешность)» (п. 14 Проекта).

Очевидно, что результаты цифровой фабрикации могут затрагивать право гражданина на изображение. На это, например, указывает п. 14 Проекта, в котором закреплено, что: «Практика цифровой фабрикации вызывает весьма неоднозначное отношение, особенно когда материалы фабрикуются без разрешения лиц, которые в них фигурируют, а также когда в них изображаются действия или взгляды, не являющиеся аутентичными». Но использование этой технологии может привести к последствиям, затрагивающим иные принадлежащие гражданину права (например, авторские права, право на честь, достоинство и деловую репутацию).

В этой связи можно выделить ситуацию, когда генерируются образы и их отличительные особенности ранее уже использовавшиеся в тех или иных произведениях (например, воспроизведение персонажей фильма для создания новых эпизодов). В данном случае создание продукта цифровой фабрикации находится вне сферы действия охраны права гражданина на изображение и должно регулироваться в рамках авторско-правовых отношений. Это следует из того, что ИИ воспроизводит ранее созданный персонаж, т.е. «некий художественный образ, который наделяется индивидуальными свойствами, позволяющими публике воспринимать творческое произведение как единое целое» [5, с. 235]. Следовательно, результат цифровой фабрикации зависит от наличия авторских прав на персонаж произведения.

Если же цифровая фабрикация преследует цель создания нового образа, то следует согласиться с тем, что их генерирование возможно лишь на основе использования и обработки уже существовавшего ранее персонажа либо изображения. В этом случае создание результата цифровой фабрикации будет правомерным только при наличии согласия правомочных в отношении упомянутых объектов лиц. То есть в указанной ситуации может возникнуть необходимость учета права гражданина на собственное изображение.

Понятие цифрового образа (цифровой копии личности) закрепляется в ст. 3 Модельного закона для государств – участников СНГ «О цифровых правах» [6] (*далее – Модельный закон*), которая определяет этот объект как «закодированная с помощью средств цифрового шифрования совокупность объемного изображения физического лица в информационной системе и информации о таком физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные, физиогномические и другие данные о нем, позволяющая с помощью технологии искусственного интеллекта имитировать поведение субъекта в виртуальной среде». Из абз. 1 ч. 1 ст. 6 Модельного закона следует, что право на цифровой образ возникает у гражданина, информацию о котором он содержит, а из ч. 3 этой же статьи вытекает, что цифровой образ не является имуществом, не включается в наследственную или иную имущественную массу.

При анализе цифрового образа (цифровой копии личности) следует учитывать, что в настоящее время общепризнанный механизм регламентации права гражданина на изображение состоит в том, что оно получает охрану независимо от формы, характера и технических характеристик фиксации и воспроизведения, целей использования. Рассматривая же изображение как основополагающий элемент цифрового образа в соответствии со ст. 3 Модельного закона можно сделать вывод, что оно носит объемный характер, фиксируется с помощью средств цифрового шифрования и воспроизводится при помощи искусственного интеллекта и имеет целью имитировать поведение субъекта в цифровой среде. То есть, Модельный закон указывает на наличие характеристик, позволяющих лишь отличить изображение, содержащееся в цифровом образе от иных форм охраняемых изображений (например, произведений изобразительного искусства, фото- и видеозаписей и т.д.), но не дающих оснований рассматривать его вне рамок существующих механизмов обеспечения этого неимущественного права гражданина.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что такие продукты использования ИИ как цифровая фабрикация нового образа и цифровой образ (цифровую копию личности) должны охватываться правом гражданина на изображение. Это обусловлено тем, что право гражданина на изображение получает охрану независимо от формы, характера и технических характеристик фиксации и воспроизведения, целей использования. Анализ позволяет выделить черты, отличающие цифровую фабрику и цифровой образ (цифровую копию личности) от иных форм охраняемых изображений (например, произведений изобразительного искусства, фото- и видеозаписей и т.д.), но не дающие оснований рассматривать его вне рамок существующих механизмов обеспечения права гражданина на изображение. Продукты использования ИИ представляют собой лишь особый способ создания изображений.

Список использованной литературы

1. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина [Электронный ресурс]: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 окт. 2018 г. № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Об изменении кодексов: Проект Закона Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей в первом чтении 22 дек. 2021 г. // Pravo.by: Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2021029011>. – Дата доступа : 30.09.2023.

3. Богданов, Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ / Д.Е. Богданов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 50. – С. 678–704.

4. Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Подготовлен Секретариатом ВОИС 13 дек. 2019 г. WIPO/IP/AI/2/GE/20/1. // Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности. – Женева, 2023. – Режим доступа: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053. – Дата доступа : 30.09.2023.

5. Копылов, А.Ю. Персонаж произведения как самостоятельный объект авторского права: теория и практика / А.Ю. Копылов // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 235–240.

6. О цифровых правах [Электронный ресурс]: Модельный закон. Принят на 55 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление от 14 апр. 2023 г. № 55-12 // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – Санкт-Петербург, 2023. – Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10. – Дата доступа : 30.09.2023.

УДК 347.2/3

Е. С. Васильева

*(БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, Гродно)*

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Автором анализируются теоретические подходы к определению понятия «недвижимое имущество», а также проводится анализ положений белорусского законодательства по вопросам недвижимости, регистрации прав на него. Обращается внимание на то, что недвижимость всегда имеет материальный характер и, как правило, имеет прочную связь с землей. По законодательству Республики Беларусь право собственности на недвижимость возникает только с момента регистрации прав на него.

Одним из объектов гражданских прав и гражданского оборота является недвижимое имущество. Только с принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) в 1998 г. данный институт получил свое дальнейшее развитие в контексте правового регулирования. Именно ГК Республики Беларусь обосновал необходимость существования таких явлений, как купля-продажа жилых помещений и иных объектов недвижимости, дарение, аренда, наследование объектов недвижимости и т.д.

Существуют различные подходы к определению понятия «недвижимое имущество». Если взять за основу исторический аспект данного понятия, то уже в Своде законов Российской империи (XIX в.) устанавливалось, что недвижимым имуществом считаются «земли и всякие угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякие строения, а также железные дороги» [8, с. 71].

Как отмечает Ю. В. Пластинина, понятие «недвижимость» неотделимо от понятия «имущество» [7, с. 7]. Действительно, когда мы говорим о недвижимости, в первую очередь, имеется в виду такое имущество, которое имеет денежную оценку, «стабильно» находится на определенной территории и в отношении его возникают у физических и юридических лиц определенные имущественные правомочия. М. Кулагин отмечает, что «имущество является недвижимым по природе или в силу их назначения...» [4, с. 111]. А. Н. Асаул, С. Н. Иванов, М. К. Старовойтов имущество понимают как «совокупность имущественных прав, принадлежащих определенному лицу» [1, с. 10]. Все определения недвижимости имеют один общий элемент – это материальность объекта гражданского права (в первую очередь, право собственности). Поэтому можно говорить о том, что недвижимое имущество определяется субъективными правами на конкретный объект недвижимости.

В качестве задачи правового регулирования недвижимости определяется необходимость преобразования отношений в сфере недвижимости с учетом потребностей экономики и создания условия для равноправного развития всех форм собственности. ГК Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о земле, Жилищный кодекс Республики Беларусь и другие нормативные правовые акты не только расширяют перечень и состав объектов недвижимости, но и устанавливают новшества в правовом режиме таких объектов. Остановимся лишь на некоторых, по нашему мнению, наиболее важных, нормативных положениях.

Конституция Республики Беларусь в ст. 44 декларирует основные подходы к праву собственности: каждому гарантируется не только право собственности, но и ее неприкосновенность; под защиту подпадает только та собственность, которая приобретена законным способом; принудительное отчуждение имущества допускается только по основаниям, установленным законодательством [3]. Но право собственности не является абсолютным, поэтому его реализация не должна противоречить общественным интересам, национальной безопасности, а также нарушать права и законные интересы других лиц.

ГК Республики Беларусь, не определяя, что такое «недвижимость» или «недвижимое имущество», в ст. 130 говорит о недвижимых и движимых вещах. Общий подход следующий: в кодексе приводится перечень недвижимых вещей, а все, что не относится к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, составляет движимое имущество. В частности, к недвижимым вещам относят «земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей», а также леса, многолетние насаждения, капитальные строения» и др. [2]. Как видим, ключевым моментом для отнесения имущества к недвижимому является тот факт, что невозможно переместить тот или иной объект без «несоразмерного ущерба» его качественным характеристикам. Законодательством Республики Беларусь к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Право собственности на недвижимое имущество возникает с момента его государственной регистрации. В Республике Беларусь в 2002 г. был принят Закон «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» [5]. Значение данного нормативного правового акта состоит в том, что на территории Беларуси охрана и защита предоставляется только собственникам, которые должным образом зарегистрировали свои права на имущество. В законе содержится определение «вновь образованного недвижимого имущества», под которым понимается земельный участок, который выделен из земель и на него еще не зарегистрированы права собственника, вновь построенные капитальные строения, незавершенные законсервированные капитальные строения и др.

Сравнительно новым и еще требующим дополнительного изучения, понимания, анализа и толкования, по нашему мнению, является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [6]. Данным постановлением был утвержден ряд положений, которые касаются порядка изъятия и предоставления земельных участков в аренду, порядка изменения категорий земель, порядка рассмотрения земельных споров и т.д. Принятие такого документа была связана с изменениями, внесенными ранее в Кодекс Республики Беларусь о земле и необходимостью приведения законодательства в области земельных правоотношений в соответствие с новой редакцией кодекса.

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует четкое определение недвижимого имущества, а содержится лишь перечень объектов, относящихся к недвижимости. Можно выделить несколько элементов, которые присущи именно недвижимому имуществу: такие объекты материальны; как правило, связаны с землей и их перемещение может привести к причинению ущерба объекту; необходима обязательная государственная регистрация его создания, изменения или прекращения существования.

Список использованной литературы

1. Асаул, А. Н. Экономика недвижимости; учебник для вузов / А. Н. Асаул, С. Н. Иванов, М. К. Старовойтов. – СПб.: АНО «ИПЭВ», 2009. – 304 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. №218-З ; принят Палатой представителей 28 октября 1998 года ; одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respuki-belarus/>. – Дата доступа : 02.11.2023.
4. Кулагин, М. Предпринимательство и право: опыт Запада / Под ред. проф. Е. А. Суханова. – М., 1992. – 144 с.
5. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2009 г., № 133 – З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 окт. 2022 г. № 209 – З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Пластинина, Ю. В. Эколого-экономическая оценка недвижимости / Ю. В. Пластинина. – Екатеринбург, 2014. – 148 с.
8. Свод законов Российской империи: в 5 т.– СПб., 1900. – Т. 10. Свод законов гражданских. – Ч. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа file:///C:/Users/hp/Downloads/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x.pdf. - Дата доступа : 14.11.2023.

УДК 342.922

О. В. Гурина

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест)

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ НАДЕЖНОСТИ ЭНЕРГОУСТАНОВОК

Автором осуществляется ретроспективное изучение правового регулирования приемки объекта в эксплуатацию, как важнейшего этапа жизненного цикла объекта строительства, на котором дается оценка его соответствия установленным требованиям. Сравнительно-правовой анализ позволил выявить, как изменение требований к приемке объекта в эксплуатацию отразилось на обеспечении требований безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок. В результате исследования обнаружена правовая коллизия.

Либерализация строительной деятельности неизбежно затрагивает сопряженные сферы, регулирующие требования к объекту строительства. Среди них следует выделить требования по обеспечению безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок, посредством которых осуществляется энергоснабжение объекта.

Важнейший этап жизненного цикла объекта строительства, на котором осуществляется оценка соблюдения указанных требований, – это приемка объекта строительства в эксплуатацию. Проведение соответствующей оценки подтверждается заключением органа государственного энергетического и газового надзора.

Ретроспективный анализ позволяет проследить динамику трансформации правовой нормы, на основании которой она производится.

До 26.02.2018 принимаемые в эксплуатацию объекты оценивались на соответствие проектной документации, а также требованиям безопасности и эксплуатационной надежности (п. 20 Положения о порядке приемки в эксплуатацию объектов строительства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.06.2011 № 716 (в ред. от 22.05.2017)).

С 26.02.2018 – на соответствие разрешительной документации, проектной документации, разработанной и утвержденной с учетом установленных законодательством требований к ее разработке и утверждению, в том числе требований безопасности и эксплуатационной надежности (абз. 36 подп. 4.4 п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства»).

Таким образом, требования безопасности и эксплуатационной надежности, как самостоятельный критерий оценки готового к эксплуатации по назначению объекта строительства, исключены, что позволяет упредить дополнительные притязания государственных органов на этапе, когда объект уже закончен строительством. Вместе с тем, детализировано, что данные требования должны быть предусмотрены на стадии проектирования. Тем самым, посредством точной и неуклонной реализации проектной документации обеспечивается соблюдение требований безопасности и эксплуатационной надежности, заблаговременно заложенных в нее.

Кроме того, появляется новый критерий оценки – соответствие разрешительной документации. В литературе отмечают позитивность данных изменений. Упреждается ситуация, когда организации, ответственные за выдачу заключений, давали отказ, «ссылаясь на то, что проектная документация не соответствует текущим строительным решениям действующего законодательства (хотя на момент окончания проектирования проект в полном объеме соответствовал законодательству)». Благодаря корректировке законодательства, «в случае если технические нормы проектирования в отношении объекта, который сдается в эксплуатацию, на стадии сдачи отличаются от тех, что действовали на период разработки проекта, будут приниматься во внимание нормы, действовавшие в периоде утверждения проектной документации» [1].

Органом государственного энергетического и газового надзора соответствующее заключение выдается в рамках административной процедуры «Получение заключения о соответствии принимаемого в эксплуатацию объекта строительства разрешительной и проектной документации (в части энергетической безопасности)» (подп. 3.9.7 п. 3.9 единого перечня административных процедур, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.09.2021 № 548).

С 23.07.2024 оценка объекта будет осуществляться исключительно на соответствие требованиям проектной документации. Предъявление требований, не предусмотренных проектной документацией, не допускается (п. 8 ст. 113 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности).

Таким образом, дальнейшее совершенствование законодательства направлено на сокращение критериев оценки объекта при его приемке в эксплуатацию.

Из общего порядка приемки объектов строительства в эксплуатацию есть исключения. Так, для граждан, получивших земельные участки до 1 сентября 2022 г. действует до 1 января 2025 г. *упрощенный порядок приемки* многоквартирных жилых домов и (или) нежилых капитальных построек пятого класса сложности на придомовой территории (подп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25.07.2022 № 253 «Об упрощенном порядке приемки в эксплуатацию объектов строительства»).

При приемке в эксплуатацию указанные объекты оцениваются приемочной комиссией по следующим критериям:

- соответствие пятому классу сложности;
- соответствие строительным нормам и градостроительной документации в части соблюдения нормируемых разрывов от границ земельного участка до возведенных (реконструированных) объектов и требований по размещению объектов (ч. 8 п. 5 Положения о порядке приемки в эксплуатацию объектов строительства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.06.2011 № 716).

Указанный арсенал критериев обусловлен возможностью приемки данных объектов в эксплуатацию без наличия разрешительной документации на их строительство (разрешения на реконструкцию) и (или) проектной документации.

Кроме того, многоквартирные жилые дома и нежилые капитальные постройки пятого класса сложности могут быть *возведены или реконструированы в упрощенном порядке* – без получения разрешений, без разработки проектной документации и без последующей приемки их в эксплуатацию (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 13.06.2022 № 202 «Об упрощенном порядке возведения и реконструкции объектов строительства»). Решение о применении упрощенного порядка принимается застройщиками самостоятельно. Воспользоваться таким порядком можно при возведении объектов на территории всей республики, за исключением г. Минска.

Следует отметить, что законодательством не предусмотрена выдача органом государственного энергетического и газового надзора заключения о соответствии принимаемого в эксплуатацию объекта пятого класса сложности, финансируемого физическим лицом. В связи с чем введение указанных упрощенных порядков в этой части не повлекло изменение системы мер по обеспечению безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок. Их реализация, как правило, осуществляется при подключении энергоустановок. Как справедливо отмечает Министр архитектуры и строительства Р. Пархамович «нужно понимать, что после того, как построили дом, его нужно будет подключить к сетям. Это нужно будет делать в соответствии с действующим законодательством. То есть если не будут соответствовать какие-то параметры дома, то газовые, электрослужбы заставят все привести в порядок, чтобы обеспечить безопасность» [2].

Присоединение энергоустановок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан к электрическим (тепловым) сетям производится при наличии соответствующего акта осмотра (допуска), определяющего возможность их подключения. Выдача указанного акта осуществляется органом государственного энергетического и газового надзора в рамках административных процедур. При этом законодательство об административных процедурах предусматривает предоставление заинтересованным лицом копии технических условий на присоединение электроустановок (теплоустановок) и проектной документации на объект электроснабжения (теплоснабжения) (п.п. 10.5 и 10.6 перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200; подп. 3.7.1 и 3.7.2 п. 3.7 единого перечня административных процедур, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.09.2021 № 548; подп. 2.1 п. 2 Регламента административной процедуры, осуществляемой в отношении субъектов хозяйствования, по подпункту 3.7.1 «Получение акта осмотра (допуска) электроустановки» и подп. 2.1 п. 2 Регламента административной процедуры, осуществляемой в отношении субъектов хозяйствования, по подпункту 3.7.2 «Получение акта осмотра (допуска) теплоустановки и (или) тепловой сети», утвержденных постановлением Министерства энергетики Республики Беларусь от 29.11.2022 № 39).

Таким образом, существует логическая несогласованность норм права, в соответствии с которыми при возведении и реконструкции некоторых объектов разрешительная и (или) проектная документация не требуется, в связи с установленным изъятием из общего правила, однако для обеспечения их энергоснабжения она необходима.

Разрешение неоднозначного понимания норм права на основании правил о коллизиях осложняется потенциальной опасностью энергоустановок для жизни и здоровья людей, риском возникновения пожаров. Так, за 8 месяцев 2023 года в стране произошло 26 случаев, в результате которых погибли 12 человек, в том числе двое несовершеннолетних [3].

В целом, следует отметить, что в случаях введения принципиально новых подходов правового регулирования в определенной сфере общественных отношений подготовка проектов нормативных правовых актов должна осуществляться пакетным принципом. В пакет проектов нормативных правовых актов включаются проект основного нормативного правового акта, а также проекты нормативных правовых актов, конкретизирующие или направленные на установление порядка реализации проекта основного нормативного правового акта. Введение в действие нормативных правовых актов, включенных в пакет нормативных правовых актов, осуществляется одновременно либо, если это не противоречит основному нормативному правовому акту, с минимальным промежутком времени (п. 1 ст. 44 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах»).

Учитывая, что упрощенный порядок возведения и реконструкции многоквартирных жилых домов и (или) нежилых капитальных построек пятого класса сложности имплементирован в будущее законодательство – Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (ст. 82), который вступит в законную силу с 23.07.2024, – сложившаяся ситуация требует однозначного законодательного разрешения на основе принципа разумности с обеспечением необходимого уровня безопасности. Возможным способом разрешения коллизии может стать установление изъятия для потенциально опасных сфер из данного упрощенного порядка либо установление дополнительных требований к составу и содержанию паспорта застройщика, направленных на нейтрализацию угроз жизни и здоровью граждан, предупреждение пожаров.

Итак, в результате либерализации в сфере строительства установлено несколько порядков осуществления строительной деятельности:

- общий порядок, предусматривающий наличие разрешительной и проектной документации и приемку в эксплуатацию объекта строительства;
- упрощенный порядок для многоквартирных жилых домов и (или) нежилых капитальных построек пятого класса сложности на придомовой территории, предусматривающий приемку в эксплуатацию без наличия разрешительной документации на их строительство (разрешения на реконструкцию) и (или) проектной документации;
- упрощенный порядок для многоквартирных жилых домов и нежилых капитальных построек пятого класса сложности, предусматривающий возведение и реконструкцию объектов без получения разрешений, без разработки проектной документации и без последующей приемки их в эксплуатацию.

Общий порядок предусматривает оценку объекта на соответствие требованиям безопасности и эксплуатационной надежности, заложенным в проектную документацию. При упрощенном порядке приемки объектов этот критерий не применим. При упрощенном порядке возведения и реконструкции приемка объекта в эксплуатацию не осуществляется, как следствие, оценка соответствия указанным критериям не производится.

Таким образом, оценка энергоустановок на соответствие требованиям безопасности и эксплуатационной надежности, заложенным в проектную документацию, осуществляется только при общем порядке приемки объекта в эксплуатацию. Реализация мер по обеспечению безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок при их подключении в рамках упрощенных порядков сопряжена с коллизией в правовом регулировании.

Учитывая, что правоотношения по осуществлению энергоснабжения объектов обусловлены необходимостью соблюдения требований по обеспечению безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок, направленных на нейтрализацию угроз

жизни и здоровью граждан, предупреждение пожаров, сложившая ситуация требует однозначного законодательного разрешения на основе принципа разумности с обеспечением необходимого уровня безопасности. Возможным способом разрешения коллизии может стать установление изъятия для потенциально опасных сфер из данных упрощенных порядков либо установление дополнительных требований к составу и содержанию паспорта застройщика.

Список использованной литературы

1. Анискевич, А. В. Основные изменения в законодательстве для строительных организаций в 2018 году [Электронный ресурс] / А. В. Анискевич // iLex / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. «Коренное упрощение механизма». Пархамович пояснил, как нынче построить частный жилой дом» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/korennoe-uproschenie-mehanizma-parhamovich-pojasnili-kak-nyynche-postroit-chastnyj-zhiloj-dom-510243-2022/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

3. Как часто в быту случаются электротравмы и как их избежать [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kak-chasto-v-bytu-sluchajutsja-elektrotravmy-i-kak-ih-izbezhat-589750-2023/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

УДК 366.5

А. Е. Ефименко, В. С. Климченя

(Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Минск)

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается правовое регулирование защиты прав потребителей по законодательству Российской Федерации в котором существенной проблемой является определение судом размера компенсации морального вреда потребителю с учётом принципа разумности и справедливости. Общепринятые критерии и методы расчета такой компенсации в настоящее время законодательно не закреплены. В целях приведения к единообразию судебной практики расчета размеров компенсации морального вреда предлагается на законодательном уровне закрепить критерии и методы расчета такой компенсации с соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

В соответствии Конституцией Российской Федерации «...человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2), «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (часть 1 статьи 46).

Исходя из указанных конституционных положений обеспечение и судебная защита прав такой категории граждан как потребители на приобретение качественных, безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды товаров, работ и услуг являются одним из важных направлений государственной социальной политики России.

В целях обеспечения национальных интересов в области защиты прав потребителей в Российской Федерации в 2017 году принята «Стратегия государственной политики в области защиты прав потребителей на период до 2030 года», которая содержит восемь национальных стратегических приоритетных направлений, касающихся правовой, экономической и социальной сферы обществ и государства.

Вместе с тем, несмотря на особое внимание государства к рассматриваемой сфере, изучение юридической литературы и судебной практики свидетельствует, что в настоящий период среди ученых и практиков активно обсуждаются спорные вопросы защиты прав потребителей как слабой стороны отношений, что особенно проявляется при определении размера компенсации морального вреда этой категории, а также защиты прав продавцов, изготовителей заказов (работ), исполнителей услуг, уполномоченных организаций, индивидуальных предпринимателей, импортеров, в случаях установления фактов злоупотребления правом со стороны потребителя и др.

В продолжении дискуссии по рассматриваемой тематике следует отметить, что в настоящий период в Российской Федерации сформирована необходимая законодательная основа обеспечения защиты прав потребителей товаров, работ и услуг которая сложилась, в том числе, и с учетом международного опыта, стандартов и положений, в частности Руководящих принципов защиты интересов потребителей, принятых Организацией Объединенных Наций резолюцией 39/248 от 9 апреля 1985 г.

Анализ законодательства в рассматриваемой сфере дает основания утверждать, что общественные отношения в области защиты прав потребителей регулируются как нормами частного, так и публичного права.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержится ряд глав и параграфов, нормы которых регулируют отношения потребителей с иными контрагентами по поводу заключения, исполнения и прекращения определенного вида договоров, например: о передаче имущества в собственность – розничная купля-продажа (параграф 2 глава 30 ГК РФ); о выполнении работ – бытовой подряд (параграф 2 глава 37 ГК РФ); об оказании возмездных услуг – связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, по обучению, туристических и др. (глава 39 ГК РФ) и др.

Нормы о защите прав потребителей содержатся в специальных федеральных законах, которые относятся к гражданскому законодательству, а именно: «О банках и банковской деятельности», «О потребительском кредите (займе)», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», «О связи» и др.

Кроме того, положения о защите прав потребителей имеются в законодательных актах, регулирующих сферу транспортных перевозок: Воздушный кодекс Российской Федерации; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации; Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации и др.

Основным законодательным актом, регулирующим защиту прав потребителей на получение качественных, безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды товаров, работ и услуг, является Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), в котором законодатель закрепил «...целый ряд преференций для потребителей как объективно более слабой стороны в соответствующих правоотношениях, нуждающейся в дополнительных гарантиях защиты собственных прав и интересов, предоставленных потребителям Гражданским кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами» [1].

Так, соответствии Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях за нарушение прав потребителей, выразившихся в его обмане, умалении прав по договору, предоставлении плохого качества товаров и услуг, к виновным субъектам отношений применяется административная ответственность (глава 14, статьи 14.4, 14.7, 14.8, 14.15).

В свою очередь, за совершение деяний, связанных производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потре-

бителей, а равно неправомерными выдачей или использованием официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, виновные лица подлежат привлечению к уголовной ответственности в соответствии со статьей 238 Уголовно Кодекса Российской Федерации.

Закон о защите прав потребителей предусматривает защиту прав граждан – потребителей товаров, работ и услуг в досудебном порядке, т.е. претензионное производство (статьи 18 и 19) и в судебном порядке (статья 17).

Досудебный порядок не является обязательным при защите прав потребителей, однако позволяет сторонам по требованию потребителя к неисправной (виновной) стороне (продавцу товара, изготовителю заказа (работ), исполнителю услуг) самостоятельно урегулировать возникшие разногласия и добровольно удовлетворить обоснованные требования потребителя, что позволяет в разумные сроки восстановить нарушенное право.

Судебная защита нарушенных прав потребителей осуществляется судом, «...иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту: нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, – его жительства; жительства или пребывания истца; заключения или исполнения договора» (статья 17).

Имущественная ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги) взыскивается в соответствии со статьей 14 Закона о защите прав потребителей.

Согласно пункта 2 указанной статьи «...право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с продавцом (исполнителем) или нет». При этом «...вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме» (пункт 1) и «...подлежит возмещению, если вред причинен в течение установленного срока службы или срока годности товара (работы)» (пункт 3).

В соответствии со статьей 13 Закона о защите прав потребителей, за нарушение прав потребителей неисправная сторона (продавец, изготовитель, исполнитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) несет ответственность, предусмотренную законом или договором. К виновнику применяются следующие меры ответственности: возмещение убытков, уплата неустойки (пени), а также может взыскиваться штраф (пункты 2, 3, 5, 6).

Отдельно необходимо обратить внимание, что потребитель наряду с требованием о возмещении убытков и уплаты неустойки (пени) наделен правом требования о компенсации морального вреда вследствие виновного нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, а также при наличии у потребителя в связи с этим нравственных или физических страданий.

В статье 15 Закона о защите прав потребителей установлено, что «...компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков», при этом «...размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда».

Вместе с тем в пункте 45 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъясняется, что «...размер присуждаемой потребителю компенсации морального вреда в каждом конкретном случае должен определяться судом с учетом характера причиненных потребителю нравственных и физических страданий

исходя из принципа разумности и справедливости». При этом для решения судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда «...достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя» [2, п. 45].

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» указано, что суду при разрешении спора о компенсации морального вреда «...необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности ...» [3, п. 25].

Законодатель совершенно справедливо предоставил суду право определять размер компенсации морального вреда, а также всесторонне оценивать заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела. Однако именно данные положения при принятии судом решения о размере присуждаемой потребителю компенсации морального вреда и порождают определенные разногласия между сторонами гражданского судопроизводства ввиду отсутствия определенности судебной правоприменительной практики, в частности установленных законодателем «...критериев определения размера компенсации вреда при нарушении отдельных субъективных прав граждан в целях индивидуализации применяемого способа защиты» [4, с. 60].

ГК РФ не устанавливает минимальных и максимальных пределов выплат компенсации морального вреда потерпевшему, что, по мнению ученых, практикующих юристов, граждан и других заинтересованных лиц, не способствует единообразию судебной правоприменительной практики, анализ которой свидетельствует, что в различных субъектах Российской Федерации по типичным фактам нарушения прав потребителей (сходным обстоятельствам дела), размер компенсации морального вреда может существенно отличаться, что в принципе противоречит целям правового регулирования [5, с. 24–25].

Также специалисты обращают внимание, что «...за последние 20 лет уровень присуждаемой компенсации морального вреда при посягательстве на жизнь или здоровье принципиально не вырос. Негласно сложившиеся когда-то нормы компенсации продолжают отражаться в судебных актах, несмотря на то что с 2000 по 2023 г., согласно официальным данным роста накопленная инфляция составила 739%(!). Иначе говоря, 500 тыс. руб., присужденных в январе 2000 г. за деликт, повлекший тетраплегию, по своей реальной ценности в январе 2023 года будут идентичны 4,1 млн руб. Но суды продолжают придерживаться негласных нормативов в абсолютных цифрах, несмотря на то что за эти годы покупательная способность рубля на фоне накопленной инфляции упала в несколько раз» [6, с. 30–31].

Так, ученые, исследующие механизм компенсации морального вреда, предлагают закрепить в законодательстве общие и частные (дополнительные к общим) критерии определения компенсации морального вреда, в случаях, предусмотренных законодательством [4, с. 62, 69].

Специалисты считают, что методика А. М. Эрделевского, предложенная для расчета размера компенсации морального вреда заслуживает особого внимания, так как предложенная им формула и поправочные коэффициенты позволяют наиболее справедливо рассчитать сумму компенсации морального вреда потерпевшему, в зависимости от вида правонарушения (определить адекватность степени нравственных и физических страданий потерпевшего), что абсолютно применимо к компенсации морального вреда при защите прав потребителей [7, с. 227–243].

В 2019 году Ассоциацией юристов России создана Комиссия по определению размеров компенсаций морального вреда, которая на основе анализа зарубежного и отечественного опыта разработала и опубликовала Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека (критерии и методы расчета).

Взаимодействуя с Верховным Судом Российской Федерации отдельные предложения Комиссии по определению размеров компенсаций морального вреда нашли свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», что несомненно несет позитивные изменения в судебной правоприменительной практике судов всех уровней по взысканию компенсации морального вреда.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Защита прав потребителей в Российской Федерации базируется на системе законодательных актов и осуществляется на уровне гражданского, административного и уголовного законодательства.

2. Основным законодательным актом, регулирующим защиту прав потребителей на получение качественных, безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды товаров, работ и услуг, является Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей».

3. При нарушении прав потребителя к виновной стороне применяются следующие меры ответственности: возмещение убытков, уплата неустойки (пени), а также может взыскиваться штраф и компенсация морального вреда.

4. Размер компенсации морального вреда в каждом конкретном случае определяться судом с учетом характера причиненных потребителю нравственных и физических страданий исходя из принципа разумности и справедливости. Однако по типичным фактам нарушения прав потребителей (сходным обстоятельствам дела) определяемая сумма выплат в счет компенсации морального вреда в различных субъектах Российской Федерации может существенно отличаться, что в принципе противоречит целям правового регулирования и свидетельствует об отсутствии единообразной судебной правоприменительной практики.

5. В целях приведения судебной правоприменительной практики к единообразию по вопросам расчета размера компенсации морального, немущественного вреда целесообразно взять за основу Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека, провести их экспертное обсуждение и закрепить на законодательном уровне критерии и методы расчета такой компенсации с соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Стратегия государственной политики в области защиты прав потребителей на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2017/09/15/strategiya-dok.html>. Дата доступа: 07.11.2023.

2. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/67c2feb0415f05ad45103eb174c924de58adbe8b/. Дата доступа: 07.11.2023.

3. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/c3ae0e20f7f4bbbcd4796614b570b71c93f54d5e/. Дата доступа: 07.11.2023.

4. Малеина, М. Н. Система критериев определения компенсации немущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2015. – № 5(221). – С. 59-73.

5. Хавжокова, З. Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско- правового регулирования. Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2009. – 28 с.

6. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. – Москва : М-Логос, 2023. – 82 с.

7. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда / А.М.Эрделевский. – Москва : Р.Валент, 2007. – 272 с.

УДК 347.622.2

Н. А. Журович

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ И МНЕНИЯ РЕБЕНКА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются правовые основания получения согласия или выражения мнения ребенка при определении его места жительства с отдельно проживающим родителем; при усыновлении; при изменении фамилии, имени, отчества ребенка при усыновлении; при изменении имени ребенка, если он фактически носит другое собственное имя; при восстановлении в родительских правах. Анализируется судебная практика. Приведен анализ норм зарубежного законодательства, устанавливающего возраст ребенка, при достижении которого необходимо учитывать его мнение или получать согласие. Автор вносит предложение по совершенствованию законодательства.

Появляясь на свет, ребенок не выбирает дату рождения, место, родителей и родственников. Такое появление является результатом решения одного или обоих родителей. Это одно из немногих важных действий, которые осуществляются в семейных правоотношениях без учета мнения или согласия ребенка. В других же случаях, таких как изменение имени и фамилии ребенка, восстановлении в родительских правах, согласии ребенка на усыновление, изменении имени, отчества и фамилии, при совершении записи усыновителей в качестве родителей усыновленного ребенка, при наступлении последствий отмены усыновления, определении места жительства ребенка с отдельно проживающим родителем, уполномоченные должностные лица должны учитывать мнение или согласие ребенка. Причем, в отдельных случаях необходим лишь учет его мнения, а в других – получение согласия.

В своих работах Д.В. Штыков и Н.О. Курчинская-Грассо пишут о различных дефинициях понятий «мнение ребенка» и «согласие ребенка». Штыков Д.В. указывает, что «учет мнения предполагает, что при решении того или иного вопроса мнение лица принимается во внимание, но следовать ему не обязательно, достаточно прислушаться к этому мнению и по возможности придерживаться его. Получение же согласия, напротив, подразумевает не только учет мнения, но и обязательное получение одобрения на совершение того или иного действия» [1, с. 20; 2, с. 17].

В отличие от Семейного кодекса Российской Федерации (ст. 57) Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) не содержит такой статьи, позволяющей систематизировать институты, в которых необходимо получение согласия или мнения ребенка. В нашей работе мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся случаи, когда это необходимо.

При расторжении брака и отдельном проживании родителей должен быть разрешен вопрос с кем останется ребенок. Если ребенок достиг возраста 10 лет, органы опеки и попечительства или суд должны выяснить его мнение [3]. Оно высказывается при проведении беседы с ребенком, исследовании условий его жизни и учебы. Иногда это мнение однозначно и ребенок точно знает с кем и почему хочет остаться. Причем со вторым

родителем связь не прерывает, настроен на общение и периодическое проживание. Бывают случаи, когда ребенок не может однозначно решить с кем хотел бы остаться, тогда органы опеки и попечительства учитывают и другие обстоятельства: пол ребенка, расстояние от дома родителя до школы, занятость родителей и т.д.

Законодательство ряда зарубежных стран при разрешении вопроса учета мнения ребенка при определении места его жительства, часто не содержит единого установленного возраста. Так, в США с 1970-х годов, только 16 штатов законодательно закрепили обязанность судей рассматривать споры об опеке с учетом предпочтений ребенка. Более 30-ти штатов включили такие нормы с указанием конкретного возраста – 12 лет. Законодательство штатов Джорджия и Западная Вирджиния устанавливают, что ребенок в возрасте 14 лет имеет «абсолютное право» выбрать родителя, с которым он будет проживать. Массачусетс – единственный штат, который не учитывает мнение ребенка при определении опеки над ним [4, с. 155; 5, с. 5].

«Право голоса ребенка» было закреплено в Англии в 1985 году. Ребенок получил право принимать свои собственные решения, когда он достигнет достаточного понимания и интеллекта [6, с. 34].

В Германии ребенок получает право высказать свое мнение суду с 3-х летнего возраста, а уже с 14-ти лет может сам определить с кем из родителей ему остаться [7, с. 80].

В Греции ребенок заслушивается в судебных разбирательствах, но его мнение принимается во внимание в зависимости от зрелости [8, с. 100].

В приведенных примерах мы видим, что некоторые государства, если считают необходимым учет мнения ребенка, не указывают конкретный возраст, а основываются на уровне зрелости, когда он сам может принимать решение. В последнем случае, на наш взгляд, это будет субъективной оценкой суда, либо психологов, либо других уполномоченных лиц.

В соответствии со ст. 130 КоБС «лицо, которое достигло возраста 10-ти лет и подлежит усыновлению должно выразить на это согласие» [3]. При проведении беседы с ребенком органы опеки и попечительства должны рассказать о том, что собой представляет усыновление и какие правовые последствия наступают, а именно, правоустанавливающие – между ребенком и усыновителями возникают такие же права и обязанности как между биологическими родственниками, и правопрекращающие - между ребенком и его биологическими родителями, а также и другими родственниками все права и обязанности прекращаются.

О предстоящем усыновлении, его сущности и правовых последствиях может быть извещен и ребенок, не достигший 10-ти летнего возраста. Несмотря на отсутствие необходимости обязательного получения от него согласия на усыновление, в случае его отрицательного отношения к будущему усыновлению или конкретно к лицам, желающим его усыновить – это должно быть учтено органом опеки и попечительства при даче соответствующего заключения.

Законом также предусмотрены случаи, когда усыновление может быть произведено без получения согласия от лица, достигшего 10-ти летнего возраста. К этим случаям отнесено проживание ребенка в семье усыновителей, которых он считает своими родителями.

За усыновленным ребенком сохраняется фамилия, имя и отчество. Однако, по просьбе усыновителей это может быть изменено. Статья 132 КоБС указывает обязательное получение на это согласия, если ребенок достиг 10 лет [3]. Аналогично решается вопрос о замене фамилии 10-ти летнего ребенка, если при прекращении брака, признании брака недействительным, а также вступлении в новый брак родитель желает изменить фамилию ребенка (ст. 70 КоБС).

Без указания конкретного возраста получения согласия на изменение имени указано в ст. 71 КоБС при условии, что ребенок до 16-ти лет фактически носит не то собственное имя, которое ему было дано при регистрации. Однако к согласию ребенка добавляется обязательное согласие на это органа опеки и попечительства [3].

В Семейном кодексе Российской Федерации указан случай получения согласия на замену имени и (или) фамилии, если ребенок рожден от лиц, не состоящих в браке между собой, и отцовство в законном порядке не установлено, орган опеки и попечительства исходя из интересов ребенка вправе разрешить изменить его фамилию на фамилию матери, которую она носит в момент обращения с такой просьбой (ст. 59) [9].

Статья 84 КоБС содержит требования как об учете мнения ребенка, так и получения его согласия при разрешении вопроса о восстановлении в родительских правах его родителей. Так, если восстановление в родительских правах соответствует интересам ребенка и при этом он не усыновлен, органы опеки или суд должны учитывать мнение ребенка, а если ребенок достиг 10-ти лет, то необходимо его согласие [3].

Анализ судебной практики дает основания сделать вывод о том, что определенная часть таких дел заканчиваются без восстановления в родительских правах. В качестве примера можно привести материалы дела суда Железнодорожного района г. Гомеля от 09.09.2022г, где было установлено, что ребенок воспринимает отца как пассивного, безответственного и безинициативного человека, избегает разговоров и встреч. В мотивировочной части решения суд констатировал, что между отцом и дочерью не сформировано детско-родительских отношений, ребенок не воспринимает отца как близкого человека и не желает с ним общаться. В связи с этим, несмотря на другие обстоятельства, суд посчитал приоритетным мнение ребенка и его интересы и пришел к выводу, что юридически восстановление не установит связь между родителем и ребенком. Для того, чтобы отец заслужил доверие и расположение ребенка необходимо было еще до суда попытаться наладить с ним контакт [10].

Примером противоположного разрешения вопроса о восстановлении в родительских правах в отношении двух несовершеннолетних детей можно назвать дело суда Ивацевичского района от 22.11.2022 своей г. Здесь в ходе беседы с судьей в присутствии педагога, несовершеннолетняя дочь высказала однозначное желание возвратиться к своей маме, которая выступала истцом. Мать положительно характеризовалась всеми участниками процесса - она перестала злоупотреблять алкоголем, интересуется жизнью детей, звонит им и имеет искреннее желание быть восстановленной в родительских правах. [11]. В этом примере удачно сложились и характеристики истицы, и мнение детей, и оценка суда по этому вопросу.

Изучив случаи обязательного получения согласия и мнения ребенка в семейных правоотношениях, следует отметить, что белорусский законодатель посчитал, что в 10-ти летнем возрасте ребенок уже должен понимать значение своих действий и возможные последствия их совершения. Однако после принятия в 1999 году КоБС прошло больше 20 лет, за это время произошел значительный скачок в информационном и техническом развитии, дети стали более понимающими и образованными. И, соответственно, выражать мнение, согласие, и, в общем, принимать участие в жизни своей семьи могут раньше установленного возраста.

Список использованной литературы

1. Штыков, Д.В. Категория «согласие» среди основных понятий в семейном праве Российской Федерации: автореф. Дис. ...канд.юрид.наук. М., 2010. – 30с.
2. Курчинская-Грассо, Н.О. Проблемы учета мнения ребенка при разрешении трансграничных споров о защите прав опеки и прав доступа / Н.О. Курчинская-Грассо // Международное право. – 2019. - №3. – С. 14–22.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года № 278-3 / [Электронный ресурс]. – принят палатой Представителей 3 июня 1999 года, одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278>.

4. Sanford N. Katz Family Law in America Oxford University Press, 2015.
5. Худякова, О.Ю. Осуществление родительских прав после развода родителей по законодательству США / О.Ю. Худякова // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 6. – С. 5–9.
6. Douglas, Gillian Changing concept of family and challenges for law: England/Wales / European family law volume II. – С. 22-39.
7. Martiny, Dieter Changing concept of family and challenges for law: Germany/ European family law volume II. – С. 65-86.
8. Zervogianni, Eleni Changing concept of family and challenges for law: Greece/ European family law volume II. – С. 86-108.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ / [Электронный ресурс]. – принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
10. Решение суда от 10 сентября 2022 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/card/750396>.
11. Решение суда от 22 ноября 2022 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/card/911758>.

УДК 339.564:630

С. П. Кацубо

(Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого, Гомель)

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ИННОВАЦИОННОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается формирование нормативно-правовой основы регулирования агропромышленного производства на инновационном пути развития экономики Республики Беларусь, совершенствование правового обеспечения развития аграрных отношений.

Состояние инновационной деятельности в любом государстве является важнейшим индикатором развития общества и его экономики. В настоящее время для Республики Беларусь, как и для других стран мира актуален инновационный путь развития экономики. Общий подход к инновационному развитию состоит в том, что оно обеспечивает рациональную «организацию и управление производством при системной увязке и согласованности деятельности менеджерских структур и функционально-технических подразделений на основе использования прогрессивных методов менеджмента, обеспечения принятия оптимальных управленческих решений, соответствующих рыночным конкурентным условиям» [7].

Учитывая актуальность инноваций для достижения социально-экономических целей, вопросы активизации инновационной и инвестиционной деятельности определены как один из приоритетов развития Республики Беларусь.

В условиях курса на модернизацию и инновационное развитие национальной экономики Республики Беларусь все большую актуальность приобретает проблема правового регулирования инновационной деятельности, в том числе и в аграрной сфере. Следует отметить, что в Республике Беларусь ведется активная работа по формированию действенного инновационного законодательства.

Правовую основу обеспечения инновационной деятельности в целом заложил ряд нормативных правовых актов: законы Республики Беларусь: от 19 января 1993 года

«Об основах государственной научно-технической политики»; от 21 октября 1996 года «О научной деятельности»; от 5 мая 1998 г. № 157-3 «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь»; от 10 июля 2012 г. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»; декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002 г. № 7 «О совершенствовании государственного управления в сфере науки», положения Указа Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы»; и др.

В 2003 году постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1016 была утверждена Концепция инновационной политики на 2003–2007 годы, одной из основных задач которой определялось формирование и содействие развитию инновационной инфраструктуры, в том числе создание венчурных либо страховых фондов, дальнейшего развития технопарков и т.п.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2003 г. № 1685 утверждается комплекс мер по стимулированию развития предпринимательства и дополнительному созданию объектов инфраструктуры поддержки и развития малого предпринимательства. Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136 утверждается Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы, главная цель которой – перевод национальной экономики в режим интенсивного инновационного развития в рамках белорусской экономической модели.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 августа 2010 г. № 1196 «О некоторых вопросах регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности» утверждаются: Положение о порядке разработки, финансирования и выполнения государственных программ научных исследований; Положение о порядке организации и проведения государственной научной экспертизы; и др.

Нормативная правовая база, регулирующая инновационную деятельность, значительно совершенствуется принятием закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» от 10 июля 2012 г. [1]. При разработке нормативных правовых актов особое внимание уделяется созданию эффективного механизма правового регулирования инновационной деятельности, в котором ключевое место должны занимать правовые инструменты государственного стимулирования и поддержки инновационной деятельности.

Указом Президента Республики Беларусь 17 июля 2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике» в целях развития агропромышленного комплекса и совершенствования механизмов оказания государственной поддержки субъектам, осуществляющим деятельность в области агропромышленного производства, обозначено, что государственная аграрная политика является одним из направлений внутренней политики Республики Беларусь, обеспечивающим стимулирование повышения эффективности агропромышленного комплекса на базе совершенствования специализации сельскохозяйственного производства и его организационно-экономической структуры, рационального использования земель и государственной поддержки агропромышленного комплекса [4].

Среди основных целей государственной аграрной политики было указано повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для обеспечения сбалансированности внутреннего продовольственного рынка и наращивания экспортного потенциала; формирование эффективного рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия с развитой инфраструктурой, в том числе путем повышения эффективности производственно-экономической деятельности субъектов, осуществляющих деятельность в области агропромышленного производства; создание благоприятного инвестиционного климата и увеличение объема инвестиций в агропромышленный комплекс, гарантируется поддержка образования, науки и инновационной деятельности в агропромышленном комплексе [п. 6.6., 4].

Данные вопросы нашли свое отражение и в Программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, а так же в Программе инновационного развития на последующее пятилетие (2016–2020 годы).

Конкретизированы основные направления инновационного развития аграрных отношений в Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 марта 2016 г. № 196 [5]. В целях создания условий для организации в Республике Беларусь высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла Указом Президента Республики Беларусь от 8 августа 2016 г. № 300 «Об организации высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла» ставится задача осуществить реализацию высокоприоритетного, экспортноориентированного и импортозамещающего инвестиционного проекта «Организация высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла на 2016–2032 годы», предусматривающего строительство и ввод в эксплуатацию объектов высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла и объектов инфраструктуры агропромышленного производства; объектов инженерной и транспортной инфраструктуры до территории агропромышленного производства; многоквартирных жилых домов для работников закрытого акционерного общества «Белорусская национальная биотехнологическая корпорация».

В Директиве Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» отмечается, что «агропромышленный комплекс и его базовая отрасль – сельское хозяйство – являются для нашей страны ведущими системообразующими сферами экономики, формирующими рынок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и социальный потенциал на территории сельской местности» [3]. Подчеркивается, что в условиях инновационного развития экономики перед субъектами агропромышленного производства ставятся новые задачи, намеченные директивными требованиями по повышению эффективности аграрной экономики, среди которых производство сельскохозяйственной продукции с учетом модернизации и инновационного развития сельскохозяйственного производства, стимулирование создания новых производств, в том числе с привлечением средств иностранных субъектов.

В целях повышения конкурентоспособности национальной экономики с учетом обеспечения ее инновационного развития Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, направленная на обеспечение реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы в области эффективных инвестиций и ускоренного развития инновационных секторов экономики, основных направлений государственной инновационной политики, приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы и дальнейшему развитию национальной инновационной системы.

В главе 7 Программы среди направлений формирования и ускоренного развития наукоемких и высокотехнологичных секторов национальной экономики в том числе указаны агропромышленные и продовольственные технологии, в рамках которых планируется реализация широкого спектра проектов: развитие органического сельского хозяйства на основе аутентичного растительного сырья; повышение уровня защиты в сфере биологической безопасности животных путем внедрения принципиально новых кормовых добавок, профилактических и лечебных препаратов для дезинфекции животноводческих помещений, предупреждения заболеваемости скота; производство пищевых продуктов с заданными свойствами с использованием биологически активных веществ и их комплексов на основе местных видов экологического сырья; внедрение роботизированных систем выполнения производственных операций для создания животным комфортных, соответству-

ющих биологическим потребностям условий содержания; расширение генофонда животных и растений на основе селекционно-генетических разработок; организация высокотехнологических агропромышленных производств полного цикла, и др. [2].

Основная цель совершенствования системы нормативного правового регулирования инновационной деятельности – создание благоприятной для инновационной деятельности правовой среды. Задачами являются: создание системы законодательства, комплексно и на основе единых принципов регулирующей отношения, возникающие при осуществлении инновационной деятельности; совершенствование механизмов финансирования и поддержки инновационного развития [10].

Правовое регулирование аграрных отношений в значительной степени строится с учетом субъектного состава участников этих отношений, в первую очередь тех лиц, которые непосредственно заняты производством сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья и осуществлением других видов деятельности, обеспечивающих функционирование аграрного рынка. Следует согласиться с рядом авторов в том, что многообразие организационно-правовых форм, в которых ведется аграрное производство, и направлений деятельности, связанных с аграрным сектором экономики, требует выработки определенных правовых рекомендаций по регулированию данной сферы общественных отношений, которая в настоящее время не имеет единообразного правового понимания [6, 8, 10]. Авторами подчеркивается такой недостаток правового регулирования инновационной деятельности субъектов агропромышленного производства на данном этапе развития аграрного законодательства как отсутствие четких правовых рекомендаций, в каких именно формах эта деятельность должна осуществляться различными субъектами агропромышленного производства. Правовой инструментацией инновационного развития АПК ограничен в основном использованием программно-целевого механизма, связанного с разработкой долгосрочных программ социально-экономического развития.

Таким образом, на основе проведенного исследования приходим к следующему:

1) в Республике Беларусь в целом сформированы институциональные основы совершенствования национальной инновационной системы;

2) законодательство, регулирующее инновационную деятельность в сфере агропромышленного производства и инновационные отношения в АПК формируется на основе общего правового регулирования инновационной деятельности;

3) правовой механизм, обеспечивающий инновационное развитие аграрного сектора, ограничен в основном программно-целевым планированием;

4) существует необходимость более четкого определения нормативных критериев включения организаций и иных субъектов агропромышленного производства в состав АПК с целью выработки единообразных требований при ведении экономических видов деятельности, в том числе инновационной; конкретизация субъектного состава АПК и специфики их деятельности позволит эффективно реализовать программные цели и направления инновационного развития аграрных отношений;

5) в качестве основных направлений инновационного и научно-технического развития следует поддержать предложения о направлении усилий на создание и развитие малых и средних инновационных предприятий, наращивании доли инновационно активных организаций, а также на ежегодное увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции [9].

Список использованной литературы

1. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. //Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 // Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли: Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 //Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. О государственной аграрной политике: Указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347//Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. О Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016-2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 585: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 марта 2016 г. № 196//Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. Малкина, И. В. Правовые аспекты определения понятия и содержания агропромышленного комплекса / И. В. Малкина // Право.by. – 2012. – № 3. – С. 85–89.

7. Мясникович, М.В. Инновационное законодательство для сильной и процветающей Беларуси//Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы. Сборник докладов и тезисов выступлений на научно-практической конференции. - 2009. – С. 30–37

8. Саскевич, В. В. К вопросу о субъектах аграрных правоотношений в Республике Беларусь / В. В. Саскевич // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В. И. Семенкова (Минск, 11 дек. 2015 г.) / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : С. М. Сивец [и др.]. – Минск : Институт радиологии, 2015. – С. 271–273.

9. Степаненко, Д.М. Инновационное законодательство в системе национального законодательства Беларуси//Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.; см. подробнее: Степаненко, Д.М. Инновационная функция права / Д.М. Степаненко. – Москва: Интеграция, 2012. – 252 с.; Степаненко, Д.М. Право и инновационное развитие Республики Беларусь / Д.М. Степаненко. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2012. – 324 с.

10. Шингель, Н.А. Правовое регулирование агропромышленного производства в условиях инновационного развития экономики//Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 346.5

А. А. Квяткович

(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ, МЕРЫ

Рассматриваются различные мнения ученых о понятиях несостоятельность и банкротство. Исследуются причины несостоятельности и банкротства юридических лиц. Анализируется Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» относительно применения мер по предупреждению несостоятельности и банкротства юридических лиц. Указываются основания для применения данных мер. Предлагается определение предупреждения несостоятельности и банкротства юридических лиц.

В современных условиях рыночных отношений несостоятельность и банкротство юридических лиц является достаточно распространенным явлением. Институт несостоятельности и банкротства является центральным элементом рыночных систем, так как влияет на формирование социального обеспечения, уровня доходов населения, добросовестной конкуренции, внешнеэкономической деятельности и др. При помощи данного института возможно решить проблему неплатежеспособности за счет предоставления комплекса различных мер: смены управления, реализации финансового оздоровления и санации, привлечения инвестиций, продажи предприятия и др., таким образом, сохраняя для экономики страны предприятия, которые становятся более конкурентоспособными на товарных рынках.

Следует указать, что в юридической литературе ученые высказывают разные мнения относительно понятий несостоятельность и банкротство. Одни ученые отождествляют понятия несостоятельность и банкротство, другие – утверждают, что необходимо дифференцировать рассматриваемые понятия. Так, А.А. Коренная полагает, что термин «банкротство» характеризует состояние глубокого финансового кризиса. Применительно к действующему законодательству наиболее целесообразно использовать термин «несостоятельность», начиная со стадии введения соответствующей процедуры, используемой в деле о несостоятельности (банкротстве), до момента введения конкурсного производства, а после – речь может идти о банкротстве. Таким образом, «несостоятельность – открытая, юридически зафиксированная системная неплатежеспособность, которую, однако, возможно преодолеть (финансовое оздоровление, мировое соглашение и т.д.), банкротство же – состояние необратимого финансового кризиса, когда происходит реализация имущества должника в целях погашения имеющейся задолженности» [1, с. 30]. В.Ф. Попондопуло пишет, что «банкротство рассматривается как частный, наиболее серьезный случай несостоятельности, когда несостоятельный должник совершает уголовно наказуемые деяния, наносящие ущерб кредиторам» [2, с. 124–125]. Т.М. Сулова считает, что понятия несостоятельность и банкротство находятся в диалектической связи и имеют общее сущностное основание – превышение суммы обязательств должника над стоимостью его имущества. Из этого следует: «банкротство как факт не может быть признано судом без наличия несостоятельности, а несостоятельность является основой и предпосылкой применения норм законодательства о банкротстве. С другой стороны, эти крайне близкие понятия не совпадают, поскольку несостоятельность еще не факт банкротства, а лишь предпосылка для него. Несостоятельность не всегда может закончиться судебным признанием банкротства» [3, с. 53]. Е.С. Юлова разграничивает рассматриваемые категории в целях отражения их фактического правового содержания и потребностей правоприменительной практики: несостоятельность толкуется как «определенное финансовое состояние должника, а банкротство – как совокупность применяемых к должнику мер, предусмотренных законодательством о банкротстве» [4, с. 40]. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» «банкротство – это неплатежеспособность должника, признанная решением суда, рассматривающего экономические дела, о признании должника - юридического лица банкротом и открытии ликвидационного производства, о признании должника - индивидуального предпринимателя банкротом с прекращением предпринимательской деятельности и открытии ликвидационного производства. Под несостоятельностью понимается неплатежеспособность должника, признанная решением суда о признании должника несостоятельным и введении санации» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятия несостоятельность и банкротство в некоторой степени взаимосвязаны, но банкротство является особенно неблагоприятным положением для должника, т.к. эта судебная процедура заканчивается ликвидацией должника. В то же время между данными понятиями имеются различия, они состоят в финансовом положении должника и целесообразности применения восстановительных мер к нему.

Причины несостоятельности и банкротства юридических лиц могут быть различными, в зависимости от того, какой вид деятельности они осуществляют.

По мнению Я. В. Зинченко и Л. Л. Ореховой причины банкротства можно классифицировать следующим образом:

1) внешние (экзогенные) – не зависят от деятельности предприятия, включают в себя: факторы социально-экономического развития страны, факторы развития товарных рынков, политическую нестабильность, правовые факторы, технологические факторы и т.д.;

2) внутренние (эндогенные) – зависят от деятельности предприятия, включают: факторы, связанные с инвестиционной, операционной и финансовой деятельности предприятия, низкий уровень квалификации персонала и т.д. [6, с. 112].

В качестве основных причин несостоятельности и банкротства мы можем назвать, такие как: недоработка руководителей, низкий уровень управления, недостаточный опыт, низкая рентабельность, высокая конкуренция, снижение спроса на товары, работы или услуги и ухудшение финансового состояния юридического лица.

Меры по предупреждению несостоятельности и банкротства установлены законодательством, в частности, Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности».

В соответствии со ст. 13 названного Закона руководитель юридического лица в подчинении (составе) которого находится должник или который осуществляет управление принадлежащими Республике Беларусь либо ее административно-территориальным единицам акциями (долями в уставном фонде) должника, в пределах своей компетенции обязан принимать меры по предупреждению несостоятельности и банкротства.

В течение не менее трех месяцев до подачи заявления должника о несостоятельности или заявления должника о банкротстве в целях предупреждения несостоятельности и банкротства руководитель юридического лица в соответствии с законодательством может:

- изменять структуру и состав органов управления юридических лиц;
- принимать меры по сокращению или ликвидации дебиторской задолженности;
- привлекать инвестиции;
- использовать процедуры, установленные законодательством о медиации;
- реорганизовывать юридические лица;
- и др.

Исходя из норм указанной статьи Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности», можно сделать вывод о том, что меры по предупреждению могут быть предприняты до момента возбуждения дела о несостоятельности или банкротстве. Необходимо отметить, что обязанность по применению предупредительных мер возложена на руководителя юридического лица, который должен добросовестно и своевременно принять необходимые меры по предупреждению несостоятельности и банкротства.

А.И. Гончаров, с которым мы разделяем мнение считает, что предупреждение банкротства есть цель, которая достигается в процессе досудебного оздоровления коммерческой организации путем восстановления ее платежеспособности. Последнее, в свою очередь, является заранее заданным, положительным результатом процесса оздоровления, обеспечивающим предупреждение банкротства юридического лица [7, с. 19].

Руководитель юридического лица должен постоянно анализировать деятельность юридического лица, вовремя выявлять существующие проблемы и причины наступления тяжелого финансового положения, а также принимать эффективные решения по их устранению.

Своевременное прогнозирование руководителем юридического лица несостоятельности и банкротства позволит ему определить причины и вовремя принять необходимые меры по предупреждению несостоятельности и банкротства, соответственно, минимизировать или вовсе избежать наступления отрицательных результатов деятельности юридического лица.

Таким образом, предупреждение несостоятельности и банкротства юридического лица представляет собой систему определенных мер, направленных на недопущение возбуждения дела о несостоятельности или банкротстве.

Список использованной литературы

1. Коренная, А.А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект / А.А. Коренная // Юрислингвистика. – 2021. – № 22. – С. 28-32.
2. Коммерческое право: учеб. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. 3-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. – М.: Юристь, 2002. – 414 с.
3. Сулова, Т.М. Несостоятельность и банкротство: экономические и юридические аспекты / Т.М. Сулова // Журнал российского права. – 2004. – №2. – С. 53.
4. Юлова, Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. и практикум / Е.С. Юлова. – М.: Юрайт, 2016. – 413 с.
5. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, от 13 дек. 2022 г. N 227-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Зинченко, Я.В., Орехова Л.Л. Причины банкротства предприятий в РФ / Я.В. Зинченко, Л.Л. Орехова // Молодой исследователь Дона. – 2017. – №1(4). – С. 110–114.
7. Гончаров, А.И. Предупреждение банкротства коммерческой организации по законодательству РФ: методология и механизмы: автореф. ... дис. докт. юрид. наук: 12.00.03 / А.И. Гончаров. – Ростов-на-Дону 2006. – 46 с.

УДК 349.3:37

Н. П. Ковалёва, А. А. Тихова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена основным проблемам профессионального пенсионного страхования в Республике Беларусь, анализируются способы исчисления профессионального стажа и определяются его особенности. Проводится исследование специфики уплаты взносов на профессиональное пенсионное страхование и аргументируется целесообразность совершенствования законодательства в данной сфере.

Введение в Республике Беларусь профессионального пенсионного страхования (далее – ППС) определяет достаточно новую систему общественных отношений, поэтому и вопросы, касающиеся ППС и в настоящее время остаются актуальными, а анализ правоприменительной практики показывает, что вопросы формирования, подтверждения и исчисления профессионального стажа требуют совершенствования.

Закон «О профессиональном пенсионном страховании» (далее – Закон о ППС) от 5 января 2008 года № 322-З, определяет, что «профессиональное пенсионное страхование представляет собой систему установленных государством отношений, заключающихся в формировании средств за счет взносов на ППС, уплачиваемых работодателями за работников, занятых в особых условиях труда и отдельными видами профессиональной деятельности, и использовании этих средств для выплаты пенсий в связи с особыми условиями труда» [1, ст. 1].

Данное определение некоторые белорусские авторы считают неполным, а именно И.А. Долголева отмечает, что «к периодам, включенным в профессиональный стаж, отнесен только период работы с особыми условиями труда, хотя включаются и иные установленные законодательством периоды» [2, с. 56]. При этом, под иными периодами подразумеваются периоды занятости отдельными видами профессиональной деятельности, такие как стаж спортсменов, стаж работниц текстильного производства, отдельных категорий медицинских и педагогических работников и иных лиц в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2008 года № 1490 «О вопросах ППС» [3]. Так как именно от вида профессионального стажа и зависит определение тарифов взносов на ППС, способ исчисления профессиональной пенсии и иные условия.

На наш взгляд, не менее важным и актуальным остается вопрос исчисления профессионального стажа, целью которого является определение длительности профессионального стажа застрахованного лица.

Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь разработал следующие способы исчисления профессионального стажа для отдельных категорий работников:

- 1) определяется по фактической продолжительности периода;
- 2) определяется по продолжительности периода и коэффициенту зачета стажа;
- 3) исчисляется по выработке и месячной норме зачета стажа.

В 90% случаях самым распространенным способом является первый, но существуют иные особенности исчисления профессионального стажа в отношении иных категорий работников, например, в отношении бортоператоров, водолазов стаж которых зависит от выработки и месячной нормы зачета стажа, а определяется она, как правило, за год, что и вызывает очень много проблем при исчислении данного стажа. На наш взгляд решением данной проблемы можно считать исчисление профессионального стажа пропорционально отработанному времени (норме налета часов), однако Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2008 г. № 1490 «О вопросах ППС» достаточно императивно указывает на условие включения отдельных категорий работников в систему профессионального пенсионного страхования, а именно занятость не менее чем на полную ставку (оклад).

Следующим важным условием формирования профессионального стажа является уплата взносов на ППС, и с 1 января 2021 г. Указом от 17 января 2020 г. № 15 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» были внесены изменения в приложение к Указу от 10 января 2009 года № 23 «О тарифах взносов на ППС» тарифы установлены от 4 до 9% в зависимости от категорий работников [4]. За неуплату либо неполную уплату взносов на ППС Кодекс об административной ответственности в статье 12.15 предусматривает ответственность в виде штрафа в размере от 2 до 20 базовых величин [5].

В настоящее время одной из проблем считается подтверждение профессионального стажа у работников, занятых в особых условиях труда, это вызвано:

- 1) предоставлением недостоверных либо неполных сведений о застрахованном лице по причине отсутствия фиксированного порядка проведения проверки предоставляемых сведений;
- 2) отсутствие возможности отслеживания застрахованным лицом формирования профессионального стажа;
- 3) неверным заполнением сведений по форме ПУ-6 или неточным (неполным) исчислением профессионального стажа [6, с. 112].

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательство Республики Беларуси в сфере профессионального пенсионного страхования требует совершенствования в сфере возникающих правовых проблем. На наш взгляд, необходимо изменение в порядке исчисления профессионального стажа, а именно установление более полного определения периодов, которые включаются в профессиональный стаж.

Список использованной литературы

1. О профессиональном пенсионном страховании : Закон Респ. Беларусь, 05.01.2008 г., № 322-3: текст по состоянию на 25 октября 2008. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. - № 16. – 2/1419.
2. Долголева, И. А. Правовое регулирование профессионального пенсионного страхования в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / И. А. Долголева. – Минск, 2012. – 165 л.
3. О вопросах профессионального пенсионного страхования : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 09.10.2008 № 1490 : текст по состоянию на 10 мая 2023 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. - № 301. – 5/51653.
4. О тарифах взносов на профессиональное пенсионное страхование : Указ Президента Респ. Беларусь, 10.01.2009 № 23: текст по состоянию на 7 января 2020 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. - № 15. – 1/18799.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Республики Беларусь от 21.04.2003 г., № 194-3: текст по состоянию на 17.07.2023 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 229 с.
6. Гуцко, П.А. Правовое регулирование профессионального стажа / П.А. Гуцко // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права: навуковы часопіс / адк. рэд. А.В. Данільчанка; заснавальнік Беларускай дзяржаўнай універсітэт. – 2016. – № 3. – С.108-114.

УДК 347.44

Ж. Ч. Коновалова

*(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
Гомель)*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДОГОВОРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются такие специальные договорные конструкции, как публичный договор и договор присоединения в сравнении с договором публичной оферты, который встречается в хозяйственной деятельности. Обосновывается возможность использования в гражданском обороте такого договора как специальной договорной конструкции, выделяются основные характеристики данного договора, предлагается именовать его договором с использованием публичной оферты.

Изменение гражданского законодательства – непрерывный процесс, затрагивающий различные гражданско-правовые отношения, в том числе и договорные. Свидетельство тому в нашей стране – принятие Закона Республики Беларусь 13 ноября 2023 г. № 312-3 «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 312-3), в котором многие институты гражданского права получили свое дальнейшее развитие применительно к современным условиям. В Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее по тексту – ГК) включены такие договорные конструкции, как опцион на заключение договора (ст.399-1 ГК), опционный договор (ст. 399-2 ГК). В практике договорных отношений получил распространение договор публичной оферты, который не упоминается в действующем гражданском законодательстве. Отмеченные обстоятельства диктуют необходимость научного осмысления проводимых изменений.

Цель настоящей работы – выявление отдельных проблемных аспектов нормативного закрепления и практического использования отдельных специальных договорных конструкций в отечественном гражданском праве в условиях его реформирования.

Следует отметить, что специальные договорные конструкции как правовой термин не находят своего закрепления в позитивном праве, хотя активно используются и в юридической науке, и в деловой практике, поскольку позволяют отличать договоры друг от друга. Ученые предлагают различные определения понятия договорной конструкции, исследование которых не является нашей задачей. Мы согласны с мнением В.В. Витрянского, который указывает, что «договорные конструкции объединяет то обстоятельство, что они подлежат применению (в том числе путем их использования сторонами договора при оформлении своих договорных отношений) практически к любым видам договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой специальной договорной конструкции» [1, с. 323]. При этом, если «какой-либо гражданско-правовой договор по набору признаков подпадает под действие специальной договорной конструкции, то законоположения о соответствующей специальной договорной конструкции имеют приоритет перед правилами, регулируемыми конкретный вид договорного обязательства» [1, с. 323].

Ученый относит к специальным договорным конструкциям публичный договор (ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)); договор присоединения (ст. 428 ГК РФ); предварительный договор (ст. 429 ГК РФ) и договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ); рамочный договор или договор с открытыми условиями) (ст. 429.1 ГК РФ); соглашение о предоставлении опциона на заключение договора или опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ) и абонентский договор или договор с исполнением по требованию (ст.429.4 ГК РФ). Ряд аналогичных по названию, но несколько отличных по нормативному закреплению от предложенного российским законодателем перечня специальных договорных конструкций имеется и в ГК нашей страны – уже упоминаемый выше опцион на заключение договора, публичный договор (ст. 396 ГК), договор присоединения (ст. 398 ГК), предварительный договор (ст. 399 ГК), договор в пользу третьего лица (ст. 400 ГК). В ГК отсутствуют рамочный и абонентский договор – конструкции, которые отечественный законодатель не включил в Закон № 312-З, хотя в первоначальной редакции проекта данного закона соответствующие нормы имелись. Следует отметить, что указанные договорные конструкции также имеют применение в практике хозяйственной деятельности, однако в отсутствие нормативных установлений их применение основывается на волеизъявлении участников относительно закрепления взаимных прав и обязанностей, охватываемых соответствующей конструкцией. Представляется, что такая позиция законодателя не упрощает организацию договорных взаимоотношений и нуждается в пересмотре.

Не останавливаясь в силу характера настоящей статьи на детальном раскрытии признаков и особенностей каждой из перечисленных договорных конструкций, остановимся на особенностях публичного договора и договора присоединения, их взаимосвязи и соотношении с договором публичной оферты, который получил распространение при заключении договоров с использованием сети Интернет.

В настоящее время реклама и иные предложения заключить договор часто размещены на официальных Интернет-сайтах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. По общему правилу такое предложение является публичной офертой, если оно содержит все существенные условия договора и из него явно усматривается воля лица заключить договор с любым, кто отзовется, т.е. с неопределенным кругом лиц (п.2 ст.407 ГК).

Нередко в публикациях практических работников, в комментариях содержится утверждение, что «договор публичной оферты – формулировка не совсем корректная, по сути своей – это любой гражданско-правовой договор, заключаемый публично, одной из сторон которого всегда выступает коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, а второй – любое лицо, которое к ним обратится» [2].

Представляется, что такие утверждения, формально верные, не раскрывают природу данного правового явления, которое явно порождено практикой. Оно упоминается в

постановлениях суда при констатации существования между участниками договорных отношений [3], образцы таких договоров повсеместно размещены на Интернет-сайтах субъектов хозяйствования, причем не все из таких образцов содержат упоминание о том, что представленный договор является публичным договором или договором присоединения.

В связи с отмеченным, в настоящей статье рассмотрим договор публичной оферты в соотношении с публичным договором. В – если это явления одного порядка, значит, использование термина «договор публичной оферты» вместо термина «публичный договор» излишне. Также, поскольку публичный договор часто заключается путем присоединения, в анализ следует вовлечь конструкцию договора присоединения.

Вопросы соотношения данных договорных конструкций находятся в поле зрения ученых и практиков. Так, например, исследователи констатируют, что «публичный договор может быть признан договором присоединения только в том случае, если условия такового, предлагаемого к заключению неограниченному кругу лиц, были разработаны стороной, реализующей товары (работы, услуги)» [4]. Можно также согласиться с утверждением, что «публичная оферта не всегда приводит к заключению публичного договора. Допускаемое законодательством разовое размещение организацией предложения (о продаже отдельных товаров, выполнении работ или оказании услуг), содержащего все существенные условия договора, не означает, что деятельность организации стала в целом носить характер, влекущий обязательность для нее заключения публичного договора. При этом, несмотря на то, что инициирование заключения публичного договора достаточно удобно осуществлять публичной офертой, прямая связь и взаимообусловленность публичного договора и публичной оферты в ГК Беларуси отсутствует» [5]. Публичным признается договор, заключенный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем и устанавливающий их обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые они по характеру своей деятельности должны осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание, обязательное страхование и т. п.)

Договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. То есть все условия договора присоединения определяются стороной, которая предлагает текст договора (делает оферту) (п.1 ст. 398 ГК).

Проведем сравнительный анализ перечисленных договоров (нормативные требования к ним излагаются с учетом изменений, внесенных в ГК Законом № 312-3) (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ договоров

Публичный договор	Договор присоединения	Публичная оферта при заключении договора
1	2	3
1. Одна из сторон – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель	1. Могут быть любые участники гражданского оборота, в законодательстве нет ограничений	
2. По роду деятельности сторона обязана заключить договор с каждым, кто потребует	2. Обязанности заключить договор с каждым, кто обратится, ГК не содержит	2. Есть добровольно принятая обязанность заключить договор с каждым, кто отзовется
3. Вторая сторона не может повлиять на условия договора		

Окончание таблицы 1

1	2	3
4. Условия договора определяются одинаковыми для всех потребителей (кроме случаев, установленных законодательством или письменным решением субъекта)	4. Условия договора определены инициатором в формулярах и иных стандартных формах; нет требования об их одинаковости для всех потребителей	4. Существенные условия содержатся в оферте и определяются стороной, ее выдвинувшей; возможность их изменения определяется правилами п.2 ст.405 ГК
5. Нельзя отказаться от заключения договора юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю при наличии возможности его исполнения, кроме случаев, установленных законодательством	5. Нет обязанности заключить договор ни у одной из сторон	5. Есть обязанность заключить договор в течении срока действия оферты
6. Нельзя оказывать предпочтение при выборе другой стороны (кроме случаев, установленных законодательством)	6. Нет ограничений по выбору стороны	
7. Потребитель-физическое лицо пользуется дополнительными правами в соответствии с законодательством о защите прав потребителей	7. Есть дополнительные гарантии присоединяющейся стороне для расторжения или изменения договора при определенных условиях (п.2, 3 ст. 398 ГК)	7. Нет дополнительных гарантий для стороны, принимающей публичную оферту, по вопросам защиты ее прав при заключении договора.

Из приведенной таблицы видно, что применение при заключении договора правила о публичной оферте отличается по отдельным аспектам и от публичного договора, и от договора присоединения: по кругу возможных участников, по наличию или отсутствию обязанности заключить договор, по содержанию включаемых в договор условий и др. Общая черта для всех рассматриваемых конструкций – условия предлагаемого к заключению договора формулируются одной из сторон. В то же время публичный договор является таковым вне зависимости от того, где размещена публичная оферта на его заключение. Условия договора присоединения, размещенные на Интернет-сайте, могут как подчиняться правилам о публичной оферте, так и не подчиняться (если об этом указано в тексте самого договора). В отношении публичного договора Правительством может быть разработан типовой договор, использование которого является обязательным для сторон.

Конструкции публичного договора и договора присоединения также содержат определенные гарантии для более слабой стороны, участвующей в договорных отношениях; использование же публичной оферты при заключении договора не сопровождается такими нормативными гарантиями. Думается, что именно это обстоятельство и породило в практике договорных отношений договор публичной оферты – участники гражданского оборота желают освободить себя от ограничений, налагаемых на них режимом конструкций публичного договора и договора присоединения. В то же время, пока понятие специальной договорной конструкции не нашло нормативного закрепления и нет перечисления таковых, договор публичной оферты не противоречит закреплённому в ст. 391 ГК принципу свободы договора.

Таким образом, можно констатировать, что современная практика договорной деятельности характеризуется не только использованием нормативно закрепленных договорных конструкций, но и активным использованием других правовых инструментов для упрощения организации заключения договоров. Представляется, что встречающийся в хозяйственной практике договор публичной оферты имеет определенные признаки самостоятельной договорной конструкции, не сводимой ни к публичному договору, ни к договору присоединения. Вместе с тем, данную конструкцию более точно именовать договор с использованием публичной оферты.

Список использованной литературы

1. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства : промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2018. – 528 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=497376> – Дата доступа: 16.11.2023.
2. Как публичная оферта облегчает работу бизнеса [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravocom.by/uslugi/soprovozhdenie-biznesa/sostavlenie-dogovora-publichnoj-oferty/> – Дата доступа: 16.11.2023.
3. Судом Центрального района г. Минска постановлен приговор по уголовному делу о мошенничестве [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice/press_office/7ee1ace1e0e84699.html – Дата доступа: 16.11.2023.
4. Ананьев, А. Г. Концептуальные особенности публичного договора в современном гражданском праве / А.Г. Ананьев // Российский журнал правовых исследований. Том 7 – 2020 – № 1. – С. 28
5. Шакель, Н.В. Публичный договор на оказание юридических услуг / Н.В. Шакель. // ilex.(BY)ООО [Электронный ресурс] / "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 347.135

Н. В. Копыткова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ФОРМА СДЕЛКИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье автор проводит анализ сделок, совершенных с использованием электронных средств, а также принципов заключения смарт-контрактов. В статье затрагиваются проблемные аспекты, вытекающие из соответствующих правовых конструкций, а также анализируются подходы, сформулированные в доктрине гражданского права в отношении формы сделок. Особое внимание уделено требованиям современного белорусского законодательства и норм международного экономического права, предъявляемым к форме и структуре контрактов, заключаемых между субъектами различных государств. Указывается на необходимость совершенствования правового регулирования данных институтов в гражданском законодательстве, вносятся конкретные предложения по его совершенствованию.

Соблюдение формы сделки является одним из условий ее действительности. При совершении юридически значимых действий, выражающихся в заключении сделки, законодательство устанавливает требование заключения ее в письменной форме (простой или с последующим удостоверением нотариуса), либо в устной. При заключении сделок с иностранным контрагентом стороны могут сами договориться о предпочтительной для

них форме сделки в силу закона автономии воли. Применим ли этот закон к внешнеэкономическим сделкам? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к международным и национальным нормам. Согласно п. 1 ст. 1116 ГК Республики Беларусь (далее – ГК) форма сделки должна соответствовать праву страны места совершения сделки, но п. 2 ст. 1116 ГК устанавливает правило, согласно которому «внешнеэкономическая сделка, хотя бы одним из участников которой является юридическое лицо Республики Беларусь или гражданин Республики Беларусь, совершается независимо от места заключения сделки в письменной форме» [1]. При этом данная статья не указывает на недействительность сделки при несоблюдении письменной формы. Однако п. 3 ст. 163 ГК предусматривает недействительность такой сделки, если не была соблюдена простая письменная форма. Что по этому поводу говорит международное право? В 1989 г. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. с заявлением относительно формы этого договора [2]. Следует заметить, что договорная практика белорусских хозяйствующих субъектов свидетельствует о том, что в большинстве случаев они заключают именно такой вид внешнеэкономической сделки. Статья 11 Конвенции не требует, чтобы договор купли-продажи обязательно заключался в письменной форме или подчинялся иному требованию в отношении формы. Кроме того, в какой бы форме не заключался такой договор, он «может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания» [3]. В своем заявлении Республика Беларусь указала, что правило ст. 11 «неприменимо, если хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предприятие в Республике Беларусь» [2]. Согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь наша страна признает приоритет общепризнанных принципов международного права, одним из которых является соблюдение государством принятых на себя международных обязательств, поэтому можно утверждать, что данная оговорка противоречит принципу «*facta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться». Как пишет Я. И. Функ «вне зависимости от положений ГК Республики Беларусь договоры международной купли-продажи товаров с участием белорусских субъектов на которые распространяет свое действие Венская конвенция, должны, прежде всего, соответствовать нормам данной Конвенции» [4].

Следует заметить, что большинство стран допускают устную форму заключения внешнеэкономических контрактов. По этому пути пошла Россия, отменив Федеральным законом от 07.05.2013 ч. 3 ст. 162, согласно которой несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влекло ее недействительность [5]. Необходимость признания упрощенной формы внешнеэкономических сделок является актуальной в свете развития информационно-коммуникационных технологий и цифровизацией товарооборота. За последнее время цивилистическая наука о форме сделок существенно пополнилась исследованиями об электронной форме. Наблюдаются различные подходы к определению формы сделки, совершаемой с помощью электронных средств. Например, такие белорусские ученые как А. В. Войтюль, Я.И. Функ полагают, что это разновидность письменной формы [6, 7], другие считают, что это особая форма сделки. Например, российский доктор юридических наук Л. Г. Ефимова в своих работах приводит веские доводы в доказательство того, что это новая форма сделки [8]. Белорусский законодатель пошел по пути признания электронной сделки разновидностью письменной. Так, в ст. 161 ГК указано, что «сделка в простой письменной форме должна быть совершена путем составления текстового документа, включая документ в электронном виде (в том числе электронный документ)» [1].

Надо сказать, что искусственный интеллект зачастую опережает юридическую науку, что порождает определенные проблемы в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Появляются такие инновационные технологии, которые выпадают из имеющихся правовых конструкций. В частности, речь идет о сделках, совершен-

ных с использованием технических средств, так называемых смарт-контрактов. Английское слово «smart» переводится как «умный». Термин «умный контракт» придумал американский криптограф Ник Сабо, который поставил своей целью реализовать «коммерческую операцию через компьютерную сеть без участия посредников» [9]. Смарт-контракт написан языком программирования, и для того, чтобы его понять необходимо обладать специальными знаниями в этой сфере. По сути своей, это компьютерная программа, содержащая систему условных знаков - код, в котором зашифрованы условия контракта и которые будут выполняться при определенных параметрах. Достигнутые договоренности выполняются автоматизировано без участия контрагентов или третьих лиц. В какой форме они будут договариваться и достигать соглашения об условиях контракта стороны решают самостоятельно. Форма такой договоренности может быть и простой письменной на бумажном носителе с собственноручными подписями, может быть и в электронном виде с электронной цифровой подписью, а может быть и устной договоренностью. Ведь устные договоренности могут быть зафиксированы сразу в коде. И здесь возникает вопрос – смарт-контракт – это договор, или только вспомогательный инструмент (программная настройка) для классического гражданско-правового договора? Юридические доктринальные источники свидетельствуют об отсутствии единого подхода к определению юридической природы смарт-контракта. Существуют разные варианты ответа на данный вопрос: смарт-контракт – это новый вид договора, это новая форма взаимодействия сторон, это компьютерная программа, это новая форма сделки и др. Вопрос определения формы сделки тоже остается открытым. Ответы на эти вопросы должны быть даны на законодательном уровне.

Белорусский законодатель пошел по пути признания смарт-контракта «программным кодом», что было зафиксировано в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Данный Декрет принят, прежде всего, в целях развития Парка высоких технологий, однако он направлен на развитие инновационной сферы и цифровой экономики в целом. В п. 9. Приложения 1 к указанному Декрету дано следующее определение: «смарт-контракт - программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий» [10]. Буквальное толкование данного определения не дает нам оснований полагать, что смарт-контракт является сделкой, несмотря на наличие слова «контракт». В целях дальнейшего развития цифровых технологий и информационных систем был принят Указ Президента от 18.04.2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях», который установил, что при совершении банковских, других финансовых операциях и иной деятельности «простая письменная форма сделки, совершаемая с участием пользователей системы идентификации, *считается соблюденной*, если предложение заключить договор, в том числе в виде программного кода... *принято, независимо от наличия в таком предложении собственноручной подписи, в том числе электронной цифровой подписи*» (п. 1.11 Указа) [11]. Таким образом условия договора, зашифрованные в виде кода, признаются письменной формой сделки. Полагаем, что данная норма включена в Указ во избежание в дальнейшем оспаривания действительности сделки в силу несоблюдения простой письменной формы, хотя по сути своей такая сделка фактически заключена в устной форме. В развитие вышеуказанных нормативных актов было принято Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428, которым утверждено Положение «О порядке совершения и (или) исполнения сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, других финансовых операций и иной деятельности, связанной с осуществлением этих операций, посредством смарт-контрактов». В п. 8.3 Положения указано: «согласие каждого участника сделки на совершение и (или) исполнение сделки, иного юридически значимого действия посредством

смарт-контракта представляется в форме, позволяющей определить, что оно исходит от участника сделки (лица, совершающего иное юридически значимое действие)» [12]. В какой конкретно форме должно быть выражено это согласие нормативный акт не дает ответа. Полагаем, что оно может быть и устным, главное, чтобы подтверждение совершения или исполнения сделки посредством смарт-контракта после достижения договоренностей содержало описание смарт-контракта и имело форму *внешнего представления* на бумажном носителе либо ее вывод на экран программно-технического устройства (п.12 Положения).

Подводя итог надо признать, что во всем мире существует проблема в правовом обеспечении заключения сделок с использованием информационных технологий, и несмотря на принятые нормативные акты, Республика Беларусь не является исключением. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что Республика Беларусь пошла по пути правового регулирования общественных отношений, возникающих из смарт-контрактов в рамках общих положений о сделках и договорного права. Практически, законодатель рассматривает смарт-контракт как договор, заключенный в электронной форме и исполняемый посредством компьютерной программы. Полагаю, что такая договорная конструкция должна найти свое место в общей части ГК, как например, публичный договор или договор присоединения, но не как отдельный вид договора, которые фиксируются в особенной части ГК.

Анализируя различные доктринальные подходы к проблеме заключения электронных сделок и правовой природы смарт-контракта, ученые и практики едины во мнении о том, что для заключения любого договора необходимо волеизъявление на совершение сделки (этим и определяется форма сделки), которое может быть выражено в любой форме: на бумаге словами, либо символами в компьютерной программе, либо речью, т.е. устно.

Представляется, что с признанием электронных способов заключения сделок и существующая возможность использования смарт-контрактов в хозяйственной деятельности приводит нас к отказу от обязательной письменной формы внешнеэкономической сделки. Как известно, стороны внешнеэкономического договора могут выбирать самостоятельно право страны, которому будет подчинена сделка, их воля распространяется и на ее форму. Если право выбранной страны допускает устную форму договора, то для белорусского контрагента такая сделка будет признана недействительной в силу п. 3 ст. 163 ГК, которая гласит: «несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет недействительность сделки». По всей видимости, пришло время на законодательном уровне отменить правило об обязательной письменной форме внешнеэкономических сделок и снять соответствующую оговорку к Венской Конвенции о международной купле-продаже товаров. Это будет соответствовать интересам современного бизнеса, распространенной торговой практике и снимет неопределенность в отношениях с контрагентами других государств.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респуб. Беларусь от 07.12.1998 N 218-З (с изм. и доп. от 3 января 2023 г. № 240-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции ООН о договорах международной купле-продажи товаров: Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь 25 августа 1989 г. № 2847-ХІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://court.gov.by> – Дата доступа: 07.11.23.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купле-продажи товаров [Электронный ресурс] URL – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=i08000003> – Дата доступа: 07.11.2023.

4. Функ, Я.И. Заключение договора международной купли-продажи товара: о разрешении возможной коллизии между нормами Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (г. Вена, 1980 г.) и положениями ГК Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/214557/1/1.pdf> – Дата доступа: 07.11.2023.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп. от 01.10.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/90842497c242afaba6fb31962e1afda990d7e31d/ – Дата доступа: 09.11.2023.

6. Войтюль, А.В. Теоретико-правовые основы определения формы сделки, совершаемой при помощи электронных средств [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elib.amia.by/handle/docs/5017> – Дата доступа: 07.11.2023.

7. Функ, Я.И. О документе в электронном виде как разновидности простой письменной формы сделки в соответствии с положениями типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (сравнение подходов белорусского права с международно-правовым подходом) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u01900173&q_id=992551&goToSnippet=1 – Дата доступа: 07.11.2023.

8. Ефимова, Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/891> – Дата доступа : 07.11.2023.

9. Смарт-контракт / Материал из Википедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%> – Дата доступа: 10.11.2023.

10. О развитии цифровой экономики: Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> – Дата доступа : 10.11.2023.

11. О цифровых банковских технологиях: Указ Президента от 18.04.2019 г. № 148 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-148-ot-18-aprelja-2019-g-20911> – Дата доступа: 10.11.2023.

12. О совершении и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов: Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428 Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=B22136239> – Дата доступа: 10.11. 2023.

УДК 347

А. Н. Мануковская

*(Воронежский филиал Российского государственного университета правосудия,
Воронеж)*

РОССИЙСКИЙ НОТАРИАТ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

В данной статье на основе анализа нормативных правовых актов, трудов ученых и практикующих нотариусов, исследованы понятие нотариата как системы органов, на которые возложено удостоверение сделок, оформление наследственных прав и совершение других действий, которые призваны юридически закрепить гражданские права и предупредить их возможное нарушение. Изучены правовые основы и принципы деятельности нотариусов, а также выявлены проблемные моменты в их практической работе и предложены некоторые пути решения.

Институт нотариального удостоверения гражданско-правовых сделок характеризуется длительным периодом становления и развития. Правовая природа и сущность института нотариата происходят из римского права. «Нотариат» происходит от латинского

слова *nota*, которое в переводе означает «знак». Это связывают с тем, что в условиях слабо развитой письменной грамотности важной функцией римских нотариусов была стенография и подготовка текстов договоров. В Древнем Риме нотариусами являлись писцы, которые при составлении сделок использовали особые знаки для скорости записи при стенографии. Отсюда и пошло это название [7].

История российского нотариата довольно богата и разнообразна. Именно римское право оказало огромное воздействие на развитие российского нотариата, так как именно от него происходит правовая природа и сущность института нотариата.

К моменту возникновения нотариата на территории Российского государства институт нотариата был достаточно известен в других странах, вследствие этого многое было заимствовано из зарубежного нотариата. Однако развиваясь согласно общемировым тенденциям, российский нотариат имел собственные особенности, которые были обусловлены ходом развития отечественной истории. Это свидетельствует о наличии объективной связи института нотариата с системой государственно-правовых явлений в государстве. Первый законодательный акт советского периода о нотариате был принят 4 октября 1922 года и получил название «Положение о государственном нотариате РСФСР» [9]. Нотариат в Советской России был создан как государственный орган и в разные периоды своего существования входил в систему либо судов, либо судебных органов.

19 июля 1973 года был принят Закон Советского Союза «О государственном нотариате в СССР» [4], в котором содержались нормы о принципах деятельности государственного нотариата, о задачах его организации, их компетенции, общих правилах совершения нотариальных действий и применении законодательства о нотариате к иностранцам и лицам без гражданства.

В настоящее время нотариат – это система органов, на которые возложено удостоверение сделок, оформление наследственных прав и совершение других действий, которые призваны юридически закрепить гражданские права и предупредить их возможное нарушение.

В соответствии со ст. 35 Основ законодательства о нотариате от 11 февраля 1993 года [8] нотариусы на территории России совершают 32 нотариальных действия, в том числе удостоверяют сделки; свидетельствуют верность копий документов и выписок из них; свидетельствуют верность перевода документов с одного языка на другой; совершают исполнительные надписи; удостоверяют равнозначность электронного документа документу на бумажном носителе; выдают свидетельства о праве на наследство; выписки из реестра списков участников обществ с ограниченной ответственностью единой информационной системы нотариата [10, с. 10].

К базовым принципам деятельности нотариата можно отнести:

- 1) законность нотариальной деятельности, означающая обязанность нотариуса точно и неукоснительно следовать предписаниям норм законодательства РФ;
- 2) охрана интересов физических и юридических лиц, заинтересованных в совершении нотариальных действий, заключающихся в разъяснении нотариусом не только законных прав граждан, но и обязанностей;
- 3) ведение делопроизводства на русском языке или на языке, определенном законодательством субъектов РФ;
- 4) соблюдение нотариальной тайны.

Нотариальная система России изменяется в соответствии с требованиями времени и новых технологий. Сегодня каждый нотариус России имеет электронную подпись и доступ к единой системе электронного нотариата страны. «Современная модель развития российского нотариата – это развитие модели активного нотариата, которая ставит нотариуса в центр гражданского оборота и наделяет его полномочиями для оказания квалифицированной юридической помощи комплексного характера» [6, с. 108].

Также же характеризуя современный российский нотариат, можно выявить и некоторые проблемы, с которыми сталкиваются практикующие нотариусы. Одной из них является составление совместного завещания супругами.

Положение об этом было введено законодателем в 2019 году и позволило гражданами, состоящими между собой в момент совершения завещания в браке: 1) решить, что будет с имуществом, если умрет кто-то один или оба супруга одновременно; 2) завещать общее и личное имущество каждого супруга всем, кому захотят; 3) разделить доли между наследниками; 4) лишить одного или нескольких законных наследников права на имущество без указания причин [5, с. 86].

Совместное завещание супругов несомненно имеют ряд плюсов. Среди них: нет необходимости оформлять отдельные завещания каждого члена семейной пары; можно учесть пожелания друг друга и составить компромиссный документ.

Однако есть и минусы, о которых нельзя не упомянуть: во-первых, расторжение брака автоматически аннулирует совместно составленное завещание; следующий минус заключается в том, что член супружеской пары может изменить общее завещание в любой момент, не ставя в известность другую сторону, оформив индивидуальное завещание; также в соответствии с законом, изменить содержание совместного завещания можно только вдвоем. Но тот же закон разрешает здравствующей супруге (супругу) нарушить волю усопшего наследодателя и полностью изменить содержание завещание. Например, написав новое завещание.

Рассмотрев плюсы и минусы совместного завещания, можно выделить ряд проблемных моментов, которые могут возникнуть при реализации завещания. Первое – вопрос обязательной доли, который заключается в том, что законодатель не указал, как ее рассчитывать. Допустим: супруг умер, у него есть обязательные наследники, а наследование осуществляется после супруги, которая жива. Что делать таким наследникам? Можно предположить, что законодатель должен был указать, что обязательная доля рассчитывается в любом случае, независимо от того, есть ли наследственная масса. В данном примере наследственной массы нет, она образуется только тогда, когда умрет второй супруг, и не очень понятно, что в такой ситуации делать.

Также проблемой может стать сохранение тайны завещания после смерти одного из супругов, составивших совместное завещание. Согласно закону нотариус и исполнитель завещания при наступлении этого события вправе разглашать только сведения, касающиеся его последствий. В то же время в сложившейся практике нотариусы знакомят наследников с завещанием, особенно в случаях, когда конкретные лица лишены наследства, так как они вправе оспорить завещание и должны понимать, на чем им при реализации этого права основываться. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на текущий момент институт совместного завещания не обрел четкую законодательную форму, что в перспективе может влечь за собой множество судебных споров.

Можно также коснуться и другой проблемы в деятельности нотариусов, возникшей в связи с введением новелл в наследственном праве после принятия Федерального закона от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Нововведения касаются возможности формирования россиянами наследственных фондов [2, с. 132]. Нотариусы уполномочены на учреждение этих фондов, образование исполнительных органов фондов и все иные действия с их регистрацией. Волеизъявление о создании наследственного фонда отражается в завещании и вносится нотариусом в Единую информационную систему нотариата, что гарантирует защиту завещания от фальсификации, подмены или потери.

Для создания наследственного фонда требуется:

- завещание, условия которого предусматривают создание наследственного фонда;
- заявление нотариуса, ведущего наследственное дело гражданина о создании наследственного фонда.

Условия функционирования наследственного фонда определяются наследодателем и не могут быть изменены после его смерти. Однако в ГК РФ предусмотрено исключение: устав и условия управления наследственным фондом могут быть изменены на основании решения суда по требованию любого органа фонда в случаях, если управление наследственным фондом на прежних условиях стало невозможно, а также в случае, если будет установлено, что выгодоприобретатель является недостойным наследником [1, с. 114].

На основании вышеизложенного можно выделить проблемные аспекты функционирования наследственного фонда в Российской Федерации:

1) исходя из того, что создание такого фонда происходит только после смерти наследодателя, возникает вопрос, как быть при обнаружении неверно указанных данных или при невозможности формирования органов фонда при создании наследственного фонда. Так, может возникнуть ситуация, исключающая возможность регистрации наследственного фонда, ведь учредитель фонда будет уже мертв и не сможет внести необходимые коррективы в устав фонда. Получается пробел в регулировании отношений последующей судьбы наследственного имущества;

2) завещателю необходимо будет осуществить поиск лиц, способных управлять таким фондом. Учитывая российский менталитет, рассчитывать на добросовестность управляющих фондом не представляется возможным. Наследодателю придется искать лиц, которым он более всего доверяет и в чьих управленческих способностях не сомневается. Исходя из этого, для наследственного фонда в России лучшим органом управления наследственным фондом будет коллегиальный орган. Еще одним интересным моментом при определении управляющих фондом является отсутствие единых стандартов к образованию, гражданству и стажу предполагаемого управляющего;

3) помимо прочего, возможность создания наследственного фонда только после смерти гражданина и новизна данного института, приведет к небольшому количеству желающих «ставить эксперименты» на своем имуществе.

4) законодатель не определяет размер уставного капитала для создания наследственного фонда в России, в отличие от европейских фондов (например, в Германии уставный капитал фонда составляет от 50 тыс. евро, в Швейцарии – от 44 тыс. евро) [3, с. 23].

Решение этих проблем, возникающих в деятельности нотариусов и выявленных в ходе написания данной работы, может быть осуществлено путем совершенствования гражданского законодательства РФ, касающегося наследственных отношений. Стоит подчеркнуть, что все социальные инициативы нотариата реализуются полностью за его счет, без какого-либо возмещения из бюджетных средств. И таких инициатив становится все больше – в соответствии с потребностями общества. Так, в начале 2022 года Федеральная нотариальная палата приняла решение оказывать помощь беженцам Луганской и Донецкой Народных республик, а позже и беженцам из Украины. В сентябре 2022 года, после объявления в стране частичной мобилизации, было принято решение о предоставлении льгот гражданам, призванным к военной службе. Для указанных категорий граждан отменили оплату услуг правового и технического характера по ряду социально значимых нотариальных действий, а размер этой оплаты компенсируется из средств Федеральной нотариальной палаты.

На данном этапе российский нотариат продолжает активно работать, осваивать новые компетенции и технологии, а также развивать свою масштабную электронную инфраструктуру. При этом главной задачей для каждого нотариуса в стране, будет защита прав и законных интересов всех, кто нуждаются в квалифицированной и доступной юридической помощи.

Однако очевидно, что в настоящее время формирование российского нотариата еще не закончено, о чем свидетельствует разработанный, но не принятый Проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ».

Список использованной литературы

1. Антонова, А.А. Наследственный фонд в законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты / А.А. Антонова // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 4 (24) – С. 114–119.
2. Антошина, М.В. Современное развитие институтов нотариальных действий / М.В. Антошина // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 2 (22). – С. 132–136.
3. Голованов, Н.М. Проблемы правового регулирования наследственного фонда в Российской Федерации / Н.М. Голованов // Журнал Евразийский Союз Ученых. – 2020. – № 1 (70). – С. 23–26.
4. О государственном нотариате: Закон СССР от 19.07.1973 г., № 4537–VIII // Ведомости ВС СССР. – 1973. – № 30. – Ст. 393.
5. Мамай, Е. А. Совместное завещание супругов как новый институт в российском наследственном праве / Е.А. Мамай, Е.О. Мамай // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2. – С. 84–88.
6. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Под ред. И.Г. Медведева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2015. Т.1: Организация нотариального дела. – 414 с.
7. Нотариат: учебник / В.В. Ралько [и др]. – Москва: Юстиция, 2016. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 25.09.2023.
8. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 года // Российская газета. – 1997. – № 21.
9. Положение о государственном нотариате РСФСР от 4 октября 1922 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901869002> – Дата доступа: 25.09.2023.
10. Романовская, О.В. Российский нотариат и современные проблемы наследственного права / О.В. Романовская // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 10–14.

УДК 347.132.14:347.133:347.19

Д. И. Михайлов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СДЕЛОК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В данной статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть в связи с возможным совершенствованием норм гражданского законодательства Республики Беларусь о недействительности сделок юридических лиц, не соответствующих законодательству, посредством их дифференциации на ничтожные и оспоримые, которая, например, была реализована в нормах законодательства Российской Федерации.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее ГК) сделки юридических лиц, как и любых других субъектов гражданских правоотношений, которые не соответствуют императивным нормам законодательства, являются ничтожными, если право на их оспаривание или иные правовые последствия прямо не предусмотрены правовыми нормами. Преимуществом данного подхода является смысловая однозначность, обеспечивающая возможность единообразного применения. Слабая сторона этого подхода – преобладание направленности на защиту имущественных интересов, ущемленных сделкой с пороком содержания, над обеспечением стабильности гражданского оборота. Обусловлено это тем, что не все сделки, не соответствующие законодательству, оказывают негативное влияние на сферу публичных интересов или ущемляют

интересы третьих лиц настолько, что их исполнение в любом случае исключает соблюдение или защиту интересов иным способом, чем реституция. Ряд категорий не соответствующих законодательству сделок юридических лиц ущемляют преимущественно интересы сторон и (или) участников (акционеров) соответствующих организаций, а равно очень сходные с ними по правовой природе интересы контрагентов по иным договорам.

К категории сделок организаций с пороком содержания, ущемляющих преимущественно частные интересы юридических лиц и их участников, на наш взгляд, следует отнести:

– сделки, противоречащие соответствующим действующему законодательству положениям учредительных документов запретительной направленности, которые не могут быть квалифицированы как сделки, совершенные с превышением уставных полномочий руководителя организации. Примером такой сделки может служить договор об отчуждении имущества, запрещенного к реализации положением устава юридического лица независимо от одобрения высшим или наблюдательным органами;

– сделки, противоречащие законным условиям других сделок, ранее заключенных организацией. В частности, к таковым может быть отнесен договор коммерческого представительства, заключение которого противоречит условиям аналогичного договора с другим представителем;

– сделки, запрещенные как положениями уставов, так и условиями договоров, ранее заключенных юридическим лицом. В качестве примера такой сделки может служить договор субаренды, заключенный юридическим лицом в отсутствие согласия участника, вложившего в качестве вклада в уставный фонд право аренды соответствующего имущества.

Указанные и им подобные сделки с пороком содержания могут ущемлять интересы не только участников или акционеров хозяйственного общества или иной организации, но также и третьих лиц, выступающих контрагентами юридического лица. Однако ущемление интересов таких контрагентов имеет место лишь в результате нарушения организацией запретительных условий договора, которые носят обеспечительный характер и не влекут за собой незаконное (безосновательное) отчуждение имущества указанных контрагентов или неосновательное обогащение. Обусловлено это тем, что любая сделка организации, нарушающая запретительное положение устава, порождает риск неисполнения обязательства организации перед участником, но не посягает на его имущество. Сделки, заключенные в нарушение запретительных условий других сделок, как правило влекут за собой ущемление интересов контрагентов близких по правовой природе к имущественным интересам участников, не соблюденных в результате заключения договоров в нарушение запретительных положений уставов. Вышеизложенное позволяет допустить возможность дифференциации сделок юридических лиц с пороком содержания на сделки, ущемляющие интересы третьих лиц, которые не основаны на абсолютных правах и (или) не влекут имущественных потерь, и договоры, нарушающие абсолютные права и (или) порождающие имущественные потери. Представляется, что ничтожность не соответствующих законодательству сделок юридических лиц, которые не влекут уменьшения имущества третьих лиц, не в полной мере отвечает интересам как организаций, так и их участников, а равно контрагентов, по причине явного преобладания обязательственного деликта над прямым некомпенсируемым ущербом. В отличие от ничтожности сделок, носящей необратимый характер, право на оспаривание может быть реализовано как участником организации, так и ее контрагентом по договору, в зависимости от оценки степени вероятности материализации неблагоприятных экономических последствий нарушения уставного или договорного запрета, а также соотношения таких последствий с возможным положительным эффектом сделки.

Необходимо отметить, что в 2013 году Федеральным Законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ в ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) было закреплено правило, определяющее сделки с пороком содержания как оспоримые и

предусматривающее ничтожность таких сделок только в случаях антипубличной направленности или ущемления интересов третьих лиц [1, с. 8 – 9; 2, с. 132]. При этом согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ незаконные сделки, ущемляющие интересы третьих лиц, не являются ничтожными, если право на их оспаривание предусмотрено иными нормами гражданского законодательства России. Например, в соответствии с ст. 173.1 ГК РФ оспоримыми признаются любые сделки, совершенные в отсутствие обязательного согласия собственника отчуждаемого по ним имущества, а равно без обязательного одобрения сделки органом юридического лица.

Необходимо отметить, что дифференциация не соответствующих законодательству сделок на оспоримые и ничтожные как таковая представляется позитивной. Причиной тому является нецелесообразность установление ничтожности тех сделок, которые стали противоправными в результате несоблюдения условий договоров и учредительных документов, а также не влекут прямые имущественные потери для третьих лиц, и (или) не нарушают их абсолютных прав. Однако способ такой дифференциации, реализованный в ст. 168 ГК РФ, не является оптимальным, как с точки зрения содержания рассматриваемых правоотношений, так и правоприменения.

В результате дифференциации, реализованной в действующей редакции ст. 168 ГК РФ любая не соответствующая законодательству сделка, которая не имеет явной антипубличной направленности и не ущемляет интересы третьих лиц, является оспоримой. Например, договор подряда, заключенный в силу недостаточной компетенции заказчика на условиях, не соответствующих строительным нормативам, которые не угрожают безопасности строения, как правило не ущемляют интересы третьих лиц и не носят заведомой антипубличной направленности, но может повлечь значительные имущественные потери для заказчика. При этом заказчик может утратить интерес к оспариванию сделки на этапе приемки результата работ, в связи с возникновением некомпенсируемых убытков при осуществлении реституции. В тоже время, принимая во внимание вышеизложенное, недобросовестный подрядчик с большей степенью вероятности будет заключать сделки с нарушением технических нормативов, рассчитывая на то, что на ранних этапах исполнения заказчик не выявит данные нарушения, а на поздних – утратит интерес к реализации права на оспаривание. В то время как ничтожность условий договора подряда, не соответствующих установленным законодательством строительным нормативам и не угрожающих безопасности строения, позволит заказчику требовать устранения ненадлежащего исполнения обязательства и (или) возмещения убытков, ссылаясь непосредственно на несоблюденные нормативы. В этой связи необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 75 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 г. указал, что для цели отнесения не соответствующих законодательству сделок к категории ничтожных в силу их антипубличной направленности под ущемленными публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [3]. Само по себе несоответствие сделки законодательству не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов [3]. В зависимости от толкования это может означать, что в случае отсутствия антипубличной направленности сделки и ущемления интересов третьих лиц, договор подряда в части условий, не соответствующих строительным нормативам, не угрожающим безопасности строения (его части), будет являться оспоримым, что повлечет возможные негативные последствия. Под негативными последствиями следует понимать не только имущественные потери заказчика, но и повышение вероятности ввода в эксплуатацию строений ненадлежащего качества. Согласно п. 76 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ однозначно ничтожным необходимо считать договор, условия которого не соответствуют любым законодательным нормативам, если следствием этого несоответствия является нарушение прав гражданина-потребителя, но не юридического лица.

В тоже время любая сделка, заключенная в нарушение запрета, предусмотренного уставом, в соответствии с п.2 ст. 168 ГК России может быть отнесена к ничтожным в зависимости от степени обоснованности признания участников или акционеров третьими лицами, чьи интересы ущемляются вышеуказанной сделкой, независимо от наличия или отсутствия у организации имущественных потерь в результате ее исполнения. Для отнесения такой сделки к ничтожным в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ достаточно подтвердить, что нарушенное положение устава не может быть квалифицировано как превышение руководителем организации его уставных (представительских) полномочий и что в результате исполнения сделки возникнет хотя бы минимальная угроза неблагоприятных экономических последствий для организации. При этом ничтожность сделки, нарушающей уставный или договорной запрет, может повлечь не только ущемление интересов контрагента, но и некомпенсируемый (реституционный) ущерб для самого юридического лица, чьим уставом данная сделка была запрещена. С точки зрения обеспечения соотношения интересов организаций, их контрагентов по указанным сделкам, а также участников (акционеров), сделки, нарушающие уставные или договорные запреты, значительно ближе к оспоримым сделкам, совершенным с превышением уставных полномочий, чем к ничтожным сделкам, которые ущемляют если не публичные, то, как минимум, частные интересы сторонних субъектов, не связанных с организацией корпоративными или аналогичными им отношениями.

Таким образом, дифференциация сделок с пороком содержания на оспоримые и ничтожные в зависимости от ущемления интересов третьих лиц и антипубличности представляется недостаточно эффективной, так как не всегда способствует обеспечению баланса интересов участников сделок и третьих лиц.

Наряду с неустраняемыми недостатками содержания анализируемой нормы российского законодательства, нельзя не отметить исключительную сложность обеспечения единообразного применения действующей редакции ст. 168 ГК РФ. В частности, единообразное толкование данной нормы представляется затруднительным применительно к последующим сделкам, влекущим незаконное отчуждение чужого индивидуально-определенного имущества. В соответствии с п.2 ст. 168 ГК РФ сделка первого незаконного отчуждателя чужого имущества, например законного арендатора или приобретателя имущества по совершенной собственником недействительной сделке, безусловно, является ничтожной, так как следствием несоответствия законодательству является ущемление интересов собственника, не совершавшего ее. Однако отнесение к ничтожным сделок второго и каждого последующего незаконных отчуждателей чужого имущества представляется уже не столь однозначным и обоснованным. С одной стороны, сделки последующих незаконных отчуждателей (владельцев) также ущемляют интересы собственника, усложняя защиту его абсолютного вещного права. С другой стороны, причиной нарушения права собственности стала сделка первого незаконного отчуждателя, тогда как незаконные сделки последующих отчуждателей являются уже следствием этой причины и при этом не изменяют существа нарушения (устранения собственника от владения вещью). Вследствие недостаточной однозначности в толковании п.2 ст. 168 ГК РФ возникает минимальный риск отнесения сделок последующих незаконных отчуждателей к категории оспоримых, что может существенно усложнить реализацию собственником права на виндикационный иск. В любом случае как справедливо отмечают В.С. Петрищев и А.С. Подмаркова, на истца налагается дополнительное бремя доказывания, если он ссылается на факт ничтожности сделки, в том числе для подтверждения незаконности владения [2, с. 135].

Проведенный анализ ст. 168 ГК России, дифференцирующей сделки с пороком содержания на оспоримые и ничтожные, в зависимости от их антипубличной направленности и ущемления интересов третьих лиц, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. При возможном разграничении не соответствующих закону сделок на ничтожные и оспоримые посредством внесения соответствующих изменений в ГК Беларуси,

следует разработать конкретные признаки антипубличной направленности данных сделок, а также дифференцировать противоправные условия сделок на: абсолютные (нарушающие вещные и иные абсолютные права третьих лиц) и относительные (нарушающие обязательственные и корпоративные права третьих лиц);

2. В случае признания целесообразности разграничения не соответствующих законодательству сделок на ничтожные и оспоримые, сделки, нарушающие вещные и иные права третьих лиц, следует относить к ничтожным. А сделки, нарушающие обязательственные права третьих лиц, следует относить к ничтожным или оспоримым в зависимости от содержания относительных правоотношений и возможных имущественных последствий.

Список использованной литературы

1. Андреев, В.К. Сделка и ее недействительность/ В.К. Андреев// Юрист. – 2014. – № 1. – С. 8–12.

2. Петрищев, В.С. Проблемы применения норм о недействительности сделок в свете изменений ГК РФ/ В.С. Петрищев, А.С. Подмаркова// Закон. – 2014. – № 12. – С. 132–140.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г., № 25// Консультант плюс [электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/. – Дата доступа: 10.11.2023.

УДК 349.412.2

Е. В. Парукова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПРИБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

В статье рассматривается институт приобретательной давности как основание возникновения прав на земельный участок. Автором сделан сравнительный анализ института приобретательной давности в соответствии с законодательством об охране и использовании земель и гражданским законодательством в целях выявления особенностей его реализации применительно к земельным участкам как объектам земельных правоотношений. Результатом проведенного исследования, в том числе основываясь на результатах сравнительного анализа норм действующего законодательства, явилось предложение о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства (внесение изменений и дополнений в ч.1 ст.56 Кодекса Республики Беларусь о земле).

Проблемы института права собственности на землю всегда стояли остро на всем протяжении становления, функционирования и развития белорусской государственности. Традиции отношения к собственности формируются в каждом государстве по-своему, в первую очередь, в силу специфики его исторического развития.

Кроме исторических предпосылок на формирование института собственности большое влияние оказали религиозные догматы. Наиболее естественным, исходя из исторических и религиозно-нравственных предпосылок вплоть до XVIII вв., все же является отношение к собственности, как к коллективному явлению.

В новейшей истории, наряду с уже существовавшей государственной формой собственности, постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 1 октября 1991 г. № 1110–XII «О признании права частной собственности на землю на территории Республики Беларусь» допускалась возможность существования права частной собственности на землю. Однако конкретным содержанием право частной собственности на

землю наполнилось только в законе Республики Беларусь от 16 июня 1993 г. № 2417–XII «О праве собственности на землю», в котором были указаны ее субъекты и объем их правомочий по владению, пользованию и распоряжению земельными участками. Согласно указанному Закону, право приобретать земельные участки в частную собственность получили граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие на ее территории и приравненные к ним физические лица [1].

Дальнейшее развитие институт частной собственности на землю получил в Кодексе Республики Беларусь о земле от 4 января 1999 г., что выразилось в расширении состава ее субъектов: помимо граждан возможность приобретения в частную собственность земельных участков получили юридические лица и иностранные государства [2].

Следующим этапом в развитии права частной собственности на землю явилось принятие Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З. Им, как и предыдущим кодифицированным законом, вновь был расширен состав субъектов права частной собственности на землю: впервые предусмотрена возможность нахождения земельных участков в частной собственности иностранных граждан и лиц без гражданства, при условии, что они являются родственниками наследодателя [3].

Новая редакция Кодекса Республики Беларусь о земле, вступившая в законную силу с 1 января 2023 года существенно расширяет права иностранных граждан и лиц без гражданства в отношении возможности нахождения у них земельных участков на праве собственности и пожизненного наследуемого владения. Так, земельные участки могут находиться в частной собственности указанных граждан, если законодательные акты не предусматривают иного, в случае приобретения на основании гражданско-правовой сделки зарегистрированных долей в праве собственности на земельный участок и расположенные на нем жилой дом, дачу, в том числе не завершенные строительством и законсервированные в установленном порядке, зарегистрированную квартиру в блокированном жилом доме, садовый домик либо признания за данными гражданами в судебном порядке долей в праве собственности на эти объекты и др.

Таким образом, право частной собственности на землю – это относительно новый для Республики Беларусь вид права, поменять менталитет граждан очень сложно, поэтому активность юридических лиц и граждан по приобретению земельных участков в собственность пока, к сожалению, не очень большая. Так, по состоянию на 1 января 2023 года в частную собственность граждан Республики Беларусь предоставлено около 85 тыс. га земель, или около 13 % от общего количества находящихся у них земель.

Анализ развития земельного законодательства в Республике Беларусь позволяет сделать вывод о том, что перечень прав граждан на землю постоянно расширяется, прослеживается и тенденция расширения круга субъектов земельной собственности.

Более подробно хотелось бы остановиться на отдельных основаниях возникновения и прекращения права собственности на землю по законодательству Республики Беларусь.

Основанием возникновения права государственной собственности на землю служит нормативный правовой акт. Впервые право государственной собственности Республики Беларусь на землю было закреплено в ст. 5 Декларации Верховного Совета Республики Беларусь от 27.07.1990 № 193-XII «О государственном суверенитете Республики Беларусь». В дальнейшем это право было закреплено в ст. 41 Закона Республики Беларусь от 11.12.1990 № 457-XII «О собственности в Республике Беларусь», в ст. 2 Кодекса о земле 1999 г. Статья 12 Кодекса о земле 2008 г. закрепляет презумпцию нахождения земель, земельных участков в собственности государства, если они не находятся в частной собственности граждан Республики Беларусь, в частной собственности иностранных граждан и лиц без гражданства, в частной собственности негосударственных юридических лиц Республики Беларусь и в собственности иностранных государств, международных организаций. Право государственной собственности на землю также может возникнуть на основании

решения уполномоченного государственного органа о прекращении права частной собственности на земельный участок; постановления суда о принудительном изъятии земельного участка из частной собственности в собственность Республики Беларусь; заявления гражданина, юридического лица о добровольной безвозмездной передаче земельного участка из частной собственности в собственность Республики Беларусь.

Основанием возникновения права частной собственности на землю может стать решение уполномоченного государственного органа о предоставлении земельного участка в частную собственность; гражданско-правовая сделка с земельным участком (в том числе приобретение земельного участка с аукциона); наследование земельного участка или постановление суда, устанавливающее право частной собственности на землю.

Рассматривая основания возникновения права частной собственности на землю, необходимо особое внимание уделить такому основанию, как приобретение прав на земельный участок, владение которым осуществляется в течение длительного времени.

Детальный анализ ст.56 Кодекса о земле и ст.235 Гражданского кодекса, регламентирующих институт приобретательной давности, позволит выделить некоторые особенности его реализации применительно к земельным участкам как объектам земельных правоотношений.

Так, приобрести право на земельный участок по давности владения согласно ст. 56 Кодекса о земле вправе только граждане Республики Беларусь, т.е. из сферы действия данной нормы исключены иные субъекты земельных правоотношений, указанные в ст.4 Кодекса о земле. Данное обстоятельство является отличительной особенностью института приобретательной давности в земельном законодательстве, так как ст. 235 Гражданского кодекса указывает в качестве субъектов указанного института граждан и юридических лиц. При этом под гражданами понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства. Реализовать право, закрепленное в ст. 56 Кодекса о земле, гражданин Республики Беларусь может в случае отсутствия документа о предоставлении земельного участка, либо документа, удостоверяющего право на земельный участок, либо в случае использования земельного участка, граница и (или) размер которого не совпадают с границей и (или) размером, указанными в документе о предоставлении земельного участка либо документе, удостоверяющем право на земельный участок. Вышеуказанные ситуации могут наличествовать одновременно в любом сочетании.

Для реализации права, закрепленного в ст. 56 Кодекса о земле, необходимо добросовестно, открыто и непрерывно владеть земельным участком как своим собственным в течение 15 и более лет. Добросовестность означает, что гражданин не должен выступать в роли лица, самовольно захватившего чужой земельный участок. То есть говорить о добросовестности завладения земельным участком можно лишь в случаях, когда владелец предполагает, что имеющиеся у него правоустанавливающие документы имеют юридическую силу и закрепляют определенные права на землю.

Приобретательная давность требует открытого владения вещью, что предполагает его очевидность, осведомленность о владении любого другого лица.

Непрерывным будет считаться владение, если оно не прерывалось в течение всего срока. Непрерывность владения означает, что к владельцу не предъявлялся иск собственника об отобрании у него имущества и что он не признавал права собственности на данное имущество другого лица.

Законом установлен минимально необходимый срок для того, чтобы добросовестное и открытое владение было положено в основу приобретения права на земельный участок: давность постоянного, непрерывного владения должна составлять не менее 15 лет подряд. При этом необходимо учитывать срок исковой давности для истребования земельного участка из чужого незаконного владения.

Добросовестность, открытость и непрерывность владения земельным участком подтверждаются сведениями, внесенными в земельно-кадастровую документацию, либо

строительным паспортом и (или) паспортом домовладения и (или) документами об уплате земельного налога. То есть в целях недопущения возникновения прав на самовольно занятые земельные участки ч. 2 ст. 56 Кодекса о земле указывает на конкретные документальные доказательства, которыми подтверждается добросовестность, открытость и непрерывность владения земельным участком.

Статья 56 Кодекса о земле, в отличие от ст. 235 Гражданского кодекса, предоставляет более широкий выбор правовых титулов на земельный участок гражданину Республики Беларусь: земельный участок при соблюдении вышеуказанных условий может быть приобретен в частную собственность, либо получен в пожизненное наследуемое владение, либо в аренду в сложившейся границе и (или) размере, не превышающем закрепленных законодательством норм. Однако законодатель не устанавливает субъекта, уполномоченного на выбор одного из указанных правовых титулов, что порождает определенные сложности в реализации данного института и, соответственно, требует четкой правовой регламентации.

Свои особенности имеет порядок возникновения права на земельный участок в силу ст. 56 Кодекса о земле, которая не содержит порядка приобретения земельного участка на перечисленных правах, а лишь указывает на то, что граждане имеют право в соответствии с законодательством приобрести этот земельный участок. Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2011 № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров» установлено, что граждане Республики Беларусь, претендующие на приобретение земельного участка в частную собственность, в пожизненное наследуемое владение, аренду на основании ст. 56 (в предыдущей редакции – ст.44) Кодекса о земле, приобретают это право по решению соответствующего исполнительного и распорядительного органа. Решение исполнительного и распорядительного органа по данному вопросу может быть обжаловано в суд. Кроме того, согласно ст.56 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», документом, являющимся основанием для государственной регистрации возникновения права собственности на недвижимое имущество по приобретательной давности, является решение местного исполнительного и распорядительного органа, подтверждающее приобретательную давность, либо судебное постановление об установлении факта приобретательной давности.

Следовательно, гражданин должен обращаться с соответствующим заявлением в местный исполнительный орган, наделенный полномочиями по предоставлению земельных участков, предоставить документы (выписки из них), указанные в ст. 56 Кодекса о земле, а в случае отказа обжаловать его в судебном порядке. Суд рассматривает жалобы на отказ в предоставлении земельного участка, проверяя этот отказ на соответствие законодательству.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным дополнить ч.1 ст.56 КоЗ и изложить ее в следующей редакции: «Граждане Республики Беларусь, у которых отсутствуют документ о предоставлении земельного участка либо документ, удостоверяющий право на земельный участок, или которые используют земельный участок, граница и (или) размер которого не совпадают с границей и (или) размером, указанными в документе о предоставлении земельного участка либо документе, удостоверяющем право на земельный участок, но которые добросовестно, открыто и непрерывно владеют земельным участком как своим собственным в течение 15 и более лет, имеют право в соответствии с законодательством приобрести этот земельный участок в частную собственность или получить его в пожизненное наследуемое владение, аренду в сложившейся границе и (или) размере, не превышающем размера, установленного статьей 46 настоящего Кодекса, по решению местного исполнительного комитета, принятому в соответствии с его компетенцией».

Список использованной литературы

1. Ерофеев Б.В., Краснов Н.И., Сыродоев.Н.А. Нормативные акты о земле. - М., 1978. - 25 с.
2. Крассов, О. И. Понятие и содержание правового режима земель / О. И. Крассов // Экологическое право. – 2003. – № 1. – С. 20 –24.
3. 3 риска инвестора при расторжении инвестиционного договора с государством [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://probusiness.io/government_regulation/358-3-riska-investora-pri-rastorzhenii-investicionnogo-dogovora-s-gosudarstvom.html. – Дата доступа: 02.04.2021.

УДК 323.2

Е. П. Рожок

(Белорусский государственный университет, Минск)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются социально-политические аспекты мероприятий, направленных на поддержку и укрепление семейной политики Республики Беларусь. В рамках государственной социальной политики обозначены актуальные вопросы развития данного вектора, рассмотрен ряд нормативно-правовых актов, обозначены перспективы решения демографических проблем.

Значимым направлением государственной политики Республике Беларусь является укрепление семьи. Ряд важнейших положений семейной политики закреплены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [1]. Сохранение традиционных семейных и межпоколенческих связей, демографическая безопасность, обеспечивающая увеличение численности населения, обозначены как пути развития страны на ближайшую пятилетку. Семейная политика, определяется как «комплекс мер, задачами которого являются поддержка семьи, гармонизация ее функционирования в рамках традиционных взглядов общества» [2, с. 257].

Основными направлениями государственной семейной политики Республики Беларусь, закрепленными в Указе Президента «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» являются: сохранение ценности семьи, понимание важности роли семьи в жизни общества, в воспитании и социализации новых поколений, в защите и укоренении традиционных семейных ценностей, в необходимости принятия социальных мер по поддержке семей, в определении стратегии и тактики, проводимой законодательной и исполнительной властью, направленной на актуализацию укрепления белорусской семьи как социального института [3].

Объектом семейной политики является семья как важный социально-политический институт, основой которого является стабильность всего общества в целом. В Конституции Республики Беларусь (статья 32) семья определена как группа из двух или более лиц, которые связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака совместно проживающих и имеющих общих бюджет, супруги находятся в равноправных семейных отношениях [4]. Семья – это и основа общества, и значимый фактор политического процесса. Духовно-нравственные ценности, традиции, культура, самобытность составляют сложное многомерное политическое эволюционирующее явление формирующее фундамент семьи. Имидж семьи рассматривают как элемент имиджа страны в контексте достижения и защиты национальных интересов в политической и экономических сферах.

«Крепка семья – крепка держава» – этот пришедший из далеких времен тезис сохраняет актуальность и сегодня [5, с. 12]. В то же время этот важнейший социально-политический институт в настоящее время переживает глубокий кризис. Причины кризиса разные и многоаспектны. На разных исторических этапах развития института семьи проявлениями ее кризисного состояния являются: ухудшение материального положения, нарушение норм многодетности, трансформация взглядов на традиционное разделение семейных ролей, проблем воспитания детей.

Кризис семьи в западных странах стал следствием развития индустриального и постиндустриального общества: изменились взгляды женщин на репродуктивное поведение, наступила эпоха господствующего типа рациональности, и на первое место выступили иные идеалы, олицетворяющие экономические материальные блага [6, с. 120].

Исследуя проблематику государственной политики в области семьи, можно отметить социально-политический, экономический и демографический аспект исследования. Определяющим элементом полноценного масштабного развития страны является наличие демографического ресурса. Республика Беларусь столкнулась с проблемой сокращения численности населения. Демографическая безопасность государства перерастает в основное направление национальной безопасности, что ведет к формированию важнейшей государственной задачи [7, с. 77]. Демографические изменения происходят как в связи с социально-экономическими причинами, так и изменениями в развитии института семьи. Демографическая ситуация свидетельствует о сокращении населения на 9% относительно данных переписи населения 2009 г., при этом уровень рождаемости снизился на 9,3%, а рост смертности составляет 12,8% [8, с. 60].

Следует выделить ряд факторов, которые ведут к снижению рождаемости: уменьшение численности женского населения репродуктивного возраста, сокращение количества заключенных браков и увеличение уровня разводов, реализацией жилищного вопроса, общей степенью образованности, материальными показателями семьи. В настоящее время в Республике Беларусь действует Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» принятая на 2021–2025 годы. Приоритетными направлениями в области демографической безопасности являются, разработка мер по укреплению репродуктивного здоровья, стабилизации системы поддержки семей с детьми, формировании мышления здорового образа жизни, сохранении традиционных семейных ценностей и института семьи [9].

Поддержка семей с детьми является национальным приоритетом в Республике Беларусь. Реализована комплексная система мер для поддержки семей с детьми, в частности, программа предоставления семейного капитала, которая действует с 2015 г. Реализуется ряд мер с особым акцентом на многодетные семьи по улучшению жилищных условий, реализации медицинских услуг, получению образования, приобретению средств социальной реабилитации для члена семьи с инвалидностью [10].

Для укрепления семьи реализуются стимулирующие меры: женщина имеет возможность находиться в декретном отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, льготное кредитование на приобретение жилья, трудовые гарантии обоим родителям; выплата государственных пособий: по беременности и родам; пособие женщинам, ставшим на учет в организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности; пособие в связи с рождением ребенка; пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет; пособие семьям на детей в возрасте от 3 до 18 лет в период воспитания ребенка в возрасте до 3 лет; пособие на детей старше 3 лет из отдельных категорий семей; пособие на ребенка в возрасте до 18 лет, инфицированного вирусом иммунодефицита человека; пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет; отец (отчим) или усыновитель (удочеритель) проходят срочную военную службу, альтернативную службу; оба родителя (мать (мачеха), отец (отчим)) в полной семье либо родитель в неполной семье, усыновитель (удочеритель) являются инвалидами I или II группы, а также если один из родителей (мать (мачеха) или отец (отчим)) в полной семье является инвалидом I группы, а второй осуществляет уход за ним и получает пособие, предусмотренное законодательством [11].

Анализируя действующие государственные программы, послания и указы Президента по совершенствованию мер государственной семейной политики, можно отметить, что развитие системы льгот для семей с детьми имеет также и свои минусы. Проводимая политика формирует предпосылки социального иждивенчества, перекладывание ответственности и заботы о семьях с детьми на государство и общество.

Влияние глобальных трендов развития, появление множества способов существования индивида, изменили роль института брака в XXI веке. Рост экономического темпа развития общества снизил объективную совокупность фактов, влияющих на желание вступить в брак и иметь большие семьи. Необходимо отметить сохраняющийся высокий процент разводов: в первые пять лет после заключения брака зарегистрировано 35%, при этом, развод представляет собой не только разрыв между женой и мужем, но и полной потери связи ребенка с одним из родителей, преимущественно с отцом [8, с. 67–69]. В большинстве случаев расторгаемых браков, а это около 58%, имеются общие дети. Социально-экономические трансформации общества стимулировали укоренение «демократических взглядов» на развод, возникли представления о «легком разводе». Этому способствует информационный контент в социальных сетях, противостоять которому призваны укоренение устойчивых убеждений о традиционных семейных ценностях, формирование готовности современной молодежи к вступлению в брак следует прививать через активную пропаганду семейного благополучия полных семей с детьми, позитивного имиджа многодетных семей, восстановление связи между поколениями, формирование позитивного имиджа осознанного отцовства и материнства, программы государственной поддержки по формированию серьезного отношения молодежи к браку и семье, к сохранению репродуктивного здоровья, введения школьного курса по семейным отношениям, основанным на сохранении традиционных семейных ценностей.

Рассматривая вопросы семейной политики, можно отметить, государственная семейная политика отражается в социальном и материальном обеспечении семьи. Особое внимание уделяется поддержке семей, имеющих детей, создаются благоприятные условия для повышения уровня рождаемости. Приоритетным направлением развития семейной политики является упрочнение у молодого поколения статуса семьи, формирование принятия зрелых осознанных решений, включенности личности. Семья является важнейшим общественным институтом, имеющим решающее значение, как для индивидуальной жизни человека, так и для социального, экономического и культурного развития общества [12, с. 34]. Таким образом, внедрение комплексных программ Республики Беларусь в области семейной политики направлено на укрепление традиционных семейных ценностей, упрочнение связи поколений, работу с молодыми семьями и молодежи в целом.

Список использованной литературы

1. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь 6 марта 2023 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 11.11.2023.

2. Сосновская, Н. А. Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ оценки эффективности / Н. А. Сосновская // Социологический альманах. – 2016. – №7. – С. 256–263.

3. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь 21 января 1998 г. № 46 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь 28.12.2008 № 676 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P39800046>. – Дата доступа: 11.11.2023.

4. Конституция Республики Беларусь : принята на респ. референдуме 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2022. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 11.11.2023.

5. Борисенков В. П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко // Вестник евразийской науки. – 2014. – №5 (24). – С. 1–24.

6. Титаренко, Л. Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода / Л. Г. Титаренко // Женщина в российском обществе. – 2022. – №3. – С. 118–130.

7. Шахотько, Л. П. Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения / Л. П. Шахотько // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 4. – С. 73–85.

8. Губарева, Ю. А. Семейная структура Беларуси: географические особенности в конце XX – начале XXI в.: пособие / Ю. А. Губарева. – Минск: БГУ, 2022. – 159с.

9. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета министров Республики Беларусь 19 января 2021 г. № 28 // Министерство здравоохранения Респ. Беларусь. – 2021. – Режим доступа: https://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/letter/22100028_1611349200.pdf. - Дата доступа: 11.11.2023.

10. Приняты дополнительные меры, направленные на целевое использование семейного капитала при решении жилищного вопроса [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/ru/news-ru/view/prinjaty-dopolnitelnye-mery-po-ispolzovaniju-semejnego-kapitala-na-reshenie-zhilischnogo-voprosa-7261-2023/>. – Дата доступа: 11.11.2023.

11. Размеры государственных пособий семьям, воспитывающим детей 2023 год.: Размеры государственных пособий [Электронный ресурс] // Эталон Online. – 2023. – Режим доступа: <https://etalonline.by/spravochnaya-informatsiya/u01405015/>. – Дата доступа: 11.11.2023.

12. Клупт, М. А. Тревоги XXI века. Механизмы влияния на рождаемость / М. А. Клупт // Социологические исследования. – 2022. – №5. – С. 25–35.

УДК 369.02

Н. В. Рощенко

(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль)

**ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ НА СЛУЧАЙ
ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ И В СВЯЗИ С МАТЕРИНСТВОМ ЛИЦ,
РАБОТАЮЩИХ ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ ДОГОВОРАМ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Статья посвящена анализу новелл российского законодательства о императивном признании лиц, работающих по гражданско-правовым договорам, застрахованными по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. По мнению автора, это решение законодателя обоснованно не затронуло физических лиц, применяющих «Налог на профессиональный доход», вместе с тем, последним должно быть предоставлено право добровольного вступления в искомые правоотношения без каких-либо изъятий.

В условиях свободы труда и выбора формы его организации особое значение приобретают вопросы социально-страховой защиты на случай реализации социального

риска. Обязательное социальное страхование, в том числе, по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, традиционно ориентировано на лиц, работающих на основании трудового договора. В части иных категорий экономически-активного населения подход законодателя варьируется с учетом вида социального страхования, степени подверженности отдельных их групп социальному риску и иных факторов. Наиболее «рельефно» эта дифференциация затрагивает лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой. Согласно ч.4 ст.1 Федерального закона от 16.07.1999г. №165-ФЗ "Об основах обязательного социального страхования" таковые охватываются одноименной системой страхования, если закон предусматривает уплату ими или за них страховых взносов. Обусловленность права на социально-страховое обеспечение формой реализации права на труд допустима и соответствует нормам международного права [1, с. 148 и след.]. Например, п.21 Рекомендации Международной Организации Труда (далее – МОТ) от 12.05.1944г. № 67 «Об обеспечении дохода» вводит императивность социального страхования «лиц, работающих на свой собственный счет» только по инвалидности, старости и смерти. При этом условия такого страхования должны соответствовать действующим в отношении работающих по найму, но с оговоркой «как только сможет быть организован сбор их взносов». Касаемо социально-страховой защиты на случай болезни и материнства, а также несения особых расходов, вызванных болезнью, материнством, инвалидностью и смертью, МОТ «говорит» только о возможности страхования, оставляя за государствами прерогативу решить искомый вопрос исходя из национальных условий.

Социально-страховое законодательство России не содержит дефиниции «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой». Только контекст употребления термина позволяет сделать вывод, что речь идет о лицах, труд которых носит (или должен носить) свободный, самостоятельный характер и предполагает сохранение их положения как независимых хозяйствующих субъектов. В частности, сюда относимы физические лица, работающие по гражданско-правовым договорам на выполнение работ, оказание услуг, адвокаты, индивидуальные предприниматели (далее – ИП), физические лица, занимающиеся в регламентированном порядке частной практикой (нотариусы, арбитражные управляющие, патентные поверенные, медиаторы и др.). Нередко в публикациях перечисленные субъекты именуется «самозанятыми», что представляется не вполне верным, поскольку данный термин не имеет закрепления на уровне закона и служит синонимом для обозначения круга лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД) [2]. Далеко не все лица, принадлежащие к числу самостоятельно обеспечивающих себя работой, могут стать плательщиками НПД [3]. Вместе с тем, режим налогообложения порой является одним из оснований дифференциации статуса лица в системе обязательного социального страхования [4, с. 341].

Если рассматривать страхование по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, то регулирующий его соименный Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (далее - ФЗ №255) большинство из лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, признает застрахованными лишь при условии их добровольного волеизъявления на приобретение этого статуса вкуче с обязанностью уплаты страховых взносов. Так, согласно ч.3 ст.2, ст.4.5 ФЗ №255 право добровольно вступить в социально-страховые правоотношения данного вида предоставлено адвокатам, ИП, лицам, занимающиеся частной практикой, и некоторым иным категориям. Примечательно, что физические лица, работающие по гражданско-правовым договорам, вплоть до 2023г. были полностью отстранены от участия в системе социально-страховой защиты по временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Они не признавались застрахованными лицами императивно (как это сделано касательно работников по трудовому договору и иных лиц по перечню ч.1 ст.2 ФЗ №255), а равно не имели права вступления в правоотношения по нормам ст.4.5 ФЗ №255. Последнее правомочие давала только регистрация в качестве ИП, однако она влекла и целый ряд дополнительных обременений, что не все-

гда соответствовало действительным интересам и желаниям лица. С 1 января 2023г. «работники» по отдельным видам гражданско-правовых договоров охвачены обязательным социальным страхованием в порядке ФЗ №255. Однако выбранная законодателем «модель» их включения в число застрахованных лиц представляется не бесспорной.

Так, несмотря на самостоятельный характер труда, лица, заключившие соответствующие гражданско-правовые договоры, фактически приравнены к работникам по трудовым договорам. Они являются застрахованными лицами в силу прямого указания закона и поименованы в п.1 ч.1 ст.2 ФЗ №255, а контрагент как страхователь обязан платить страховые взносы согласно гл.34 НК РФ. Единственным отличием их социально-страхового статуса от работников по трудовым договорам является условие о сумме страховых взносов, уплаченных страхователем за предшествующий календарный год, установленное ч.4.2 ст.2 ФЗ №255 для целей назначения страхового обеспечения. А именно, общая сумма таких взносов должна составлять не менее стоимости страхового года, определенной в соответствии с ч.3 ст.4.5 ФЗ №255. Взносы учитываются суммарно, в том числе исчисленные страхователем по трудовому договору. Очевидно, норма ч. 4.2 ст.2 ФЗ №255 призвана обеспечить поступление в течение 2023г. средств для будущих выплат социально-страховых пособий, а равно сделать более «плавным» процесс вовлечения лиц, трудящихся в рамках отношений гражданского оборота, в систему обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и материнства. Подавляющее их большинство только с 2024г. приобретут право на обеспечение по страховому случаю с соблюдением условия ч.4.2 ст.2 ФЗ №255. В 2023г. социально-страховые пособия по ФЗ№255 гарантированы лишь тем из них, кто в предшествующем 2022 году трудился также по трудовому договору или являлся застрахованным лицом по иным обозначенным ст.2 ФЗ №255 основаниям.

Примечательно, что уплата страховых взносов за год, предшествующий году страхового случая, а равно их нормативный размер как условия страхового обеспечения изначально вводились законодателем только для лиц, добровольно вступающих в правоотношения по ФЗ №255. Распространение подобной нормы на работников по гражданско-правовым договорам, императивно подлежащих социальному страхованию, сближает две обозначенные категории застрахованных лиц. Можно сказать, законодателем избран «гибридный формат» их вовлечения в систему социально-страховой защиты, опосредуемую ФЗ №255.

В целом, решение о признании застрахованными лицами по ФЗ №255 «исполнителей» гражданско-правовых договоров, предметом которых является труд, более чем оправдано. Не секрет, что названные договоры порой «прикрывают» трудовые отношения. А выбор физическим лицом-исполнителем такого варианта оформления договорных отношений обусловлен давлением контрагента, не желающего нести бремя трудо-правовых гарантий и затраты на уплату страховых взносов по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а равно от профессиональных рисков. Вместе с тем, оставлена возможность для обхода императивных норм ФЗ №255. Причем, достаточно привлекательная и для физических лиц-исполнителей таких договоров (с точки зрения налогообложения полученных ими доходов). А именно, если работник по гражданско-правовому договору осуществляет указанную деятельность с применением НПД, то застрахованным лицом по п.1 ч.1 ст.2 ФЗ №255 он не является.

Напомним, НПД задумывался как специальный налоговый режим, призванный решить проблему теневой занятости, а потому результативность искомого правового эксперимента во многом зависит от неизменности условий налогообложения [5, с. 38]. Касательно увеличения налоговых ставок и (или) уменьшения предельного размера доходов, дающих право применять НПД, желанная «стабильность правового регулирования» прямо закреплена ч.3 ст.1 Федерального закона от 27.11.2018 №422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на про-

фессиональный доход" (далее – ФЗ №422). С изложенной точки зрения, изъятие, сделанное п.1 ч.1 ст.2 ФЗ №255 для плательщиков НПД, можно признать обоснованным. Но при одном условии – предоставлении таким лицам права свободно вступить в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством согласно ст.4.5 ФЗ №255. Однако этого сделано не было. В итоге, лица, реализующие право на труд исключительно на основании гражданско-правовых договоров в сочетании с НПД, по-прежнему не охвачены страховой защитой в порядке ФЗ №255. Более того, прочтение норм ст.2, ст.4.5 ФЗ №255 в системной взаимосвязи с положениями ФЗ №422 позволяет говорить о нарушении законодателем принципа равенства всех перед законом. Так, налогоплательщиками НПД вправе стать как ИП, так и физические лица, не зарегистрированные в этом качестве. Для последних НПД есть условие ведения определенных видов приносящей доход деятельности без государственной регистрации в статусе индивидуального предпринимателя. Однако если любой ИП безотносительно к выбранному режиму налогообложения вправе подать заявление о добровольном вступлении в социально-страховые правоотношения по ФЗ №255, то иные физические лица, занятые предпринимательской деятельностью и применяющие НПД, лишены такой прерогативы.

Фактически, нормы ст.4.5 ФЗ №255 необоснованно ставят право субъекта предпринимательской деятельности на приобретение в заявительном порядке статуса застрахованного лица от факта государственной регистрации в качестве ИП. Устранение отмеченного «несоответствия» видится в расширении круга лиц, имеющих право заявительного вступления в правоотношения на основании ст.4.5 ФЗ №255. К слову, в системе обязательного пенсионного страхования институт добровольного включения лиц в число застрахованных, столь неоправданных изъятий не содержит. Плательщики НПД вправе подать заявление и уплачивать страховые взносы за себя в порядке пп.6 п.1 ст.29 Федерального закона от 15.12.2001г. №167-ФЗ "Об обязательном пенсионном страховании в РФ".

Список использованной литературы

1. Рощепко Н.В. Правовое регулирование социально-страховых отношений: единство публичных и частных начал: монография / Н.В. Рощепко. - М.: Юстицинформ, 2021. – 388 с.
2. Давыдова О.В. Самозанятые - иностранные граждане / О.В. Давыдова // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2022. - №11. - С. 57 - 60.
3. Письмо Минфина России от 02.10.2023 № 03-11-11/93491 «Об уплате страховых взносов самозанятыми» //
4. Каменская С.В. Современные вызовы системе обязательного социального страхования регулирования / С.В. Каменская // Демидовский юридический журнал. – 2023. – Т.13, №3. С. 339–345.
5. Лукьянов К.Ю. Налог на профессиональный доход в России и за рубежом: особенности правового регулирования / К.Ю. Лукьянов // Юрист. 2023. N 4. С. 37–41.

УДК 34.047:349:616-05

В. Д. Рузанова

*(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара)*

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ МЕДИЦИНЫ

В статье определяются общие направления взаимодействия гражданского законодательства с медицинским и впервые в доктрине выделяются векторы его влияния на персонали-

зированной медицине. Раскрывается сущность персонализированной медицины и в качестве основных направления такого влияния называются договорное право и определение правового режима генетических сведений о состоянии здоровья граждан как персональных данных, являющихся нематериальными благами, охраняемыми гражданским законодательством.

Основной тенденцией в развитии гражданско-правового регулирования является расширения сферы его влияния, обусловленное усложнением общественных отношений и, как следствие, усилением межотраслевых связей и формированием так называемых «зон совместного регулирования». Одним из ярко выраженных направлений «встречного» движения нормативных массивов является укрепление взаимодействия гражданского законодательства и законодательства о здравоохранении, прежде всего, его составной части – медицинского законодательства.

Интересно отметить, что главная особенность взаимовлияния гражданского и медицинского законодательства заключается в том, что в последнем закрепляются положения, наполняющие гражданско-правовое регулирование конкретным содержанием, обогащая его. Так, понятия рождения и смерти гражданина как основания возникновения и прекращения гражданской правоспособности гражданина (ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], далее – ГК РФ) установлены в ст. 66 ФЗ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Однако, иногда непосредственно нормами «медицинских» актов регламентируются отношения между медицинскими учреждениями и пациентами, многие из которых носят гражданско-правовой характер.

Взаимодействие данных гражданско-правовых и «медицинских» нормативных образований сегодня осуществляется по целому ряду направлений, в частности, по вопросам причинения вреда жизни и здоровью пациента; функционирования юридических лиц в сфере здравоохранения; оказания платных медицинских услуг; правового положения гражданина как пациента и потребителя; защиты неприкосновенности частной жизни и др.

Одним из основных векторов такого взаимодействия, с нашей точки зрения, является усиление влияния гражданско-правового регулирования на персонализированную медицину. Считаем, что необходимым условием внедрения и развития пациент-ориентированного метода в медицине должно стать переосмысление существующих и разработка новых легальных решений в сфере практического применения цифровых и генетических технологий, а также ДНК-информации. На международном уровне существует целый пакет договоров, в которых закрепляются принципы построения система здравоохранения, в том числе, и в сфере персонализированной медицины (например, Декларация о медицинском обслуживании, ориентированном на пациента, принятая Международным альянсом организаций пациентов (МАОП) (2007) [3].

Потребность в переходе к персонализированной медицине обусловлена тем, что традиционные подходы показывают низкую эффективность при лечении и профилактике заболеваний. Суть пациент-ориентированного метода состоит в том, что профилактика заболеваний и лечение конкретного пациента (в том числе, подбор лекарств и методов терапии) осуществляется, исходя индивидуальных его особенностей. Персонализированный подход в медицине базируется на данных о специфике функционирования генетического аппарата, что позволяет разработать для конкретного больного схему лечения в соответствии с его генотипом [4, с. 5].

Для внедрения персонализированного метода в России должны быть созданы экономические, технические и организационные предпосылки, а также соответствующие условия и инфраструктура здравоохранения [5, с. 4]. Однако не менее значимым является и правовое обеспечение его применения. На возникающие в этой сфере отношения оказывают воздействие различные отрасли законодательства (в том числе комплексные). Но в качестве основной тенденции следует выделить усиление влияния гражданского законодательства на развитие персонализированной медицины.

Прежде всего, это выражается в применении норм договорного права к отношениям между медицинским учреждением и пациентом. Строго говоря, договор возмездного оказания медицинских услуг, являясь гражданско-правовым, полностью укладывается в конструкцию, закрепленную в ГК РФ для любого вида возмездных услуг. Вместе с тем, каждый и его элементов содержательно наполняется соответствующими медицинскими правилами. Так, в постановлении Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [6, с. 4] закрепляется совокупность существенных условий указанного договора, не полностью совпадающую с указанными в ГК РФ условиями договора возмездного оказания услуг, являющегося родовым понятием. С одной стороны, положения названного постановления не соответствуют ГК РФ, а с другой – предлагаемые в указанном акте существенные условия договора обращены к пользе пациента. Разрешить эту непростую ситуацию возможно путем введения в главу 39 ГК РФ указания на то, что для отдельных видов договоров возмездного оказания услуг перечень существенных условий может быть расширен.

В свою очередь, договоры, предусматривающие применение пациент-ориентированного метода, существенно отличаются от обычных договоров об оказании медицинских услуг, поскольку они должны включать дополнительные условия, отражающие специфику персонализированного подхода, в частности, связанную с определением генотипа человека, использованием его генетических данных и др. Для того, чтобы договорное право полноценно «заработало» в сфере медицины, в том числе, персонализированной, ему необходимо «двигаться» в направлении укрепления межотраслевых связей и создания системы согласованного правового регулирования. Доктринальной основой для такого «движения» должны стать научные исследования на междисциплинарном уровне.

В связи с внедрением персонализированной медицины актуализируется проблема получения, хранения и защиты генетической информации. Роль гражданского законодательства в этом направлении в настоящее время резко возрастает в связи с признанием персональных данных видом нематериальных благ [7, с. 18–28; 8, с. 77–83]. Причем эффективность действия гражданского законодательства здесь повышается по мере укрепления его связей с законодательством в сфере персональных данных. И здесь особую актуальность приобретает совершенствование правоохранительного механизма, основу которого составляет частноправовые меры.

Важно иметь в виду, что основой для внедрения персонализированного подхода в практическую деятельность являются использование таких персональных данных как генетическая информация, содержащая сведения о состоянии здоровья. В качестве предпосылки успешного развития названного направления в медицине выступает формирование целостного правового режима указанных сведений. При этом необходимо учитывать действующее правовое регулирование: сведения о состоянии здоровья и генетические сведения являются самостоятельными подвидами персональных данных. Это означает, что, с одной стороны, они отвечают всем признакам персональных данных как родовой категории, а, с другой – обладают своими собственными характерными чертами. По российскому законодательству первые относятся к специальной категории персональных данных, а вторые – в зависимости от их содержания либо к специальной категории, либо к биометрическим персональным данным (ст.ст.10,11 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных») [9]. В то же время сведения о состоянии здоровья одновременно могут быть генетической информацией. В международных документах все указанные выше данные относятся к самостоятельным видам персональных данных (ст.9 Общего регламента по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. или GDPR — General Data Protection Regulation [10]). Представляется, что такое легальное решение вполне оправдано, поскольку каждая из названных категорий персональных данных имеет самостоятельное значение и особенности правового режима. Вместе с тем,

указанный подход к правовому регулированию не препятствует установлению правил об их взаимодействии. Применительно к персонализированной медицине основным вопросом является определение правового режима используемых в медицинских целях сведений о состоянии здоровья, являющихся генетическими.

Создание такого режима послужит основой для развития собственно персонализированной медицины, а также для повышения уровня охраны таких принадлежащих гражданам нематериальных благ как неприкосновенность частной жизни, личной и семейной, в том числе врачебной, тайны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Правовое обеспечение персонализированной медицины, основанной на генетических и иных индивидуальных особенностях пациента» № 23-28-00720.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : в ред. Федер. закона от 24 июля 2023 г. // Собрание законодательства РФ : 5 декабря 1994 г., № 32, ст. 3301.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон, 21 ноября 2011 г., № 323-ФЗ : принят Гос. Думой 1 ноября 2011 г. : одобр. Советом Федерации 9 ноября 2011 г. : в ред. Федер. закона от 24 июля 2023 г. // Собрание законодательства РФ : 28 ноября 2011 г., № 48, ст. 6724.
3. Декларация о медицинском обслуживании, ориентированном на пациента, принятая Международным альянсом организаций пациентов (МАОП) // Декларация размещена на сайте Ассоциации организаций по клиническим исследованиям [Электронный ресурс]. URL: <https://almadeya.ru/media/redactor/2020/12/19/azzlfc.pdf>.
4. Кеваль К.Д. Персонализированная медицина / Кеваль К.Д. // Terra medica nova. 2009. № 1. С. 4–11.
5. Петров В.И., Шишиморов И.Н., Магницкая О.В., Толкачев Б.Е. Персонализированная медицина: эволюция методологии и проблемы практического внедрения / Петров В.И., Шишиморов И.Н., Магницкая О.В., Толкачев Б.Е. // Вестник ВолГМУ. 2016. № 1 (57). С. 3–11.
6. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг : Постановление Правительства РФ, 04 октября 2012 г., № 1006 // Собрание законодательства РФ : 8 октября 2012 г., № 41, ст. 5628.
7. Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных / Малеина М.Н. // Журнал российского права. 2010. № 11 (167). С. 18-28.
8. Рузанова В.Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория / Рузанова В.Д. // Правовое государство: теория и практика. Научно-практический журнал. № 3 (69). 2022. С. 77-83.
9. О персональных данных : Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобр. Советом Федерации 14 июля 2006 г. : в ред. Федер. закона от 06 февраля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 июля 2006 г., № 31 (1 ч.), ст. 3451.
10. Общий регламент по защите данных Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. или GDPR — General Data Protection Regulation. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/justice/data-protection/reform/files/regulation_oj_en.pdf (дата обращения: 12.11.23).

В. Д. Савчик

*(Гомельское межрайонное отделение филиала «Энергосбыт» РУП «Гомельэнерго»,
Гомель)*

Е. В. Савчик

*(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
Гомель)*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПУНКТА 56¹ ПРАВИЛ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ

В работе рассмотрены актуальные теоретические и практические вопросы заключения договора электроснабжения, в том числе детально проанализирован процесс его заключения на условиях, закрепленных в п. 56¹ Правил электроснабжения. Аргументирован вывод о невозможности и нецелесообразности применения указанного пункта Правил, исходя как из требований нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу, так и с практической точки зрения.

Нормы гражданского права, регулирующие договорные отношения по передаче энергии и энергоресурсов через присоединенную сеть, содержатся в § 6 «Энергоснабжение» гл. 30 «Купля-продажа» Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), а также в различных специальных нормативных правовых актах, в том числе нормы о договоре электроснабжения – в Правилах электроснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.10.2011 № 1394 (в ред. от 13.07.2023 № 457) (далее – Правила). Непосредственно регулированию порядка заключения договора энергоснабжения посвящены ст.ст. 510–511 ГК, п. 56¹ главы 5 и нормы, закрепленные в главах 6 и 7 Правил. При этом следует отметить, что п. 56¹ Правил является новеллой, регулирующей гражданско-правовые отношения между энергоснабжающими организациями (далее – ЭСО) и потребителями электрической энергии в случаях, когда заключение договора с новым собственником (владельцем) объекта электроснабжения возможно путем переоформления договорных отношений без его отключения от электрической сети. В этой связи возникают вопросы о соответствии положений, закрепленных в п. 56¹ Правил, общим требованиям нормативной соподчиненности и о возможности применения указанного пункта на практике.

Гражданское законодательство Республики Беларусь как любое иное отраслевое законодательство, и законодательство Республики Беларусь в целом, представляет собой четко выраженную систему нормативных правовых актов, характеризующуюся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающую правовое регулирование гражданских отношений (п. 1 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17.07.2018 № 130-3) (далее – Закон № 130-3). Указанная иерархия (соподчиненность) нормативных правовых актов определяется исходя из принципа конституционности (законности), который обеспечивается соответствием нормативного правового акта Конституции Республики Беларусь и нормативным правовым актам большей юридической силы (абз. 4 п. 2 ст. 6 Закона № 130-3). Кодексы и законы имеют более высокую юридическую значимость, чем такие подзаконные акты как постановления правительства и нормативные правовые акты входящих в структуру правительства министерств и ведомств (пп. 5–7 ст. 23 Закона № 130-3). Положения нормативных правовых актов, имеющих меньшую юридическую силу, не могут противоречить требованиям, содержащимся в актах большей юридической силы. В случае коллизии нормативных правовых актов субъекты правоотношений обязаны руководствоваться предписаниями нормативного правового акта большей юридической силы (ч. 2 п. 1 ст. 70 Закона № 130-3).

При этом нормами п. 56¹ Правил установлено, что заключение договора электроснабжения с новым собственником объекта электроснабжения возможно при отсутствии у него правоустанавливающих документов: при достижении договоренности между абонентом и покупателем объекта электроснабжения допускается переоформление договорных отношений на электроснабжение с покупателем такого объекта без его отключения от электрической сети на основе только извещения абонента (собственника объекта электроснабжения) о расторжении договора электроснабжения и заявления покупателя этого объекта, а в течение трех месяцев после заключения договора электроснабжения названным покупателем представляется копия правоустанавливающего (правоудостоверяющего) документа на приобретенный им объект электроснабжения.

Указанное положение прямо противоречит положениям п. 2 ст. 522 ГК, в котором прямо говорится о том, что исполнение договора продажи недвижимости сторонами до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. Таким образом, извещение абонента (собственника объекта электроснабжения) о расторжении договора электроснабжения и заявление покупателя этого объекта, составленное в произвольной форме, не могут являться основанием для заключения договора электроснабжения с указанным покупателем до государственной регистрации перехода к нему права собственности на данный объект.

Кроме того, нормы п. 56¹ Правил вступают в противоречие и с положениями, закрепленными в п. 47 этих же Правил, которые устанавливают порядок подключения электроустановок потребителя к электрической сети после заключения с ним договора электроснабжения. Данный порядок предусматривает предоставление потенциальным абонентом целого ряда дополнительных документов, а не только заявления, в том числе, подп. 47.2 указывает на необходимость представления копии правоустанавливающего (правоудостоверяющего) документа на объект электроснабжения или земельный участок, на котором планируется расположить объект электроснабжения (в случае, когда технические условия на присоединение выдавались в составе разрешительной документации на строительство), либо на объект электроснабжения (в случае смены собственника (владельца) объекта электроснабжения, если это не требует изменения категории по надежности электроснабжения, разрешенной к использованию мощности, точек присоединения).

При этом установленное абз. 1 п. 47 Правил исключение со ссылкой на п. 49¹, определяющий порядок подключения к электрической сети электроустановок номинальным напряжением до 1000 В и номинальной мощностью до 3 кВт в границах объекта электроснабжения абонента в случаях, определенных в ч. 2 п. 9 («присоединение (подключение) к электрической сети электроустановок при смене собственника (владельца) объекта электроснабжения, в том числе многоквартирного жилого дома и (или) другого капитального строения гражданина, а также электроустановок номинальным напряжением до 1000 В и номинальной мощностью до 3 кВт в границах объекта электроснабжения абонента энергоснабжающей организации в случае, если это не требует изменения категории по надежности электроснабжения, разрешенной к использованию мощности, точек присоединения, осуществляется в порядке, определенном в главе 5 настоящих Правил») по сути исключением не является, а отсылает опять к общему порядку подключения, предусматривающему предоставление новым собственником объекта электроснабжения полного пакета документов.

Кроме того, п. 48 Правил одним из оснований для отказа в регистрации заявления потребителя определено «отсутствие у заинтересованного юридического лица, индивидуального предпринимателя правоустанавливающих (правоудостоверяющих) документов на объект электроснабжения или земельный участок, на котором планируется расположить объект электроснабжения».

Вышесказанное свидетельствует о несоответствии рассматриваемых положений требованиям о внутренней согласованности и иерархии нормативных правовых актов,

составляющих законодательство, важность обеспечения которых в совокупности с необходимостью исключения противоречий в положениях различных актах подчеркивал В.Г. Василевич [1, с. 12]. Названный автор также справедливо отмечал, что противоречия и другие дефекты законодательства оказывают негативное влияние на регулируемые общественные отношения, что может проявиться в росте количества несчастных случаев на производстве и т. п. [1, с. 17]. В целом О.А. Кузнецова считает, что при выявлении противоречия акта нормативному акту большей юридической силы, акт утрачивает силу, обосновывая свое мнение тем, что «когда говорят о юридической силе нормативного акта как о его государственно-принудительной обязательности применительно к юридическим фактам и вытекающим из них гражданско-правовым последствиям, то имеют ввиду иерархический аспект юридической силы» [2, с. 169].

Обращаясь к правоприменительной практике, можно утверждать, что применение п. 56¹ Правил будет связано и с определенными трудностями практического характера. Так, исходя из содержания рассматриваемого пункта следует, что договор с владельцем объекта электроснабжения заключается без представления каких-либо документов, кроме заявления покупателя этого объекта, составленного в произвольной форме, извещения абонента (прежнего владельца) о расторжении договора электроснабжения и копии договора купли-продажи объекта. При этом для нового абонента (покупателя объекта электроснабжения) устанавливается трехмесячный срок для представления ЭСО следующих документов:

- 1) копии правоустанавливающего (правоудостоверяющего) документа;
- 2) копии решения местного исполнительного и распорядительного органа о возможности изменения назначения капитального строения без проведения строительно-монтажных работ;
- 3) письменную заявку о договорных величинах активной мощности и электропотребления с разбивкой по расчетным периодам;
- 4) сведений, обосновывающих отнесение потребителя к той или иной категории и (или) тарифной группе;
- 5) документов, подтверждающих нормы расхода электроэнергии (при необходимости) (ч. 4 п. 56¹ Правил).

Однако без предоставления выше перечисленных документов невозможно согласовать существенные условия договора электроснабжения, установленные п. 62 Правил, и следовательно, они должны быть представлены во всех случаях для заключения договора, иначе он будет считаться незаключенным (п. 1 ст. 402 ГК), а совершенная сделка – ничтожной (ст. 169 ГК). Даже если воспринимать данный договор как предварительный, он должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также другие существенные условия основного договора (п. 3 ст. 399 ГК). Таким образом, ЭСО априори не может заключить договор электроснабжения без достижения соглашения по условиям, отнесенным Правилами к существенным.

Если же рассматривать возможность применения п. 56¹ Правил в организационно-правовом аспекте, то, как показывает практика, в договорных отношениях между ЭСО и потребителями имеет место объективная проблемность в части истребования у последних любых дополнительных документов в процессе исполнения договора. Обязательность предоставления таких документов может возникать по разным причинам (при изменении законодательства, присоединении субабонентов, сдачи объекта электроснабжения в аренду и т. д.), но добиться от потребителей в установленный срок представления необходимых документов путем ведения деловой переписки в подавляющем большинстве случаев не представляется возможным и требуется, в зависимости от ситуации, использование административных методов (при наличии оснований) либо обращение в судебные органы для приведения договорных отношений в соответствие с требованиями законодательства.

Исходя из вышеуказанной проблемности можно однозначно утверждать, что предусмотренный п. 56¹ Правил подход к заключению договора изначально является не-рациональным, так как большинством потребителей выполнение требований вышеназванного пункта не будет осуществлено ни в трехмесячный, ни в иной срок.

Кроме того, Правилами не установлен и порядок действий ЭСО в таких ситуациях. Также Правилами не определено, кто будет компенсировать возможный ущерб в случаях, если потребитель под разными предлогами не представляет необходимую документацию, но при этом осуществляет 100 % предоплату электроэнергии либо занимается осуществлением социально значимой экономической деятельностью (сфера образования, управления и др.). Ведь, как отмечал В.Н. Годунов, вопрос о том, является ли договор заключенным (незаключенным), обычно возникает, когда одна из сторон требует исполнения договора или взыскания санкций по договору, а в случае признания договора незаключенным суд отказывает в удовлетворении названных требований [3, с. 72]. Также следует отметить, что мерой обеспечения выполнения требований о представлении новым собственником объекта электроснабжения документов, перечисленных в ч. 4 п. 56¹ Правил, в ч. 5 названного пункта устанавливается отключение ЭСО объекта электроснабжения от электросети в одностороннем порядке. То есть не расторжение договора электроснабжения, а только прекращение его исполнения в части поставки электроэнергии.

При этом, учитывая, то что в случаях, предусмотренных актами законодательства или договором, договор может быть изменен или расторгнут по требованию одной из сторон только по решению суда (пп. 2–3 ст. 420 ГК), заключение договора электроснабжения на условиях, предусмотренных п. 56¹ Правил, однозначно увеличит затраты ЭСО по обеспечению такого договора, нагрузку на судебную систему и дополнительные расходы для абонентов, договор с которыми на этом основании будет признан незаключенным. Таким образом, применение п. 56¹ Правил на практике не будет способствовать стабильности ведения предпринимательской деятельности, а, наоборот, создаст положение, при котором абонент окажется в ситуации постоянной угрозы отключения, необходимости уплаты штрафных санкций и оплаты судебных расходов. В целом негативных последствий применения п. 56¹ Правил может оказаться непредсказуемое множество.

Приведенный выше анализ позволяет сделать однозначный вывод о невозможности и нецелесообразности применения п. 56¹ Правил при заключении договора электроснабжения, исходя как из требований нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу, так и с практической точки зрения. С учетом изложенного считаем, что данный пункт из Правил следует исключить.

Список использованной литературы

1. Василевич, В. Г. Нормативные правовые акты как источники белорусского права: соотношение, действие, утрата юридической силы / В. Г. Василевич // Проблемы управления. – 2007. – № 2. – С. 10–24.
2. Кузнецова, О. А. Приобретение и утрата юридической силы актами, содержащими нормы гражданского права / О. А. Кузнецова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 156–173.
3. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор: вопросы заключения в законодательстве и практике / В. Н. Годунов // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 62–75.

В. Г. Скуратов, А. С. Мельников

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВИД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается правовая природа рекламной деятельности как одного из видов экономической деятельности. Сформулировано предложение относительно правового закрепления понятия «рекламная деятельность», позволяющего применять указанное понятие как направление предпринимательской деятельности, так и название маркетингового инструмента, направленного на привлечение внимания к объекту рекламирования.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь понятие рекламной деятельности раскрывается через ее содержание и представляет собой совокупность действий, совершаемых организациями или гражданами, связанных с производством, проектированием и (или) размещением (распространением) рекламы [1]. Указанные действия осуществляются в форме выполнения различных видов работ или оказания услуг, включенных в Общегосударственном классификаторе видов экономической деятельности (ОКЭД) как в специальную подсекцию МС «ДРУГАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ, НАУЧНАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» в разделе 73 «РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИЗУЧЕНИЕ КОНЪЮНКТУРЫ РЫНКА», так и множество подклассов в иных секциях (18129, 58110, 58130, 58199, 59110, 59200 и др.) [2]. Как отдельный вид экономической деятельности реклама и рекламная деятельность, закреплены также в Статистической классификации экономической деятельности в ЕС (NACE Rev. 2), Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) и в аналогичных классификаторах в многочисленных странах [3, 4].

Необходимо отметить, что определение понятия «Рекламная деятельность» содержится в законодательстве, регулирующем отношения на рекламном рынке, не во всех государствах (в том числе в законах о рекламе большинства государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)) [5–7].

Рассматривая рекламное законодательство Республики Беларусь, необходимо обратить внимание, что формулировка понятия «рекламная деятельность», закрепленная в Законе Республики Беларусь «О рекламе», указывает на характер составляющих ее отношений недостаточно четко. Так, в частности, на ее основании и исходя из других норм указанного Закона, невозможно однозначно сделать вывод относительно следующих обстоятельств:

– является ли рекламная деятельность самостоятельным видом предпринимательской деятельности (как направление экономической деятельности, право на осуществление которой в соответствии со ст. 13 Конституции Республики Беларусь гарантировано государством), или маркетинговым инструментом, обеспечивающим привлечение внимания к объекту рекламирования [8];

– относится ли к рекламной деятельности производство рекламы без факта ее размещения (распространения), и соответственно, что в таком случае понимать под рекламой как объектом рекламной деятельности, так как информационный продукт (совокупность подобранных сведений об объекте рекламирования) независимо от его содержания и уникальности без факта передачи его неопределенному кругу лиц (в том числе потребителю) рекламой не является. Последнее объясняется тем, что в таком случае эта информация не выполняет такие функции как привлечение внимания к определенному товару, организации, производителю, физическому лицу и т.д., а также информационное воздействие на выбор потребителя. Требование о необходимости совершения с рекламной информацией

действия по доведению ее до потребителя рекламы посредством размещения (распространения) в любой форме с помощью любых средств является обязательной частью определения рекламы, закрепленного в законодательстве государств-членов ЕАЭС. При этом неверным будет утверждать, что центральное место в рекламе и рекламной деятельности занимает деятельность по распространению определенных сведений об объекте рекламирования, поскольку эти действия в отношении различных рекламных продуктов могут быть типовыми и носить исключительно технический характер, не обладающий какой-либо оригинальностью. Несомненно, способ распространения может существенно влиять на эффективность восприятия рекламной информации потребителем. При этом независимо от способа распространения, который может быть обусловлен как стратегией рекламной кампании, так и кругом потенциальных потребителей (адресатов) рекламы, осознанное решение о выборе того или иного объекта зависит, в первую очередь, от содержания рекламной информации. Это еще раз подтверждает, что центральное место в рекламе занимает именно информация. Кроме того, значение информации в отношениях, связанных с рекламой, обусловило отнесение их в законодательстве к информационным отношениям [9, 10];

– и других.

Следует обратить внимание, на то, что в 2022 году на отсутствие в законодательстве Республики Беларусь четких требований, непосредственно относящихся к осуществлению рекламной деятельности, указывало Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) [11]. Однако, отнесение МАРТ рекламной деятельности к предпринимательской деятельности, с одной стороны, фактически, означает самостоятельность этого вида деятельности и ее направленность на получение прибыли непосредственно от производства и размещения (распространения) именно рекламы, а не от использования в гражданском обороте объекта рекламирования, а с другой - как следствие, невозможность использования понятия «рекламная деятельность» как маркетингового инструмента. Последнее положение имеет особое значение в отношении субъектов, деятельность которых в соответствии с законодательством не является предпринимательской (например, ремесленная деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агротуризма, чистка и уборка жилых помещений, майнинг, репетиторство и другие), в том числе которая по этическим (в отдельных государствах и правовым) причинам не может являться объектом рекламирования (саморекламирования) (например, адвокатская деятельность, нотариальная деятельность нотариусов, деятельность третейских судей).

Закрепление в налоговом законодательстве действий по созданию, распространению и размещению рекламной информации (информации, призванной формировать или поддерживать интерес к объекту рекламирования (физическому или юридическому лицу, товарам, товарным знакам, работам, услугам)) не как «рекламная деятельность», а как «рекламные услуги», указывает на то, что рекламная деятельность как совокупность возмездных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) рекламодателем самостоятельным субъектом хозяйствования на основании соответствующего договора, является предпринимательской деятельностью, а выполнение аналогичных действий рекламодателем самостоятельно для своих нужд – инструментом маркетинга (соответственно, самостоятельным объектом налогообложения не является) [12, ст. 13].

В связи с изложенным для обеспечения универсальности понятия «рекламная деятельность» в нем должно содержаться уточнение относительно возможности осуществления такой деятельности «для собственных нужд». Для закрепления указанного предложения в действующем законодательстве необходимо абзац десятый статьи 2 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» дополнить словами «...в том числе для собственных нужд.».

Независимо от того осуществляется ли рекламная деятельность с привлечением специализированных организаций или самостоятельно обладателем прав на объект рекламирования, субъектов рекламного рынка теоретически можно разделить на тех, кто: непосредственно участвует в производстве и распространении рекламы; является адресатами рекламных кампаний.

К первой группе относятся рекламодатели, рекламопроизводители (рекламоизготовители) и распространители рекламы, а ко второй - потребители рекламы.

Рекламодатель является первым звеном в организации рекламной кампании и участником большинства правоотношений, складывающихся в процессе рекламирования соответствующего объекта (кроме случаев осуществления рекламирования с использованием услуг рекламного агентства полного цикла).

В большинстве случаев в обязательстве по оказанию рекламных услуг рекламодателем является хозяйствующий субъект, а преследуемой им конечной целью - вызов на оферту касательно предметов его предпринимательской деятельности, направленный неопределенному кругу лиц. При этом следует обратить внимание, что рекламодателем может являться не только субъект предпринимательской деятельности, но и физическое лицо или некоммерческая организация, которые посредством рекламы привлекают внимание к тому или иному объекту рекламирования, в том числе явлениям (мероприятиям) социального характера (например, здоровому образу жизни, мерам по охране здоровья, безопасности населения, социальной защите, охране окружающей среды, развитию белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества и др.).

При анализе правового положения потребителей рекламы необходимо различать тех, на кого направлена рекламная деятельность (целевая аудитория, которую ищут рекламодатели), и тех, на кого направлены рекламные сообщения. Указанные субъекты при нарушении их прав потребителя (например, права на получение достоверной информации) могут обратиться за защитой в уполномоченный орган (сектор по рекламе управления защиты прав потребителей и контроля за рекламой МАРТ). Поэтому, говоря о потребителях рекламы, необходимо иметь в виду не только тех, кому она адресована, но и всех тех, кто может вступить с ней в контакт. По мнению отдельных исследователей рекламного рынка, потребитель рекламы является ключевой фигурой (участником) рекламных отношений, поскольку без него рекламная деятельность становится бесполезной [13]. Такое утверждение можно обосновать тем, что без потребителя реклама как инструмент маркетинга была бы бессмысленна, т.к. отсутствует адресат рекламы, на привлечение внимания которого направлена рекламная кампания и, соответственно, его интересы должны особо учитываться при разработке и распространении рекламы.

В процессе осуществления деятельности в сфере рекламы, важную роль также играют спонсоры и рекламные посредники, которыми выступают маркетинговые и исследовательские организации. При этом одно и то же лицо в рамках рекламной деятельности может играть одну роль в одних правовых отношениях и другую роль в других.

Список использованной литературы

1. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04 янв. 2021 г., № 82-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2023.
2. Об утверждении, введении в действие общегосударственного классификатора Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Государственного комитета по стандартизации Респ. Беларусь, 05 дек. 2011 г., № 85 (ред. от 29.10.2021 № 99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2023.
3. Statistical Classification of Economic Activities in the European Community (English, NACE Rev. 2) // <https://inform.best/page/NACE.html>.

4. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]: утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 22.09.2023) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». - М., 2023.

5. О рекламе [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации, 13 марта 2006 г., № 38-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». - М., 2023.

6. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан, 19 дек. 2003 г., № 508-III. - Режим доступа : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000508>. - Дата доступа: 25.10.2023.

7. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики, 24 дек. 1998 г., № 155. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/162>. – Дата доступа: 25.10.2023.

8. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

9. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 окт. 2022 г., № 209-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10800455>. – Дата доступа: 03.10.2023.

10. Скуратов, В.Г. Реклама как инструмент информационного воздействия: правовой аспект / В.Г. Скуратов, А.С. Мельников // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023. - № 5. – С. 148–150.

11. Официальный сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.mart.gov.by/activity/regulirovanie-reklamnoy-deyatelnosti/faq-adv-reg/kommentarii-po-ukazu-prezidenta-respubliki-belarus-ot-31-marta-2022-g-131-o-razvitii-sredstv-massovo-o-platelshchikakh-sbora/kakov-poryadok-otkrytiya-reklamnogo-agentstva-mozhet-li-individualnyu-predprinimatel-byt-reklamnym-a/>.

12. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

13. Кузина, Н.Н. О потребителе рекламы по законодательству России и Испании [Электронный ресурс] / Н.Н. Кузина, Э.Л. Страунинг // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

УДК 347.775

П. А. Тарасов

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РЕЖИМЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

В представленном материале рассмотрены отдельные аспекты обеспечения сохранности информации, составляющей коммерческую тайну. Проанализированы способы защиты прав на информацию, предусмотренные гражданским законодательством Республики Беларусь. Отмечена роль договорных отношений в обеспечении правовой охраны конфиденциальных сведений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования гражданско-правовых способов защиты информации в режиме коммерческой тайны.

В Республике Беларусь динамично развивается рыночная экономика. Особая роль в развитии товарно-денежных отношений на современном этапе принадлежит информационным технологиям. Информация является объектом не только публичных, но и частных интересов как граждан, так и организаций. Сведения, представляющие ценность для ее обладателя, нуждаются в правовой защите. Режим коммерческой тайны позволяет принимать правовые и иные меры сохранности конфиденциальной информации, имеющей коммерческую ценность и включенной в товарный оборот. Сегодня, как никогда ранее, актуален вопрос об обеспечении гражданско-правовой защиты таких сведений.

Слово «коммерческий» пришло из латинского языка, где еще в период античности «*commercium*» обозначало «торговлю». Д.Н. Ушаков определяет этот термин как «связанный с частной торговой или иной деятельностью» [1, с. 235]. Коммерческая (торговая) деятельность в первую очередь связана с перемещением товаров или услуг между субъектами гражданских правоотношений. Порядок обеспечения защиты коммерчески значимой информации, как объекта гражданских прав, представляет особый интерес для ученых-цивилистов как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

В разное время вопросам коммерческой тайны уделялось внимание в научных публикациях таких правоведов, как С.С. Лосев, Ю.В. Носик, В.А. Северин, Я.И. Функ и др. Правовой режим защиты подобных сведений рассматривался и при проведении диссертационных исследований: Л.А. Ацапиной, Л.А. Крикун, Н.А. Потаповым, Р.В. Севериным, а также другими учеными. На наш взгляд, отдельные аспекты защиты гражданских прав на информацию в режиме коммерческой тайны, представляют особый научный интерес.

Само определение понятия «коммерческая тайна» приводится в Законе Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» (далее – закон «О коммерческой тайне»), который определяет ее как «сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (*ноу-хау*), соответствующие требованиям настоящего Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны» [2]. Важно различать такие понятия «нераскрытая информация» и «коммерческая тайна». Информация включена белорусским законодателем в систему объектов гражданских прав. Условием такого отнесения является именно ее нераскрытый характер. Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК) предусмотрена защита такой информации, в том случае «если она составляет служебную или коммерческую тайну» [3]. Отметим, что «нераскрытая информация» и «коммерческая тайна» близкие, но не тождественные правовые категории. В частности, Я.И. Функ соотносит их «как общее с частным» и отмечает ««взаимное проникновение» указанных двух правовых явлений» [4, с. 70]. В режиме коммерческой тайны могут охраняться и иные сведения, предусмотренные ГК (например, секреты производства (*ноу-хау*)). Для защиты такой информации, ее владелец обладает правом использования способов, определенных гражданским законодательством Республики Беларусь.

Сведения, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны, могут являться объектом обязательственных отношений, возникающих между контрагентами и ее владельцами. В частности, при совершении сделок между организациями конфиденциальная информация зачастую становится предметом заключаемого между ними гражданско-правового договора. Стороны берут на себя обязательства, направленные на обеспечение сохранности таких сведений и недопущению их разглашения, которые могут быть предусмотрены как в договоре, так и в отдельном соглашении его участников.

Законом «О коммерческой тайне» установлен порядок гражданско-правовой защиты различных сведений, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны. Лицо, допустившее разглашение данной информации, а также в случае незаконного ознакомления и иных нарушений ее конфиденциальности, обязано прекратить неправомерные действия, возместить убытки ее владельцу.

Кроме того, белорусское законодательство дает возможность контрагентам и владельцам самостоятельно определить в договоре (соглашении) какие меры гражданско-правовой ответственности будут применены к стороне, нарушившей обязательство в части, касающейся разглашения информации, составляющей коммерческую тайну. Помимо возмещения убытков, предусматривающего как реальный ущерб, так и упущенную выгоду, субъекты рассматриваемых правоотношений могут определить возможность взыскания неустойки с нарушителя.

В товарно-денежных отношениях большое значение имеет недопущение недобросовестной конкуренции. Разглашение коммерческой тайны конкурента, по сути, нарушает законные интересы субъектов, осуществляющих предпринимательскую (хозяйственную) деятельность. Более того, «такие действия», как отмечает С.С. Лосев, «следует признать недобросовестной конкуренцией и распространять на них механизм защиты, предусмотренный антимонопольным законодательством» [5, с. 183]. Защита прав субъектов на информацию, составляющую коммерческую тайну, чаще всего осуществляется в судебном порядке.

В судебной практике нередко встречаются случаи, когда, в ходе проведения разбирательств по гражданским или экономическим делам, связанным с предоставлением информации о деятельности коммерческих организаций, одна из сторон необоснованно указывает на то, что такие сведения являются коммерческой тайной и по этой причине не могут быть предоставлены другой стороне. Например, в одном из гражданских дел, рассматриваемом экономическим судом Гомельской области, истица Т., являясь участником ОАО «Б», предъявила иск о понуждении данного юридического лица к предоставлению информации о документах хозяйственного общества и ознакомлению с ними. Ответчик отказался предоставлять данную информацию, обосновав это тем, что частично запрошенные Т., документы, составляют коммерческую тайну (в силу «Положения о коммерческой тайне ОАО «Б»»). Суд удовлетворил требования истицы и обязал ответчика предоставить ей информацию о деятельности общества путем ознакомления с документами [6]. Данное решение также было оставлено без изменения судами апелляционных инстанций.

На наш взгляд, такое решение было принято судами на том основании, что ознакомление с принадлежащей коммерческой организации конфиденциальной информацией, устанавливает для его участника обязанность не разглашать полученную информацию и не является препятствием для предоставления таких сведений. Более того, учет лиц, получивших доступ к такой информации, предусмотрен законом «О коммерческой тайне» и является одной из мер установления, рассматриваемого нами правового режима. Полагаем, что установление в законодательстве перечня необходимых мер, обеспечивающих защиту коммерческой тайны, дает возможность регулирования отношений складывающихся как между субъектами договорных отношений, так и между коммерческой организацией и ее членами.

Кроме судебной защиты следует упомянуть и самозащиту прав на информацию, составляющую коммерческую тайну. Законодательство не дает четкого понимания, что представляет собой такая самозащита в рассматриваемой сфере. ГК предусматривает ее в качестве одного из способов защиты гражданских прав. По мнению Р.В. Северина, «под самозащитой права в области коммерческой тайны следует понимать осуществление управомоченным лицом действий фактического характера, направленных на предупреждение и пресечение нарушения прав на коммерческую тайну, как в договорных, так и во внедоговорных отношениях» [7, 134]. Как нам кажется, самозащита прав на информацию в данном случае в первую очередь представляет собой именно активное действие субъекта, как заинтересованного лица. Полагаем, что такое право владельца коммерческой тайны является реальным, а не предполагаемым.

С целью самозащиты прав физическое лицо или организация, владеющее такой информацией, по сути, само должно предпринять необходимые организационно-правовые меры, предполагающие установление организации режима коммерческой тайны,

принятие Положения о коммерческой тайне организации, определения круга лиц, которым разрешен доступ к такой информации и др. На наш взгляд, комплексное принятие мер, направленных на сохранность коммерческой тайны, позволит обеспечить конфиденциальный характер содержащихся в ней сведений, а совершенствование способов гражданско-правовой защиты таких сведений, создаст условия для обеспечения информационной безопасности коммерческих организаций.

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты обеспечения гражданско-правовой защиты информации в режиме коммерческой тайны, нами были сделаны следующие выводы:

1) информация, составляющая коммерческую тайну, является объектом обязательственных отношений, устанавливаемых с помощью гражданско-правовых договоров;

2) перечень, предусмотренных законом мер, обеспечивает защиту сведений в режиме коммерческой тайны и позволяет регулировать отношения, возникающие между субъектами (владельцами, контрагентами и др.), а также между самой коммерческой организацией и ее участниками;

3) наиболее эффективным средством обеспечения сохранности информации в режиме коммерческой тайны является совершенствование способов ее гражданско-правовой защиты в сочетании с принятием комплекса мер, обеспечивающих конфиденциальность.

Список использованной литературы

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков – М. : «Аделант», 2014. – 800 с.

2. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2013 г., № 16-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Функ, Я. Понятия «коммерческая тайна» и «нераскрытая информация»: сходства и отличия / Я. Функ // Право и бизнес. – 2013. – № 7. – С. 62-70.

5. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне» : монография / С.С. Лосев. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – 208 с.

6. Решение экономического суда Гомельской области, 24 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] : дело N 48-8/2019 // ILEX / ООО «ЮрСпектр. – Минск, 2023.

7. Северин, Р. В. Механизм защиты прав на коммерческую тайну / Р.В. Северин. – М. : «ЛИБРОКОМ», 2016. – 256 с.

УДК 347.61

Т. М. Халецкая

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

ЗАКОННЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА БРАЧНОСТЬ

В статье выявлены причины закрепления в отечественном законодательстве правила о совместной собственности супругов; поставлен вопрос о влиянии презумпции общности супружеского имущества на желание вступить в зарегистрированные браки. Сделан вывод о необходимости достижения в законодательстве баланса между интересами супругов-собственников, что позволит возродить в социуме интерес к официальному оформлению отношений между мужчиной и женщиной.

Правовое регулирование отношений супружеской собственности на протяжении длительного периода времени шло по пути закрепления правил о раздельности супружеского имущества. Именно такая идея была положена в основу Свода законов Российской Империи, работа над которым началась в 1826 г. В ст. 109 тома X, отд. 2 закреплялось следующее: «Бракомъ не составляется общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь приобрѣтать отдѣльную свою собственность» [1]. Понимание того, насколько эффективным было это правило, возможно посредством изучения оценок, даваемых ему современниками Свода законов. На рубеже XIX – XX веков Г. Ф. Шершеневич писал: «Браком не составляется общение имущества супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность <...>. Из принципа раздельности имущества вытекает возможность для каждого супруга распоряжаться своим имуществом прямо от своего имени, независимо друг от друга, и не спрашивая на то взаимного дозволения. Отсюда же следует, что, как самостоятельные субъекты, супруги могут вступать между собою во всевозможные сделки дарственного и возмездного свойства. Один супруг не отвечает своим имуществом за долги другого» [2, с. 278–279]. Известный цивилист Д. И. Мейер, живший в период действия Свода законов, провел всесторонний анализ как самого правила, закрепленного в ст. 109 Свода законов, так и целей его закрепления. Ученый отмечал: «Нет, собственно, никаких имущественных отношений между супругами <...> они также чужды друг другу по имуществу, как лица совершенно посторонние» [3, с. 731]. Рассуждая далее Д. И. Мейер отмечает, что супруги, тем не менее, сообща пользуются имуществом, не считая его раздельным, и, зачастую говорят не «мой дом», «мои деньги», а «наш дом», «наши деньги». Это вызывает логичный вопрос: «откуда же разлад между определениями законодательства о совершенном разъединении имущественных прав супругов и понятиями относительного этого предмета, господствующими в действительности?» [3, с. 731]. Если брак отвечает своей идее, т.е. представляет собой «единение супругов духом и плотью», то столкновений относительно имущественных интересов между супругами не возникает, «супруги считают свое имущество общим и сообща употребляют его на удовлетворение потребностей» [3, с. 732]. Но, к сожалению, как верно отмечает Д. И. Мейер, идея брака на деле не всегда осуществляется: муж может предаваться кутежу или пускаться в разные аферы, проматывая этим как свое состояние, так и состояние супруги; жена может «увлекаясь требованиями моды, роскоши», разорять своего мужа. Поскольку такие отношения между супругами не редки, то «разъединение имущественных прав супругов оказывается благодеянием со стороны законодательства» [3, с. 732]. Законодательное разъединение имущества супругов, таким образом, на деле не существует и никак не препятствует супругам вместе пользоваться и распоряжаться имуществом, но «когда идея брака попирается в действительности, то, конечно, определения законодательства о разъединении имущества супругов получают применение – да и слава Богу, что получают!» [3, с. 733]. Именно желание защитить каждого из супругов Д. И. Мейер называл причиной, «побуждающей законодателя сохранить начало разъединения имущественных прав» [3, с. 733]. Вместе с тем, отмечал ученый, «нет никакого законного препятствия супругам заключить брачный договор, по которому все имущество супругов считалось бы общим» [3, с. 733].

Принцип раздельности супружеского имущества был закреплен и в послереволюционном законодательстве. Так, в Кодексе законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г. в ст. 105 указывалось: «Брак не создает общности имущества супругов». Советские ученые указывали, что раздельность имущества, закрепленная в указанном Кодексе была принципиально иной, связанной «с личным раскрепощением жены» [4, с. 150], поскольку «впервые в истории» она освободилась «от господства над ней мужа» [4, с. 150]. При этом в советской литературе особо подчеркивалось, что принцип раздельности супружеского имущества необходим лишь в тот период, когда идет «революционная ломка старых устоев брака и семьи», создается и укрепляется новый тип семьи – «советская семья» [4, с. 150–151]; ранее действующее

правило о раздельности супружеского имущества не соответствует «той общности жизни, интересов, стремлений, которая характеризует собой брак в социалистическом обществе» [5, с. 38]; правило общности имущества супругов подчинено выполнению одной из задач брачно-семейного законодательства – «построению в будущем семейных отношений на взаимных чувствах мужчины и женщины, свободных от материальных расчетов» [6, с. 97]. В этих заявлениях, полагаем, имела место попытка очернить все то, что было разрушено с приходом советской власти. «Советская семья» ничем принципиально не отличалась от семьи не советской. Это также были мужчина и женщина, вступающие в брак с целью совместного проживания, ведения общего быта, рождения и воспитания детей и т.п. и, как и в любой другой семье, в «советской семье» надежды, имевшиеся в момент вступления в брак, могли не оправдаться на практике. «Какими бы уникальными не были отдельные семьи в разные эпохи, – отмечает Ф. С. Кандыба, – при различиях в строе жизни и культуре, взятые как первичные группы, они характеризуются одними и теми же свойствами своего возникновения и распада на протяжении их существования» [7, с. 92]. Тем не менее, сначала советская судебная практика, и впоследствии и законодатель меняют правило о раздельности супружеского имущества на диаметрально противоположное правило общности супружеского имущества. Это правило объяснялось «необходимостью лучше обеспечить интересы женщины – домашней хозяйки» [8, с. 11], оно было призвано «поддержать и защитить слабейшую в браке сторону», каковой признавалась супруга, для которой правило о раздельности супружеского имущества влекло при расторжении брака несправедливые последствия, идущие «вразрез с основными задачами советского законодательства» [4, с. 151]. Это объяснение выглядит неправдоподобным в свете того, что ст. 106 Кодекса законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г. защищала имущественные интересы обоих супругов, закрепляя: «соглашения между супругами, направленные к уменьшению имущественных прав жены или мужа, недействительны и не обязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставляется в любой момент от их исполнения отказаться». С введением в действие в 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке в ст. 21 закрепляется правило: «Имущество, нажитое супругами во время брака совместным трудом, считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности в равных долях». Именно это правило и было позднее воспринято современным законодательством.

Оценивая сегодня столь радикальную смену законодательной позиции в отношении регулирования отношений супружеской собственности, мы не можем согласиться с тем, что в основе этих изменений лежало нежелание выхолащивать из этих отношений «элементы дружбы, товарищества», нежелание «сводить их к сложным бухгалтерским расчетам» [4, с. 154]. Объединение супружеского имущества, скорее можно объяснить игнорированием института частной собственности, а также общим обнищанием населения и стремлением на законодательном уровне сделать эту проблему менее острой. Еще одну причину произошедшего упрощения правового регулирования отношений супружеской собственности Л. Б. Максимович видит в общем уравнительном подходе к регулированию имущественного положения всех советских граждан [9, с. 8]. Справедливость данного замечания доказывает то обстоятельство, что советское законодательство не испытывало потребности в таком инструменте регулирования имущественных отношений супругов как брачный договор. Ситуация изменилась лишь в 90-х годах, когда начал происходить хоть и незначительный, но отказ от жесткого централизованного распределения и уравниательства в экономических отношениях.

Последствия нормативного закрепления общности супружеского имущества можно увидеть, проследив те изменения, которые произошли с институтом брака к настоящему времени. Не секрет, что институт брака, зародившись в далеком прошлом, долгое время был востребованным в большинстве известных нам обществ. Люди охотно

вступали в браки, которые часто длились долго, прекращаясь смертью одного из супругов. С течением времени такое отношение к браку изменилось, и сегодня брак лишь с большой натяжкой можно охарактеризовать как пожизненный союз. На современном этапе ценность и значимость официального брака для большинства населения сохраняется, но количество браков снижается наряду с увеличивающимся числом разводов. Так, если в 2019 г. в Республике Беларусь коэффициент заключенных браков составил 6,7 на 1000 человек, а коэффициент разводов – 3,7, то в 2022 г. уже 6,3 [10] и 3,7 соответственно [11]. Социологи уже не первый год отмечают о наличии большого количества оснований полагать, что число зарегистрированных браков будет постоянно уменьшаться или, по крайней мере, не повысится [12].

В целом следует признать, что материальные условия семейной жизни являются важным фактором, влияющим на отношение к браку и разводу. Имущественные отношения, складывающиеся в браке – это его основа. Какие бы причины не побуждали мужчину и женщину вступить в брачный союз, его устойчивость во многом будет зависеть от стабильности быта, от уверенности в материальной обеспеченности будущего семьи. Согласимся с Ф. С. Кандыбой в том, что вряд ли следует рассуждать о том, «что любовь и имущественные отношения – это разные типы браков («по любви» и «по расчету»)» [7, с. 94]; позволим себе утверждать, вряд ли есть семьи, для которых материальная составляющая брака не была бы важна. При этом на современном этапе очевидным является то обстоятельство, что размер вклада супругов в формирование имущества семьи может быть весьма различным, поскольку появление новых источников доходов, развитие частной собственности, расширение возможности осуществлять предпринимательскую деятельность повлекло и значительную дифференциацию доходов, получаемых населением. Следствием подобной ситуации, зачастую, становится возможным «шантаж» менее обеспеченным супругом, того супруга, который может потерять значительную часть своих доходов в случае расторжения брака. В связи с этим, важным аспектом в формировании имущественного благополучия семьи является обеспечение защиты не только права общей совместной собственности супругов, но и права собственности каждого из них. Современному правовому регулированию имущественных отношений супругов, по мнению Е. А. Чефрановой, не хватает гибкости. Нормативные правила должны наиболее полно отражать фактически складывающиеся в современной семье отношения по поводу имущества, обеспечивать интересы не только семейной пары, но и каждого из супругов, в том числе, обеспечивать стабильность гражданского оборота, способствовать развитию предпринимательства в целом и малого и среднего бизнеса, в частности. Вряд ли можно утверждать, отмечает Е. А. Чефранова, «что действующее семейное законодательство в части законного режима имущества супругов вполне удовлетворяет этим требованиям» [13, с. 272]. К сожалению, современное законодательство, предусматривающее переход имущества, приобретенного в браке в общую совместную собственность супругов, независимо от того, был ли у каждого из них самостоятельный доход, допускающее трансформацию собственности каждого из супругов в совместную собственность, не учитывает интересы отдельной личности в семье, что, по нашему мнению, негативно отражается на институте брака в целом. Сегодня, по справедливому замечанию Ю. С. Степановой, значительная часть населения «имея реальную возможность получения достойного дохода, предпочитают не вступать в зарегистрированный брак, сохраняя свою имущественную независимость и обособленность от лица, с которым пребывают в фактических брачных отношениях» [14, с. 226].

Именно достижение баланса между интересами супругов-собственников, по мнению А. А. Елисеевой, позволит возродить в социуме интерес к официальному оформлению отношений между мужчиной и женщиной [15, с. 206], а также, по нашему мнению, устранил в сознании людей идею о том, что лучшей защитой от проблем является отказ от брака.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ (грант № Г23ИП-003).

Список использованной литературы

1. Свод законов Российской Империи. В 16 томах. Том X [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/>. – Дата доступа: 14.11.2023.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – Т. 2. – 462 с.
3. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2003. – 831 с.
4. Бошко, В. И. Очерки советского семейного права / В. И. Бошко. – Киев : Госполитиздат УССР, 1952. – 372 с.
5. Рабинович, Н. В. Личные и имущественные отношения в советской семье / Н. В. Рабинович. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1952. – 160 с.
6. Советское семейное право : учебник / А. М. Белякова [и др.] ; под ред. В. А. Рясенцева. – М. : Юрид. лит., 1982. – 256 с.
7. Кандыба, Ф. С. Проблемы правового режима имущественных отношений супругов в свете социологических исследований / Ф. С. Кандыба // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 92–95.
8. Ершова, Н. М. Имущественные отношения в семье / Н. М. Ершова. – М. : Наука, 1979. – 160 с.
9. Максимович, Л. Б. Брачный договор в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Б. Максимович ; Ин-т государства и права РАН. – М., 2022. – 24 с.
10. Число браков на 1000 человек населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128415>. – Дата доступа: 24.07.2023.
11. Число разводов на 1000 человек населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128417>. – Дата доступа: 24.07.2023.
12. Захаров, С. В. Брачность и рождаемость [Электронный ресурс]. – С. 64–65. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/776/573/1240/NASRU2005_Zakharov.pdf. – Дата доступа: 14.11.2023.
13. Чефранова, Е. А. Имущественные отношения супругов : науч.-практич. пособ. / Е. А. Чефранова. – М. : Эксмо, 2008. – 272 с.
14. Степанова, Ю. С. Ограничения права общей совместной собственности супругов // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель ; под общ. ред. А. Е. Тарасовой. – М. : Инфра М, 2017. – 484 с.
15. Елисеева, А. А. Законный режим имущества супругов: традиции или заимствования? / А. А. Елисеева // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель ; под общ. ред. А. Е. Тарасовой. – М. : Инфра М, 2017. – 484 с.

УДК 347.447.7

В. В. Хрулева

*(Воронежский филиал Российского государственного университета правосудия,
Воронеж)*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СВОБОДОЙ ДОГОВОРА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье рассматриваются понятие и особенности злоупотребления свободой договора в российском гражданском праве, приводится его отличие от злоупотребления субъективным гражданским правом. Автор анализирует признаки и формы злоупотребления свободой договора

субъектами права, выявляет основные проблемы и последствия его для сторон сделки, делает вывод, что соблюдение принципов добросовестности, разумности и честности при осуществлении гражданских прав способствует справедливому функционированию гражданского общества.

В Гражданском кодексе Российской Федерации [далее по тексту – ГК РФ] в статье 1 закладываются основные принципы гражданского права, среди которых отводятся место и свободе договора [1]. Профессор А. В. Волков отмечает, что столь широкий спектр принципов права делает их уязвимыми для возможного злоупотребления, несмотря на их постоянное существование в неизменной форме, независимо от того, придерживаются ли их стороны или нет [2, с. 453].

В настоящее время среди ученых-теоретиков до сих пор не выработалось единого мнения по вопросу понятия злоупотребления правом и свободой заключения договора. В 1970-е годы В. П. Грибанов в своей книге «Осуществление и защита гражданских прав» сформулировал понятие злоупотребления правом. По мнению В. П. Грибанова это особый вид гражданского правонарушения, где управомоченное лицо наделяется правом на осуществление принадлежащим ему субъективным правом, но использует при этом, недозволенные действия, в пределах дозволенного ему законом общего типа поведения [3, с. 62–63]. Эта идея впоследствии получила признание в российской научной среде и стала частью многих учебников по гражданскому праву, став отправной точкой для дальнейших исследований в этой области.

Рассматривая понятие злоупотребление свободой договора стоит отметить, что сама свобода договора имеет свои ограничения, установленные законодателем в рамках гражданско-правовых принципов. И это ни в коем случае не подпадает под злоупотребление. В этом смысле примечательно положение о том, что ограничение свободы договора разрешено лишь в случае и исключительно тогда, когда это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственного состояния общества, здоровья, прав и законных интересов граждан и других лиц, а также для обеспечения безопасности государства и обороны страны. Эта норма получила свое признание на конституционном уровне (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [4]).

В юридической литературе признается, что для определения злоупотребления свободой договора используются характеристики, которые обычно применяются для описания злоупотребления субъективным правом. В качестве таких признаков можно назвать: видимость легального поведения субъектов; применение средств и способов осуществления права (свободы), недопустимые законом; осуществление права вопреки его социальному предназначению; понимание и осознание субъектом незаконного характера своего поведения (действий) (наличие умысла); допущение нанесения ущерба другим лицам в результате совершения вышеобозначенных действий [5].

Для характеристики злоупотребления субъективными правами и свободой договора применяют также и такие признаки (общие основания) как недостаточная ясность правового регулирования общественных отношений и неопределенность гражданских норм. Эта неопределенность часто связана с широкими возможностями гражданско-правового метода регулирования и допускаемой степенью свободы при заключении договоров.

М. В. Кратенко, понятие злоупотребление принципом свободы договора определяет как «умышленное несоблюдение одним из контрагентов предусмотренных законом ограничений договорной свободы, повлекшее причинение ущерба другому контрагенту, третьим лицам или государству» [5, с. 23]. Профессор А.В. Волков говорит, что в основе тех или иных злоупотреблений гражданских правоотношений, возникающих из-за нравственных недостатков лиц, нарушающих установленные принципы гражданского права лежат «естественные» источники [6, с. 257]. Понимаем те, которые исходят от самого человека, его внутреннего убеждения своего правомерного или противоправного поведения.

Определяя понятие злоупотребление свободой договора нужно отметить следующее. В теории права злоупотребление субъективным гражданским правом понимается

как особый вид правонарушения, в то время как злоупотребление свободой договора более всего предстает как обычное правонарушение, влекущее гражданские правовые санкции. В случае, когда одна сторона умышленно пренебрегает другой стороной путем пренебрежения определенными ограничениями, то это и становится злоупотреблением свободой договора. Но на практике суды чаще всего исходят из возможности применения общих положений понятия злоупотребления свободой договора. В данном случае речь идет о ст. 10 ГК РФ, в которой закреплено, что законом запрещается реализация субъектами своих гражданских прав, если они связаны «с намерением причинить вред другому лицу», либо «совершают действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». «Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке» (ч. 2 ст. 10 ГК РФ). Данная норма имеет более обобщающее значение для определения свободы договора и применяется она в совокупности с иными нормами гражданского права или федеральных законов.

Понятие свободы договора, представленное в ст. 421 ГК РФ, выражено в общем виде. Но высокая степень абстрактности этой нормы порой становится основой для злоупотребления правами. Субъекты, злоупотребляющие, с прямым намерением, своими правами, осуществляют игнорирование п. 1 ст. 422 ГК РФ, несмотря на то, что указанная статья содержит требование о том, чтобы договор должен соответствовать правилам, обязательным для сторон. Игнорирование получают и положения ст. 1 ГК РФ, которые устанавливают принцип «противовеса». Он означает, что участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. Никто не имеет права извлекать выгоду из своего незаконного или недобросовестного поведения. Неотъемлемые качества участников гражданских правоотношений, заложенные законодателем, сформулированы и в п. 5 ст. 10 ГК РФ – это принцип добросовестности и разумности. С точки зрения возможных злоупотреблений такая норма является наиболее удобной. Согласно ей, каждый участник гражданских отношений вправе свободно осуществлять свои права в собственных интересах, не допуская нарушение прав и интересов других лиц. Это положение было подтверждено в решении Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.05.2016 года по делу №А33-14842/2012 [7].

Рассматривая понятие злоупотребления, следует обратить внимание на формы классификации злоупотребления субъективным гражданским правом. А. В. Волков указывает, что эти формы могут быть классифицированы по различным критериям: уровень (форма) вины, характер нанесенного ущерба (вреда), участники отношений (субъектный состав), источники злоупотребления, намерения (цель), используемые средства и т.д. [6, с. 257–258]. Согласно позиции М. В. Катенко, основные виды злоупотреблений включают в себя: возможность отказа от заключения договоров с теми или иными контрагентами; выбор типа и формы заключаемого договора основанный на недобросовестности; определение условий договора удобных «для себя» (необоснованное) [5, с. 26].

Рассмотрим различные формы злоупотребления свободой договора, исходя из исследований упомянутых авторов. Среди таких форм можно выделить следующие: использование права с целью допущения причинения вреда (ущерба) иному лицу («шикана»); совершение действий, имеющих противоправное намерение и нарушающих закон; ограничение конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке; недобросовестное бездействие; умышленные недобросовестные действия.

1. Формулируя в норме 10 ГК РФ положение о недопущении совершения физическими лицами или организациями действий, которые вредят интересам иных людей, законодатель тем самым закрепил правило «шिकаны». Например, в целях ограничения конкуренции, предприниматели осуществляют действия сочетающихся с правилами

«шिकаны»: умышленная форма действий, нанесение вреда правам и интересам. Другой пример, заключение сделки на чрезмерно выгодных условиях для одной из сторон автоматически влечет негативные последствия для другой стороны. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 года № 83-КГ16-2 суд установил, что установление ставки свыше 500 процентов годовых за пользование займом может привести к неграмотному обогащению кредитора и нарушает принципы справедливости и добросовестности) [8]. Но, как бы то ни было, в большинстве случаев это такая форма злоупотребления, характеризующаяся, как неразумное использование прав одной из сторон и обязательно наносящая вред (ущерб) другой стороне.

2. Осуществление действий имеющих противоправное намерение и нарушающих закон. Общеизвестно, что все, что не запрещено законом, разрешено. Поэтому выбор конкретного способа достижения законной цели не может быть расценен как обход закона. Примером может служить случай, когда поставщики (исполнители, подрядчики) требуют компенсации за товар или выполненные работы в отсутствие государственного контракта, несмотря на обязательность его заключения в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 144-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9].

3. В настоящее время вопросы ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке регулируются Федеральным законом от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» [10]. Например, навязывание другой стороне (контрагенту) условий договора, крайне невыгодных для него или не связанных с предметом договора, включение в договор дискриминационных условий (ст. 10) устанавливают конкретные действия, которые можно расценить как злоупотребление.

4. Примером недобросовестного бездействия, являющегося формой злоупотребления правом недозволенными методами, может быть ситуация, когда организации специально внедряют в договор выгодные для себя недостатки. Злоупотребление правом возникает в результате действий лица, которые лишают другую сторону возможности осуществить свои права. Например, скрытие информации может привести к упущению срока исковой давности другим лицом.

5. Умышленные недобросовестные действия. Например, для незаконных целей или с применением недопустимых методов, а также действия, которые лишают другую сторону возможности осуществить свои права, являются проявлениями заведомо недобросовестного поведения. Законодательство строго запрещает такие практики, и лица, допускающиеся недобросовестное поведение, несут ответственность за свои действия в соответствии с законом.

Чаще всего, результатом недобросовестного поведения является отказ в удовлетворении исковых требований, применяемый судом для защиты стороны, пострадавшей от злоупотребления (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6 [11]). Важно отметить, что суды не преследуют цель наказать виновное лицо, так как сам факт злоупотребления правом недостаточен для отказа в рассмотрении дела. Суды требуют предоставления иных убедительных аргументов.

Кроме отказа в удовлетворении иска, возможны и другие меры, такие как запрет на определенные действия, временное приостановление права без его лишения, отказ от применения исковой давности (в соответствии с Определением Верховного Суда РФ от 16.05.2016 № 304-ЭС16-3710 [12]), игнорирование аргументов злоупотребившей стороны или признание недействительной сделки (согласно ст. 168 ГК РФ и Обзору судебной практики Верховного Суда РФ № 1 от 04.03.2015 [13]).

Таким образом, на основе рассмотренных форм злоупотребления свободой договора можно сделать вывод, что злоупотребление свободой договора в гражданском праве означает неправомерное или недобросовестное использование права на заключение договора с целью достижения неправомерных или не экономически обоснованных целей.

Это может включать в себя вынуждение другой стороны к заключению договора, скрывание информации, искажение условий сделки или другие манипуляции, направленные на получение несправедливой выгоды или нарушение интересов другой стороны. Назрела необходимость более строгого контроля и регулирования данной сферы со стороны государства. Эффективные меры надлежит предпринимать для предотвращения случаев использования свободы договора с недобросовестными намерениями, а также для защиты законных интересов сторон. Важно соблюдение таких принципов как добросовестность, разумность и честность при осуществлении гражданских прав. Это способствует сбалансированному и справедливому функционированию гражданского общества и развитию правового государства в целом.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Волков, А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) / А. В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 940 с.
3. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 414 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Рос. газета. – 2020. – 4 июля.
5. Кратенко, М. В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты / М. В. Кратенко. – «Волтерс Клувер» («Wolters Kluwer»), 2010. – 208 с.
6. Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография / А. В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 464 с.
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.05.2016 по делу № А33-14842/2012 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2. Требование: О взыскании процентов за пользование займом // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).
9. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
10. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).
12. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2016 № 304-ЭС16-3710 по делу № А27-4347/2015 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 5.

Т. И. Чугунова

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест)

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Научное исследование направлено на обзор и анализ правового обеспечения защиты прав потребителей в сфере электронной торговли в Республике Беларусь с определением необходимости его гармонизации с законодательством стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Констатируется, что несмотря на наличие определенной законодательной базы в этой сфере, отсутствует специальный закон, регулирующий электронную коммерцию (е-торговлю) и закрепляющий соответствующий терминологический аппарат. Сформулированы рекомендации по развитию соответствующего нормативного базиса.

Развитие электронной торговли (е-торговли, e-commerce), обеспечивающей более легкий и быстрый доступ к товарам и услугам, предоставило потребителям беспрецедентные возможности выбирать из множества предложений. За последнее время в Республике Беларусь серьезно расширилась сфера онлайн-торговли. Удельный вес e-commerce постоянно увеличивается. По данным Министерства антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) на 1 января 2023 года было зарегистрировано 28927 интернет-магазинов. Их число по сравнению с началом 2022 года увеличилось на 3,7% (или на 1036 единиц). 14254 (49,3%) площадки принадлежали юрлицам, 14673 (50,7%) – индивидуальным предпринимателям. Наибольшее количество интернет-магазинов зарегистрировано в Минске и Минской области – 17728 и 4548 соответственно. Наименьшее число отмечено в Витебской области – 1097 [1].

Однако эта в целом положительная тенденция привела к появлению новых проблем, отличающихся от тех, с которыми потребители сталкиваются во время оффлайн-покупок (нарушение конфиденциальности потребителей, утечка персональных данных, безопасность онлайн-платежей, некачественные продукты, недобросовестная деловая практика, отсутствие скоординированных действий между государствами при трансграничной торговле). Об этом свидетельствует резкое увеличение количества обращений потребителей с жалобами на интернет-магазины – с 47 в 2021 году до 871 в 2022 году [1].

В связи с этим заместитель министра антимонопольного регулирования и торговли Н. Емельянова сообщила о разработке «отдельной нормативной базы под интернет-торговлю, так как она развивается быстрее, чем мы успеваем ее регулировать» [2].

Следует отметить, что эти проблемы коснулись многих государств. В связи с чем они ведут активную работу по совершенствованию потребительского законодательства с целью устранения пробелов в правовом регулировании, которые могут привести к дисбалансам в сфере электронной торговли в ущерб интересам потребителей. Во многих, если не во всех, странах мира приняты общие законы о защите прав потребителей. Такие законы охватывают основные вопросы защиты прав потребителей при реализации им товаров и оказании услуг. Тем не менее, зачастую законодательство отстает от постоянно меняющегося набора технологических изменений, ведущих к появлению продуктов и способов их реализации, которых не существовало ранее или которые невозможно было предусмотреть на момент публикации закона. Как отмечают авторы монографии «Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели»: «охрана и обеспечение эффективной защиты прав потребителей относятся к приоритетным направлениям развития современных правовых порядков, ориентированных на построение гражданского общества, правового и социального государства» [3].

В Республике Беларусь приняты нормативные правовые акты, направленные на построение современной цифровой экономики, обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы», Указ Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 г. № 66 «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы».

Нормативными правовыми актами, составляющими непосредственную основу правового регулирования электронной торговли, являются законы Республики Беларусь: от 08.01.2014 г. № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь», от 10.11.2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», от 28.12.2009 г. № 113-3 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», от 07.05.2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных».

Однако ни в одном из них понятие «электронная торговля» не закреплено. В ст. 19 Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» определено, что «торговля может осуществляться с использованием сети Интернет с учетом запретов и ограничений, установленных законодательными актами Республики Беларусь и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь». При этом вести ее допускается «только через интернет-магазины, зарегистрированные в Торговом реестре». В постановлении Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 09.03.2021 г. № 14 «О классификации форм торговли» также не выделена электронная торговля как форма торговли. Пункт 1 названного постановления относит розничную торговлю с использованием глобальной компьютерной сети Интернет к дистанционной торговле. Аналогичное положение закреплено и в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2009 г. № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли».

Необходимо отметить и то, что Республика Беларусь является государством-членом Евразийского экономического союза, где регулирование электронной торговли стало важнейшим направлением интеграционного сотрудничества. В целях реализации «Основных направлений цифровой повестки дня Евразийского экономического союза до 2025 года», а также «Стратегии развития евразийской интеграции до 2025 года» начата разработка «дорожной карты» по созданию необходимых институционально-организационных условий развития электронной торговли в ЕАЭС, в том числе механизмов контроля за соблюдением прав потребителей, регулированию деятельности иностранных торговых площадок на территории ЕАЭС, обеспечения безопасности потребителей стран ЕАЭС при покупке товаров в иностранных интернет-магазинах.

В странах ЕАЭС в настоящее время активно создается единая цифровая платформа, важнейшими элементами которой будут цифровые платформы электронной торговли, управления инфраструктурой, обеспечения цифрового суверенитета и информационной безопасности стран ЕАЭС. В правовом регулировании электронной коммерции, в том числе защиты прав потребителей в этой сфере, стран постсоветского пространства можно усмотреть тенденцию закрепления положений об электронной коммерции в специальных законах с сохранением отдельных положений в законах о защите прав потребителей.

Анализ действующих нормативных правовых актов показывает, что в Республике Беларусь понятия «интернет-торговля», «дистанционная торговля», «электронная торговля» не разграничены. Несмотря на наличие определенной законодательной базы, отсутствует специальный закон, посвященный вопросам электронной коммерции, который в

числе прочего закреплял бы и терминалогический аппарат. Национальное законодательство Республики Беларусь необходимо актуализировать в связи с необходимостью защиты прав потребителей в сфере электронной торговли в современных условиях в части не учитывающей стандарты, определенные в Рекомендации № 27 «Об общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом», и гармонизировать в этом вопросе с законодательством стран-участниц ЕАЭС.

Таким образом, бурное развитие электронной торговли в Республике Беларусь требует создания эффективного механизма ее регулирования и защиты прав потребителей. Требуется актуализация национального законодательства Республики Беларусь об электронной торговле и его гармонизация с законодательством стран-участниц ЕАЭС в контексте реализации «Основных направлений цифровой повестки дня Евразийского экономического союза до 2025 года». Самым оптимальным решением указанных выше проблем является принятие Закона Республики Беларусь «Об электронной торговле». Без разрешения данного вопроса вряд ли возможна комплексная и эффективная защита прав потребителей в этой сфере.

Список использованной литературы

1. Пресс-конференция ко Дню потребителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/news/novost/press-konferentsiya-ko-dnyu-potrebitelya/>. – Дата доступа: 24.10.2023.

2. В Беларуси зарегистрировано почти 30 тыс. интернет-магазинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/tech/view/v-belarusi-zaregistririvano-prochti-30-tys-internet-magazinov-562662-2023/>. – Дата доступа: 21.10.2023.

3. Защита прав потребителей : в поисках оптимальной модели : монография / П. Д. Багрянская, М. О. Дьяконова, П. П. Кабытов и др.; отв. ред. С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. – 268 с.

УДК 349.6

Н. А. Шингель

(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО (УСТОЙЧИВОГО) ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, ОТНЕСЕННЫХ К ОБЪЕКТАМ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Исследуются правовые проблемы рационального (устойчивого) использования диких животных – объектов охоты и рыболовства, отмечается отсутствие единообразия в правовом регулировании данных отношений. Для развития доктринальных подходов выделяются направления правового обеспечения требований по рациональному (устойчивому) использованию объектов охоты и рыболовства, делаются предложения по совершенствованию законодательства в сфере использования охотничьих животных и рыбных ресурсов.

Требование устойчивого использования объектов животного мира содержится в Законе Республики Беларусь «О животном мире» [1] (далее – Закон «О животном мире»), в Преамбуле в качестве цели правового регулирования и как один из принципов охраны

и использования объектов животного мира в ст. 7. Понятие «рациональное использование» в названном законе отсутствует, что отражает некоторую непоследовательность в закреплении эколого-правовых понятий в сфере использования и охраны животного мира. В юридической литературе вопросы рационального (устойчивого) использования объектов животного мира рассматривались в общем плане [2] и применительно к отдельным видам пользования объектами животного мира [3-5]. Однако, в рамках правового регулирования охоты и рыболовства проблемам рационального (устойчивого) использования необходимых для этого ресурсов уделялось недостаточное внимание, несмотря на их несомненную важность [6].

Актуальность данного исследования вытекает из того, что в нынешних сложных экологических и экономических условиях использование диких животных – объектов охоты и рыболовства – имеет многогранное значение и постепенно выходит за рамки удовлетворения исключительно экономических потребностей природопользователей. На это обстоятельство обращал внимание Г.И. Зайчук, указывавший, что «охота и рыболовство в настоящее время перестали быть основными источниками получения продуктов питания», и предложивший разграничение видов пользования животным миром по мере их значимости (использование полезных свойств жизнедеятельности животных; использование животных в целях получения продуктов их жизнедеятельности; рыболовство; охота; добыча иных животных) [3, с. 54, 55]. При некоторой спорности высказанной им точки зрения, следует согласиться с тем, что значение промысловых животных не может быть ограничено целями их добычи, так как они при этом составляют неотъемлемую часть экологической системы, образующей животный мир как компонент природной среды. Л.А. Самусенко включала охотничьих животных и диких животных, относящихся к объектам рыболовства, в состав рекреационных ресурсов животного мира [7, с. 59], что в условиях расширения правовых форм осуществления охоты и рыболовства представляется обоснованным. Кроме того, сохраняется значение охоты и рыболовства как источника получения продовольственной продукции (мясной, рыбной и иной), имеющей особенности, нехарактерные для видов продовольственной продукции, полученной в процессе сельскохозяйственного производства.

При этом использование объектов охоты и рыболовства неразрывно связано с ведением природоресурсноориентированных видов хозяйственной деятельности – охотничьего хозяйства и рыболовного хозяйства – интегрирующих различные направления использования объектов животного мира на экономико-правовом уровне. Не случайно, нормативная правовая база охотничьего и рыболовного хозяйства характеризуется тем, что в ней имеет место одновременное регулирование природоресурсных отношений, связанных с ведением охотничьего и рыболовного хозяйства (в том числе охоты и рыболовства), и многих аспектов хозяйственной деятельности (хотя и не всех) в исследуемой области. Во всех этих случаях существует проблема рационального (устойчивого) использования объектов животного мира, составляющих основной природный ресурс данных видов деятельности и видов природопользования.

Правовое регулирование ведения охотничьего и рыболовного хозяйства за последние несколько лет полностью обновилось в связи с принятием Указов Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 г. № 112 (в редакции Указа от 16 сентября 2020 г. № 345 (далее – Указ № 345)) «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства» [8] и от 21 июля 2021 г. № 284 (далее – Указ № 284) [9] «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве». В результате этого обновления произошло окончательное выделение отношений, связанных с охотой и ведением охотничьего хозяйства, рыболовством и ведением рыболовного хозяйства в самостоятельную сферу правового регулирования [10, с. 108] в виде относительно обособленных разделов законодательства об охране и использовании животного мира с дифференциацией по предмету правового регулирования. Одновременно

с этим сделана попытка упорядочить требования рационального (устойчивого) использования диких животных, относящихся к объектам охоты и рыболовства, на уровне специального законодательства. Эта попытка реализована, на наш взгляд, не совсем удачно и недостаточно единообразно, при том, что в правовом регулировании данных отношений имеется целый ряд сходных правовых механизмов, в первую очередь, при распределении охотничьих и рыболовных угодий, а также при использовании объектов животного мира в промысловой и любительской охоте и рыболовстве.

Что касается непосредственно рационального (устойчивого) использования указанных ресурсов, то Правила ведения рыболовного хозяйства, утвержденные Указом № 284, дают следующее определение этому понятию: «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов – пользование рыбными ресурсами таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к истощению рыбных ресурсов и тем самым позволяют сохранить их способность удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений» (п. 2). При этом в преамбуле Указа № 284 идет речь лишь о рациональном использовании диких животных, относящихся к объектам рыболовства; аналогичное упоминание содержится в п. 11 применительно к мероприятиям по охране, воспроизводству и рациональному использованию рыбных ресурсов, предусмотренным в рамках государственных программ. В то же время при характеристике ведения рыболовного хозяйства законодатель возвращается к интегрированному понятию «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов». Именно оно названо главной целью ведения рыболовного хозяйства (п. 2 Правил ведения рыболовного хозяйства, утвержденных Указом № 284), соответственно обязанность обеспечивать рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов рыболовных угодий, предоставленных в аренду или в безвозмездное пользование, возлагается на пользователей рыболовных угодий (п. 37).

Сходным образом законодательство подходит к рациональному (устойчивому) использованию охотничьих животных. Указ № 345 декларирует основной целью правового регулирования рациональное использование диких животных, относящихся к объектам охоты; закрепляет за Министерством лесного хозяйства полномочия по управлению ресурсами охотничьих животных, направленные на воспроизводство, сохранение, улучшение и рациональное использование популяций охотничьих животных (п. 1); возлагает на пользователей охотничьих угодий обязанность планировать и осуществлять комплекс мероприятий по охране охотничьих животных, в том числе их воспроизводство и защиту, рациональное (устойчивое) использование их ресурсов (п. 29 Правил ведения охотничьего хозяйства). Ведение охотничьего хозяйства характеризуется как деятельность по охране, воспроизводству и рациональному (устойчивому) использованию ресурсов охотничьих животных (п. 2 Правил ведения охотничьего хозяйства). Требование рациональности включено в содержание охотустройства, предусматривающего в том числе обеспечение рационального использования фонда охотничьих угодий, и частично в разрешительный механизм использования охотничьих животных. Таким образом, при использовании диких животных в качестве объектов охоты и рыболовства сложились определенные подходы к правовому обеспечению рационального (устойчивого) использования указанных объектов животного мира. Мы можем выделить ряд направлений, в которых это требование предусматривается в виде прямой нормы: как цель правового регулирования; как требование к осуществлению ряда полномочий государственного регулирования в данной области; как обязанность пользователей охотничьих и рыболовных угодий.

При этом существует терминологическая неупорядоченность при характеристике рационального (устойчивого) природопользования в вышеназванных отношениях, что подтверждается приведенными ссылками на Указ № 345 и Указ № 284. Нельзя не признать, что Правила ведения охотничьего хозяйства и Правила ведения рыболовного хозяйства взяли за основу эколого-правовое понятие рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и в этом смысле пошли дальше Закона «О животном мире»,

который ограничился закреплением требования устойчивого использования объектов животного мира. Сопоставление понятий «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов» в Правилах ведения рыболовного хозяйства и «устойчивое использование объектов животного мира» в Законе «О животном мире» показывает почти полную их идентичность, в связи с чем полагаем более правильным с эколого-правовой точки зрения изменить норму Закона «О животном мире», сформулировав это понятие именно как «рациональное (устойчивое) использование объектов животного мира».

Остается не до конца определенной содержательная сторона рационального (устойчивого) использования диких животных, выступающих объектами охоты и рыболовства. Специальное законодательство в этой области не выработало единообразного понимания, что объективно объяснимо естественно-природными особенностями охотничьих и рыболовных ресурсов. Так, Правила ведения охотничьего хозяйства (п. 3) содержат исчерпывающий перечень мероприятий, направленных на рациональное (устойчивое) использование ресурсов охотничьих животных, что корреспондирует обязанности пользователя охотничьих угодий проводить такие мероприятия. Однако, сам по себе этот перечень лишь в незначительной степени отражает особенности собственно рационального (устойчивого) использования охотничьих животных, а охватывает в целом правоспособность пользователя охотничьих угодий при организации охоты. Нам представляется необходимым провести разграничение между различными требованиями, касающимися рационального (устойчивого) использования ресурсов охотничьих животных (в частности, требованиями рационального использования фонда охотничьих угодий; рационального использования диких животных, относящихся к объектам охоты; рационального использования популяций охотничьих животных и др.), упомянутыми в Указе № 345. Правила ведения рыболовного хозяйства еще более неинформативны в части разъяснения понятия «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов». Но ответ на вопрос, что входит в содержание данной деятельности частично дает пункт 43 этих Правил, согласно которому арендаторы, пользователи обязаны в соответствии с рыбоводно-биологическими обоснованиями планировать и осуществлять рыбоводно-мелиоративные мероприятия, значительная часть которых обеспечивает рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов. Кроме того, лица, ведущие рыболовное хозяйство, должны осуществлять иные мероприятия по обеспечению охраны и рационального использования рыбных ресурсов (при наличии таковых в законодательстве).

Таким образом, по результатам краткого анализа правового регулирования использования диких животных – объектов охоты и рыболовства, можно сделать вывод, что данный раздел законодательства нуждается в уточнении и согласовании ключевых понятий (рациональное (устойчивое) использование объектов животного мира и других) в целях совершенствования понятийно-категориального аппарата. С содержательной точки зрения необходимо упорядочить требования рационального (устойчивого) использования объектов охоты и рыболовства, которые адресованы субъектам различных правоотношений – при государственном регулировании в сфере охоты и ведения охотничьего хозяйства, рыболовства и ведения рыболовного хозяйства; при ведении указанных видов хозяйственной деятельности; при осуществлении таких видов природопользования как охота и рыболовство. Следует признать, что на сегодняшний день наблюдается некоторая несистемность в закреплении этих требований, особенно при осуществлении охоты и рыболовства, цели которых могут выходить за рамки собственно добывания диких животных.

Список использованной литературы

1. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г. № 257-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Шахрай, И. С. Правовое регулирование рационального (устойчивого) использования природных ресурсов / И.С. Шахрай // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / редкол.: В.И. Семенов (гл. ред.) [и др.]; Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2012. – Вып. 7. – С. 424–430.
3. Зайчук, Г.И. Животный мир: правовые проблемы использования и охраны / Г.И. Зайчук – Минск : Тесей, 2003. – 128 с.
4. Овсейко, С. Правовой режим объектов животного мира / С. Овсейко // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 3. – С. 20–24.
5. Горохов, Д. Б. Правовые режимы охоты в России, Беларуси и Казахстане / Д.Б. Горохов, А.А. Мукашева, Н.А. Шингель // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 110–126.
6. Литвинов, В.Ф. Развитие охотничьего хозяйства Беларуси / В.Ф. Литвинов, Н.Т. Юшкевич, Д.А. Подошвелев // Труды БГТУ. – 2016. – № 1. – С. 259–263.
7. Самусенко, Л. А. Право рекреационного природопользования / Л. А. Самусенко. – Минск : Право и экономика, 2014. – 142 с.
8. 11. Об охоте и ведении охотничьего хозяйства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 марта 2018 г. № 112 (в ред. Указа от 16 сент. 2020 г. № 345) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
9. О рыболовстве и рыболовном хозяйстве [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 июля 2021 г., № 284 / утв. Правила любительского рыболовства; Правила ведения рыболовного хозяйства // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
10. Шингель, Н. А. Правовое регулирование охоты в Республике Беларусь: новый этап / Н.А. Шингель // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 106–113.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА

УДК 347.9:004.9(470)

Т. С. Апушкина

(Пролетарский районный суд г. Саранск, Саранск)

И. В. Гинзбург

*(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, Саранск)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Создание условий для обеспечения доступности правосудия – это не только одна из задач судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, но и важное стратегическое направление развития системы правосудия в целом. В статье рассмотрены основные этапы становления российской системы правосудия в условиях цифровой трансформации, обозначены перспективы развития системы электронного правосудия.

В последнее время вопрос цифровизации правосудия стал одним из наиболее обсуждаемых в области процессуального права. Отечественные и зарубежные авторы [8] связывают возросший интерес к данной проблеме с внезапным закрытием судов в 2020 году в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, вызванной COVID-19. Действительно, изменения, связанные с COVID-19, обозначили одну из главных проблем и одновременно задач любого государства – обеспечение правозащитной функции в кризисной ситуации. При этом пандемия обнажила реальное положение вещей в части готовности стран к кризисным ситуациям. Н.В. Спесивов, А.А. Титов справедливо отмечают, что ограничительные меры, введенные в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, выступили некоторой проверкой готовности и катализатором перехода системы правосудия в цифровую среду [7, с. 193].

Цифровизация правосудия – это сложный собирательный термин, который включает в себя цифровые технологии, действия, направленные на их внедрение в систему правосудия, а также действия по управлению ими и оценке результатов внедрения. Электронное правосудие (e-justice), определяемое как применение информационно-коммуникационных технологий в судебной системе, является результатом цифровой трансформации и, одновременно с этим, одним из актуальных на сегодняшний день вопросов для обсуждения.

Нельзя не отметить планомерный и поэтапный подход к развитию системы правосудия в Российской Федерации. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года была утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2013 – 2024 годы [4]. В рамках программы взят курс на создание мобильного правосудия, которое позволит участникам процесса реализовать весь спектр процессуальных прав в дистанционном формате (от подачи документов до получения судебных актов в электронном виде, включая уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и т.д.). Это уже третья целевая программа. Первая была утверждена еще в 2001 году. Накопленный за это время опыт позволяет существенно расширить возможности для реализации задач судопроизводства. Одним из важных плановых событий является введение в действие к декабрю 2024 года супер-сервиса «Правосудие онлайн».

Создание условий для обеспечения доступности правосудия выразилось также в принятии Федерального закона от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены изменения в процессуальные кодексы Российской Федерации [3].

Рассмотрим ряд последних нововведений более подробно. Так, в соответствии с внесенными изменениями, действующее процессуальное законодательство позволяет направлять судебные извещения и прилагаемые к ним документы, копии судебных актов в электронном виде посредством единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ). В рамках выполнения работ по реализации целевой модели сервиса «Правосудие онлайн» разработан сервис направления судебных уведомлений в рамках Гражданского процессуального кодекса РФ (Далее по тексту – ГПК РФ) [1] и Кодекса административного судопроизводства РФ (далее по тексту – КАС РФ) [2] посредством ЕПГУ «Госуслуги» с использованием государственной электронной почтовой системы «Универсальный сервис отправки сообщений пользователям ЕПГУ государственной почтовой системы ГЭПС» (далее – ГЭПС).

Судебное уведомление, направляемое посредством ГЭПС, представляет собой текстовое сообщение, к которому могут быть приложены файлы в формате PDF, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью. При этом отличительной особенностью направления корреспонденции таким способом является возможность прикрепления неограниченного количества документов и их быстрая доставка в личный кабинет пользователя ЕПГУ «Госуслуги», тогда как через сервис электронных заказных писем АО «Почта России» работники суда могут направлять не более 5 страниц текстового документа, сроки его доставки существенно удлиняются.

При этом стоит отметить, что доставка судебного уведомления в личный кабинет физического лица, юридического лица, индивидуального предпринимателя на портале «Госуслуги» осуществляется только при наличии согласия адресата на получение судебных уведомлений. Чтобы выразить такое согласие, пользователю ЕПГУ необходимо проставить соответствующую галочку в настройках личного кабинета на портале «Госуслуги».

В настоящее время государство идет по пути того, чтобы как можно большее количество пользователей дали согласие на получение судебных уведомлений онлайн. Для этого на сайт «Госуслуги» внесено изменение в интерфейс, согласно которому при входе пользователя на портал автоматически появляется баннер, предлагающий перейти в настройки личного кабинета и выразить свое согласие на получение судебных извещений посредством «Госуслуги». При отсутствии такого согласия отправителю поступает информация о невозможности доставки судебного уведомления.

Идентификация получателя судебного извещения на портале «Госуслуги» осуществляется:

- для физического лица – по СНИЛС, ИНН (приоритетными являются сведения о СНИЛС, поскольку именно они обязательно вносятся в данные о пользователе для подтверждения учетной записи);

- для индивидуального предпринимателя – по ИНН или ОГРНИП;

- для юридического лица – по ИНН или ОГРН.

По результатам обработки судебного уведомления из ГЭПС в суд во «Внешние модули» ГАС «Правосудие» приходят следующие сведения о доставке:

- отказ в приеме сообщения (с указанием причины: адресат не найден, отсутствие согласия адресата и прочие);

- сообщение доставлено адресату в ЛК на ЕПГУ;

- сообщение прочитано адресатом (с указанием даты и времени прочтения).

При этом суду достаточно получить уведомление «сообщение доставлено адресату в ЛК на ЕПГУ», чтобы лицо, участвующее в деле, считалось надлежаще извещенным.

Об этом также говорят нормы процессуального законодательства, специально дополненные соответствующими новыми изменениями (См., например, пункт 6 статьи 117 ГПК РФ, пункт 2 статьи 99 КАС РФ).

Отличительной чертой направления уведомлений посредством ГЭПС является то, что они не тарифицируются, в отличие от СМС-уведомлений или электронных заказных писем АО «Почта России», что позволяет значительно сокращать средства федерального бюджета на извещения.

В настоящее время в целях эффективного и рационального использования средств федерального бюджета сотрудники суда в приоритетном порядке стараются пользоваться извещением посредством ГЭПС. Но уведомление таким образом сейчас осложняется тем, что не все пользователи «Госуслуг» выразили согласие на получение судебных уведомлений онлайн, поэтому приходится прибегать к другим способам извещения и направления корреспонденции.

Также в рамках модификации специального программного обеспечения ГАС «Правосудие» разработан сервис по направлению судебных запросов на получение сведений из Росреестра, органов Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и Налоговой службы, который осуществляется через «Модуль ДО». Создав и направив соответствующий запрос, суд в течение нескольких минут получает ответ из органа, что никоим образом не уступает ответу на бумажном носителе. Такой способ направления судебных запросов существенно сокращает временные затраты, не создает бумажной волокиты и свидетельствует о цифровизации и этой сферы взаимодействия правосудия с государственными органами.

Процессуальные кодексы также предусматривают возможность подачи документов в электронном виде посредством портала «Госуслуги». При этом для подписания документов достаточно заверить их простой электронной подписью. В случае если подается заявление об обеспечении иска, его необходимо будет подписать усиленной квалифицированной электронной подписью.

Статьи процессуальных кодексов, содержащие указание на возможность применения видеоконференц-связи, были дополнены в части закрепления возможности применять веб-конференцию. Кроме этого, в процессуальных кодексах появились нормы об установлении личности граждан (либо же их представителей) посредством использования технологических средств – единой биометрической системы, идентификации и аутентификации; возможности подачи необходимых ходатайств и заявлений в электронной форме непосредственно во время процесса; дачи свидетелями, экспертами и переводчиками подписки, усиленной специальной квалифицированной электронной подписью, о разъяснении ответственности в процессе рассмотрения спора с использованием веб-конференции. Мы полагаем, что такие изменения позволят повысить эффективность использования веб-конференции в процессе, а также повысят уровень безопасности личных и коммерческих данных участников судебного заседания.

В завершении отметим, что взаимодействие с участниками процесса посредством цифровых технологий, использование цифровых технологий при распределении дел, организации работы судов и подготовке судебных актов, электронный документооборот, дистанционное участие в судебном процессе – основной перечень результатов, полученных в процессе реализации программ развития судебной системы. Статистические данные позволяют сделать вывод, что количество дел и материалов, рассмотренных российскими судами (с учетом применения электронных ресурсов) в 2020 году, оказалось выше, чем за аналогичные периоды прошлых лет [9]. С возобновлением работы судов применение цифровых технологий в системе правосудия не прекратилось, более того, деятельность по совершенствованию электронного правосудия продолжается. В этом заключается одно из главных отличий российской модели цифровизации правосудия от ряда зарубежных стран, в которых пандемия стала скорее «исключительным» и временным периодом, который не подчинялся формальным правилам [5, 6].

Список использованной литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г. №138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 октяб. 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 октяб. 2002 г. : в ред. Федер. Закона от 24.06.2023 г., с изм. от 20.07.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ : принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г. : одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. : в ред. Федер. Закона от 24.07.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 30 декаб. 2021 г., № 440-ФЗ : изм. и доп. не вносились // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
4. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 27 декаб. 2012г., № 1406 : в ред. Постановления Правительства Рос. Федерации от 14.10.2023г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
5. De Vocht, D.L.F. Trials by video link after the pandemic: the pros and cons of the expansion of virtual justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s12689-022-00095-9>. – Дата доступа: 12.09.2023.
6. Franzosi, M. Litigation & Dispute Resolution Laws and Regulations Italy 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iclg.com/practice-areas/litigation-and-dispute-resolution-laws-and-regulations/italy>. – Дата доступа: 12.09.2023.
7. Спесивов, Н.В. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства / Н.В. Спесивов, А.А. Титов // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. – 2020. – №3(134). – С. 193-200.
8. Yavuz, N. E-Justice: A Review and Agenda for Future Research / N. Yavuz, N. Karkin, M. Yildiz – In: Charalabidis, Y., Flak, L.S., Viale Pereira, G. (eds) Scientific Foundations of Digital Governance and Transformation. Public Administration and Information Technology, vol 38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92945-9_15. – Дата доступа: 12.09.2023.
9. Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20210105/306631763.html. – Дата доступа: 10.11.2023.

УДК 347.9

Д. В. Гапоненко

(Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Минск)

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ

В представленной работе, посвященной вопросу прав судебного исполнителя, проведен анализ соответствующего блока законодательства на предмет терминологической составляющей, а также с позиции его соответствия требованиям нормотворческой техники в контексте закрепления прав судебного исполнителя, выступающего ключевым субъектом процедуры принудительного исполнения. Автором выявлено дублирование нормативных правовых предписаний в части прав судебного исполнителя, предложено решение, обеспечивающее единообразие и однозначность соответствующих положений.

Создание действенного механизма защиты прав и законных интересов граждан и организаций выступает одной из основополагающих задач любого государства. Исполнение судебных постановлений и иных исполнительных документов, будучи завершающей стадией процесса защиты прав и законных интересов, играет огромную роль для правоприменительной практики, при этом ряд вопросов данной области по-прежнему нуждается в научном осмыслении и разработке соответствующей системы правового регулирования.

Исполнение исполнительного документа путем принятия судебным исполнителем установленных в законодательстве об исполнительном производстве исполнительных мер и совершения исполнительных действий требует наличия у судебного исполнителя определенного правового статуса. Более того, четкая регламентация правового статуса судебного исполнителя в совокупности с рядом иных немаловажных факторов выступает основой успешного исполнительного производства.

Одним из результатов судебной реформы 2014 г., проведенной в рамках реализации Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» [1] и Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [2] стало создание единой системы органов принудительного исполнения, а также принятие двух самостоятельных законов (Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) и Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» (далее – Закон о судебных исполнителях)), повлиявших на правовой статус судебного исполнителя, наделив его рядом дополнительных прав, которые не были предусмотрены законодательством ранее.

Также следует отметить, что анализ правовых актов, закрепляющих права судебного исполнителя, демонстрирует наличие дублирования определенных норм. Так, права судебного исполнителя закреплены в ст. 63 Закона об исполнительном производстве [3], ст. 9 Закона о судебных исполнителях [4] и п. 57 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 (далее – Инструкция № 67) [5].

С учетом того, что Инструкция выступает нормативным правовым актом, детально определяющим содержание и методические вопросы правового регулирования общественных отношений, определяя условия и порядок проведения исполнительных действий судебным исполнителем в исполнительном производстве, подобного рода дублирование абсолютно естественно. Иначе обстоит ситуация с вопросами дублирования положений Закона об исполнительном производстве и Закона о судебных исполнителях, поскольку, во-первых, согласно требованиям нормотворческой техники при подготовке нормативных правовых актов следует исключать дублирование нормативных правовых предписаний и множественность нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу (ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о нормативных правовых актах) [6]), а во-вторых, подобное положение дел свидетельствует о смешении предметов правового регулирования указанных законов, то есть сфер их действия.

Применительно к указанному аспекту следует также отметить, что если ст. 2 Закона об исполнительном производстве закрепляет сферу его применения, то Закон о судебных исполнителях подобных норм не содержит. Указанная ситуация не в полной мере учитывает ч. 5 ст. 42 Закона о нормативных правовых актах, согласно которой для подготовки проекта нормативного правового акта в зависимости от его содержания следует определить предметную, пространную, временную и субъектную (по кругу лиц) сферы действия нормативного правового акта.

Также следует подчеркнуть, что перечни прав судебного исполнителя, закрепленные в ст. 63 Закона об исполнительном производстве и ст. 9 Закона о судебных исполнителях представляются разрозненными. Так, например, согласно абз. 12 ч. 1 ст. 63 Закона об исполнительном производстве судебный исполнитель при исполнении исполнительных документов имеет право выносить постановления о приостановлении операций по банковским счетам граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц. Подобная норма предусмотрена и абз. 20 ст. 9 Закона о судебных исполнителях, однако в нем отсутствует упоминание об индивидуальных предпринимателях, а также закреплено положение, касающееся возможности приостановления операций как полностью, так и частично.

Таким же примером служит и содержание ч. 4 ст. 63 Закона об исполнительном производстве, закрепляющей возможность совершения исполнительных действий с использованием информационных технологий, в том числе электронного документооборота, официальных сайтов органов принудительного исполнения в глобальной компьютерной сети Интернет. Схожая норма содержится в абз. 27 ст. 9 Закона о судебных исполнителях, которая отличается от вышеописанной статьи упоминанием о возможности совершения отдельных исполнительных действий с использованием системы единого расчетного и информационного пространства.

С учетом изложенного в целях исключения дублирования нормативных правовых предписаний, обеспечения единообразия и однозначности соответствующих положений, целесообразно закрепить права судебного исполнителя в одном акте, а в иных смежных применять ссылки на него. Указанный вариант решения ситуации позволит не только исключить дублирование указанных норм, но и обеспечить единство перечня прав судебного исполнителя, а также минимизировать временные издержки при внесении изменений и дополнений в перечень прав судебного исполнителя в случае возникновения такой необходимости.

Список использованной литературы

1. О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 530 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г., №439-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. О судебных исполнителях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г. №440-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству [Электронный ресурс]: пост. М-ва юстиции Респ. Беларусь, 7 апр. 2017 г., № 67 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

И. А. Каратаев

(Саратовская государственная юридическая академия, Саратов)

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ

В статье рассматривается понятие электронного правосудия по гражданским делам. Автор делает вывод о необходимости условного понимания термина «электронное правосудие», поскольку, в сущности, он обозначает рассмотрение и разрешение дел с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (например, применение веб-конференцсвязи в ходе судебного заседания). Констатируется отсутствие оснований для выделения электронной процессуальной формы как вида гражданской процессуальной формы.

На современном этапе развития общественной жизни информационные технологии стали неотъемлемой ее частью, что отражается и на порядке рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции и мировыми судьями гражданских дел. В этой связи в последние годы в научной литературе значительное внимание уделяется вопросам, связанным с внедрением информационных технологий в сферу гражданского судопроизводства. Однако справедливости ради, отметим, что вопрос использования ресурсов вычислительной техники в гражданском процессе был поставлен еще в середине 1960-х годов [7, с. 575–577].

Анализ специальной отраслевой литературы позволяет утверждать, что научным сообществом ведется активная дискуссия о появлении цифровой процессуальной формы [8], о модернизации под влиянием цифровизации принципов гражданского процесса и гражданских процессуальных правоотношений [2; 5], об электронных доказательствах [4], о возможности внедрения в судопроизводство искусственного интеллекта [1] и так далее. Безусловно, проблемных аспектов, связанных с применением результатов технического прогресса в сфере гражданского судопроизводства, значительно больше, нежели обозначено нами, однако полагаем, что приведенный ранее перечень в достаточной степени демонстрирует глубину проникновения современных технологий в деятельность по отправлению правосудия по гражданским делам.

Настоящая статья, с учетом широты выбранной для исследования тематики, представляет собой попытку автора проанализировать понятие электронного правосудия и определить его сущность.

Итак, изучив научную литературу, можем отметить, что единое определение понятию «электронное правосудие» в настоящее время наукой гражданского процессуального права не выработано. В тоже время, С.В. Василькова в результате проведенного диссертационного исследования указала, что «электронное правосудие в цивилистическом процессе – установленная законом процессуальная деятельность суда по отправлению правосудия по подведомственным ему делам, при которой дистанционное (удаленное) общение с участниками цивилистического процесса и бездокументарная форма подачи данных (сведений, документов и др.) производятся с использованием информационных технологий (сети Интернет, других средств телекоммуникационной связи), являющихся альтернативными или субсидиарным средством общения (извещения, слушания) по отношению к существующей документарной форме передачи данных» [3, с. 10]. Детальный анализ указанной дефиниции позволяет утверждать о наличии взаимосвязи между электронным правосудием и цифровизацией (информатизацией) гражданского судопроизводства, которая заключается в следующем: электронное правосудие не может существовать без цифровизации (информатизации), то есть благодаря последнему возможно первое. Отметим, что под цифровизацией (информатизацией) гражданского процесса, по нашему мнению, следует понимать внедрение в гражданское судопроизводство

различных информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ), в том числе предусматривающих использование возможностей искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Не менее интересным представляется определение электронного правосудия, закрепленное в подзаконном нормативном акте, а именно в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент), посвященном основным понятиям и терминам, применяемым в нормативных правовых актах Судебного департамента об использовании ИКТ в деятельности судов. Так, Судебным департаментом электронное правосудие определено как «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» [6]. Анализ приведенной дефиниции позволяет установить, что электронное правосудие выступает одновременно и формой, и способом совершения процессуальных действий. И если сущность электронного правосудия как способа раскрывается непосредственно в определении, так как указано, что оно заключается в совершении процессуальных действий субъектами гражданского судопроизводства с использованием ИКТ, то что представляет собой электронное правосудие как форма их осуществления остается неясным. Полагаем, что в данном случае указанные аспекты рассматриваемого термина разграничить не представляется возможным, ведь они отражают его внешнюю сторону выражения (рассмотрение и разрешение дел с использованием ИКТ).

Отходя от терминологического аспекта исследования, отметим, что в настоящее время российское электронное правосудие фактически представляет собой использование электронной системы подачи документов в суд, применение электронной системы извещений, возможность проведения судебного заседания с использованием веб-конференции или видеоконференц-связи. С опорой на зарубежную научную литературу [9, р. 7, 33–36, 254–256, 263–292] должны также указать, что в Российской Федерации, равно как и в других государствах, правосудие находится на первом этапе трансформации, происходящей под влиянием информационных технологий, так как осуществляется без использования возможностей искусственного интеллекта.

Синтезируя изложенное и исходя из метода редукционизма, предлагаем под электронным правосудием на современном этапе его развития понимать рассмотрение и разрешение гражданских дел с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но без применения возможностей искусственного интеллекта. Преимущество предложенной нами дефиниции состоит в том, что она лаконично отражает сущность исследуемого явления.

С учетом сказанного должны также заметить, что термин «электронное правосудие» не следует трактовать буквально, поскольку он имеет условный характер и указывает лишь на использование ИКТ в гражданском судопроизводстве. Сказанное объясняется тем, что полностью электронного правосудия в настоящее время не существует, ведь даже в случае применения веб-конференции в ходе судебного заседания кем-то из лиц, участвующих в деле, остальные участники процесса не лишаются права присутствовать в суде очно и давать устные или письменные объяснения относительно обстоятельств спора, равно как и все процессуальные действия не осуществляются исключительно виртуально.

Изложенное, на наш взгляд, выступает контраргументом по отношению к доводам о существовании электронной процессуальной формы как разновидности гражданской процессуальной формы. Иными словами, в отсутствие подлинно электронного правосудия по гражданским делам, то есть осуществляемого только виртуально, и с учетом условности данного термина не представляется возможным рассуждать о наличии электронной гражданской процессуальной формы. В свою очередь, использование в гражданском процессе ИКТ не влечет за собой формирование нового вида гражданской процессуальной формы.

В заключение отметим, что нами допускается возможность создания действительно электронного правосудия (например, по модели предиктивного правосудия) и возникновение в этой связи электронной гражданской процессуальной формы, что обусловлено стремительным развитием цифровых технологий и усилением их влияния на гражданское судопроизводство.

Список использованной литературы

1. Афанасьев, С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / С. Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 12–31.
2. Борисова, В. Ф. «Электронные» гражданские процессуальные правоотношения: быть или не быть? / В. Ф. Борисова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 01 мая 2020 г. / Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет». – Омск, 2021. – С. 32–37.
3. Василькова, С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / С.В. Василькова. – СПб., 2018. – 251 с.
4. Голубцов, В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия / В. Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 170–188.
5. Липатова, Т. Б. Реализация принципов гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия / Т. Б. Липатова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4(147). – С. 100–107.
6. Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента [Электронный ресурс]: приказ Суд. Департамента при Верховном суде РФ, 26 нояб. 2015, №362 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=3268>. – Дата доступа: 16.11.2023.
7. Чечина, Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу / Н.А. Чечина. – СПб.: Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2004. – 656 с.
8. Ярошенко, Т. В. Электронные доказательства и электронная форма судопроизводства по гражданским делам / Т. В. Ярошенко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 4. – С. 22-26.
9. Susskind, R. Online courts and the future of justice / R. Susskind. – Oxford University Press, 2019. – 400 p.

УДК 347.9

А. С. Костюк

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА ПО ДЕЛАМ О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Автор анализирует проблемные вопросы правопреемства по делам о конфискации имущества в исполнительном производстве, отмечает неточные законодательные положения, вызывающие неоднозначную практику исполнения исполнительных документов о конфискации имущества. Предлагаются пути совершенствования законодательства об исполнительном производстве путем его изменения и дополнения формулировками, которые учитывают правопреемственность и правовую природу конфискации имущества.

Конфискация имущества представляет собой достаточно сложное правовое явление, которое регламентируется нормами различных отраслей права (уголовным, уголовно-исполнительным, гражданским, гражданско-процессуальным и другими отраслями права). Особый исследовательский интерес вызывает дискуссионный вопрос о допустимости правопреемства по делам о конфискации имущества, который на сегодняшний день на страницах отечественной научной литературы практически не рассматривался. В законодательстве мы не встречаем прямого указания на то, что в процессе конфискации имущества допускается или исключается правопреемство, однако анализ ряда законодательных положений позволяет утверждать, что все-таки некоторые права и обязанности переходят к государству от лица, у которого принудительно изымается имущество. В этой связи стоит сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с переходом долгов к государству от лица, в отношении которого исполняется конфискация (каковы границы сингулярного правопреемства; в отношении каких долгов осужденного государство в целях социальной справедливости должно выступить правопреемником; какими правами и обязанностями наделено государство по таким долгам; каков процессуальный порядок вступления государства в исполнительное производство и др.).

Первый вопрос заключается в том, что законодательные положения об уголовно-правовой конфискации имущества в настоящее время не дают четкого ответа на вопрос: в каком качестве государство вступает в исполнительное производство по долгам осужденного в рамках ст. 80 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве») [1]: в качестве основного должника или все-таки субсидиарного? Бесспорно, в такой ситуации предусмотренная ст. 19 Закона «Об исполнительном производстве» процедура замены стороны исполнительного производства применена быть не может, так как при конфискации имущества и наличии первоочередных требований государство (по аналогии с наследниками) отвечает только в пределах стоимости имущества осужденного, подлежащего конфискации. Но для усиления защиты прав взыскателей по исполнительным документам, указанным в ст. 80 Закона «Об исполнительном производстве», целесообразно урегулирование возможности субсидиарного правопреемства, при котором в рамках подлежащего конфискации имущества государство, при недостаточности имущества должника, должно погасить долги осужденного. При этом в законодательстве стоит предусмотреть положение, согласно которому за счет конфискованного имущества будут удовлетворены некоторые требования должника только в том случае, если иного имущества должника будет недостаточно. В настоящее время такого указания в законодательстве нет, поэтому допускаются ситуации обращения взыскания на конфискованное имущество, несмотря на наличие иных активов у должника, в рамках которых возможно достичь исполнения в полном объеме имущественных требований иных исполнительных документов. Такое положение вещей нарушает права государства и ставит должника в выгодное положение, при котором цели конфискации имущества не достигаются, а долги успешно погашаются.

Кроме того, законодательное указание на невозможность «реализации имущества» также не заслуживает одобрения, ведь в рамках исполнительного производства имущество, подлежащее конфискации, не реализовывается, а исполнительное производство, возбужденное в рамках исполнительного документа о конфискации имущества, представляет собой передачу имущества от владеющего не собственника (должника, осужденного) к не владеющему собственнику (государству). То есть реализация имущества происходит органом, который реализует правосубъектность государства, а органы принудительного исполнения к таким органам не относятся. Правильным видится использование словосочетания «исполнение требований исполнительного документа о конфискации имущества должника ... ».

Еще одна неточная законодательная формулировка, которая вызывает трудности исполнения исполнительных документов о конфискации имущества, приводится при перечислении требований исполнительных документов, подлежащих первоочередному удовлетворению. Не оспаривая целесообразность и соответствие принципу справедливости правила о первоочередности удовлетворения требований о взыскании алиментов и расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, мы полагаем, что периодичность установленных платежей может растянуть процедуру конфискации имущества на долгие годы, так как законодатель не ведет речь о задолженности, которая образовалась по алиментным и другим обязательствам к моменту исполнения конфискации, а в целом о требованиях таких исполнительных документов. Такая законодательная неточность влечет не единообразную практику, когда одни судебные исполнители за счет конфискованного имущества погашают задолженность по алиментам, а оставшуюся часть вырученных от реализации конфискованного имущества денежных средств направляют в пользу республиканского бюджета, несмотря на то что алименты продолжают взыскиваться. Другие же судебные исполнители ежемесячно за счет вырученных от реализации денежных сумм производят отчисления в счет алиментных обязательств должника (т.е. исполнительный документ о конфискации имущества не исполняется до тех пор, пока денежных средств, полученных в результате реализации конфискованного имущества, достаточно для удовлетворения ежемесячных платежей).

Считаем, что выше поставленный вопрос может быть разрешен путем указания на «задолженность» по исполнительным документам о взыскании алиментов и расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. Кроме того, стоит указать на момент, до которого данная задолженность образовалась. Полагаем, что таким моментом может стать вступление в законную силу решения суда о конфискации имущества, ведь именно с этого момента мы признаем, что государство приобретает право собственности на конфискованное имущество и становится субсидиарным должником по некоторым обязательствам осужденного.

Наибольшие трудности возникают в части регулирования вопросов, связанных с конфискацией транспортных средств в связи с совершением лицом преступления, предусмотренного ст. 317¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [2], ведь конфискации в таком случае подлежит транспортное средство, которое может и не принадлежать осужденному. Однако исполнительные документы в качестве должника по исполнительному производству о конфискации транспортного средства отмечают осужденное лицо, а не собственника. Соответственно, вполне закономерно встает вопрос о том, будет ли государство выступать правопреемником по долгам осужденного (возмещение ущерба, причиненного преступлением, вреда жизни и здоровью и др.) в рамках стоимости не принадлежащего должнику транспортного средства? На наш взгляд, правопреемство в данном случае противоречит основополагающим правилам исполнительного производства и принципам гражданского права, поэтому государство не должно отвечать по долгам осужденного в рамках подлежащего конфискации транспортного средства. Кроме того, исполнительное производство о конфискации имущества представляет собой не более чем требование о передаче государству имущества, подлежащего конфискации. В целях единообразной практики регулирования выше названного вопроса предлагаем данный момент однозначно урегулировать в ст. 80 Закона «Об исполнительном производстве» путем установления запрета на погашение долгов осужденного за счет подлежащего конфискации имущества, которое ему не принадлежит.

Предлагаемая корректировка ст. 80 Закона «Об исполнительном производстве» может решить и другой вопрос, который требует дополнительного переосмысления. Данный вопрос связан с тем, что уголовно-правовой конфискации может подлежать «де-факто» не принадлежащее осужденному имущество, которое было им добыто преступлен-

ным путем. Если судом будет достоверно установлено, что имущество было добыто преступным путем, то, соответственно, мы признаем отсутствие права собственности осужденного на такое имущество, так как в основаниях возникновения права собственности отсутствует противоправное деяние. Следуя положениям формальной логики, мы приходим к выводу, что в рамках исполнительного производства представляется необоснованным погашать требования исполнительных документов по долгам осужденного за счет имущества, которое формально ему не принадлежит и принадлежать не может в связи с незаконностью возникновения права собственности на него. Для того, чтобы права и обязанности могли быть переданы от одного субъекта другому в рамках правопреемства, необходимо, чтобы такими правами и обязанностями обладало передающее лицо на законных основаниях.

Таким образом, предлагаем изложить ст. 80 Закон «Об исполнительном производстве» в следующей редакции:

«Государство не отвечает по долгам должника, в отношении которого принято решение о конфискации имущества, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящей статьи, когда государство несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника в рамках подлежащего конфискации имущества.

Исполнение требований исполнительного документа о конфискации имущества должника, об обращении имущества должника в доход государства иным способом производится после исполнения требований, содержащихся в исполнительных документах, по исполнительным производствам:

- о взыскании задолженности по алиментам, которая образовалась на день вступления в законную силу решения суда о конфискации имущества должника;
- о взыскании задолженности по расходам, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, которая образовалась на день вступления в законную силу решения суда о конфискации имущества должника;
- о возмещении ущерба, причиненного преступлением;
- о взыскании вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина;
- возбужденным до наложения ареста на имущество должника органами, ведущими уголовный процесс.

На имущество должника, подлежащее конфискации, обращается взыскание в рамках исполнения требований, содержащихся в исполнительных документах, по исполнительным производствам, указанным в абзаце втором настоящей статьи только в случае недостаточности другого имущества должника для удовлетворения данных требований.

Правила настоящей статьи не распространяются на случаи конфискации имущества, которое не принадлежит на праве собственности лицу, совершившему преступление или иное правонарушение. Государство не отвечает в рамках стоимости данного имущества по долгам лица, совершившего преступление или иное правонарушение».

Список использованной литературы

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г., № 439-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.

А. С. Маренков

(Саратовская государственная юридическая академия, Саратов)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В СУДЕБНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам определения понятия «требования неимущественного характера» в исполнительном производстве. Отмечено, что законодательная регламентация исполнения данных требований не позволяет с достаточной ясностью и полнотой определить существо и содержание понятия «требования неимущественного характера». Практика в этой сфере сложилась неоднородная – от понимания любого совершения действий как требования неимущественного до признания имущественными таких действий, которые не предполагают обращения взыскания на имущество должника. Подчеркивается, что необходим комплексный подход к разрешению данных проблем, заключающийся не только в консенсусе относительно формулировок, но и в более детальной проработке общих правил исполнения неимущественных требований.

Исполнение требований неимущественного характера – один из двух вариантов правовых режимов исполнительного производства, не предполагающий обращение взыскания на денежные средства и иное имущество должника в целях реализации предписаний исполнительного документа. Правовое регулирование исполнения данной группы требований регламентируется главой 13 российского Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее также – ФЗИП). Однако само понятие «требование неимущественного характера» легального определения не получило, скупо законодательное регулирование и порядка исполнения данных требований.

Косвенно определение можно вывести из содержания статьи 105 ФЗИП, в соответствии с которым исполнение требования неимущественного характера – это совершение действий или воздержание от совершения определённых действий. Законодательство Республики Беларусь тоже не даёт легального определения понятия «требования неимущественного характера», не приводит их перечня, более того, глава 10 Закона РБ «Об исполнительном производстве», посвящённая исполнению рассматриваемых требований, называется «Исполнение исполнительного документа, не связанного со взысканием денежных средств», что позволяет говорить о более широком восприятии предмета нашего исследования в белорусском законодательстве. Это подтверждается и первой статьёй главы 10 – «Исполнение исполнительного документа о передаче взыскателю имущества», следовательно, такие требования также считаются неимущественными в контексте белорусского законодательства об исполнительном производстве.

В судебных решениях можно наблюдать достаточно категоричный вывод: обязанность совершить действие не может быть отнесена к требованиям имущественного характера [7]. Несовершенство данной характеристики обусловлено тем, что она не учитывает того, что совершение действий всё-таки может быть имущественным (заключаться, например, в передаче денег, вещей и проч.), в связи с чем возникает непонимание существа неимущественной обязанности и в теории, и на практике. В частности, в одном судебном постановлении такое требование, как обязанность Фонда социального страхования выделить средства на осуществление расходов, произведенных страхователем на выплату страхового обеспечения [6] (то есть, фактически требование денежное), было признано неимущественным, в то время как в другом судебном акте требование об устранении недостатков мебели (требование о совершении определённых действий, которое не может быть реализовано путём обращения взыскания на имущество должника) было отнесено к требованиям имущественного характера [5].

Судебные решения могут содержать требования, в отношении которых сомнений в их неимущественном характере почти не возникает, например: об обязанности провести конкурс на заключение договоров управления многоквартирными домами, не выбравшими способ управления [4]; об обязанности организовать работы по обустройству проездов к территории (построить дорогу) [9]; о постройке и введении в эксплуатацию пожарных наблюдательных пунктов [1], однако встречаются и достаточно спорные ситуации.

В литературе, посвящённой обобщению исполнительской практики, анализируются случаи, когда правоприменители (судебные приставы-исполнители и даже суд) подменяют существо неимущественных требований и правила их реализации порядком, установленным для имущественных (когда должник обязан совершить какие-либо действия, связанные с имуществом, например, обязанность администрации муниципального образования предоставить жилое помещение по договору социального найма) и наоборот (когда имущественные требования исполняются по правилам исполнения неимущественных, например, передача индивидуально-определённой вещи трактуется как совершение должником действия, соответствующим образом определяются размер исполнительского сбора и ответственность должника). О.В. Исаенкова отмечает, что вынесено немало решений, истолковать которые однозначно крайне затруднительно, а также решений, исполнение которых фактически невозможно ввиду отсутствия в законодательстве механизма их реализации, да и просто решений, содержащих ошибки в резолютивной части, на которые был дан отказ в разъяснении или же было дано разъяснение, насколько не вносящее ясности [2, с. 243].

Методологическая сложность уяснения содержания понятия «требования неимущественного характера» связана с несколькими причинами. Этимологический анализ слова «неимущественный» позволяет дать наиболее общее его понятие – не связанный с имуществом, противоположный имущественному. Однако законодательство не содержит легальной и сколько-нибудь определённой дефиниции понятия «имущество». В широком смысле гражданское законодательство под имуществом понимает вещи, имущественные права и обязанности, то есть, определение даётся через перечисление элементов, входящих в состав данной правовой категории. Исходя из этого, понуждение к передаче этих объектов является имущественным требованием, несмотря на то, что оно по конструкции своей представляет требование о совершении определённого действия. Но такой простой вывод, к сожалению, не может быть признан верным. Рассмотрим следующий пример: администрация муниципального образования признала аварийным и подлежащим сносу жилой дом, в котором проживала гражданка. Было постановлено вывести жилой дом из эксплуатации в определённый срок, а женщина была включена в список граждан, подлежащих переселению в рамках региональной адресной программы по переселению из краевого аварийного жилищного фонда. В установленный срок она не получила новую квартиру, в связи с чем требовала в суде обязать администрацию муниципального образования предоставить ей в собственность квартиру взамен аварийного жилого помещения. Суд удовлетворил требования истицы в полном объёме [10]. Итак, в случае возбуждения исполнительного производства возникшее правоотношение можно представить следующим образом: требование взыскателя: предоставить в собственность жилое помещение; обязанность должника: совершить действия по предоставлению такого жилого помещения.

Такая схема позволяет прийти к выводу, что данное требование является имущественным: интерес взыскателя направлен на получение имущества, характер действий должника заключается в обязанности передать имущество. Однако анализ практики показывает, что исполняются подобные исполнительные документы именно по механизму, предусмотренному для реализации неимущественных требований. И действительно, в рассмотренном примере исполнение судебного решения будет иметь признаки исполнения неимущественных взысканий: так, никто иной, кроме администрации, не может это

требование исполнить (незаменимость должника); произвести «суррогат исполнения», то есть, заменить его реализацию денежной компенсацией нельзя – это будет уже другое правоотношение; принудительное исполнение путём обращения взыскания на имущество должника невозможно. Аналогичную трудность вызывают требования по принятию имущества – в частности, требование «внести в реестр муниципального имущества и принять к бюджетному учету объекты недвижимости» [8]. В обоих случаях исполнение «завязано» на получении или передаче имущества, что, как предполагается, автоматически делает содержащиеся в исполнительных документах требования имущественными. Тем не менее, они всё-таки будут неимущественными. На примере обязанности принятия имущества это можно объяснять так: во-первых, исполнение не повлечёт никаких имущественных неблагоприятных последствий для должника, напротив, произойдёт приращение его собственности, а во-вторых, исполнение не может быть совершено никем другим, кроме как администрацией муниципального образования. Должник в случае принятия имущества не может быть заменён иным субъектом, в этом смысле возникшего правоотношения, поскольку судебное решение вынесено в публичных интересах, принятие имущества другим лицом не позволит достичь цели и судопроизводства, и принудительного исполнения. Следовательно, принятие имущества как обязанность по исполнительному документу также является элементом исполнения требований неимущественного характера, даже несмотря на то, что объект исполнения – имущество [3, с. 19–20].

В науке предлагаются разные способы конкретизации рассматриваемой категории: через уточнение формулировки – совершение действий или воздержание от совершения определённых действий, не связанных с передачей денежных средств или иного имущества – либо через отказ от понятия «неимущественный» и деление всех требований на денежные и неденежные. В любом случае решение проблемы понятия требований неимущественного характера – только первый шаг на пути развития всего законодательства об исполнении данных требований (которое нуждается в более детальной проработке общих правил исполнения), а вместе с этим – совершенствования практики их исполнения.

Список использованной литературы

1. В лесничествах Иркутской области строят пожарные наблюдательные пункты // Официальный сайт Главного управления ФССП по Иркутской области, 24.03.2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://r38.fssp.gov.ru/news/document28977270/>. – Дата доступа: 15.11. 2023.

2. Исаенкова, О.В. Отдельные вопросы исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных листах / О.В. Исаенкова // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения: Сборник материалов 7-й Международной научно-практической конференции, 9–11 июня 2016 г., г. Уфа, Республика Башкортостан / Отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. – М.: Статут, 2017. С.241–248.

3. Кудрявцева, В.П. Исполнение требований неимущественного характера / В.П. Кудрявцева. – М.: Статут, 2015. – 272 с.

4. Решение Кемеровского областного суда от 20 августа 2012 г. по делу № 21-399/2012 // Доступ из СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/103427830/>. – Дата доступа: 14.11. 2023.

5. Постановление Омского областного суда от 05 марта 2013 г. по делу № 4А-68/2013 // Доступ из СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/128498320/>. – Дата доступа: 13.11. 2023.

6. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29 октября 2013 г. № Ф01-11378/13 по делу № А79-13701/2012 // // Доступ из СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/39630331/>. – Дата доступа: 13.11. 2023.

7. Решение Алтайского краевого суда от 22 июля 2015 г. по делу № 21-429/2015 // Доступ из СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/135406546/>. – Дата доступа: 13.11. 2023.

8. Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 28 января 2020 г. по делу № А59-5975/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/NJcDMnTozCNR/>. – Дата доступа: 11.11.2023.

9. Определение ВС РФ № 16-КАД22-8-К4 от 22.07.2022 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2141064. – Дата доступа: 05.11. 2023.

10. Решение Канского городского суда Красноярского края № 2-2601/2020 2-2601/2020~М-2141/2020 М-2141/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-2601/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/iWNB85atJ0JX/>. – Дата доступа: 14.11.2023.

УДК 347.971.99

И. С. Моторина

(Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва)

К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ НАГРУЗКИ В РОССИИ ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ

В данной статье автором указывается на наличие в России проблемы чрезмерной нагрузки на суды, выделяются наиболее существенные меры, оказавшие положительное влияние на судебную нагрузку за последнее десятилетие. Автор обращает внимание, что принятие ряда норм права, направленных на обеспечение доступности и прозрачности правосудия, способствуют увеличению судебной нагрузки. В статье автором описываются существующие в России примирительные институты, отмечается их слабая эффективность, наряду с хорошими показателями примирения сторон в ряде зарубежных стран, в том числе в Беларуси. Автором анализируются причины не востребованности примирительных институтов в России, делается вывод о необходимости продолжения поиска путей повышения эффективности примирительных процедур в целях снижения нагрузки на суды для чего предлагается ввести понуждение сторон к примирению на начальном этапе судопроизводства.

На протяжении последних десяти лет в России поднимается тема укрепления доверия к судебной системе, повышения авторитета судей и снижения судебной нагрузки [1]. Выступая на IX Всероссийском съезде судей в декабре 2016 года, президент РФ Путин В.В. в качестве направления развития судебной системы отметил, в том числе, снижение нагрузки на суды [2].

Данные российской судебной статистики показывают, что большинство граждан в качестве способа защиты нарушенных прав выбирают именно суды. В связи с чем, в профессиональных кругах последнее десятилетие обсуждается проблема неуклонного роста количества рассматриваемых судами дел и предлагаются пути решения данной проблемы. На последних трех Всероссийских съездах судей (на VIII-ом, IX-ом и X-ом съездах) указывалось на необходимость снижения судебной нагрузки, как на одну из главных целей реформирования судебной системы, способствующей обеспечению прав обращающихся за судебной защитой лиц на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумные сроки.

Еще на VIII Всероссийском Съезде судей РФ в декабре 2012 года был отмечен неуклонный рост количества рассматриваемых судами дел. Отмечалось, что в 2011 году было рассмотрено по всем инстанциям дел: в порядке уголовного судопроизводства – около 4,5 млн., в порядке гражданского судопроизводства – свыше 14,5 млн., в порядке, установленном КоАП РФ, – более 5,5 млн. [3].

На IX Всероссийском Съезде судей РФ в декабре 2016 года так же акцентируется внимание на росте количества рассматриваемых судами дел. Несмотря на принятые меры по снижению судебной нагрузки количество дел и материалов в 2011 году составило – 24 500 тыс. шт., а в 2015 год – 30 250 тыс. шт. Таким образом, прирост поступивших в суд обращений по вопросам разрешения права за четыре года составил 20 %. Тенденция роста обращений за судебной защитой наблюдалась и в 2016, и в 2017 годах [4].

На X Всероссийском Съезде судей РФ в декабре 2022 года было отмечено, что в 2021 году по первой инстанции было рассмотрено более 39 миллионов дел, за счет повышения интенсивности судейского труда [5]. Судебную нагрузку в России в некоторых судах удавалось выровнять, но она по-прежнему оставалась на высоком уровне. На снижение судебной нагрузки повлияли меры: внедрение специализации судей, оптимизация схемы распределения дел между судьями реализуемых в рамках своей компетенции председателями судов, исключение из числа уголовно наказуемых деяний ряда преступлений небольшой тяжести и экономической направленности, введение института судебного штрафа при освобождении виновных от уголовной ответственности, стимулирование досудебного и внесудебного исчерпания экономических конфликтов, принятие законов по объединению малосоставных судов, изменение порядка привлечения к исполнению обязанностей мирового судьи пребывающих в почетной отставке судей, расширение компетенции председателей судов различного уровня [6]. Значимые меры, способствующие снижению судебной нагрузки, были достигнуты при законодательном закреплении возможности мирового судьи составлять мотивированное решение только в случае поступления в суд заявления о составлении мотивированного решения [7].

Принятые меры оптимизировали судебную нагрузку судей районных судов и мировых судей в пределах судебного района, но в целом не снизили ее. Следует отметить, что задачи повышения открытости судебной власти и одновременного снижения нагрузки на суды в ряде случаев оказывают противоположное воздействие друг на друга. Ряд мер, направленных на повышение открытости судебной власти, ведут к увеличению загруженности судей и работников аппарата судебной системы. К усложняющим администрирование функциям судебной власти, расширяющих традиционную функцию правосудия можно отнести: создание условий доступа к правосудию, путем размещения информации о деятельности судов на интернет-сайтах судов и обеспечение доступа к банку решений судов, создание «электронного суда», обеспечение возможности граждан на получение консультаций по вопросам судебной защиты, трансляция открытых судебных заседаний. Данные меры сказались на увеличении судебной нагрузки.

Можно говорить о том, что снижение судебной нагрузки будет достигнуто при: 1) снижении количества споров, 2) уменьшении времени, затрачиваемого судьей на рассмотрение дел или 3) увеличении количества судей и сотрудников аппарата. В целях снижения судебной нагрузки в правовую систему России были внедрены примирительные институты, которые по аналогии с зарубежными странами должны были бы оттянуть на себя часть споров, передаваемых на рассмотрение в суды. Были приняты: Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [8] (далее – «Закон о медиации»), Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2010 N 194-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9], внесены изменения в ГПК РФ, АПК РФ, Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации».

Следующим шагом в правовую систему России был интегрирован институт судебного примирения, закреплённый Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10], в соответствии с которым судебными примирителями являются судьи в отставке.

Время функционирования примирительных институтов в России (медиации и судебного примирения) показало, что они не способствовали активному примирению сторон и не повлияли на снижение судебной нагрузки. Таким образом, создание правовых основ для применения процедур медиации и судебного примирения не привели к значительным показателям примирения сторон в судах. При этом в Белоруссии, как указывается исследователями, дополнение Хозяйственно-процессуального кодекса статьями, регулирующими применение посредничества в ходе судебного разбирательства, привело к тому, что в 2008 году каждый третий гражданско-правовой спор, относящийся к компетенции хозяйственного суда, начал разрешаться при использовании медиации [11].

Высокая популярность медиативных процедур в зарубежных странах и в дореволюционной России позволяет предположить, что в Российской Федерации следует продолжать поиск востребованной сторонами примирительной процедуры, анализируя причины мешающие существующим примирительным институтам функционировать эффективно, предлагая новые модели медиации.

Причины, которые не позволили примирительным институтам в России стать эффективным инструментом урегулирования споров, разделяют по группам: экономические, процессуальные, организационные, психологические. К ним относят и недоверие к профессионализму медиатора; минимум процессуальных гарантий и незащищенность при медиации для слабой стороны; неоднотипность алгоритма и структуры медиативных процедур; невозможность привлечения медиаторов к ответственности за умышленный и неумышленный вред; высокая степень конфликтности отношений участников спора; отсутствие культуры и опыта примирения.

Можно констатировать наличие в России несформировавшегося мировоззрения относительно преимущества ведения переговоров перед властными решениями государственных органов, что и определяет выбор сторон при возникновении спора в пользу юрисдикционного способа разрешения конфликта. В связи с чем, представляется, что «размораживания» медиации в России можно достичь при внедрении в суды примирительной процедуры с механизмом понуждения сторон к примирению и с правом отказа от примирения. Значительные количественные показатели применения новой примирительной процедуры и разрешения с ее помощью спорных дел следует ожидать на этапе возбуждения дела. В качестве основания применения новой примирительной процедуры на этапе возбуждения дела предлагается рассмотреть – отсутствие возражений на примирение на начальной стадии судебного процесса. К другим основаниям применения новой примирительной процедуры можно отнести ходатайство сторон (стороны); предложение суда при согласии сторон на любой стадии процесса.

Проведение примирения на начальном этапе судопроизводства по ряду категорий дел даст возможность конфликтующим сторонам лучше понять друг друга, даже в том случае, если они не придут к примирению, позволит более реально взглянуть на свои законные права и обязанности, поразмыслив над справедливостью своих требований с учетом взгляда и мнения другой стороны. До начала судебного разбирательства стороны выговорятся, высказав друг другу взаимные требования, упреки и обиды. Готовность сторон к конструктивному общению будет способствовать более эффективному судебному разбирательству. Как видится, для эффективной медиации в России следует разработать допустимые пределы понуждения сторон к примирению на начальном этапе судопроизводства, что окажет положительное действие в вопросе снижения нагрузки на судей и в отношении реализации права сторон на судебную защиту.

Список использованной литературы

1. Новостной российский портал «Риа новости» [Электронный ресурс]: «Путин призвал судей не допускать ошибок и чванства». – Режим доступа: <https://ria.ru>. Дата доступа: 29.10.2023.

2. Совет судей Российской Федерации [Электронный ресурс]: «Выступление президента РФ В.В. Путина на IX Всероссийском съезде судей» – Режим доступа: <http://ssrf.ru>. Дата доступа: 29.10.2023.

3. О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития [Электронный ресурс]: Постановление VIII Всероссийского съезда судей, 19 декабря 2012г. № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

4. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе [Электронный ресурс]: Постановление IX Всероссийского съезда судей, 08 декабря 2016г. № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

5. О развитии судебной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление X Всероссийского съезда судей, 01 декабря 2022г. № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 23 июня 2016г. № 220-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 04 марта 2013г. № 20-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

8. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 27 июля 2010г. № 193-ФЗ : в редакции Федерального закона от 26.07.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 27 июля 2010г. №194-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 26 июля 2019г. № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

11. Бельская, И. А. О развитии медиации (посредничества) в Беларуси / И.А. Бельская // Третейский суд. – 2009. - № 3 (63). - С. 185-190.

УДК 347.922

С. С. Пастухова

(Саратовская государственная юридическая академия, Саратов)

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИСТЦОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Автором рассмотрены отдельные проблемы, возникающие в ходе самостоятельного обращения несовершеннолетних лиц с иском в суд общей юрисдикции. Проанализированы важные аспекты гражданской процессуальной правоспособности и гражданской процессуальной дееспособности. Сделаны выводы о необходимости совершенствования норм российского семейного и гражданского процессуального законодательства относительно защиты несовершеннолетними лицами своих прав, свобод и охраняемых законом интересов.

Правовая система российского государства находится в постоянном развитии, одной из важнейших целей которой является обеспечение реальной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан, организаций и государства в целом. Особую актуальность в достижении данных целей имеет правильное законодательное регулирование защиты несовершеннолетних участников правоотношений, в том числе гражданских процессуальных правоотношений.

Актуальность темы обусловлена определенными проблемами при самостоятельном обращении несовершеннолетних в суд, по причине отсутствия определения их правового статуса в российском гражданском процессуальном законодательстве. Ю.Ф. Беспалов отмечает, «отечественное процессуальное законодательство не учитывает в полном объеме специфику разбирательства дел с участием несовершеннолетних» [1].

В Гражданском процессуальном кодексе РФ [2] (далее – ГПК РФ) определен только процессуальный статус несовершеннолетнего свидетеля, но о правовом положении несовершеннолетнего истца не говорится. При формальном участии в гражданском процессе несовершеннолетних от 14 до 18 лет, их права и интересы защищают законные представители, но одной из сторон (истцом либо ответчиком) будет сам несовершеннолетний. При этом суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних.

Следовательно, несовершеннолетние в этом случае будут обладать ограниченной процессуальной дееспособностью, исходя из анализа п.2 ст. 37 ГПК РФ. Несовершеннолетние истцы, ответчики, третьи лица, привлеченные в гражданский процесс, обладают правами лиц, участвующих в деле, в соответствии со ст. 35 ГПК РФ, но не имеют прав на изменение иска, отказа от иска или заключать мировое соглашение, т.е. не имеют возможности самостоятельных распорядительных действий. Следовательно, можно говорить о том, что несовершеннолетние не принимают активного участия в процессе при защите своих прав и интересов законными представителями, их участие лишь условно. Суды не всегда выполняют правила о привлечении несовершеннолетних в процесс, нарушая тем самым их права, полагаясь на защиту законными представителями или приглашенными ими профессиональными представителями.

Вместе с тем, в силу прямого указания закона суды обязаны привлекать несовершеннолетних в процесс при их самостоятельном обращении в суд по некоторым категориям дел. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе лично, без законных представителей защищать свои права и интересы в случаях, предусмотренных Семейным кодексом РФ [3] (далее – СК РФ), а именно с 14 лет несовершеннолетний может подать заявление к родителям (одному из них), если они недобросовестно относятся к его воспитанию, злоупотребляют родительскими правами, может обращаться с заявлением об установлении отцовства в отношении своих детей или подать иск об отмене усыновления.

Также в соответствии с п. 1 ст. 287 ГПК РФ несовершеннолетний может самостоятельно обратиться с заявлением в суд с 16 лет об объявлении его полностью дееспособным (эмансипированным).

Следует обратить внимание на то, что российское законодательство не в полной мере защищает права и интересы детей в сети «Интернет». В современном мире многие родители пытаются получить доход от фиксации эмоций и последующего распространения полученных материалов своих детей, снимая видеоролики и выкладывая их в сети «Интернет» без разрешения ребенка, не спрашивая его мнения, есть ли у него желание сниматься. Фотографии и видеосюжеты, размещаемые родителями в сети «Интернет», могут быть восприняты детьми как унижительные, обидные, что в дальнейшем может негативно отразиться на психическом состоянии ребенка. По мнению психолога Е. Трофимовой, «Когда ты опираешься на миллионные заработки, то детство ... прекращается. Это означает, что запасы любви, безопасности, радости, беззаботности, безответственности в конце концов, которые должны быть у ребенка, они не делаются. К взрослому периоду жизни ребенок уже измучен и истощен всеми теми тяготами взрослости, которые у него были» [4]. Родители должны понимать, что ребенок – это личность и у него есть право на неприкосновенность частной жизни.

Исходя из вышеприведенного, предлагается п. 2 ст. 56 СК РФ изложить в следующей редакции: «При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка, либо при злоупотреблении родительскими правами, опубликование фотографий и видеосюжетов с участием ребенка без его согласия, влекущих унижение, оскорбление, ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой своих прав и интересов в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд».

Далеко не всегда учитываются современным гражданским процессом психические, умственные и физиологические особенности несовершеннолетних. Несовершеннолетние могут не обладать достаточной грамотностью в силу своего возраста и иметь полного представления о порядке защиты своих прав и интересов в гражданском процессе, что может послужить препятствием для личного обращения в суд. Чтобы повышать правовую грамотность детей, необходимо организовывать семинары, бесплатные консультации в образовательных учреждениях. Истец либо заявитель являются активными участниками в гражданском процессе, выступают его инициаторами, так как обращаются в суд с требованием о защите своих прав и интересов. Истец может представлять свои интересы лично, либо воспользоваться помощью представителя, при этом именно истец должен доказать тот факт, что его права и интересы действительно были нарушены. На истца ложится бремя предоставления доказательств, имеющих отношение к делу, также он обязан оплатить госпошлину при подаче искового заявления в суд. В связи с этим возникает вопрос, может ли несовершеннолетний, достигший возраста 14 лет, участвовать в суде наравне с полностью дееспособными участниками, реализуя все возможности, предоставленные ему законом? В современных реалиях это не всегда представляется возможным. Важным моментом является то, что по категориям дел, где истцом является несовершеннолетний, ответчиками зачастую выступают его законные представители, то есть лица, от которых он зависим и в финансовом плане и в психологическом. По категориям дел, где присутствует внутрисемейный конфликт между родителями и ребенком, суд должен предпринять все меры для примирения сторон, то есть предложить сторонам воспользоваться примирительными процедурами, а именно судебным примирением, чтобы урегулировать конфликт и соблюсти интересы сторон. Именно эта примирительная процедура будет более удобна для несовершеннолетнего, так как проводится бесплатно (в отличие от медиации).

Еще одной проблемой при личном обращении в суд несовершеннолетним может послужить удаленность компетентного суда от места фактического проживания несовершеннолетнего. В целях ее решения считаем целесообразным дополнить ч. 4 ст. 29 ГПК РФ предложением следующего содержания «Несовершеннолетний, самостоятельно защищающий свои права и законные интересы, может обращаться в компетентный суд по месту своего жительства».

В заключении укажем, что невозможно говорить о полном соблюдении прав и интересов несовершеннолетних истцов без четкого законодательного закрепления их особого правового статуса. Полагаем, что оптимизацию защиты прав несовершеннолетних истцов в гражданском судопроизводстве должны включать в себя вышеприведенные изменения в семейное и гражданское процессуальное законодательство для обеспечения расширения возможностей участия несовершеннолетних субъектов в российском гражданском судопроизводстве.

Список использованной литературы

1. Беспалов, Ю.Ф. Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации/ Ю.Ф. Беспалов. – Москва:Ось-89, 2004. – 5 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 14.11.2002 г., № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 октября 2002 г.: одобр. Советом Федерации 30 октября 2002 г.: в ред. Федер. закона от 24.06.2023 с изм. от 20.07.2023 // Доступ из системы ГАРАНТ. / ЭПС "Система ГАРАНТ".

3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 29.12.1995 г., № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. : в ред. Федер. закона от 31.07.2023г. // Доступ из системы ГАРАНТ. / ЭПС «Система ГАРАНТ».

4. Психотравмы за миллионные просмотры. Как родители-блогеры зарабатывают на своих детях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yamal-media.ru/narrative/psihotravmy-za-millionnye-prosmotry-kak-roditeli-blogery-zarabatyvajut-na-detjah>. – Дата доступа: 19.10.2023.

УДК 347.9(4/5)

В. К. Раюшкин

*(Институт правовых исследований национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь, Минск)*

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ В СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ ЕАЭС

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития законодательства об исполнении производств на основании опыта стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в области закрепления и применения норм, устанавливающих механизм принудительного взыскания компетентными государственными органами налоговых платежей по неисполненным налоговым обязательствам должников. Проводится сравнительный анализ некоторых, представляющих наибольший интерес, норм зарубежного законодательства в данной области с законодательством нашей страны. Новизна исследования заключается в выявленных перспективных направлениях дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в данной области.

На наш взгляд, интересен опыт Кыргызской Республики с точки зрения регламентации процедуры взыскания налоговой задолженности. В основном принятые Кыргызской Республики подходы к взысканию налоговых платежей схожи с подходами, принятыми в Беларусь. Как указывает И. А. Адынаев, «условно можно выделить в принудительном исполнении налоговой обязанности три юрисдикционных налоговых производства: производство по направлению требования об уплате налога, производство по взысканию налога и пени за счет денежных средств, находящихся на счетах в банке, и производство по взысканию налога и пени за счет иного имущества» [1, с. 151]. Тем не менее есть свои характерные особенности.

Так, в соответствии с ч. 1 п. 5 ст. 86 Налогового кодекса Кыргызской Республики (далее – НК Кыргызской Республики) взыскание налоговой задолженности за счет имущества налогоплательщика – физического лица не производится в отношении основного средства стоимостью до 1000 расчетных показателей [2] (1 расчетный показатель = 100 сомов, 1000 расчетных показателей ≈ 28,64 белорусских рубля (на ноябрь 2023 г.)). В данном положении кыргызского налогового законодательства прослеживается подход, направленный на защиту прав и имущественного положения должника по налоговому обязательству, а также нецелесообразность задействования механизма взыскания налоговых платежей со стороны органов налоговой службы Кыргызской Республики, в связи с невысоким размером невыплаченной суммы налоговых платежей.

Кроме этого, ст. 86 НК Кыргызской Республики установлено ограничение выезда за пределы республики налогоплательщиков, имеющих налоговую задолженность. Органы налоговой службы имеют право обратиться в суд с заявлением об ограничении выезда физического лица или руководителя организации, которые имеют налоговую задолженность, признанную налогоплательщиком, в размере, превышающем 1000 расчетных показателей и неисполненную в течение 15 календарных дней, следующих за датой вручения извещения об обеспечении исполнения налоговой задолженности, признанной налогоплательщиком.

Как видим, в отличие от Республики Беларусь, где налагать временное ограничение прав должника на выезд из страны имеют право органы принудительного исполнения или суд в целях реализации исполнительного документа, в Кыргызской Республике такими полномочиями наделены органы налоговой службы, в том числе в отношении руководителя организации, которая имеет налоговую задолженность, что является особенно нехарактерным для подхода, применяемого в законодательстве Республики Беларусь.

В Республике Казахстан так же установлено для физических лиц – не индивидуальных предпринимателей (в т.ч. лиц, занимающихся частной практикой) пороговое значение суммы долга по налоговым обязательствам, с превышением которого и неуплатой данной суммы в установленный законодательством срок налоговыми органами страны задействуется механизм принудительного взыскания налоговых платежей.

В соответствии с п. 1 ст. 128 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 г. № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» (далее – НК Казахстана) данная сумма составляет 1–кратный месячный расчетный показатель (1 месячный расчетный показатель с 1 января 2023 года = 3 450 тенге [3] ($\approx 18,77$ белорусских рубля на ноябрь 2023 г.).

Особенно интересна практика публикации налоговыми органами Казахстана в средствах массовой информации списков налогоплательщиков (налоговых агентов), имеющих налоговую задолженность, не погашенную в течение четырех месяцев со дня ее возникновения. При этом в списках указываются фамилия, имя, отчество (если оно указано в документе, удостоверяющем личность) либо наименование налогоплательщика (налогового агента), вид экономической деятельности, идентификационный номер, фамилия, имя, отчество (если оно указано в документе, удостоверяющем личность) руководителя налогоплательщика (налогового агента) и общая сумма налоговой задолженности.

В случае непогашения сумм налоговой задолженности налогоплательщиком (налоговым агентом) – акционерным обществом с участием государства в уставном капитале после принятия всех мер, предусмотренных НК Казахстана, уполномоченный орган обращается в суд с исковым заявлением о принудительном выпуске объявленных акций (ч. 1 ст. 125 НК Казахстана) [3].

Также обратимся к вопросу взыскания дебиторской задолженности должника, который урегулирован законодательством как Республики Беларусь, так и Казахстана, Кыргызстана и Армении. Причем в Армении требования к дебитору налогоплательщика переходят к налоговым органам на основании договора уступки права требования со стороны обязанного лица по налоговым выплатам и налогового органа.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 439 Налогового кодекса Республики Армения от 4 октября 2016 г. № НО-165-N в целях взыскания налоговых обязательств налогоплательщика налоговый орган имеет право на приобретение права требования налогоплательщика в отношении должника (дебитора) налогоплательщика на основании договора уступки права требования налогоплательщика и направить полученные суммы на погашение налоговых обязательств налогоплательщика [4]. При этом налоговому органу переходит право требования налогоплательщика в полном объеме, включая право на начисляемые на долг проценты.

В Российской Федерации 1 января 2023 г. с вступления в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую

Налогового кодекса Российской Федерации» [5] была произведена реформа национального механизма исполнения обязанностей по уплате налоговых платежей путем введения единого налогового счета и единого налогового платежа. Такие изменения направлены на упрощение процедуры уплаты налогов посредством объединения сумм налогов, авансовых платежей, сборов, страховых взносов, пеней, штрафов, процентов, которые нужно уплатить плательщику.

Кроме этого, теперь взыскание задолженности за счет имущества физического лица, которое производится в отношении денежных средств на счетах в банке и электронных денежных средств, переводы которых осуществляются с использованием персонифицированных электронных средств платежа, драгоценных металлов на счетах (во вкладах) в банке, осуществляется налоговым органом посредством размещения соответствующего поручения налогового органа на перечисление суммы задолженности в реестре решений о взыскании задолженности и исполняется банком по процедуре, аналогичной процедуре взыскания с юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (абз. 1 п. 7 ст. 48 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ) [5].

Также отметим, что в Российской Федерации, как и в Республике Беларусь, не установлен минимальный размер суммы неполученных бюджетом государства налоговых платежей плательщика, при котором процедуры взыскания не осуществляются налоговыми органами или по их поручению органами принудительного исполнения. А значит, взысканию подлежат недоимки любых размеров.

В целом российские ученые положительно оценивают такие нововведения. Е. В. Пеетренко считает, что «ЕНС представляет собой новый институт, который кардинально изменит порядок исполнения налоговой обязанности, его неоспоримым достоинством является упрощение и ускорение процессов в сфере налогообложения» [6, с. 157]. Как отмечает И. Е. Первашов, «стороны налоговых правоотношений редко применяют процедуры, предусмотренные законодательством об исполнительно производстве. Связан данный факт с тем, что налоговые органы наделены широкими полномочиями для того, чтобы исполнить свои обязательства по взиманию налогов, сборов самостоятельно. Введение поправок о едином налоговом счете только лишь увеличило такие полномочия» [7, с. 1319].

Заслуживает внимание мнение некоторых российских ученых, исследовавших взыскание налоговой задолженности в Республике Беларусь о том, что «ряд механизмов, отраженных в Налоговом кодексе Республики Беларусь, проработаны на более глубоком уровне, относительно законодательства стран – участников Евразийского экономического союза и при практической реализации должны вызывать меньше вопросов» [8, с. 103].

Тем не менее общественные отношения не стоят на месте, и уровень законодательно установленных механизмов каждого государства в области обращения взыскания на имущество должника во исполнение налоговых обязательств должен расти, а сами механизмы и процедуры – совершенствоваться. Поскольку законодательства о налогах и сборах стран-участниц ЕАЭС имеют много общего со стороны выбранных направлений правового регулирования и с точки зрения нормотворческой техники, применяемой во внутреннем законодательстве по налогам и сборам каждой страны ЕАЭС, положительный опыт закрепления тех или иных норм и механизмов взыскания налоговых платежей вышеприведенных стран может быть использован и в нашем государстве.

Список использованной литературы

1. Адынаев, И. А. принудительное исполнение налогового обязательства / И. А. Адынаев // Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. – 2022. – № 1(36). – С. 146–152.

2. Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 года № 3 (в редакции Законов КР от 30.06.22 г. № 51, 03.04.23 г. № 78) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31756556. – Дата доступа 08.11.2023.

3. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) [Электронный ресурс]: от 25 дек. 2017 г. № 120-VI: в ред. Закона Респ. Казахстан от 12 июля 2023 г. № 25-VIII // ИС «Юрист – Параграф online». – 2023.

4. Налоговый кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: Закон Республики Армения от 4 окт. 2016 г. № НО-165-N: в ред. Закона Респ. Армения от 24 марта 2023 г. № ЗР-69 // ИС «Arlis». – 2023.

5. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации [Электрон. ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

6. Петренко, Е. В. Единый налоговый счет: цифровизация финансово-правовой деятельности государства / Е. В. Петренко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6-2(69). – С. 155-158.

7. Первашов, И. Е. Налоговые споры: исполнительное производство / И. Е. Первашов // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 31 марта 2023 года / Сост. И. В. Хмиль, под редакцией С. А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 1313-1321.

8. Русанов, М. С. Взыскание налоговой задолженности в Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ / М. С. Русанов, В. А. Ключихин, Ю. В. Репникова // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 5. – С. 99-103.

УДК 347.952(476)

В. П. Скобелев

(Белорусский государственный университет, Минск)

О НОВЕЛЛАХ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПОРЯДКА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ СУДЕБНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ

В работе анализируются некоторые новеллы, которые претерпело правовое регулирование вопросов получения судебными исполнителями информации по находящимся в их производстве исполнительным документам, а именно последствия замены в абз.5 ч.1 ст. 63 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» слов «в случаях» на «с соблюдением требований». Показано, что такая новелла позволила устранить некоторые сложности в получении судебными исполнителями обычной («не засекреченной») информации, снять отдельные проблемы в получении тех сведений, на которые распространяется режим охраняемой законом тайны, и пр.

В процессе принудительной реализации исполнительных документов судебные исполнители регулярно сталкиваются с потребностью получения разнообразной информации от широкого круга физических и юридических лиц. Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП) предоставляет судебным исполнителям право истребовать соответствующую информацию (см., например, абз.5 ч.1 ст. 63). Однако регулирование данного вопроса пока еще далеко от своего совершенства, в том числе не решил всех имеющихся в данной сфере проблем и Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. №90-З «Об изменении законов

по вопросам исполнительного производства» (далее – Закон №90-3), которым законодательство об исполнительном производстве было подвергнуто масштабным преобразованиям. При этом в отечественной литературе [1–6] указанной проблематике должного внимания не уделено.

Норма абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП изначально предусматривала, что судебный исполнитель при исполнении исполнительных документов вправе «получать по находящимся в его производстве исполнительным документам от граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, должностных лиц государственных органов и иных организаций на безвозмездной основе необходимые материалы и (или) документы, информацию (за исключением первичных статистических данных), включая информацию, содержащую банковскую и (или) иную охраняемую законом тайну, в случаях, установленных законодательными актами». Законом №90-3 в данной норме слова «в случаях» были заменены на «с соблюдением требований». Сделано это было, по-видимому, с целью решения следующих проблем.

Во-первых, ограничительная оговорка «в случаях, установленных законодательными актами» имела отношение не только к информации, содержащей банковскую и (или) иную охраняемую законом тайну, но также к названной в абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП любой иной необходимой судебному исполнителю информации, любым необходимым ему материалам и (или) документам, т.е. получать иную информацию, материалы и документы судебный исполнитель мог только в случаях, установленных законодательными актами. Но проблема заключалась в том, что законодательные акты не устанавливали таких случаев (в этом не было никакой необходимости, поскольку указанные информация, материалы и документы не имели статуса охраняемой законом тайны), соответственно норма абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП ограничивала возможности судебных исполнителей по получению обычных («не засекреченных») сведений (материалов, документов), хотя по логике вещей никаких ограничений на получение судебными исполнителями подобных сведений (материалов, документов) существовать не должно.

Во-вторых, оговорка «в случаях, установленных законодательными актами» создавала сложности в получении судебными исполнителями и той информации, на которую распространялся режим охраняемой законом тайны, поскольку далеко не всегда законодательные акты, закрепляющие ту или иную тайну, предусматривают возможность ее получения судебными исполнителями. Например, ч.7 ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. №2435-ХП «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) не упоминает судебных исполнителей среди субъектов, которые имеют право получать информацию, составляющую врачебную тайну, без согласия пациента (иных названных в законе лиц), хотя потребность в получении такой информации у судебных исполнителей в ряде случаев может возникать.

В частности, состояние здоровья стороны исполнительного производства может иметь значение для решения судебным исполнителем вопросов об отложении совершения исполнительных действий (перечень возможных оснований для отложения совершения исполнительных действий в ст. 59 Закона об ИП не оговорен, а значит, такие основания могут быть весьма разнообразны, в том числе быть связанными со здоровьем стороны), о приводе (согласно ч.2 ст. 66 Закона об ИП приводе не подлежат беременные женщины и временно нетрудоспособные лица), о приостановлении исполнительного производства (по основаниям, предусмотренным абз.5 ч.1 ст. 50 Закона об ИП (если сторона исполнительного производства-физическое лицо по уважительным причинам не может участвовать в совершении исполнительных действий, когда их совершение без стороны исполнительного производства невозможно) и абз.9 ч.1 ст. 50 Закона об ИП (при беременности сроком свыше тридцати недель у женщины, которая является лицом, обязанным возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении)), о возвращении исполнительного документа

(в соответствии с абз.12 ч.1 ст. 53 Закона об ИП исполнительный документ подлежит возвращению взыскателю, если должник, который обязан возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, не может исполнять родительские обязанности по состоянию здоровья в случаях, предусмотренных актами законодательства).

Безусловно, состояние здоровья стороны исполнительного производства может подтверждаться представленными ею судебному исполнителю медицинскими документами. Однако если у судебного исполнителя возникают сомнения в подлинности этих документов, или возможность оперативного предъявления судебному исполнителю таких документов у стороны отсутствует (например, сторона была экстренно госпитализирована в больницу и из нее по телефону просит судебного исполнителя отложить совершение исполнительных действий), то потребность в получении судебным исполнителем информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента становится вполне очевидной.

Другой пример касается получения судебными исполнителями сведений, составляющих налоговую тайну (потребность в их получении сомнений, очевидно, вызывать не может). Порядок предоставления соответствующих сведений регулируется Положением о порядке хранения сведений, составляющих налоговую тайну, доступа к ним и их разглашения, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 сентября 2004 г. №1149 (далее – Положение №1149). И самая первая проблема здесь заключается в том, что Положение №1149 является не законодательным, а подзаконным актом. Если обратиться к анализу Положения №1149 по существу, то можно заметить, что среди субъектов, которым могут быть разглашены (т.е. предоставлены) сведения, составляющие налоговую тайну, Положение №1149 прямо не называет ни органы принудительного исполнения, ни судебных исполнителей. Вместе с тем Положение №1149 позволяет разглашать соответствующие сведения «правоохранительным органам, а также должностным лицам этих органов при исполнении своих служебных обязанностей» (абз.4 ч.1 п.5). Правда, возможность отнесения органов принудительного исполнения к числу правоохранительных органов является, на наш взгляд, весьма дискуссионным вопросом, на который есть все основания дать и отрицательный ответ. Еще Положение №1149 допускает возможность предоставления сведений, составляющих налоговую тайну, «другим лицам (далее – пользователи) по запросу, направляемому в компетентный орган, либо на основании соглашения об информационном обмене, заключенного между пользователем и компетентным органом» (абз.15 ч.1 п.5). Однако необходимым основанием для рассмотрения подобного запроса либо для заключения соглашения об информационном обмене является ссылка на нормы законодательных актов, устанавливающих право пользователя на получение соответствующих сведений (ч.2 п.5 Положения №1149), а в отношении судебных исполнителей подобной нормы законодательными актами установлено не было, в том числе не могла выполнять такую роль (до внесения в нее изменений Законом №90-3) и норма абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП.

В-третьих, в некоторых ситуациях содержащаяся в абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП оговорка «в случаях, установленных законодательными актами» могла порождать явление так называемой обратной отсылки (т.е. положение, при котором один нормативный правовой акт для решения некоего вопроса отсылает к другому нормативному правовому акту, а последний в свою очередь содержит обратную отсылку на первый нормативный правовой акт, создавая тем самым ситуацию правовой неопределенности) [7, с. 20]. Так, изначально присутствовавшая в абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП оговорка «в случаях, установленных законодательными актами» подразумевала, что такие случаи предусматриваются специальными (другой отраслевой принадлежности) нормативными правовыми актами, в том числе и Банковским кодексом Республики Беларусь (далее – БК), тем более что в абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП прямо упомянута банковская тайна. БК действительно закрепляет возможность получения судебными исполнителями сведений, составляющих

банковскую тайну юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей (см. абз.3 ч.3, абз.3 ч.5 ст.121 БК), но, как видно, из абз.1 ч.3, абз.1 ч.5 ст.121 БК, только «в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь», т.е. фактически содержит обратную отсылку к нормам Закона об ИП, которые (посредством абз.5 ч.1 ст. 63 Закона об ИП) опять отсылали нас к БК. В итоге становилось не ясно, имеют ли судебные исполнители право получать составляющую банковскую тайну информацию.

Список использованной литературы

1. Авласович, Р. А. Исполнительное производство до и после 15.07.2021 [Электронный ресурс] [по состоянию на 26.05.2021] / Р. А. Авласович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2023.

2. Ващеврович, М. Г. Совершенствование законодательства об исполнении и меры по повышению эффективности принудительного исполнения в Республике Беларусь / М. Г. Ващеврович // Проблемы управления. – 2018. – №3. – С. 116–120.

3. Жданов, В. Исполнительное производство: грядут масштабные изменения / В. Жданов // Юридический мир. – 2021. – №5. – С. 15–29.

4. Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т. С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Гапоненко. – Минск: Колорград, 2022. – 349 с.

5. Никонова, Н. Н. О некоторых проблемах правового регулирования статуса субъектов исполнительного производства / Н. Н. Никонова // Научные чтения памяти профессора В. И. Семенкова: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Минск, 7 дек. 2017 г.) / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 317–320.

6. Таранова, Т. С. Принцип законности в исполнительном производстве / Т. С. Таранова // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2022. – Вып. 4. – С. 110–120.

7. Скобелев, В. П. Еще раз к вопросу об источниках регулирования цивилистического процесса / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2019. – №7. – С. 16–22.

УДК 347.65

Н. В. Денисенко

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПОРЯДОК НАСЛЕДОВАНИЯ СУПРУГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматриваются нормы о наследовании супругов, закрепленные в законодательстве Российской империи середины XIX – начала XX вв. Рассматриваются различные точки зрения ученых по вопросу о праве наследования супругов. Делается вывод о том, что законодательством Российской империи было установлено право пережившего супруга на получение в собственность доли имущества – указной части в размере 1/7 недвижимого и 1/4 движимого имущества. Автор обращает внимание на важную особенность законодательства Российской империи, в котором было закреплено право на получение указной части из имущества свекра или тестя после их смерти, а в некоторых случаях – и при жизни.

В соответствии с законодательством Российской империи супруг умершего получал в собственность долю имущества, которая называлась указной частью. Указная часть выделялась в размере 1/7 части недвижимого и 1/4 части движимого имущества. Размер указной доли оставался неизменным независимо от наличия или отсутствия других наследников. Приданое и собственное имущество овдовевшего супруга, как принадлежавшее ему до брака, так и приобретенное им по вступлении в него, в указную часть не засчитывалось [1, ст. 1148, 1150]. Право на «выдел» из имущества умершего супруга указной части другому, оставшемуся в живых супругу, в случае объявления его несостоятельным должником переходило к конкурсному управлению или к его кредиторам [2, с. 834]. Это право могло быть реализовано только при жизни супруга-должника [1, ст. 1155].

Размер указной доли из недвижимого имущества в виде 1/7 части объясняется историческим развитием законодательства о недвижимом имуществе. При существовании поместной системы женщины не имели права наследования, а после смерти мужа получали часть их поместий «на прожиток». Размер такой части зависел от обстоятельств смерти супруга (смерти мужа в походе; на службе, но не в походе; в отставке) и составлял соответственно 20, 15 или 10 «четвертей» со 100, то есть 1/5, 1/7 или 1/10 часть. Впоследствии при предоставлении вдове права наследства этот размер был определен как 1/7 и распространен также на наследование мужа после умершей супруги [3, с. 642], [4, с. 381–382]. При этом указная часть супруга выделялась ему перед определением доли остальных наследников и не подлежала зачету или уравниванию с долями прочих наследников, сколько бы их ни было: доля жены или мужа всегда оставалась неизменной [1, ст. 1128], [5, с. 325].

Право супруга на четвертую часть движимого имущества объясняют влиянием византийского права. Так, считалось, что данная норма была заимствована патриархом Филаретом из Кормчей книги: «аще ли кто совокупится с убогою женою законным браком и умрет муж без детей, завета прияти жене от мужня останка за бесчадие четвертую часть после мужа...». При этом в отличие от византийского права, в соответствии с имперским законодательством право на получение четвертой части имущества умершего мужа имела не только бездетная, но и имеющая детей жена и только из движимого, а не всего имущества [4, с. 382].

В законодательстве Российской империи была закреплена одна существенная особенность наследования супругов. Супруг умершего имел право на указную часть из

имущества свекра или тестя. Это право могло быть осуществлено не только после смерти последних, но даже при их жизни. Таким образом, в то время, как сами дети не могли и по достижении совершеннолетия требовать от родителей «выдела», их супруги имели такое право [1, ст. 995]. При этом на часть имущества свекра или тестя могли претендовать как вдовец, так и вдова [2, с. 835].

Овдовевшему мужу принадлежало право требовать после смерти тестя, а овдовевшей жене после смерти свекра указную часть из того имущества, которое следовало бы умершему супругу, если бы при открытии наследства после его отца он находился в живых [1, ст. 1149]. Если же у умершего супруга не было собственного недвижимого имущества, а осталось только движимое имущество, то его вдова получала при жизни свекра указную часть из доли недвижимого имущества свекра, которая следовала бы ее умершему мужу. Кроме того, она получала четвертую часть из движимого имущества мужа. При этом на движимое имущество свекра при его жизни она не имела права [1, ст. 1151]. Такое же право принадлежало овдовевшему мужу [1, ст. 1153], [2, с. 835]. При этом последний имел право просить выдела из имущества тестя при его жизни, когда у умершей жены не было собственного имущества, и муж не получил его ни по рядной, ни по какому-либо другому акту [1, ст. 1153], [5, с. 322], [6]. «Выдел» части имущества производился из того недвижимого имущества тестя или свекра, которое было в его владении в день смерти его сына или дочери. «Выдел» части из движимого имущества тестя или свекра производился только после смерти последнего из того имущества, которое в день его смерти было в наличии [1, ст. 1154]. Причем, как отмечал русский юрист К.Н. Анненков, право на получение указанной части из имущества свекра или тестя возникало не только в случае смерти супруга, но и при лишении прав состояния и поступлении в монашество, поскольку указанные обстоятельства влекли те же правовые последствия, что и смерть лица [7, с. 342].

Необходимость предоставления указной части не лишала супругов права распоряжения своим имуществом, в том числе по завещанию. Указная часть выделялась из того имущества, в отношении которого не было сделано завещательного распоряжения [1, ст. 1148], [2, с. 834], [8].

В соответствии с законодательством Российской империи родовое недвижимое имущество должно было переходить к наследникам по закону. Из этого правила допускалось исключение в пользу супругов. Так, разрешалось завещать имущество одним супругом другому в пожизненное пользование. Супруг, которому было предоставлено право на пожизненное пользование родовым недвижимым имуществом другого супруга, лишался указной, следующей ему по общим правилам, части из этого имущества. Однако супруг мог, не вступая в предоставленное ему пожизненное пользование, отречься от него и вместо этого требовать предоставления в собственность указной части из всего имущества [1, ст. 1148, прим.], [9]. Если супруг вступал в пользование завещанной частью родового имущества, он был не вправе после этого требовать выдела указной доли [2, с. 836].

В дореволюционной юридической литературе вопрос о правовой природе указной части являлся дискуссионным. Одни ученые признавали эту часть наследством, другие считали, что эта часть выделялась лишь как обеспечение существования другого супруга («на прожиток»). Эта дискуссия была вызвана особенностями, которые имела указная часть по отношению к порядку наследования. При этом важно отметить, что нормы, предоставляющие супругам право на получение указной доли из имущества умершего, были помещены именно во второй главе «О порядке наследования по закону», в отделе пятое «О порядке наследования супругов» «Свода законов гражданских» [10, с. 98].

Выделяя особенности указной доли по сравнению с правом наследования, дореволюционный ученый Г.Ф. Шершеневич признавал право на указную часть наследственным правом: «Это не только право на известную часть ценности наследства, очищенного от долгов, а это право вступления в совокупность юридических отношений супруга, после которого открылось наследство; с ним соединено и соответствующее доле принятие на себя обязанностей наследодателя» [2, с. 833–834].

Сенат в одном из своих решений указал, что «право (жены) не есть наследственное право», но «такое право наследования есть особого рода, которое во всяком случае не дает пережившему супругу права представлять или заступать умершего супруга» [11, с. 217].

По мнению В.И. Синайского указная часть супруга не являлась наследством, поскольку предоставлялась по просьбе пережившего супруга, на такую просьбу не распространялась норма о давности, к наследникам право на получение указной доли не переходило, право представления отсутствовало. Кроме того, основанием отличия указной доли от права наследства В.И. Синайский считал тот факт, что родовое имущество, полученное пережившим супругом в виде указной части, становилось его «благоприобретенным» имуществом. В свою очередь, родовое имущество, которое переходило по наследству, сохраняло свой характер. Ещё одним аргументом в пользу непризнания указной части наследством ученый называл тот факт, что супруг имел право на выделение такой доли не только из имущества умершего, но и из имущества свекра или тестя, в некоторых случаях и при жизни последних. Наследство, в свою очередь, открывалось лишь по смерти наследодателя [4, с. 379–380].

Дореволюционный ученый-цивилист Д.И. Мейер также считал, что указная часть не являлась наследством. Так, ученый обращал внимание на то, что изначально право на указную часть имела лишь вдова. Это объяснялось обязанностью мужа содержать свою супругу, а также обеспечить ее имуществом на случай своей смерти. При необеспечении мужем супруги на случай своей смерти государство предоставляло от себя указную часть на содержание вдовы [3, с. 642]. Выделив особенности указной части по сравнению с правом наследования, Д.И. Мейер высказывал точку зрения о том, что указная часть является «законным обязательством, лежащим на наследнике умершего супруга» [3, с. 643–644].

Важно отметить, что в соответствии с Проектом гражданского уложения 1905 г. супруги прямо относились к числу наследников, а их доля была увеличена. Так, при наследовании супруга вместе с родственниками первого разряда он получал четвертую часть имущества умершего супруга. В случае наследования с родственниками второго разряда – половину имущества, с родственниками третьего разряда – три четверти. В случае, если отсутствовали родственники первых трех разрядов, супруг получал в наследство все имущество умершего [3, с. 385]. Это постановление Проекта отличалось от действовавшего законодательства тем, что им увеличивалась наследственная доля пережившего супруга и принималась во внимание степень близости родственников, оставшихся после умершего. Тем не менее, Проект не признавал наследования супругов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, например, Проект не содержал правила о наследственной трансмиссии супругов: право наследования, принадлежавшее пережившему супругу, не переходило к его наследникам, если сам супруг-наследник умер, не успев принять наследство [11, с. 310]. Однако Проект гражданского уложения не был принят.

Одним из изменений в праве наследования супругов в XX в. стал закон от 3 июня 1912 г. «О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений», в соответствии с которым супруг получил право свободного распоряжения своим родовым имуществом, но лишь при наличии нисходящих родственников [12], [3, с. 382].

Таким образом, право наследования супругов в Российской империи в середине XIX – начале XX вв. закреплялось в «Своде законов гражданских». Законодательством Российской империи было установлено право пережившего супруга на получение в собственности доли имущества – указной части в размере $1/7$ недвижимого и $1/4$ движимого имущества. Указная часть имела особенности по сравнению с правом наследования. Так, она выделялась по просьбе супруга, не переходила по праву представления, на нее не распространялись требования о давности. Важной особенностью законодательства о праве наследования супругов являлось право на получение указной части из имущества свекра или тестя после их смерти, а в некоторых случаях – и при их жизни. В юридической литературе рассматриваемого периода не было единого мнения по вопросу о том, являлось ли

получение имущества одним супругом после смерти другого правом наследования. Современные ученые, оценивающие право наследования супругов в Российской империи с позиций сегодняшнего законодательства, приходят к выводу о том, что «право на указную часть в имуществе умершего супруга являлось наследственным правом супруга, которое, однако, существенно отличалось от наследственных прав других наследников» [10, с. 98]. В начале XX в. супруг получил право свободного распоряжения по завещанию своим родовым имуществом, но лишь при наличии нисходящих родственников.

Список использованной литературы

1. Законы гражданские // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб., 1900. – Т. 10, ч. 1.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.) : в 2 томах / Г. Ф. Шершеневич ; А. Л. Маковский, В. С. Ем. – Москва : Статут, 2021. – Том 2. Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914 – 1915 гг.). – 896 с.
3. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер ; ред. А. И. Вицын. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1910. – 720 с.
4. Синайский, В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – Киев : Типография Р. К. Лубковского, 1915. – Выпуск 2. Обязательственное, семейное и наследственное право. – 460 с.
5. Победоносцев, К. Курс гражданского права : в трёх частях – М.: «Статут», 2003. – Часть 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 3 мая «О выделе законных частей мужу умершей жены из имения тестя и жене умершего мужа из имения свекра» от 8 апр. 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 12. – № 10110.
7. Анненков К.Н. Система русского гражданского права / К.Н. Анненков. Т. VI. Право наследования.. – СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1902.. – Т. VI. Право наследования. – СПб., 1902. – 520 с.
8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке наследования супругов» от 4 июня. 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 11. – № 9251.
9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 3 мая «О правилах касательно передачи одним из супругов родового своего имения в пожизненное владение другого» от 27 февр. 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 37. – № 38005.
10. Мельникова М.П., Комаревцева И.А. К вопросу о наследственных правах супругов / М.П. Мельникова, И.А. Комаревцева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 1. – С. 96-101.
11. Синайский, В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев, типография К. Маттисен, 1910. – 351 с.
12. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон (Собр. Узак. 14 июня 1912 г., отд. I, ст. 914) «О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений» от 3 июня. 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – Т. 32. – № 37184.

Н. В. Мисаревич

(БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, Гродно)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Одним из принципов реализации правовой политики в Республике Беларусь является учет не только культурных традиций белорусского народа, но и изучение исторических особенностей белорусского государства и права. Данный аспект имеет значение для сохранения самобытности белорусского народа и белорусской правовой системы. Обращается внимание на правовые традиции в применении примирительных процедур и функционировании института местного управления в период Великого княжества Литовского.

В преамбуле Конституции Республики Беларусь говорится о многовековой истории развития белорусской государственности, а в ст. 54 устанавливается обязанность «беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности» [2]. В контексте интеграционных процессов, которые происходят на постсоветском пространстве, когда речь идет об унификации законодательств, изучение исторических правовых традиций, которые существовали, в нашем случае, на белорусских землях в различные периоды формирования белорусской государственности, определяется не только интересом к истории своего государства и права, но и имеет значение для сохранения самобытности белорусского народа и белорусской правовой системы.

Поскольку на правовую систему Республики Беларусь оказывают влияние не только правовая культура, духовные традиции и ценности, но и правовые традиции, представляется актуальным исследовать наиболее интересные исторические периоды, когда шел процесс формирования белорусского права. Познавательным в данном аспекте является история Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Именно здесь, по нашему мнению, был заложен фундамент белорусских правовых традиций (привилеи Великих князей Литовских, Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.). Обратим внимание лишь на несколько моментов.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь каждый гражданин или юридическое лицо осуществляет свои гражданские права, не нарушая прав и законных интересов других лиц. В случае же нарушения этой нормы, потерпевшему предоставляется право на защиту допускаемыми законом средствами. Одним из таких средств являются примирительные процедуры, которые рассматриваются как альтернативные способы разрешения споров. К альтернативным способам можно отнести переговоры, посредничество, медиацию, третейское разбирательство и т.д. Общим правилом при так называемом досудебном урегулировании споров является участие третьей, нейтральной, незаинтересованной стороны. Результатом успешной работы примирителя должно стать заключение соответствующего соглашения.

В период ВКЛ правовая действительность также знала такое явление. Целью применения такой процедуры было не просто «снятие напряженности между сторонами», а и восстановление мира и дружеских отношений между спорящими сторонами. Например, в 1551 г. путем заключения соглашения был урегулирован спор между земледельцами Витебского повета по вопросу правил перехода похожих крестьян от одного феодала к другому и порядка приема похожих крестьян другим землевладельцем. Ключевым моментом данного соглашения стали слова: «мы...согласились между собой, все вместе и заодно, сделали о людях вольных похожих следующий уговор... А если б кто из сословий ... нарушил сей устав, то должен заплатить (в государственную казну) пени 50 коп гр.» [5, с. 68–69]. Данное положение говорит не только о добровольном участии в заключении соглашения, но и о государственных гарантиях последующего его исполнения.

По Статуту ВКЛ 1588 г. одним из способов урегулирования споров был «полюбовный суд». Это был своеобразный третейский суд (в качестве судей выступали третьи незаинтересованные лица) по разрешению гражданских споров, решения которого также были обязательны для исполнения. «Калі суддзі палюбоўныя за кампрамісам каму спаганне якое судовае пастанавілі... і ліст таго рашэння згодна сумесна пячаткамі сваімі далі». А если одна из сторон не выполняет решения, то другая сторона имеет следующее право: «ліст павінен быць у земскім судзе на судовай сесіі» [4, с. 99].

Данная правовая традиция нашла отражение и в современном белорусском законодательстве. В законе Республики Беларусь «О медиации» в ст. 15 закрепляется норма, что в случае неисполнения медиативного соглашения стороны могут обратиться в суд за выдачей исполнительного документа на принудительное исполнение [3]. Представляется, что дальнейшее развитие практики применения примирительных процедур на данном этапе совершенствования норм современного законодательства будет весомым вкладом в возрождение правовых традиций на белорусских землях.

Общепризнанным является факт, что функционирование органов местного управления и самоуправления предполагает наличие определенной самостоятельности от центральных органов государственной власти (в первую очередь при решении вопросов местного значения). В период ВКЛ белорусские города получали привилегии на магдебургское право (рассматривается в научной литературе как право на самоуправление). Уже тогда были сформулированы юридические основы института местного управления и самоуправления на белорусских землях, некоторые положения которых в той или иной интерпретации можно найти и в современном белорусском законодательстве.

Привилегий выдавался за подписью главы государства и устанавливал права и обязанности жителей конкретного города. Общий подход был следующий: горожане освобождались от юрисдикции государственных чиновников, получали право создать свои органы управления и суда (магистрат), самостоятельно решали вопросы жизнедеятельности города, но один раз в год должны были внести в государственную казну определенную сумму денег. Во всех остальных расходах магистрат был самостоятелен. Например, в 1581 г. Пинску даруется первоначальный привилегий на магдебургское право и горожане получили следующие «преимущества и льготы»:

– «симв листом нашимъ позволяемъ на вечныя часы... печать местскую, лукъ со стрелою, назначаемъ и подаемъ» [1, с. 261]. Это реализация права города иметь свой герб, так как на городской печати он и должен был быть изображен. В те времена печать ставилась на товарах, которые производили ремесленники города, и выступала как своеобразный «знак качества» продукции. Сегодня белорусские города также имеют свои гербы, что доказывает историческую преемственность в данном вопросе. Например, на гербе города Гродно изображен «олень святого Губерта» – покровителя охотников и рыбаков;

– «передъ войтомъ и передъ бурмистромъ... обранымъ и постановленнымъ... отповедати и справовати мають» [1, с. 262]. Определяются должностные лица органов городской власти и закрепляется принцип выборности при формировании магистрата. Интересным является определение срока полномочий войта (главы магистрата): «до живота» (т.е. пожизненно) или «до воли нашое» (досрочное освобождение от должности);

– «справы вшелякіе поточные того месца... одповедати будуть повинны» [1, с. 262]. Речь идет о компетенции местных органов власти – только вопросы, касающиеся жизнедеятельности города Пинска;

– «от каждого воза съ мостовъ братии по два пенязи, доходы зъ лазни, зъ ваги, зъ постригалги...» [1, с. 264]. Поскольку государство, с момента получения городом привилегий на магдебургское право, не участвовало в финансировании его «нужд и потребностей», то обязательно в актах оговаривались финансовые вопросы и, в первую очередь, поступления в «мескую скарбонку»;

– город получил право «на тыжденный торгъ» и проводить четыре ярмарки в год: «со всякими товарами продажными прійти вольно бытии маеть» [1, с. 262]. Причем в привилее устанавливались конкретные дни ярмарок. Для чего это было нужно? Только во время ярмарок иностранные купцы могли торговать «в розницу», а не оптом. Зная «расписание», любой купец («чужеземец» или «свой») мог «путешествовать» из города в город. Можно сказать, что это было очень выгодно и для экономики конкретного города, и для экономики государства;

– что касается экономической стороны жизни, то об этом в привилее содержались лишь общие правила, а конкретизация происходила уже в ходе реализации его положений (например, построить «лазную», «дом гостиный» (гостиницы для приезжих гостей), брать «дерево на будованье», «рыбу ловити» и т.д.);

– горожане Пинска получили право построить «корчмы и шинки пивные, медовые». Причем по нормам привилея, магистрат имел право сдавать их в аренду «людемъ постороннимъ» за «пяти стахъ коп грошей» [1, с. 263]. Это тоже был хороший способ пополнить городской бюджет;

– «для пильныхъ и квалтовныхъ потребь... от господаря и пановъ якавая сумма пенязей ухвалена была... повинны будутъ мещане Пинска отдавати» [1, с. 263]. Глава государства, наделяя город определенной степенью самостоятельности, оставлял за собой право вмешаться в финансовую деятельность горожан в случае государственной необходимости. Это только одна из немногих обязанностей жителей города;

– «тому месту въ кождый годъ тую сумму пенезей пять сотъ копъ грошей Литовскихъ выбравши... до скарбу Литовского платити» [1, с. 264]. Это, с одной стороны, своеобразная плата «за самоуправление» и, с другой стороны, государственный бюджет получал каждый год гарантированную сумму денег, что, в целом, давало возможность планировать расходы ВКЛ.

Таким образом, на белорусских землях имеются интересные правовые традиции, которые «не потерялись в глубине веков», а нашли свое отражение в современном белорусском законодательстве. По нашему мнению, главное – их не только не забыть, но и грамотно использовать, в первую очередь, в воспитании подрастающего поколения.

Список использованной литературы

1. Жалованная грамота городу Пинску на Магдебургское право, съ предоставленіемъ жителямъ его разныхъ преимуществъ и льготъ, 12.01.1581 г. // Акты, относящиеся къ истории Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комисією : в 5 т. – СПб., 1848. – Т. 3. – С. 261–264.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respuki-belarus/>. – Дата доступа : 02.11.2023.

3. О медиации : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., №58 – 3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 292-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага1588 / Пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2020. – 207 с.

5. Хрестоматия по истории Белоруссии: с древнейших времен до 1917 г. / сост. И. П. Игнатенко, В. И. Сидорцов. – Минск : Изд. центр БГУ, 1977. – 430 с.

И. В. Немкевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

О НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В статье дается характеристика Национальной концепции истории белорусской государственности и определяется ее роль для формирования национальной идентичности. Автор предлагает конкретные направления деятельности по ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

В нынешнем столетии ученые Института истории НАН Беларуси результативно поработали на ниве выработки национально-государственной идеологии и формирования собственно белорусского видения истории Беларуси. Не секрет, что историческая наука выполняет важную практическую функцию формирования национальной идентичности, неотъемлемой частью которой являются представления народа и каждого его представителя о своей государственности. Сами же эти представления зачастую выступают предметом идейного противостояния и политической борьбы. И неизбежно – в критически важные для национально-государственного самоопределения народа периоды. Поэтому научное изучение истории белорусского народа и его государственности имеет очевидный идеологический аспект – оно является фундаментом и средством развития идеологии белорусской государственности. Академические ученые предложили следующую характеристику данного понятия: «Идеология белорусской государственности базируется на понимании исторического происхождения и развития белорусского этноса, незыблемости права белорусского народа на осуществление собственной национальной государственности. Высший ценностный ориентир такой идеологии – государственный суверенитет. Исторический опыт однозначно и убедительно свидетельствует, что только в условиях государственной независимости возможно наиболее полно реализовать основные условия развития нации, создавшей свое государство» [1, с. 4–5].

Идеология белорусской государственности призвана консолидировать общество на основе аргументированного наукой обоснования исторической правомерности белорусской государственности. Не менее актуальным ее предназначением является эффективное противостояние навязыванию ему чужих представлений о нашем прошлом. С удовлетворением можно констатировать, что свою часть этой необходимой обществу работы белорусские историки в основном выполнили: учеными Национальной академии наук была разработана *национальная концепция истории белорусской государственности*.

В фундамент концепции была положена принципиально новая трактовка понятия «государственность». Коллектив ученых Института истории НАН определяет его «как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития» [1, с. 6]. Само же государство является конкретно-историческим воплощением этого потенциала. Многовековую белорусскую государственность данная научная концепция рассматривает в качестве «неразрывного целого», воплотившего в ходе своей эволюции исторические формы государственности и национальные формы государственности. При этом «высшей точкой политического, социально-экономического и культурного развития любого этноса» выступает независимая национальная государственность.

Наиболее полное свое воплощение национальная концепция истории белорусской государственности нашла в пятитомном академическом издании «История белорус-

ской государственности», опубликованном в 2018-2020 годах. Процесс научного исследования исторического пути, пройденного нашим народом, «...в данном фундаментальном труде получил категориальный статус – закономерное зарождение и развитие белорусской государственности, целостности и неделимости двух ее видов» [1, с. 10]. Однако современные геополитические реалии диктуют возросший запрос на упрочение национальной самобытности, независимости и суверенитета, сохранение исторической памяти. Столь же очевидно этот общественно-государственный императив чрезвычайно актуализировал задачу дальнейшего развития и совершенствования национальной концепции истории государственности. В программной статье, подготовленной ответственными представителями НАН Беларуси и Совета Безопасности Республики Беларусь, справедливо отмечено: «Для Республики Беларусь как молодого суверенного государства нынешний этап становления во многом зависит от реализации собственных национальных концептов, в том числе обуславливающих национальную самоидентификацию, самоопределение, территориальную целостность, принятые социально-политические стандарты» [2, с. 4].

Представляется, что для достижения этой цели необходимы, прежде всего, усилия по дальнейшему развитию самой науки истории белорусской государственности. С другой стороны, следует неустанно вести поиск способов наиболее эффективного использования достижений и потенциала этой науки в интересах белорусского общества. Такой подход позволяет выделить следующие *актуальные направления развития национальной концепции истории белорусской государственности*.

Первое. Последовательное и настойчивое *формирование собственно белорусского взгляда на историю Беларуси, ее государственности*, осмысление этой истории с точки зрения национальных интересов. Инерция навязанных в прошлом чужих национальных концептов (пускай даже и близких соседей!) еще не достаточно изжита в отечественной историографии. Авторы упомянутой выше статьи, опубликованной под рубрикой «Государственный интерес», напоминают: «Беларусь, находясь на геополитическом перекрестке и на духовном разломе европейского пространства, постоянно испытывала то западное, то восточное цивилизационное давление. Эта особенность геополитического местоположения белорусских земель сдерживала объективные процессы национального культурно-духовного развития народа и его государственности» [2, с. 4].

Второе. Формирование исторической памяти, исторического самосознания белорусского народа путем *популяризации его национально-культурного достояния*. Нельзя не согласиться с тезисом программной статьи белорусских государственников: «Любое искажение идентификационной исторической основы может привести к деградации общества и расколу нации» [2, с. 3]. Вполне очевидно, что историческая тематика приобрела сегодня исключительное значение в сфере внешнего информационно-психологического воздействия на белорусское общество.

Третье. Дальнейшее развитие истории белорусской государственности путем неустанного *углубления и уточнения ранее полученных знаний*. «На стол» исследователя должна поступать новая информация, источниковая база исследований – не иметь исключений, а трактовки и выводы должны быть предметом активных и свободных научных дискуссий.

Четвертое. Формулирование исторических *уроков* на основе осмысления путей и этапов, пройденных нашей государственностью.

Пятое направление логично связано с предыдущим. Это – поиск в богатейшем прошлом интересного опыта, полезного (а иногда и применимого!) для решения сегодняшних актуальных общественных проблем. Заметим, к примеру, наличие в этом прошлом противоречивого опыта средневековой интеграции продолжительностью в пять столетий. *Прикладное использование* научных разработок историков белорусской государственности и права предусмотрено Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь. Концепция ставит перед законодателями и правоприменительными органами задачу уяснения исторической преемственности в развитии права,

учета предыдущего опыта, исторических условий и предпосылок нормотворчества, а также правового менталитета белорусского народа. В значительной степени именно от глубокого знания отечественной истории государства и права, отмечает авторитетнейший белорусский правовед Т.И. Довнар, зависит дальнейшее развитие национального права и осуществление качественного нормотворчества [3, с. 412].

Шестое. Сложной и далекой от своего разрешения продолжает оставаться проблема *интегрирования концепции истории белорусской государственности* с современными *концепциями* истории государственности *наших соседей*, концептами европейской идентичности, проблема интегрирования *в мировую историческую науку*. Она выдвигает комплекс задач, для решения которых необходимы усилия не только исследователей, но и организаторов науки. Составной частью этого комплекса в первую голову выступает задача целенаправленного изучения объектов нашей интеграции. В свою очередь это позволит успешно имплементировать необходимое и полезное в нашу национальную концепцию. Усилия по организации постоянного диалога с представителями науки соседей и иных зарубежных стран предоставляют возможность аргументировано критиковать в ходе дискуссий то, что не заслуживает доверия и принятия, а также отстаивать и пропагандировать свои концепты, наработки и достижения. И, разумеется, активно и неустанно противостоять опасным манипуляциям и фальсификациям.

И *последнее* в перечне актуальных направлений, но отнюдь не по своему значению. Таковым представляется нам *деполитизация* научного поиска и дискуссий, защита науки от политически мотивированных попыток подмены научных процессов директивным навязыванием искусственно созданных исторических концептов. Требования подгонки трактовок и выводов под «картинку», выгодную тому или иному политическому лагерю, независимо от благих пожеланий их сторонников ведут к профанации науки и являются при этом контрпродуктивными. Дальнейшее развитие национальной концепции истории белорусской государственности не нуждается в заказных манипуляциях. Оно требует квалификации, профессионализма и гражданской ответственности.

Список использованной литературы

1. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.
2. Арчаков, В., Баньковский, А., Данилович, В., Коваленя, А. К вопросу об исторической политике // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3 – 11.
3. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.

УДК 340

И. В. Обьедкова

(Академия ФСИИ России, Рязань)

ПОЗИТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН

Рассматриваются проблемы правового воспитания граждан. Обосновывается актуальность исследования позитивной юридической ответственности. Предлагаются рекомендации

по развитию системы правового воспитания. Поднимается вопрос о необходимости теоретического обоснования и формулировки цели деятельности системы правового воспитания. Подтверждается необходимость вполне понимаемой, осознанной целесообразности той деятельности, которую призвана осуществлять система правового воспитания граждан.

Позитивная юридическая ответственность в ряду иных правовых явлений составляет предметное поле юриспруденции. Все та же наука о праве, объединяя свои усилия с другими отраслями знания, разрабатывает и теорию правового воспитания. Однако изучение вопроса о роли, которая должна, по нашему мнению, отводиться позитивной юридической ответственности в системе правового воспитания граждан, следует начинать прежде всего в поле философско-правовой науки.

Правовое воспитание, как, впрочем, и воспитание в целом, обусловлено потребностями общества. В настоящее время общественная ситуация в нашей стране в целом настолько непроста и неоднозначна, что осмысление процессов, происходящих в правовой действительности, требует совокупного взгляда юридического знания и философии как науки о предельных основаниях бытия, позволяющей постигать объективную действительность посредством теоретического анализа. Прав Н. С. Токарь, признававший, что «исследование правового сознания на уровне философии и социологии требует более глубоких обобщений, большей теоретизации, соответствующей специфике этих наук. В особенности это касается таких комплексных проблем, как проблема формирования правового сознания, адекватного социальной системе гражданского общества» [4, с. 6]. Обращение к философскому инструментарию позволяет не только, разбираясь в деталях, оценивать глубину проблемы, но и продвигаться вперед в реализации стремления разработать новые способы ее более эффективного решения.

Правовое воспитание в самом широком смысле слова, объединяя в себе сферу совместных научных исследований (прежде всего права и педагогики) и их практической реализации, и есть весь многогранный процесс формирования правовой культуры и правосознания под влиянием самых различных факторов. Следует признать, что, несмотря на многочисленные попытки внедрения элементов правового воспитания в современную систему образования, оно, как и более десяти лет назад [2, с. 54], по-прежнему находится в стадии становления, и к его развитию в нашей стране не прилагаются должные усилия. «Хотя, – отмечает М. Ю. Зырянов, – именно оно призвано прививать ключевые навыки социального поведения» [2, с. 54].

Привлекая внимание к явно недостаточному уровню развития института правового воспитания в России, мы в настоящей статье не стремимся к тщательному философско-правовому анализу всех его аспектов, как и к обозначению наличествующих существенных проблем в его организации. Наше намерение состоит в попытке указать на необходимость вполне понимаемой, осознанной целесообразности той деятельности, которую призвана осуществлять система правового воспитания.

К системе правового воспитания относят, как правило, совокупность всех элементов, участвующих в образовании и функционировании правовоспитательного процесса, а именно: субъектов и объектов деятельности, ее содержание, методы, формы, соответствующие цели деятельности мероприятия, всю образовательную работу в области права (с ее формами, средствами и методами), включая профилактику, правовое просвещение, вплоть до юридической практики и самовоспитания.

Дискуссия по поводу того, насколько успешно функционирует описанная выше в общих чертах система правового воспитания могла бы быть сколь угодно долгой, но, полагаем, стороны все же сошлись бы на мнении, что практическая реализация задуманного не выдерживает никакой критики. Планомерная и последовательная деятельность в данном направлении, будь она таковой, была бы заметной для каждого гражданина, очевидной, не требующей приведения подтверждающих фактов, как, например, те усилия, которые предпринимаются государством для решения демографических проблем.

Но проблема правового воспитания в российском обществе остается нерешенной, несмотря на обозначенное Президентом РФ еще в 2011 году намерение организовать работу в данном направлении.

В это время были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, направленные на формирование правовой культуры населения, традиций безусловного уважения к закону и правопорядку. Таким образом с принятием этого документа государство официально признало, что именно оно создает условия и обеспечивает развитие правовой грамотности и правосознания своих граждан [1].

В документе прописаны цели повышения правовой культуры и правового воспитания, и это верно. Цель является необходимым элементом деятельности любой системы. Более того, она определяет эту деятельность. Немецкий правовед Р. Иеринг еще в 19 веке писал: «Цель – есть творческая сила всего права, ...нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели» [3, с. 2]. Далее он продолжает «...право знает только один источник происхождения – цель» [3, с. 6]. Эти утверждения можно относить к числу аксиоматических для функционирования любого правового института, любой деятельности в сфере права. Цель, определяющая предназначение, располагается на высочайших позициях иерархии правовой системы или института права. И если «что-то не так» в системе правового воспитания, возможно, следует попытаться провести ревизию в разделе целей, определяющих ее деятельность.

Представление о цели и ее формулировка зависят от глубины познания системы. На наш взгляд, сегодня следует приложить дополнительные усилия к теоретическому обоснованию и, соответственно, формулировке цели деятельности системы правового воспитания. В самом общем виде желаемым результатом является обеспечение правопорядка. Ровно этой же цели служит институт позитивной ответственности, наличие которой наряду с негативной ответственностью признается и обосновывается философией права. Позитивная ответственность ввиду ее первоочередного значения для поддержания правопорядка является, таким образом, фундаментом правовой системы. Объективно выражаясь в правомерном поведении, позитивная ответственность фактически является тем результатом, на который должно быть нацелено правовое воспитание. Формирование позитивной ответственности, повышение уровня позитивной ответственности как фактор, противодействующий необходимости наступления негативной (или ретроспективной) ответственности и есть та цель, которая при должной теоретической разработке проблемы и обеспечении мер по ее практической реализации способна задать новый вектор развития системы правового воспитания в нашей стране.

Список использованной литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/>. – Дата доступа: 12.11.2023.

2. Зырянов, М. Ю. Социально-философский анализ правового воспитания (некоторые аспекты) / М.Ю. Зырянов // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2009. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-pravovogo-vozpitanija-nekotorye-aspekty>. – Дата доступа: 10.11.2023.

3. Иеринг, Р. Цель в праве / [Соч.] Рудольфа фон-Иеринга, орд. проф. прав Геттинг. ун-та, чл. кор. академий: Вен., Рим. и Астердам., почет. чл. ун-тов: Петерб., Моск. и Казан. Т. 1. – Санкт-Петербург: Н. В. Муравьев, 1881. – 23 с.

4. Токарь, Н. С. Правовое сознание личности в контексте формирования гражданского общества в России: дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Токарь. – Краснодар, 2006. – 139 с.

Е. С. Тенюта

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В настоящей статье автор анализирует вопрос становления нового вида общественных отношений – технических. Развитие нового вида отношений обусловило формирование новых регуляторов – технических норм, внешней формой закрепления которых являются технические документы. В работе автор проводит анализ массива технических документов, а также исследует возможность его разделения в зависимости от содержания технических документов на две большие группы. Кроме того, в работе автор уделяет внимание изучению особенностей особой разновидности технических документов – технических нормативных правовых актов.

На протяжении последних десятилетий стремительное развитие науки и техники оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни. Бурный научно-технический прогресс также повлиял и на структуру складывающихся в обществе отношений. Так, произошло становление нового вида общественных отношений – технических или именуемых в некоторых научных трудах социально-технических отношений.

Сущность технических общественных отношений, а равно вопросы их регулирования привлекают к себе внимание различных специалистов, в частности правоведов. Так, исследованием данного вопроса в разные периоды занимались С.С. Алексеев, В.Г. Афанасьев, Ю.М. Батурич, С.Н. Братусь, В.С. Нерсесянец, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Черданцев, Н.В. Сильченко и др. Особое внимание необходимо обратить на диссертационное исследование российского ученого А.Ю. Ларина на тему «Правовое регулирование социально-технических отношений». В своем исследовании автор проводит комплексный анализ природы социально-технических отношений, а также возможности осуществления их правового регулирования. При этом, автор предлагает рассматривать под техническими отношениями «общественные отношения, складывающиеся по поводу и в связи с технической деятельностью, следует рассматривать как социально-технические отношения, которые в определенных пределах входят в сферу правового регулирования» [1].

Становление нового вида общественных отношений, а также невозможность использования для их упорядочивания существующие в обществе социальные нормы (нормы права, нормы морали, религиозные нормы и обычаи), послужили причиной формирования нового вида регуляторов – технических норм, внешней формой выражения и закрепления которых стали особые документы.

Технический документ – это документ, содержащий совокупность технических норм, обеспечивающих непосредственное регулирование общественных отношений, осложненных технической компонентой. Следует отметить, что использование словоформы «технический документ» для описания группы источников технических регуляторов является условным. Использование подобной словоформы было предложено профессором Н.В. Сильченко [2].

Первые технические документы появились еще в древности. Так, в XVIII веке до н. э. царь Хаммурапи издал закон, в котором были установлены и стандартизованы веса и меры. В Древнем Риме при строительстве зданий и сооружений различного назначения предусматривалось обязательное выполнение особых технических требований. Еще одним примером являлись Дигесты Юстиниана, в которых содержались отдельные правила строительства, например, размер отступа от границы соседнего участка до возводимого здания (статья 2 таблицы VII) и т.п.).

В Средние века с постепенным усложнением человеческой жизни количество технических документов постоянно возрастало. Так, в указанный период действовали единые размеры ширины тканей, число нитей в ее основе, даже единые требования к сырью, идущему на ее производство [3].

В настоящее время посредством технических документов государство обеспечивает закрепление количественных и (или) качественных требований к объектам материального мира (в том числе к продукции (товарам), сырью и материалам, зданиям и сооружениям, транспортным средствам, оборудованию, объектам окружающей среды), производственным, технологическим и другим аналогичным процессам. Также содержащиеся в технических документах правила и предписания устанавливают порядок воздействия на объекты материального мира, а именно их преобразование, проектирование, производство, хранение и т.д.

Система технических документов характеризуется своей сложностью и неоднозначностью, подобное обусловлено тем, что среди технических документов имеются те, которые имеют правовую форму. В целом, если проанализировать весь массив технических актов, то условно его можно разделить на две большие группы:

- технические акты неюридического характера;
- технические акты, облеченные в правовую форму.

Подобное разграничение возможно по причине того, что акты, входящие в указанные группы, характеризуются существенно различающимся содержанием.

Содержание технических документов составляют технические предписания, которые, как ранее было определено, представляют собой совокупность «правил поведения, регулирующих как порядок обращения людей с техникой производства, предметами и силами природы, так и их поведения по отношению друг к другу в процессе обращения с предметами внешнего мира».

Важно отметить, что не все технические документы характеризуются одинаковым содержанием. Так, содержание актов, подлежащих отнесению к первой группе, образуют «чисто» технические правила и предписания. С помощью указанных актов определяется порядок рационального и безопасного взаимодействия человека и природы, орудий труда, средств производства и т.д. Примерами актов, относящихся к указанной группе, являются правила эксплуатации бытовой техники, пояснительные записки, чертежи, инструкции, правила приема лекарственных средств, схемы, спецификации и т.д.

В свою очередь, вторая группа технических актов имеет тесную связь с правом, поскольку содержание данных актов образуют технические нормы, которые облечены в правовую форму. Такие нормы именуется в юридической доктрине как технико-юридические, и они представляют собой также техническое правило или предписание, но которое в силу своей значимости было санкционировано государством. Как справедливо отмечает Н.А. Тузов, признаком таких актов «является единство и взаимосвязь содержащихся в нем правовых и технических предписаний, которые в своей предметно-целевой совокупности составляют содержание ТНПА» [4, с.38].

В юридической науке до сих пор не сформирован единый подход к названию данной группы актов. В литературе акты, относящиеся к указанной группе, именуется как «технические нормативные правовые акты», «нормативно-техническая документация», «технико-юридические акты», «нормативно-технические документы».

В Республике Беларусь указанная группа актов именуется технические нормативные правовые акты (далее - ТНПА). Так, в 2018 г. был Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА), в соответствии с которым в систему белорусского законодательства были включены ТНПА [5]. К указанным актам белорусский законодатель относит технические регламенты Республики Беларусь, технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты, общегосударственные классификаторы, технические условия, стандарты организаций.

Для актов, входящих в указанную группу, характерны следующие признаки: являются официальным документом, выражают одностороннее государственно-властное волеизъявление, принимаются по установленной законодательно процедуре, разрабатываются и (или) утверждаются компетентным государственным органом или организацией.

Проявление указанных признаков является доказательством, подтверждающим существующую в юридической доктрине гипотезу, что ТНПА являются особой разновидностью нормативного правового акта, в связи с чем заимствует присущие родовому понятию сущностные признаки. Отдельно следует отметить, еще один признак, который заимствуется актами, входящими в указанную группу, у нормативных правовых актов – нормативность. С нормативностью связано проявление еще одного признака - соблюдение и исполнение, содержащихся в ТНПА предписаний обеспечивается мерами государственного принуждения.

В научной юридической литературе нормативность правового акта раскрывается через установление (закрепление) правовым актом общеобязательных для неопределенного круга лиц правил поведения, рассчитанных на многократное применение. Однако касательно проявления у ТНПА признака нормативности в доктрине ведётся дискуссия. Споры обусловлены тем, что из буквального толкования статей 21 и 23 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. №262-З «О техническом нормировании и стандартизации» усматривается, что некоторые ТНПА (ТКП и государственные стандарты) носят рекомендательный характер [6]. Особенность указанных актов заключается в том, что содержащиеся в них технико-юридические нормы не носят общеобязательный характер, а являются по своей природе рекомендательными нормами. Однако подобная особенность обуславливает не соответствие указанных актов критерию нормативности, что в свою очередь, исключает возможность их отнесения наравне с общеобязательными ТНПА к категории нормативные правовые акты, а также включение в состав системы белорусского законодательства.

Несмотря на ненормативность указанных актов, они в полной мере соответствуют иным признакам, проявляющимся у ТНПА, например:

1) выражают государственное волеизъявление (например, ТКП разрабатываются в целях обеспечения выполнения требований технических регламентов Республики Беларусь и (или) упорядочения процессов разработки, проектирования, изысканий, производства, строительства, монтажа, и др.);

2) разрабатываются и принимаются государственными органами или специально уполномоченными субъектами (например, ТКП разрабатываются республиканскими органами государственного управления, Национальным банком либо по их поручению техническими комитетами по стандартизации);

3) принимаются в соответствии с законодательно установленной процедурой их разработки и принятия.

Существование рекомендательных технических актов, которые несмотря на свою ненормативность проявляют признаки свойственные правовым актам, может служить основанием для выделения в группе технических актов, облеченных в правовую форму, двух подгрупп – технического нормативного правового акта и технического правового акта.

В соответствии с предложенной классификацией к первой подгруппе будут относиться акты, которые являются общеобязательными для соблюдения. Ко второй группе будут относиться акты, которые носят рекомендательный характер, но в то же время характеризуются признаками свойственными правовым актам и могут в порядке, предусмотренном законодательством, трансформироваться в общеобязательные акты.

На основании изложенного, в условиях «технизации» общества и развития новых технических общественных отношений, весомую роль в их регулировании стали играть технические документы, выступающие формой внешнего выражения и закрепления специфических регуляторов – технических норм. Массив технических документов разнообразен, однако, в зависимости от содержания технических документов может быть разделен на две группы – технические акты неюридического характера и технические акты, облеченные в правовую форму. В свою очередь, вторая группа актов также характеризуется разнородностью, поскольку часть актов носит рекомендательный характер. С учетом выявленной особенности, группа технических актов, облеченная в правовую форму может быть разделена на две подгруппы – ТНПА и технические правовые акты.

Список использованной литературы

1. Ларин, А.Ю. Правовое регулирование социально-технических отношений: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / А.Ю. Ларин. - Москва, 2000. – 206 с.
2. Поленина, С.В. Технические нормативные правовые акты в системе формальных источников современного права / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 32–42
3. Петрасюк, В. Г. Границы технической нормы / В. Г. Петрасюк, А. В. Рубцов // Отечественные записки. – 2014. – № 2(59). – С. 76-90.
4. Тузов, Н.А. Техничко-юридические акты в системе государственного управления : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Н.А. Тузов. - Москва, 1984. – 218 с.
5. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июня 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. О техническом нормировании и стандартизации : Закон Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262–З: с изм. и доп. от 5 января 2022 г. № 148–З // Электрон. Копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h10400262&q_id=5298895. – Дата доступа: 14.06.2023.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 342.41

Е. Г. Абраменко

(Белорусский государственный университет, Минск)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В СТРАНАХ ЕАЭС

Одним из ключевых свойств Конституции является стабильность. Тем не менее, общественные отношения развиваются, меняются социально-экономические и политические условия, в которых она действует, что обуславливает необходимость принятия новой Конституции или внесения изменений и дополнений в действующую. Особое внимание уделяется конституционным реформам в странах ЕАЭС 2021-2022 гг. ввиду того, что они осуществляются в трансформации модели глобальной безопасности.

Действующая Конституция Республики Беларусь была утверждена 15 марта 1994 г. Изменения и дополнения в текст Основного закона вносились 3 раза. На основании республиканского референдума, проведенного 24 ноября 1996 г., были перераспределены полномочия между Президентом, Парламентом и Правительством, расширены некоторые права и свободы. Итогом референдума 17 октября 2004 г. стало изъятие нормы о занятии одним и тем же лицом должности Президента Республики Беларусь не более двух сроков. Третий референдум был проведен 27 февраля 2022 г. Среди основных изменений можно отметить закрепление положений, направленных на сохранение исторической правды, памяти о Великой отечественной войне, традиций и самобытности белорусского народа, воспитании патриотизма (Преамбула, ст. 15, 54). Актуализированы положения, касающиеся основ конституционного строя, прав и свобод граждан. При сохранении социальной направленности государства ст. 21 и 45 закрепляют ответственность каждого гражданина за себя лично, свое здоровье и за свою семью, а также внесение посильного вклада в развитие общества и государства. Согласно ст. 32 брак признается союзом мужчины и женщины, государство берет на себя обязательства по защите материнства, отцовства и детства. Особое внимание уделяется воспитанию и развитию молодежи (ст. 32¹). В соответствии со ст. 28 государство должно создавать условия для защиты персональных данных, а со ст. 51 – содействовать развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций. Ст. 46 закрепляет ответственность государства за развитие мирной атомной энергетики. Определенные изменения коснулись Раздела III «Избирательная система. Референдум». Так, ст. 67 закрепила введение единого дня голосования, ст. 71 уточняется наименование «Центральная избирательная комиссия» и закрепляется процедура ее избрания Всебелорусским народным собранием (ВНС). Главой 3¹ закреплён статус Всебелорусского народного собрания. Ст. 80 усилила требования к кандидату на пост Президента: возрастной ценз повышен до 40 лет, период постоянного проживания в стране перед выборами увеличен с 10 до 20 лет, устанавливается запрет на иностранное гражданство или иностранное вид на жительство. Ст. 81 вводится ограничение по срокам (не более двух), ст. 89, 89², 91 закрепляют статус Президента, сложившего свои полномочия. Также закреплено перераспределение полномочий между Президентом, Всебелорусским народным собранием и Национальным собранием Республики Беларусь. Изменились и сроки полномочий депутатов всех уровней (5 лет), а согласно ст. 95 устанавливается одна сессия работы парламента. Новая редакция Конституции усилила разделение властей через решение о несовместимости мандатов (ст. 92). Произошло расширение контрольных полномочий Национального собрания (ст. 97). Основной закон закрепил и изменения в судебной системе (статьи 112¹, 116, 116¹) [3].

В принятую 12 декабря 1993 г. Конституцию Российской Федерации поправки вносились 15 раз и в основном касались территориальных изменений. Наиболее существенные изменения были внесены в 2008 г. (увеличившие срок полномочий президента с 4 до 6 лет, а депутатов Государственной думы – с 4 до 5 лет, а также обязывающие правительство ежегодно отчитываться перед Государственной Думой) и в 2014 г. (расширившие полномочия главы государства в сфере кадровых решений в прокуратуре, а также закрепившие право Президента назначать до 10% членов Совета Федерации и упразднившие Высший Арбитражный суд). В 2020 г. в Конституцию было внесено 206 изменений. Конституция закрепляет дополнительные обязательства государства в социальной сфере. Большое внимание уделяется защите исторической памяти и исторической правды, воспитанию детей и молодежи (ст. 67¹), защите семьи, материнства, отцовства и института брака (ст. 72 п. «ж¹»), государство берет на себя обязательства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий (ст. 71). Значительные изменения внесены в распределение полномочий между ветвями власти: ст. ст. 102, 103 усилили контрольные полномочия Государственной Думы и Совета Федерации, ст. 103¹ закрепила право парламентского контроля. За президентом закрепляется право обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке законности одобренного Парламентом закона до его подписания (ст. 107). Изменения и дополнения закрепляют повышение требований к лицам, осуществляющим публичную власть: к Президенту, к Председателю Правительства (и его заместителям), федеральным министрам, другим руководителям федеральных органов исполнительной власти, высшим должностным лицам субъектов РФ, руководителям федеральных органов, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы и судьям: не иметь иностранного гражданства или вида на жительство, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ст. 71, 77, 78, 81, 95, 97, 103, 119, 129). Ст. 81 закрепила новые требования к кандидатам на пост Президента: постоянное проживание на территории России не менее 25 лет. Введена неприкосновенность для Президента, прекратившего исполнение своих полномочий (ст. 92), а также возможность стать пожизненно сенатором (ст. 95). Ст. 82 закрепляет полномочия Главы государства в области руководства и формирования исполнительной власти. Ст. 82 п. е.4. закрепляется роль Государственного совета [5].

В Конституцию Республики Казахстан 1995 г. неоднократно вносились изменения. Поправки 1998 года увеличили срок полномочий президента с 5 до 7 лет; количество депутатов Мажлиса Парламента - с 67 до 77 человек (10 из них стали избираться по партийным спискам). Согласно конституционной реформе 2007 г. были расширены полномочия Президента; депутатский корпус был увеличен до 107 человек, а сам Мажлис стал формироваться по пропорциональной избирательной системе с элементами кооптации от Ассамблеи народов Казахстана. Также были введены ограничения на применение смертной казни. В 2017 году были внесены новые поправки в Конституцию Республики Казахстан, которые перераспределили некоторые полномочия от президента в пользу парламента и правительства. Особенностью Конституционной реформы 2022 г. стали обстоятельства ее проведения: массовые беспорядки января 2022 г., грозившие перерастать в государственный переворот. Изменения и дополнения в Конституцию были приняты на всенародном референдуме, который прошел 5 июня 2022 г. Стоит отметить, что базовые концепты были обозначены как Новый Казахстан и Вторая республика, т.е. – строительство новой государственной модели. Согласно п. 3 ст. 43 Конституции на период осуществления своих полномочий Президент не должен состоять в политической партии, согласно п. 4 - родственники Главы государства не вправе занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора. Президент утратил право отменять акты акимов областей, городов республиканского значения и столицы, президентская квота на назначение сенаторов со-

кратилась до 10 человек (ранее 15), из которых 5 назначаются по предложению Ассамблеи народов Казахстана. Наибольшие изменения были внесены в раздел «Парламент». Так, согласно ст. 50 Мажлис состоит из 98 депутатов (ранее 107), которые избираются по смешанной избирательной системе, для 30 % избираемых по мажоритарной системе вводится императивный мандат (ст. 52). Квота Ассамблеи народов Казахстана упразднена. Согласно п. 5 ст. 62 Мажлис принимает законы, а Сенат их одобряет. Если закон не одобрен Сенатом Мажлис может преодолеть его (п. 5, ст. 61). П. 1–2 ст. 53 вводит механизм преодоления законодательным органом возражений Президента. Также Измененная Конституция расширила властные полномочия обеих палат (п. п. 4 и 7 ст. 44). Ст. 61 усилила сферу взаимодействия Парламента и Правительства. Закреплен статус новых институтов: Конституционного Суда и Высшей аудиторской палаты. Ст. 6 закрепила за народом права собственности на землю, недра и природные ресурсы, а за государством, осуществление права собственности в интересах народа. П.2. ст. 15 закрепляет запрет смертной казни. Конституция изменила статус Первого Президента. [4].

Конституция Армении была принята на референдуме 5 июля 1995 г. Конституционные референдумы по изменению Конституции проходили в 1995, 2003, 2005 и, в 2015 гг. После вступления в Совет Европы (СЕ) в 2001 г. Армения взяла на себя обязательства перераспределить полномочия ветвей власти. Предлагалось усилить роль Парламента за счет ограничения полномочий Президента. Однако результаты конституционного референдума 25 мая 2003 г. были признаны недействительными. Изменения были одобрены на референдуме 27 ноября 2005 г. и 11 декабря 2005 г. конституция в новой редакции вступила в силу. 6 декабря 2015 г. состоялся конституционный референдум, изменивший форму правления со смешанной на парламентскую. Переход должен был осуществиться во время избирательного цикла 2017—2018 гг. В июле 2015 г. С. Саргисян на встрече с конституционной комиссией заявил, что больше не будет выдвигаться на пост Президента и претендовать на пост премьер-министра, однако, в апреле 2018 г. парламентские фракции Республиканской партии Армении и партии «Дашнакцутюн» выдвинули С. Саргисяна на пост премьер-министра, что послужило причиной массовых протестов, переросших в «бархатную революцию». Протестное движение возглавила партии «Елк» во главе с Н. Пашиняном. 6 февраля 2020 года Национальное собрание приняло решение о проведении всенародного конституционного референдума по вопросу о досрочной отставке Председателя и членов Конституционного суда. Параллельно была сформирована экспертная комиссия по подготовке конституционной реформы. Однако проведению референдума помешала эпидемия COVID 19 и обострение конфликта в Нагорном Карабахе (поэтому изменения было проведены через Парламент). 27 января 2022 г. решением премьер-министра был создан новый Совет конституционных реформ. 30 ноября 2022 года Совет проголосовал за совершенствование модели парламентского правления, а Минюст приступил к разработке проекта конституционных изменений, которые планируется завершить к концу 2023 г. [2].

Конституция Киргизской Республики была принята на 12 сессии Верховного совета Киргизской Республики 5 мая 1993 г. изменялась 10 раз. 22 октября 1994 г. был проведен референдум по двум поправкам: изменения и дополнения в Конституцию и законы могут выноситься на референдум и закрепление законодательной власти за двухпалатным парламентом – Жогорку Кенешем. Изменения, внесенные 10 февраля 1998 г., расширили полномочия президента. 17 октября 1998 г. были внесены поправки, закрепившие право частной собственности на землю, а также изменившие требования к кандидатам в Парламент (возрастной ценз снизился до 25 лет, был исключен ценз оседлости). Государство обязалось гарантировать свободу слова. 24 декабря 2001 г. были внесены изменения, касающиеся языков. 18 февраля 2003 г. были приняты восемь поправок, которые касались государства, президентской власти, полномочий депутатов, прокуратуры, судов, прав и свобод граждан. После парламентских выборов 2005 г. в стране начались массовые протесты, которые переросли в революцию («Тюльпановая революция»).

14 сентября 2007 г. в действие вновь вступила Конституция в редакции 2003 года. 21 октября 2007 года состоялся всенародный референдум, на котором была принята обновленная Конституция 1993 г.: Президент избирается на 5 лет, и не мог баллотироваться более 2 сроков в подряд, в Парламент избирается по партийным спискам. В апреле 2010 г. в Киргизии вновь произошла неконституционная смена власти (Апрельская революция). Конституция, принятая на референдуме 2010 г., изменила форму правления на парламентскую. Очередной референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию состоялся в декабре 2016 г (увеличение полномочий премьер-министра). В октябре 2020 г. после объявления предварительных итогов парламентских выборов в стране вспыхнули протесты, которые привели к отставке Президента. Конституционный референдум 11 апреля 2021 г. вернул президентскую форму правления. Так, согласно ст. 66 Президент является главой государства, высшим должностным лицом и возглавляет исполнительную власть. Президент избирается на 5 лет с возможностью переизбрания на 2-й срок (ст. 67). Полномочия главы государства закрепляются ст. 70. Конкретизирован принцип разделения властей: одним из оснований для отрешения президента от должности является вмешательство в деятельность законодательной или судебной властей (ст. 73, п. 2.). Изменения усиливают ответственность Президента в целом (ст. 73 п.1). Изменения коснулись и законодательной власти: количество депутатов Жогорку Кенеша уменьшилось со 120 до 90. Избирательная система сменилась на смешанную. В качестве одного из механизмов реализации народовластия Конституция закрепила статус народного курултая (ст. 7). Особое внимание поправки Конституции уделяют сохранению истории и традиций (Преамбула) [1].

Конституционные реформы в странах ЕАЭС (с момента обретения независимости) проводились неоднократно и являлись ответом на внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы. Условия мирового кризиса, изменение конфигурации глобальной безопасности, гибридных войн требуют сильного государства, которое поддерживается народом.

Список использованной литературы

1. Конституция Кыргызской Республики: [Электронный ресурс] принята реф. (всенар. Голосованием) 11 апр. 2021 г. // Министерство юстиции Кыргызской Республики – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> - Дата доступа: 11.11.2023.

2. Конституция Республики Армения: [Электронный ресурс] // Президент Республики Армения. – Режим доступа: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> - Дата доступа: 11.11.2023.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп. , принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.[Электронный ресурс] – Национальный правовой интернет-портал. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. - Дата доступа: 11.10.2023.

4. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : принята на респ реф. 30 авг. 1995 г. с изм и доп. 17. Сент.2022 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. - Дата доступа: 13.11.2023.

5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

А. С. Валевко

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк)

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ШТРАФА КАК ВИДА АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье анализируется применение штрафа как единственного вида административного взыскания за недобросовестную конкуренцию по законодательству Республики Беларусь. Приводятся примеры применения административных взысканий за недобросовестную конкуренцию в странах постсоветского пространства. Автор предлагает обратить внимание и на другие виды административных взысканий, предусмотренных административно-деликтным законодательством на случай дополнения состава административного правонарушения «Недобросовестная конкуренция» новыми частями статьи.

В соответствии с абз.10 ст.1. Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» под *недобросовестной конкуренцией* принято понимать направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат настоящему Закону, иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации [1].

Административная ответственность по сути является единственным видом юридической ответственности за недобросовестную конкуренцию в Республике Беларусь.

Выделение недобросовестной конкуренции как самостоятельного административного правонарушения впервые было осуществлено в Указе Президента Республики Беларусь от 27 февраля 2012 г. № 114 «О некоторых мерах по усилению государственного антимонопольного регулирования и контроля» [2].

В последствии состав рассматриваемого административного правонарушения был закреплен в Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-3 (далее – КоАП 2003 г.) в соответствии с требованиями ч.2 ст.1.1. где было обозначено, что КоАП 2003 г. является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь и нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, подлежат включению в него [3].

За недобросовестную конкуренцию КоАП принятый в 2021 г. предусматривает основное и единственное административное взыскание – штраф, размер которого составляет в соответствии с санкцией ст. 13.33 «Недобросовестная конкуренция» составляет от двадцати до ста базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от ста до двухсот базовых величин, а на юридическое лицо – до десяти процентов суммы выручки от реализации товара (работы, услуги), на товарном рынке которого совершено правонарушение, за календарный год, предшествующий году, в котором было обнаружено административное правонарушение, либо за предшествующую дню обнаружения административного правонарушения часть календарного года, в котором было обнаружено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации этого товара (работы, услуги) в предшествующем календарном году, но не менее четырехсот базовых величин [4].

Анализ действующих взысканий за недобросовестную конкуренцию в странах входящих в Содружество Независимых Государств и в Евразийский экономический союз показал использование штрафа как единственного вида административного взыскания.

Так, например, в ст.163 «Антиконкурентные действия (бездействие) государственных, местных исполнительных органов, организаций, наделенных государством функциями регулирования деятельности субъектов рынка, недобросовестная конкуренция» КоАП Республики Казахстан за недобросовестную конкуренцию взимается административный штраф на субъектов малого предпринимательства в размере двухсот, на субъектов среднего предпринимательства – в размере трехсот, на субъектов крупного предпринимательства – в размере тысячи пятисот месячных расчетных показателей [5].

В Республике Кыргызстан в ст. 289 «Недобросовестная конкуренция» КоАП предусмотрено наложение административного штрафа на физических лиц – в размере 200 расчетных показателей, на юридических лиц – 650 расчетных показателей [6].

В КоАП Российской Федерации в ст.14.33 «Недобросовестная конкуренция» предусмотрено два основных взыскания – штраф и дисквалификация [7].

Помимо этого, в пункте «к» ст. 23 Федерального закона Российской Федерации № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции» предусмотрено полномочие антимонопольного органа, выраженное в выдаче предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства (в т.ч. и за недобросовестную конкуренцию) [8].

Сущность данного требования схожа с административным штрафом, однако применяется не судом, а комиссией, расследующей антимонопольные правонарушения.

Наличие такого правового института подвергается критике со стороны российских исследователей.

В частности, Ю.Б. Носова считает, что «по меньшей мере, странным выглядит подход для решения вопроса о привлечении к административной ответственности или выдаче предписания о перечислении в бюджет дохода, исходящий лишь из возможности или невозможности исчисления административного штрафа, наличия или отсутствия выручки, дохода и расхода, т.е. экономических характеристик деятельности правонарушителя» и рекомендует отказаться данного полномочия ввиду избежания привлечения субъектов к «двойной» ответственности [9, с. 189].

Таким образом мы приходим к выводу что штраф за недобросовестную конкуренцию является распространенной и эффективной мерой административного взыскания и применяется как в Республике Беларусь, так и в ряде зарубежных стран.

Подобного мнения придерживается и российский исследователь К.С. Кротов утверждая, что «относимость сферы защиты конкуренции к области экономической деятельности вкупе с высокой эффективностью предопределяют распространенность административного штрафа среди мер административного наказания» [10, с. 91].

Вместе с тем, законодательство об административной ответственности регулярно претерпевает изменения.

Так, еще в 2021 году после корректировки КоАП, имело место и общественное обсуждение Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [11]. Это значит, что вопросам добросовестной торговли на рынках товаров, работ и услуг уделяется особое внимание со стороны государства и общества.

Ввиду наличия административной ответственности как единственного вида юридической ответственности за недобросовестную конкуренцию (после исключения аналогичного противоправного деяния из Уголовного кодекса Республики Беларусь в 2018 году), усложнения экономических отношений, появления новых форм недобросовестной конкуренции, на наш взгляд, целесообразным было бы предусмотреть и иные виды административных взысканий за недобросовестную конкуренцию.

В частности, предлагаем обратить внимание на такой вид административного взыскания, как лишение права заниматься определенной деятельностью, которое вполне могло бы применяться за использование двух и более форм недобросовестной конкуренции одновременно или за совершенный повторно в течение одного года после наложения административного взыскания акт недобросовестной конкуренции.

Список использованной литературы

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г., № 275-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О некоторых мерах по усилению государственного антимонопольного регулирования и контроля [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 22.02.2012 № 114 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 5 июля 2014 года № 235-V : в ред. Закона от 12.07.23 г. № 24-VIII. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399. – Дата доступа: 16.11.2023.

6. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях [Электронный ресурс] : 28 октября 2021 года № 128 : в ред. Закона от 10.10.23 г. № 186. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164&show_di=1. – Дата доступа: 15.11.2023.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30.12.2001 N 195-ФЗ : в ред. Закона от 17.05.2023 N 24-П. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата доступа: 16.11.2023.

8. Федеральный закон «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] : 26.07.2006 N 135-ФЗ : в ред. Закона от 10.07.2023 N 301-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/. – Дата доступа: 14.11.2023.

9. Носова, Ю.Б. Предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции: правовая природа и соотношение с привлечением к административной ответственности / Ю.Б. Носова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – С. 178–189

10. Кротов, К.С. Административная ответственность за правонарушения в сфере защиты конкуренции : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.14 / К.С. Кротов. – Саратов, 2020. – 249 с.

11. Изменения в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции. Что предложено в ходе обсуждения [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/september/66299/>. – Дата доступа: 16.11.2023.

Г. А. Василевич

(Белорусский государственный университет, Минск)

ИСТОЧНИКИ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА В НОВОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье осуществлен краткий анализ новых положений Конституции, касающихся определения места и роли правовых актов в национальной правовой системе. Обращено внимание на соотношение нормативных правовых актов и иных источников права. Подчеркнута новая роль Конституционного Суда в становлении новой системы источников права на практике.

Национальная правовая система любого государства со временем претерпевает изменения, обусловленные динамикой общественного развития. Наиболее крупные коррективы происходят в связи с принятием новой Конституции или модернизацией действующего Основного Закона.

После внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в результате референдума 27 февраля 2022 года правовая пирамида претерпела существенные изменения. Они обусловлены приданием Всебелорусскому народному собранию статуса органа, облеченного наиболее важными полномочиями, а также изменением соотношения по юридической силе актов Парламента и Президента Республики Беларусь.

Конституция как была, так и осталась актом, обладающим более высокой юридической силой, чем иные правовые акты. Сейчас это закреплено в статье 7 (ранее – статья 137 Конституции). Новым является подход, сформулированный в статье 7, согласно которому здесь отсутствует положение о соотношении законов и актов Главы государства, что ранее было присуще статье 137. Появилось важное указание в статье 7: Конституция имеет прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Против такой формулировки трудно возражать, автор данной статьи более двадцати лет назад подчеркивал именно такой характер действия Основного Закона даже без специального указания на это [1].

Указание на прямой характер действия Конституции вносит ясность в вопрос о приоритете норм, когда в текущем законодательстве обнаруживаются противоречащие Основному Закону положения, в том числе выявляются пробелы или иные дефекты. Вместе с тем, возникает проблема относительно того, всегда ли можно делать такой вывод (о предпочтении в пользу конституционной нормы и тем самым ее прямом действии), кто вправе так поступить и какие последствия могут наступить в результате ошибочной оценки о необходимости прямого применения норм Основного Закона. Полагаем, что здесь существует определенная риск ошибки со стороны правоприменителя (гражданина, субъекта хозяйственной деятельности, органов государства, местного самоуправления и др.). Конечно, он явно снижается, если есть очевидное расхождение между конституционной нормой и нормой акта текущего законодательства. Но даже для такого варианта необходимо формировать соответствующим образом правоприменительную практику.

Таким образом, проблема обеспечения прямого действия Конституции важна, но ее решение может быть непростым. Поэтому в силу неочевидности расхождений между конституционным текстом и положениями актов законодательства желательно выяснить официальную позицию компетентных государственных органов, должностных лиц (Конституционного Суда, Парламента, который сохранил право толковать свои акты, представителей министерств, иных субъектов власти). Во избежание здесь каких-либо недоразумений, в частности, необходимо более определенно изложить положения статьи 69 Закона «О нормативных правовых актах» с целью защиты прав лиц, получивших соответствующее разъяснение по интересующему их вопросу. Ранее складывавшаяся практика, на наш

взгляд, вызывала обоснованные возражения, например, получив официальный ответ субъект хозяйственной деятельности мог быть привлечен к ответственности, хотя действовал в соответствии с полученным письменным разъяснением должностного лица.

Конституционные законы (о внесении изменений в Конституцию, о ее толковании) можно рассматривать органичной частью конституционного текста. Согласно ст. 116-1 Конституции проекты законов о внесении изменений в Основной Закон могут быть предварительно проверены на соответствие Конституции.

Что касается Всебелорусского народного собрания (в дальнейшем – ВНС), то здесь обратим на две статьи Конституции – 89-3 и 89-5.

Согласно ст. 89-3 Всебелорусское народное собрание, в частности, утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, а также программы социально-экономического развития Республики Беларусь.

В юридической литературе высказывались неоднозначные позиции относительно обязательности принимаемых различного рода программ, имея в виду, что программы часто не имеют четких формулировок и выступают в качестве «ориентира» для действий органов государственной власти. Возникал также вопрос о возможной ответственности за невыполнение программы. И в настоящее время, и ранее автор придерживался позиции, согласно которой программа выступает в качестве юридически обязательного документа и имеет основополагающее значение для принятия иных решений, основанных на ней. Безусловно, программы могут быть различных уровней. Их можно классифицировать по территории действия, по предмету регулирования, по субъектам, их принявшим (утвердившим), по сроку действия, по соотношению с иными программами и иными актами и др. Последствия их неисполнения или не утверждения могут влечь дисциплинарную ответственность или прекращение деятельности (например, при повторном отклонении программы деятельности Правительства).

Указанные выше полномочия ВНС имеют императивную силу. Это подтверждается тем, что в ст. 89-5 Конституции закреплено правило: решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. На наш взгляд, тем самым укрепляется народный суверенитет, углубляются отношения между народом и государством, на важность которых справедливо обращено внимание Б. С. Эбзеевым [2, с. 196–201].

Оценивая соотношение одноуровневых актов, отметим, что, на наш взгляд, исключается правило о приоритете нового акта по отношению к ранее принятому, если сопоставляется программа и иной акт. На это следовало бы указать в Законе «О нормативных правовых актах»: программный документ должен обладать приоритетом. Это же касается и директив – указов программного характера. (По поводу реализации статьи 85 Конституции в части соотношения указов с законами остановимся ниже).

Решения ВНС находятся на вершине правовой пирамиды после Конституции, конституционных законов, решений императивных референдумов (если в решении референдума не предусмотрено иное), а также международных договоров (в силу требований статьи 8 Конституции).

Поясним авторскую позицию: согласно ст. 23 Закона «О нормативных правовых актах» «решения, принятые республиканским референдумом и носящие обязательный характер, имеют большую юридическую силу по отношению к законам, нормативным правовым актам Президента Республики Беларусь и иным нормативным правовым актам». В данной статье не сделано каких-либо оговорок. В принципе, согласны с таким подходом законодателя: народный суверенитет обладает верховенством по отношению к государственному. Но народ посредством голосования вправе делегировать полномочия органу

государственной власти, включая и право вносить изменения в решение референдума. Однако и в таком случае решение референдума обладает большей юридической силой с точки зрения делегирования полномочий, даже если государственный орган (например, Парламент) существенно корректирует принятое на народном голосовании решение.

Кроме того, автор придерживается следующей классификации референдумов по видам: императивный и консультативный (исходя из юридической силы принятого решения) и по степени необходимости проведения (обязательный, например, по изменениям разделов 1, 2, 4, 8 Конституции, и факультативный, когда можно, но обязательно его проводить).

Если ранее законодательные акты (законы, декреты, указы) в целом можно было размещать на одной ступеньке правовой пирамиды, то сейчас ситуация изменилась. Конечно, внутренняя дифференциация между законами и указами предусматривалась. Ранее автором обращалось внимание на приоритет программных законов. Идея автора данной статьи, высказанная на этот счет в 2003 году [3, с. 15], была реализована с принятием в 2018 году вышеупомянутого Закона. В настоящее время, с учетом компетенции Всебелорусского народного собрания, на первое место среди актов текущего законодательства выходят решения Всебелорусского народного собрания об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрине, концепции национальной безопасности, утверждении программ социально-экономического развития. Роль этих актов неизмеримо возрастает, они приобретают стратегический характер, поэтому говорить о том, что это акты текущего законодательства можно лишь с некоторой долей условности.

Иные правила, которые касаются соотношения законов (иных актов), сохраняют свою силу: положения кодекса обладают приоритетом по отношению к иным законам, новый акт обладает преимуществом по отношению к ранее принятому. Было бы полезно также закрепить, что нормы специального акта обладают более высокой юридической силой, чем нормы общего нормативного правового акта.

Еще одна существенная корректировка произошла в отношении указов Президента. В процессе работы над проектом изменений Конституции автор данной статьи настаивал на сохранении одинакового статуса (одного уровня) законов и указов, которые издавались бы в соответствии с компетенцией соответственно Парламента и Президента. Позиция автора основывалась на том, что у Президента есть мощные полномочия, прямо зафиксированные в Конституции (например, ст. 79, 84), и полномочия, которые он приобретает на основе закона (п. 30 ст. 84). Однако решение принято иное и этим следует руководствоваться.

Согласно части второй ст. 85 указы Президента не должны противоречить законам. «Не противоречить» – значит не должны возражать, не могут не соответствовать. При такой формулировке не исключаем издание Президентом своего акта также при отсутствии закона. При этом следует учитывать компетенцию каждого органа, его место в системе сдержек и противовесов. В нашей практике есть примеры, когда Президент издавал указы ранее, чем были приняты законы. Например, согласно закону от 15 марта 1994 года «О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь» следовало в течение двух лет после вступления в силу Конституции принять закон, обеспечивающий в полной мере реализацию положений статьи 30, в частности, предполагалось отменить прописку, установленную еще в советский период актами Правительства и существенно ограничивающую свободы передвижения и выбора места жительства. Данный закон не был принят и Глава государства вполне в русле своих полномочий 7 сентября 2007 года издал указ № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания». Указ не только обеспечил необходимые условия для реализации гражданами своих прав на свободу передвижения и выбор места жительства, предусмотренных статьей 30 Конституции Республики Беларусь, но и усовершенствовал систему учета граждан по месту жительства и месту пребывания.

С учетом полномочий Всебелорусского народного собрания должно быть найдено оптимальное сочетание между стратегическими решениями Всебелорусского народного собрания (пп.1, 2 ст. 89-3) и правом Главы государства издавать указы программного характера (директивы), вытекающие из его конституционного статуса.

Директива – этот акт, который сочетает в себе черты нормативно-программного документа и одновременно содержит ряд конкретных поручений. Исходя из текста директив, можно сделать вывод о том, что реализация их норм должна осуществляться безотлагательно, но решение тех проблем, которые в них упоминаются, является постоянным для компетентных органов (например, обеспечение охраны труда, борьба с пьянством). Таким образом, директива отражает актуальные вопросы экономического, социального и культурного развития общества и государства.

Одновременно директива – это своего рода послание и народу, и органам государственной власти как непосредственно подчиненным, так и к иным. Опыт свидетельствует, что директива имеет организующее начало, а реализация ее положений осуществляется посредством принятия соответствующих актов законодательства. Директиву можно также характеризовать и как политико-правовой документ. Здесь проявляется политическая функция Главы государства.

Конечно, в основном свои полномочия Президент Республики Беларусь реализует посредством издания указов и распоряжений, а, при необходимости, ранее – и декретов. В силу этого директиву можно считать правовым актом особой формы, содержащим положения нормативно-программного и распорядительного характера и издаваемым Главой государства в целях акцентирования внимания и решения государственными органами, должностными лицами, общественностью вопросов, имеющих на современном этапе важное политическое, экономическое, социальное значение.

Среди актов общегосударственных органов важную роль играют и постановления Правительства, которое издает свои акты на основе Конституции, законов и указов Президента. Если быть точнее, то согласно ст. 108 постановления Правительства и распоряжения Премьер-министра не должны противоречить законам и решениям Президента. Такого рода формулировка, как и в отношении указов Президента в плане их соотношения с законами, дает основание для развития ситуации в том числе следующим образом: при отсутствии акта, обладающего более высокой юридической силой, Правительство для правовой регламентации соответствующих общественных отношений может издать соответствующее постановление, восполняя пробел. Однако убеждения автора в правильности такого подхода нет и следует обратить внимание на то, как будет развиваться практика, совершенствоваться закон «О нормативных правовых актах».

Соотношение по юридической силе ведомственных актов министерств и государственных комитетов, органов местного управления и самоуправления зависит от их полномочий (статуса). Например, органы местного управления и самоуправления представляют три уровня: областной, базовый и первичный. Исходя из этого и определяется юридическая сила принятых ими актов по отношению друг к другу.

Таким образом, выстраивая правовую пирамиду, следует помнить о наличии многих нюансов, которые влияют на определение в каждом конкретном случае соотношения актов между собой. Например, следует также иметь в виду особый статус регламентов палат Парламента, Правительства, совместных постановлений Правительства, министерств и профсоюзных органов и др. [4, с. 14–28].

Определяя иерархию нормативных правовых актов, следует иметь в виду, что заключениями Конституционного Суда Республики Беларусь нормативный акт любого государственного органа может быть признан неконституционным и в силу этого не подлежащим применению судами и иными органами, т.е. заключения Конституционного Суда по своей юридической силе идут вслед за Конституцией. Не вдаваясь в содержание

существующего в литературе спора о том, являются акты органов судебного конституционного контроля нормативными или правоприменительными, подчеркнем существенное расширение его полномочий в виде приобретения права толковать Конституцию. Этот орган государственной власти, полагаем, имеет право проверить акты толкования иных актов законодательства, издаваемые другими органами. Акты толкования нормативных правовых актов являются нормативными правовыми актами и подпадают под сферу действия судебного конституционного контроля.

В заключение отметим, что обновленный текст Конституции Республики Беларусь обеспечивает существенное совершенствование национальной правовой системы, делает ее более динамично развивающейся и современной. На нынешнем этапе многое будет зависеть от того, как будет развиваться правоприменительная практика. Для того, чтобы обеспечить спокойное движение к новой системе правоотношений, предусмотрены переходные положения (раздел IX Конституции).

Список использованной литературы

1. Василевич Г. А. Конституция — нормативно-правовой акт прямого действия / Г.А. Василевич // Судовы веснік. — 1995. — № 1. — С. 2–6.

2. Эбзеев Б.С. Народный суверенитет. В кн. : Конституция Российской Федерации : от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / Л. В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2013. — 592 с.

3. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь / Г.А. Василевич. — Минск : Книжный Дом; Интерпресссервис, 2003. — 832 с.

4. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь / Г.А. Василевич. — 2-е изд. , перераб. — Минск: Вышэйшая школа, 2021. — 407 с.

УДК 342.76

С. Г. Василевич

(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ (СОРАЗМЕРНОСТИ) ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД

Статья посвящена анализу принципа пропорциональности (соразмерности) ограничения прав и свобод человека. Анализируются доктринальные источники, а также законодательство. Обращается внимание на необходимость определения понятий «закон», «правомерные цели». Высказано суждение, что с учетом сложившейся в Беларуси практики понятие «закон» в контексте статьи 23 Конституции необходимо рассматривать в широком аспекте, включая в него все законодательные акты, а также, с учетом новых реалий, акты ВНС.

Принципы права имеют основополагающее значение для нормотворчества и практической деятельности. Одним из правовых принципов является принцип пропорциональности (соразмерности). Генезис этого принципа имеет давнюю историю и является показателем справедливого решения. Например, Аристотель рассматривал несправедливость как нарушение пропорциональности и равномерности [1, с. 93–96].

Отметим, что для философских и правовых исследований всегда был присущ поиск гармонии и согласия в человеческих отношениях, гармонии между человеком и обществом, государством. Именно уравнивание интересов индивидуума с правами и свободами иных лиц является главной идеей данного принципа.

Обосновал использование понятия «принцип пропорциональности» прусский юрист Карл Готлиб Сварец и в последующем был развит Высшим административным судом в решениях по делу Kreuzberg в 1880-ом и 1882-ом годах. В последующем этот принцип получил в конституциях ряда государств и реализуется национальными и международными судами [2, с. 104].

Значение принципа пропорциональности заключается в том, что он призван обеспечить оптимизацию всех внутренних связей между участниками социальных отношений. Как отмечается в литературе, по причине его не реализации на практике возникают революционные фазы и периоды упадка. Поэтому он важен в политике, праве как проявление естественных свойств и правил функционирования социума, как отражение определенного состояния человеческих взглядов, человеческой активности как таковой [3, с. 19–20].

Обычно он рассматривается в контексте ограничения прав и свобод, включая и меры, связанные с юридической ответственностью. Ученых привлекает проблема определения природы и содержания данного принципа.

Как отмечается в научной литературе, идея пропорциональности олицетворяет прагматизм второй половины прошлого века, что проявилось в отказе от формально-догматического понимания права и стремлении к обеспечению его реалистичности права с обеспечением его верховенства, независимостью от политики. Указанный принцип, по мнению исследователей предполагает сочетание реалистичности и автономии права [4, с. 38].

Указанный принцип предполагает согласование интересов и ценностей множества субъектов правовых отношений. Его реализация направлена на ограничение безосновательного усмотрения в сфере нормотворчества и правоприменения [4, с. 38].

В социальной реальности реализация данного принципа имеет важное значение, так как его разумное применение снижает уровень конфликтности между различными социальными группами, нацелено на обеспечение баланса общественных и личных интересов в каждом конкретном случае, нацелено на согласование антиномичных интересов.

Принципы права находятся в определенной мере в состоянии конкуренции, можно утверждать об их некоем ранжировании.

Одним из теоретических подходов к выработке концепции принципа пропорциональности является предложенный Р. Дворкиным метод категоризации, согласно которому «роль принципа пропорциональности состоит в категоризации или «сортировке» интересов на те, которые имеют статус прав, и те, которые не имеют такого статуса, с тем чтобы первые имели особую нормативную значимость и приоритет над последними. Метод категоризации отвергает идею балансирования и вместо этого основывается на предположении о том, что согласование конкурирующих интересов происходит путем определения пределов соответствующих прав [4, с. 42].

В отличие от Р. Алекси, как автора теории балансирования, Р. Дворкин считает возможным ограничение прав для защиты прав личности или публичного интереса в зависимости от возможных издержек, исключая предложение А. Алекси регулярно «взвешивать» права, рутинно оценивая выгоды и издержки [4, с. 42].

По справедливому мнению Р. Дворкина, основным является вопрос о границах прав, что следует защищать, а какие интересы не признаются в качестве прав. Он считает, что ответ на этот ключевой вопрос находится в плоскости человеческого достоинства и политического равенства [4, с. 42].

То есть, в конечном итоге нормотворческий орган и правоприменитель вынужден исходить из баланса интересов, но самое трудное заключается в определении его критериев, определении алгоритмов оценки приемлемости баланса [5, с. 83].

Проведенное в Беларуси совершенствование Конституции обеспечило укрепление не только системы представительной власти, перераспределение полномочий между Президентом и Парламентом в сторону усиления статуса законодательной и коллегиальной представительной власти, но и способствовало расширению правового статуса человека, его ответственности перед обществом. На это нацелены новые редакции

статей 21, 32, 54 и др. Конституции. Акцентирование внимания не только на правах и свободах, но и обязанностях, долге побуждает вести речь и новом балансе интересов, который необходимо обеспечить в соответствии с конституционными требованиями. Как справедливо отмечается, права гражданина отражают частный интерес, а в обязанностях выражается публичный интерес. С учетом этого задачей правовой науки является разработка методологии, позволяющей измерять и балансировать релевантные интересы с учетом ценностей, закрепленных в Основном Законе [5, с. 83].

Как емко отмечает С.А. Ядрихинский, основная идея пропорциональности состоит «в обеспечении прав и законных интересов частных лиц от их произвольного административного ограничения; в проверке адекватности ограничительных мер, вводимых ради достижения публично значимой цели» [5, с. 84]. Основное внимание привлечено к обеспечению «рациональной связи между целью и средствами ее достижения. Правоприменитель, учитывая различные социальные, экономические, политические и иные метаюридические факторы, в разрешении проблемы соразмерности средств и цели должен найти «золотую середину», или баланс между ограничением прав и приобретаемыми в результате ограничения выгодами. Ограничение права в системе правового регулирования и правоприменения не должно приводить к его умалению, выхолащиванию существа, утрате содержания. Идеальная основа пропорциональности состоит в том, что права человека не абсолютны и могут ограничиваться на законных основаниях, но и сами ограничения имеют пределы, поскольку усмотрение органов публичной власти также не обладает абсолютной свободой» [5, с. 85].

В соответствии со ст.23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. С учетом этого необходимо решить ряд практических вопросов. Первый из них – относительно определения понятия «закон»: в узком смысле слова (как акт только Парламента) или более широком – как законодательный акт, к которым относим не только законы, но и акты Президента, а также решения Всебелорусского народного собрания (ВНС). Полагаем, что следует, с учетом сложившейся практики, исходить из более широкого понятия. Более того, фразу «в случаях, предусмотренных законом» также надо рассматривать в широком аспекте: не только прямо то, что указано в законе (законодательном акте), но и предусмотрено даже в подзаконном акте, основанном на законе (решении ВНС). В Российской Федерации ученые придерживаются позиции, согласно которой ограничение прав и свобод основывается исключительно на федеральном законе [6, с. 84].

По сути, общепризнанным является подход, согласно которому при защите социально значимых целей ограничительные меры не должны быть большими, чем это необходимо и соответствовать той цели, ради которой они устанавливаются, не должно выхолащиваться основное содержание права, ограничения не должны быть чрезмерными [7, с. 56].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что любое ограничение прав и свобод человека должно являться пропорциональным преследуемой социально значимой и законной цели [8].

Таким образом, ограничение прав и свобод человека и гражданина конституционно допустимо, когда преследуются конституционно значимые (правомерные) цели посредством законодательного акта, а ограничения прав и свобод не являются чрезмерными, сохраняют сущность ограничиваемого права.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. Москва – Берлин: Директ Медиа, 2020. – 222 с.
2. Петерс Анне Принцип пропорциональности как глобальный конституционный принцип [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 07_2018_102_126.pdf (mpil.de). – Дата доступа 2.11.2023.

3. Санжаревский И. И. Проблема пропорциональности в системе политических отношений общества : автореф. дис. ... канд. политич. наук / И.И. Санжаревский : 23.00.01 / И.И. Санжаревский; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов. 2004. – 48 с.

4. Вайпан Г.В. Принцип пропорциональности и аргументация в сфере ограниченных прав человека: от Р. Алекси к Р.Дворкину и обратно // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2015. – №3 (106). – С. 37–54.

5. Ядрихинский С.А. Принцип пропорциональности как инструмент достижения баланса интересов в налоговых отношениях: проблемы теории и правоприменительной практики в России и за рубежом // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 82–105.

6. Гаджиев Г. А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. – 2019. – № 7. – С. 56–64.

7. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. – С. 83–91.

8. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. – № 8.

УДК 347.73

Ю. А. Забаренко

(Донецкий государственный университет, Донецк)

ФИСКАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

В работе исследуются теоретические и прикладные аспекты теории фискального (налогового) федерализма, анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие применение данного принципа в налогово-правовом поле Российской Федерации. Обозначается проблема приоритетности наполнения федерального бюджета, влекущая за собой дефицит бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований. Приводятся проблемные аспекты правового закрепления фискального федерализма в российском законодательстве. Намечаются направления дальнейшего совершенствования управления налоговой системой Российской Федерации на основе принципа фискального (налогового) федерализма.

Россия является государством федеративного типа, в котором федерализм как форма государственного устройства выступает одной из основ государственного строя. В качестве фундаментального принципа федерализм закреплен в обязательном порядке в Конституции Российской Федерации (далее – РФ) в статьях 1, 5, 11 и получает свою конкретизацию в главе 3 Конституции РФ – «Федеративное устройство». Согласно ч. 3 ст. 5 Конституции РФ федеративное устройство России основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов России [1].

По своей функциональной природе конституционный принцип российского федерализма является системообразующим, то есть служит исходным базисом для дальнейшего целостного выстраивания правоотношений во всех областях и сферах общественной жизни – экономической, административно-политической, социально-культурной – для того, чтобы получить по-настоящему децентрализованное государственное единство.

Федерализм как явление многогранное и вездесущее безусловно пронизывает и правовые отношения материального базиса существования государства – его экономику,

в том числе и прежде всего бюджетную и налоговую сферы. Преломлением конституционного принципа федерализма в налогово-правовой сфере является фискальный, или налоговый, федерализм.

Впервые понятие фискального федерализма (*fiscal federalism*) было введено в 1959 г. американским экономистом немецкого происхождения Ричардом Абелем Масгрейвом (1910–2007) в монографии «Теория общественных финансов» (1959) [2].

В российских научных публикациях в качестве русскоязычных аналогов понятия *fiscal federalism* используются термины «фискальный федерализм» (И.В. Горский, С.В. Галицкая), «финансовый федерализм» (О.И. Немкина), «налоговый федерализм» (В.Г. Пансков, Д. Игнатъев, И.А. Майбуров, Д.А. Татаркин, Х.М. Мусаева, Б.Х. Алиев, М.А. Котляров, М.Р. Пинская, В.И. Лазарев, И.И. Кучеров, Е.Н. Евстигнеева), «бюджетный федерализм» (Л.Н. Лыкова, В.М. Родинова, Н.М. Добрынин, С.Н. Чернов, Н.И. Новикова, Р.Р. Утешев, М.В. Столяров), «бюджетно-налоговый федерализм» (Д. Аронов, В. Садков, Н.А. Шугаев). При этом содержание этих понятий признается тождественным. Следовательно, выбор того или иного термина для обозначения данного политико-правового явления в отечественной литературе, ввиду его невыраженности в законодательстве, зависит от мнения ученого-исследователя в данной области.

Сущность принципа фискального федерализма заключается в разделении полномочий между федеральными и региональными властями в финансовой сфере, основанном на приоритете федерации [3, с. 150]. Главная цель фискального федерализма состоит в обеспечении единства государства и стабильности его социально-экономического развития на основе удовлетворения потребностей в денежных средствах всех уровней власти за счет перераспределения части ВВП между звеньями бюджетной системы страны.

Доминантным механизмом формирования фондов денежных средств любого современного государства, в том числе и РФ, является его налоговая система. Налоги играют ведущую роль в формировании доходной базы практически любого бюджета бюджетной системы государства. Поэтому от грамотного разделения полномочий и предметов ведения между органами федеральной и региональной власти в налогово-правовой сфере зависит рациональность поступления налогов в бюджеты разных уровней и эффективность распределения доходов от них по всем сферам и звеньям финансовой системы, достаточное финансирование государственных расходов на всех уровнях власти, влияющее в конечном итоге на благосостояние общества.

Поскольку РФ – это государство с федеративным устройством, то одним из важных направлений в развитии её налоговой системы является конструктивное регулирование налоговых правоотношений во всех трёх сегментах правового поля: исключительного ведения РФ, совместного ведения субъектов РФ и РФ и исключительного ведения субъектов РФ.

Принцип российского налогового федерализма регламентирован нормами ч. 3 ст. 75 Конституции РФ, в соответствии с которой «система налогов, взимаемых в федеральный бюджет, и общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются федеральным законом» [1]. Однако от других государств с федеративной формой административно-территориального устройства (Канада, Мексика, США, Швейцария), Россия отличается в высокой степени централизованной налоговой системой. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов федерации и представительные органы муниципальных образований обладают очень ограниченным кругом налоговых полномочий.

Сформировавшаяся в РФ на современном этапе налоговая система в целом выполняет свою главную функцию по созданию материальной базы в виде централизованных и децентрализованных фондов публичных денежных средств, используемых для обеспечения деятельности государства. Однако при этом отношения по управлению налоговыми потоками между федеральным центром и региональными властями не лишены сложностей. На наш взгляд, основная проблема заключается в приоритетности

наполнения федерального бюджета, что влечет за собой дефицит бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований. На практике данная проблема выражается в следующем.

В соответствии с Конституцией РФ разграничение полномочий между Федерацией и её субъектами в сфере налоговых отношений установлено в равной степени (федеральные налоги и сборы регулирует Федерация, региональные налоги и сборы — субъекты Федерации). Вместе с тем налоговые платежи, относящиеся к региональным и местным налогам (налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес, транспортный налог), являются менее «доходными», чем налоги и сборы, которые отнесены к федеральным. Более того, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов федерации и представительные органы муниципальных образований обладают очень ограниченным кругом налоговых полномочий, в пределах и в порядке, установленных Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) [4]. Так, в соответствии со ст. 12 НК РФ полномочия субъектов Федерации в сфере налогового регулирования ограничены лишь установлением определённых элементов налогообложения (налоговых ставок, порядка и сроков уплаты), и только в случае, если эти элементы не были установлены НК РФ, а также субъекты могут устанавливать особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения (пп. 3, 4 ст. 12 НК РФ).

Таким образом, между Конституцией РФ и НК РФ существует некоторая правовая коллизия, проявляющаяся в ограничении НК РФ конституционного права субъектов федерации и муниципальных образований на установление налогов и сборов.

В дополнение к вышесказанному, при построении эффективных межбюджетных отношений на принципах фискального федерализма необходимо принимать во внимание также ту объективную данность, что все субъекты федерации и муниципальные образования отличаются по своим социально-экономическим характеристикам (территориальной удаленности, природно-климатическим условиям, отраслевой специализации, уровню доходов населения и т.д.), и следовательно, обладают изначально неодинаковым экономическим потенциалом и потому разными возможностями в формировании своих публичных доходов и удовлетворении потребностей местного населения. Отчасти эта проблема в РФ решается посредством выравнивания доходов бюджетов через механизм межбюджетных трансфертов.

Следовательно, дальнейшее совершенствование управления налоговой системой РФ на основе принципа фискального (налогового) федерализма представляется в направлении создания такого механизма федеративных отношений, который бы обеспечил нивелирование конфликтов между федеральным и региональными уровнями власти или же между самими субъектами федерации посредством разграничения и распределения налоговых источников доходов с учетом их политико-территориальных, экономических и социальных интересов в условиях однозначности законодательства.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=lp01mibd79899786644>. – Дата доступа: 13.11.2023.
2. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. – New York: McGraw Hill, 1959. – 628 p.
3. Намятова, Л. Е. Термины рыночной экономики [Текст]: современный словарь-справочник делового человека / Л. Е. Намятова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Кадровый резерв, 2015. – 299 с.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.09.2023) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10900200/b6e02e45ca70d110df0019b9fe339c70/?ysclid=lp2owhodnj83729004>. – Дата доступа: 15.11.2023.

УДК 342.9

Д. С. Карсюк

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

**ДОКЛАД СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБЫ (ПРОТЕСТА)
НА НЕ ВСТУПИВШЕЕ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Автором проанализировано правовое регулирование подготовки доклада, с которым выступает судья во время рассмотрения жалобы (протеста) на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении. Исследованы требования законодательства и теоретико-прикладные подходы к содержанию доклада. Предложены авторские рекомендации по подготовке доклада в административном процессе.

Одним из способов устранения ошибок в административном процессе выступает обжалование (опротестование) не вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, которое осуществляется в порядке, закрепленном главой 13 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 92-3 (далее – ПИКоАП).

Традиционно рассмотрение жалобы (протеста) на не вступившее в законную силу постановление начинается с доклада судьи, уполномоченного рассматривать жалобу (протест), что закреплено в ч. 3 ст. 13.9 ПИКоАП. Однако подробных разъяснений относительно требований к процедуре подготовки и содержанию доклада административно-процессуальное законодательство не содержит, поэтому усматривается необходимость в теоретическом анализе обозначенных вопросов.

Следует отметить, что доклад не является новеллой административно-процессуального законодательства – такое действие судьи (председательствующего), имеющее схожее функциональное назначение, предусмотрено и в иных юридических процессах. Например, в соответствии со ст. 422 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11.01.1999 № 238-3 рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции начинается с доклада председательствующего или одного из судей о сущности дела, содержания обжалуемого (опротестовываемого) решения суда первой инстанции, доводах апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста, возражениях на них, а также с сообщения о представленных и собранных в ходе подготовки дела к рассмотрению в апелляционном порядке новых доказательствах, об иных сведениях, необходимых для проверки решения суда первой инстанции. Согласно ч. 4 ст. 385 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции начинается с доклада одного из судей суда апелляционной инстанции, который излагает существо дела, жалобы или протеста и возражений на них.

В этой связи, учитывая отсутствие комплексных исследований рассматриваемой проблематики в науке административного права и процесса, полагаем целесообразным при проведении анализа использовать в том числе научные достижения авторов, исследовавших деятельность судьи по подготовке доклада в иных юридических процессах.

В целом доклад является начальным действием рассмотрения жалобы (протеста) по существу, в ходе которого судья устно доводит до участников административного

процесса сведения о рассматриваемом вопросе. Подготовка судьей доклада является составной частью подготовительных действий, осуществляемых судьей с момента принятия жалобы (протеста) к рассмотрению, поскольку только при условии владения судьей необходимыми сведениями о существе дела и доводах жалобы (протеста) возможно полно проинформировать участвующих лиц об обстоятельствах дела, что способствует полному, всестороннему и объективному разбирательству. Подготовка доклада начинается с изучения судьей материалов дела об административном правонарушении, поступивших жалобы (протеста) и дополнительных материалов.

Общий мотив содержания доклада определен законодателем в ч. 3 ст. 13.9 ПИКоАП – доклад заключается в изложении существа дела об административном правонарушении и жалобы (протеста). Учитывая, что более детальных предписаний относительно содержания доклада Законом не предусмотрено, полагаем, что существо дела об административном правонарушении может быть выражено посредством краткого изложения сущности решения, принятого по делу об административном правонарушении. В свою очередь существо жалобы (протеста), на наш взгляд, возможно передать посредством оглашения просьбы автора данного документа и приведенных доводов для отмены или изменения оспариваемого постановления. Считаем, что существо названных материалов возможно обозначить посредством оглашения следующих сведений, подлежащих включению в доклад: 1) обжалуемое (опротестовываемое) постановление по делу об административном правонарушении, в том числе дата вынесения постановления; сведения о должностном лице органа, вынесшего постановление; 2) анкетные данные физического лица либо наименование юридического лица, в отношении которых вынесено постановление; 3) принятое по делу об административном правонарушении решение, в том числе вид, размер или срок налагаемого административного взыскания (основного и дополнительного) либо основание для прекращения дела об административном правонарушении; 4) описание административного правонарушения, признанного доказанным, либо сущность вмененного лицу административного правонарушения в соответствии с протоколом об административном правонарушении, если дело об административном правонарушении прекращено; 5) кем подана жалоба либо принесен протест; 6) доводы и требования, содержащиеся в жалобе (протесте).

При подготовке доклада у судьи может сформироваться мнение относительно обоснованности содержащихся в жалобе (протесте) доводов. Среди ученых, исследующих проблематику доклада судьи, дискуссионным является вопрос о возможности и необходимости судьей-докладчику в своем выступлении в ходе судебного разбирательства излагать собственное мнение относительно обоснованности доводов жалобы (протеста), а также наличия либо отсутствия оснований к отмене или изменению оспариваемого постановления.

Сторонники высказывания судьей собственного мнения считают, что такой подход будет способствовать более полному судебному разбирательству по жалобе (протесту). Например, российский исследователь В. А. Давыдов по результатам изучения проблемных вопросов пересмотра судебных решений по уголовным делам в порядке надзора сделал вывод, что обозначение судьей-докладчиком своей позиции во время доклада позволит прокурору, осужденному и его адвокату, равно как и иным лицам, принимающим участие в судебном заседании, адекватно реагировать на предложения относительно характера изменения судебного решения, что, в свою очередь, позволит гарантировать равенство процессуальных прав участников процесса. Докладчик, не являющийся членом президиума, во время доклада вправе изложить свое мнение относительно законности, обоснованности и справедливости пересматриваемого судебного решения и относительно обоснованности жалобы, акцентировать внимание членов президиума и других лиц, участвующих в судебном заседании, на сильные и слабые стороны жалобы или представления, на имеющиеся противоречия и т.п. [1, с. 89–92].

Противники изложения судьей своего мнения в ходе выступления с докладом полагают, что это поставит под сомнение объективность и беспристрастность судебного разбирательства. Так, российский правовед Е. Н. Дробышева отмечает, что выражение докладчиком своего мнения относительно доводов сторон и наличия (отсутствия) оснований для отмены или изменения обжалуемого судебного акта не только ставило бы под сомнение объективность данного судьи при принятии решения по делу, но и могло бы расцениваться как нарушение самой процедуры принятия судом решения [2, с. 55].

Считаем, что для административного процесса из вышеприведенных более применим второй подход, поскольку жалоба (протест) на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении рассматривается судьей единолично, и с докладом выступает именно тот судья, который принимает решение по жалобе (протесту), в связи с чем данный судья, высказывая мнение относительно обоснованности изложенных в жалобе (протесте) доводов, тем самым предreshает судьбу дела, что может вызвать у участников административного процесса обоснованные сомнения в беспристрастности судьи.

С учетом изложенного, доклад судьи при обжаловании (опротестовании) постановления о наложении административного взыскания на физическое лицо может быть сформулирован, как представляется, следующим образом: «Постановлением (приводятся сведения о должностном лице органа, вынесшего постановление) от (указывается дата вынесения постановления) на (приводятся данные физического лица, в отношении которого вынесено постановление) на основании (отражается часть статьи, статья Особенной части КоАП) наложено административное взыскание в виде (указывается вид, размер или срок налагаемого административного взыскания). Он / она признан (а) виновным (ой) в том, что он / она (отражается описание административного правонарушения, признанного доказанным). В поданной жалобе / принесенном протесте (приводятся сведения о лице, подавшем жалобу / принесшем протест) содержится просьба постановление по делу об административном правонарушении (указывается просьба отменить / изменить), а дело – (указывается просьба прекратить / направить на новое рассмотрение / направить на рассмотрение компетентного органа / изменить в части) ввиду (указываются основания для отмены или изменения постановления: односторонность, неполнота и необъективное исследование обстоятельств административного правонарушения; существенное нарушение требований ПИККоАП; неправильное применение норм, устанавливающих административную ответственность; несоответствие назначенного административного взыскания тяжести совершенного административного правонарушения; признание Конституционным Судом Республики Беларусь нормативного правового акта, примененного при рассмотрении дела, или его отдельных положений неконституционными). Указано, что (отражаются доводы, содержащиеся в жалобе / протесте)».

Текст доклада судьи в ходе пересмотра постановления о прекращении дела об административном правонарушении в отношении физического лица возможен в следующем изложении: «Постановлением (приводятся сведения о должностном лице органа, вынесшего постановление) от (указывается дата вынесения постановления) в отношении (приводятся данные физического лица, в отношении которого вынесено постановление) прекращено дело об административном правонарушении, предусмотренном (отражается часть статьи, статья Особенной части КоАП), в связи с (указывается основание для прекращения дела об административном правонарушении). В соответствии с протоколом об административном правонарушении ему (ей) вменялось в вину, что он (а) (отражается сущность вмененного лицу административного правонарушения в соответствии с протоколом об административном правонарушении). В поданной жалобе / принесенном протесте (приводятся сведения о лице, подавшем жалобу / принесшем протест) содержится просьба постановление по делу об административном правонарушении (указывается просьба отменить / изменить), а дело – (указывается просьба прекратить / направить на

новое рассмотрение / направить на рассмотрение компетентного органа / изменить в части) ввиду (указываются основания для отмены или изменения постановления: односторонность, неполнота и необъективное исследование обстоятельств административного правонарушения; существенное нарушение требований ПИКоАП; неправильное применение норм, устанавливающих административную ответственность; несоответствие назначенного административного взыскания тяжести совершенного административного правонарушения; признание Конституционным Судом Республики Беларусь нормативного правового акта, примененного при рассмотрении дела, или его отдельных положений неконституционными). Указано, что (отражаются доводы, содержащиеся в жалобе / протесте)».

Таким образом, по нашему мнению, сущность доклада выражается в доведении судьей, который единолично рассматривает жалобу (протест), до сведения участников административного процесса и иных присутствующих на рассмотрении жалобы (протеста) лиц существа дела об административном правонарушении и поступившей жалобы (протеста). Подготовка доклада является частью подготовительных действий, выполняемых судьей перед рассмотрением жалобы (протеста) по существу в ходе судебного разбирательства. Содержание доклада судьи состоит из вышеприведенных информационных сведений.

Список использованной литературы

1. Давыдов, В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам : производство в надзорной инстанции : науч.-практ. пособие / В. А. Давыдов. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 280 с.

2. Дробышева, Е. Н. Судья-докладчик в суде надзорной инстанции : вопросы правового статуса и пределы участия в принятии решений Президиумом Верховного Суда Российской Федерации / Е. Н. Дробышева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 52–59.

УДК 342.9

Л. А. Краснобаева

(Белорусский государственный университет, Минск)

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТАХ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

В статье затронуты вопросы стандартизации публичных услуг. Анализируется законодательное регулирование стандартов. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования публичных услуг.

Качество публичных услуг, их доступность для потребителя, удовлетворенность населения деятельностью государственных органов является основным показателем эффективности государственного управления. Одним из условий результативности реализации публичных услуг служит стандартизация. Стандартизация позволяет не только упорядочить, но и конкретизировать обязательства органов государственного управления, а также внедрить объективные механизмы оценки их деятельности.

Согласимся с Душковой Л.А., что «стандартизации в большей степени подвержена динамическая составляющая услуги, то есть собственно производимые в пользу потребителя действия, которые образуют механизм достижения цели, а не сама цель, в связи с которой услугодатель производит действия в пользу потребителя» [1, с. 80].

Стандартизация публичных услуг может сопровождаться снижением количества взаимодействий заявителей с должностными лицами за счет выполнения отдельных ад-

министративных процедур посредством принципа «одного окна». Заявитель по возможности будет исключен из процедур межведомственных согласований, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Такой подход неизбежно повлечет за собой и сокращение количества документов, представляемых заявителями, и сроков предоставления услуги, а также сроков исполнения отдельных административных процедур. Органы государственного управления, осуществляющие административную стандартизацию, могут быть наделены правом установить сокращенные сроки предоставления той или иной государственной услуги, а также сокращенные сроки исполнения отдельных административных процедур.

Отечественный законодатель к объектам стандартизации помимо продукции и выполнения работ относит оказание услуг как деятельности, результаты которой могут не иметь материального выражения, реализуемые и потребляемые в процессе осуществления этой деятельности, однако Закон Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262–З «О техническом нормировании и стандартизации» не применяется в отношении государственных минимальных социальных стандартов, государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики, Единого правового классификатора Республики Беларусь, а также в отношении образовательных стандартов, ветеринарно–санитарных правил, санитарных норм и правил, гигиенических нормативов, норм и правил пожарной безопасности, норм и правил по обеспечению технической, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, иных технических нормативных правовых актов, не относящихся к области технического нормирования и стандартизации.

Законом Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322–З «О государственных минимальных социальных стандартах» под государственным минимальным социальным стандартом признается минимальный уровень государственных гарантий социальной защиты. Фактически данный закон регулирует стандартизацию социальных услуг. Это подтверждается и нормой, установленной в Законе, а именно «в систему государственных минимальных социальных стандартов включаются государственные минимальные социальные стандарты в области: оплаты труда; пенсионного обеспечения; образования; здравоохранения; культуры; жилищно-коммунального обслуживания; социальной поддержки и социального обслуживания» [2].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724 «О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики» [3] установлено, что государственные социальные стандарты по обслуживанию населения республики являются обязательными для использования в организациях всех форм собственности.

В Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184 «О техническом регулировании» стандарт раскрывается как документ, в котором в целях добровольного многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг.

Если обратиться к опыту Казахстана в части содержательной стороны стандарта государственной услуги, следует отметить, что стандарт включает следующие разделы: наименование услугодателя, способы предоставления государственной услуги (каналы доступа), срок оказания государственной услуги, форма оказания государственной услуги, результат оказания государственной услуги, размер оплаты, взимаемой с услугополучателя при оказании государственной услуги, и способы ее взимания в случаях, предусмотренных законодательством, график работы, перечень документов необходимых для оказания государственной услуги, основания для отказа в оказании государственной услуги, установленные законодательством Республики Казахстан, иные требования с учетом особенностей оказания государственной услуги, в том числе оказываемой в электронной форме и через Государственную корпорацию. При этом структурные элементы акта являются типовыми для всех видов услуг.

Перед законодателем для урегулирования публичных услуг встают два принципиальных вопроса:

- 1) какую правовую природу придать стандартам публичных услуг;
- 2) целесообразно ли объединить стандарты в один документ или разделить их по видам регулируемых отношений.

На наш взгляд, распространение норм технического регулирования на порядок взаимодействия получателей публичных услуг и государственных органов фактически означало бы придание стандартам необязательного характера для их принятия уполномоченными субъектами, оказывающими государственные или социальные услуги.

Разработка нормативно-правовых актов для регулирования конкретных видов публичных услуг и выведение сферы публичных услуг из предмета регулирования технического законодательства является оптимальным решением для административной реформы. Можно обозначить и ориентированность на соединение стандартов различных видов публичных услуг и стандартов социальной услуги и процедур их осуществления в одном документе. Данная позиция представляется более оправданной по следующим причинам: стандарт публичной услуги содержит основные требования относительно результата взаимодействия заявителя и уполномоченного органа, его качественные и количественные характеристики. Исходя из вышеизложенного, оптимальным решением видится принятие единых правил (регламентов, инструкций и т.т.) по примеру правового регулирования Казахстана.

Административная стандартизация в форме нормативного правового акта призвана урегулировать соблюдение установленных сроков и имеет целью достижение результатов, закрепленных в стандарте, поэтому включение стандарта услуги в качестве обособленного раздела позволяет наиболее эффективно реализовать желаемые результаты. Также закрепление стандарта ее осуществления позволит гражданам знакомиться не только с требованиями к самой услуге, на получение которой они претендуют, но и проследить внутриорганизационные процессы, протекающие между конкретными подразделениями государственного органа, между различными государственными органами и должностными лицами, делая, таким образом, процесс предоставления услуги более открытым и прозрачным для заявителей.

Придание стандартам публичной услуги статуса нормативного правового акта является наиболее эффективным способом обеспечения высокого уровня взаимодействия государственных органов и граждан, а также позволит уменьшить долю административного усмотрения при принятии решений. Стандарт публичной услуги как систематизированный набор требований к ее качеству может быть установлен, с одной стороны, исходя из потребностей клиентов, с другой – с учетом материально-технических, финансовых и иных ресурсных ограничений. Наряду со стандартами услуг также могут внедряться стандарты обслуживания, содержащие требования к общей процедуре взаимодействия органов государственного управления с гражданами и организациями, инвариантные к конкретным типам услуг. Стандарт обслуживания может содержать такие требования, как своевременность и полнота ответа на обращения граждан и организаций, периодичность обновления сайта ведомства, перечень контактных лиц и др. параметры взаимодействия. Например, в Украине стандарт обслуживания выглядит в виде технологической и информационной карточки.

Под стандартом публичной услуги надлежит понимать нормативно закреплённую совокупность требований к процедуре публичной услуги и к качеству публичной услуги, выраженных в системе показателей, учитывающих в равной степени потребности заявителей и финансовые возможности уполномоченных субъектов. Стандарт как нормативный документ, должен устанавливать единые требования к качественным и количественным параметрам предоставляемых услуг.

Стандарт публичной услуги должен содержать: описание получателей публичной услуги, включая описание льготных категорий получателей услуги; исчерпывающий пе-

речень документов, необходимых для получения услуги; информацию о последовательности действий получателя услуги и органа, оказывающего услугу, включая исчерпывающее описание результата, который должен получить пользователь; информацию о сроке оказания услуги; исчерпывающий перечень оснований для отказа в оказании услуги; особенности предоставления услуги лицам, являющимся пенсионерами и инвалидами, исходя из исключения необходимости их личной явки в орган, оказывающий услугу.

Как справедливо отмечает А.Ю. Соколов, «несовершенство и пробелы законодательства в сфере стандартизации публичных услуг опосредует разрозненную практическую деятельность государственных органов по предоставлению государственных услуг» [4, с. 31].

Ключевыми задачами внедрения стандартов публичных услуг в органах государственного управления являются повышение качества предоставления услуг и их доступности для граждан и организаций; ориентация деятельности органов на интересы заявителей; повышение качества и эффективности административно–управленческих процессов; повышение открытости деятельности органов государственного управления и самоуправления, их подконтрольность; уменьшение возможностей для административного усмотрения лиц, принимающих решение; снижение коррупционных издержек при взаимодействии граждан и организаций с должностными лицами; обеспечение общественного контроля за осуществлением органами государственного управления закрепленных за ними функций.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать предложения по совершенствованию теоретико–прикладных основ, направленных на стандартизацию публичных услуг.

Во-первых, стандарт публичной услуги должен обеспечивать минимизацию расходов времени и иных ресурсов получателя услуг; предусматривать возможность обращения с запросом в орган, оказывающий публичную услугу, в письменном виде или с использованием информационно–коммуникационных технологий; обеспечивать минимизацию действий и количества документов, требующихся от получателя услуг; закреплять количественные измеряемые параметры требований к качеству и доступности услуги; учитывать мнение и интересы получателей услуги.

Во-вторых, внедрение административных стандартов публичных услуг позволит:

- а) установить персональную ответственность лиц, принимающих решения и устранить анонимность административных процессов и решений;
- б) обеспечить качество и доступность публичных услуг;
- в) реализовать унифицированные требования взаимодействия государственных органов с гражданами и организациями;
- г) организовать финансирование публичных услуг;
- д) реализовать максимальную прозрачность деятельности государственных служащих и исполнительскую дисциплину.

Список использованной литературы

1. Душакова, Л.А. Некоторые аспекты конструкции государственных услуг/ Л.А. Душакова // Право и практика – 2012 – №2 – С. 78–83.
2. О государственных минимальных социальных стандартах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 11 нояб. 1999г., № 322–З : с изм. и допол. от 31 декабря 2009 г. № 114-3 // ЭТАЛОН / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 мая 2003 г., № 724 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Соколов, А.Ю. Стандартизация государственных услуг / А.Ю. Соколов, А.Р. Исаков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1 (102). – С. 31–35.

УДК 342.9

А. К. Кукеёв

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В данной статье раскрывается проблематика административной ответственности, которая позволяет прогнозировать пути развития национального законодательства в этой сфере, разделить на три группы: 1) концептуальные проблемы; 2) теоретические проблемы, 3) проблемы правового регулирования. Решение концептуальных проблем позволяет в категорической форме делать прогнозы развития национального законодательства. Решение теоретических проблем позволяет прогнозировать общие тенденции развития административно-деликтного права. Решение же проблем правового регулирования позволяет прогнозировать тенденции развития отдельных институтов административно-деликтного права и отдельных статей КоАП.

Основными причинами внесения изменений в структуру Кодекса Республики Казахстан об административные правонарушения (КоАПРК) [1] есть следующие факторы: а) совершенствование терминологии административного и административно-деликтного права; б) возникновение новых правонарушений, которые, во-первых, посягали на общественные отношения, нуждавшиеся в защите мерами административной ответственности, а во-вторых, не были учтены в структуре особой части Кодекса Республики Казахстан об административные правонарушения, которая была предложенная еще в советские времена; в) расширение перечня административных взысканий, предусмотренных в ст. 24 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях.

Так, большинство научных прогнозов развития законодательства об административной ответственности не сбылись. Более того, общие принципы привлечения лица к административной ответственности с советских времен остались без изменений, а проблемы, которые существовали в сфере административной ответственности в начале 1990-х гг., и сегодня остаются нерешенными [2]. Это, в частности, такие трудности: разветвленная система субъектов, имеющих право налагать административные взыскание; оторванная от потребностей общества система административных взысканий; юридические лица так и не были признаны в положениях Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях субъектами административной ответственности и тому подобное.

В настоящее время проблематика административной ответственности, дает возможность прогнозировать пути развития национального законодательства в этой сфере, можно поделить на три группы: а) концептуальные проблемы; б) теоретические проблемы; в) проблемы правового регулирования.

Решение концептуальных проблем позволяет в категорической форме делать прогнозы развития национального законодательства (например, быть или не быть административной ответственности в национальном праве).

Решение теоретических проблем дает возможность прогнозировать общие тенденции развития административно-деликтного права (например, конкретизация общественных отношений, которые регулирует административно-деликтное право).

Решение же проблем правового регулирования позволяет прогнозировать тенденции развития отдельных институтов административно-деликтного права (например, института административных взысканий) и отдельных статей Кодекса Республики Казахстан

об административных правонарушениях. Например, полное удаление административной ответственности из сферы административно-правового регулирования вообще лишает представителей науки административного права надобности делать любые прогнозы относительно развития законодательства об административной ответственности. И наоборот, признание необходимости существования административной ответственности среди других видов юридической ответственности и среди институтов административного права порождает ряд теоретических вопросов, без решения которых этот вид юридической ответственности останется неэффективным – а административно-деликтное право – лишним в системе национального права (например, определение места административно-деликтного права в системе административного права, предмета, метода административно-деликтного правового регулирования, его целей, задач, функций и т. д.).

Поэтому теоретические проблемы административной ответственности – это вопрос, который требует своего решения прежде всего на теоретическом уровне и лишь потом на законодательном и правоприменительном уровнях. Это обусловлено тем, что теоретические проблемы административной ответственности представляют собой совокупность сложных вопросов, результат решения которых, во-первых, противоречит имеющимся знаниям в праве или административном праве (например, проблема признания юридических лиц субъектами административной ответственности); во-вторых, не подтверждается фактами из практики (например, проблема соотношения мер административного принуждения, мер административной ответственности и административных взысканий); в-третьих, требует обоснования с использованием научной методологии (например, проблема определения функций административно-деликтного права) [3].

Проблемы правового регулирования административной ответственности - это вопросы, требующие своего решения прежде всего на законодательном и правоприменительном уровнях, в то время как юридическая наука помогает сформулировать нормы национального законодательства так, чтобы они, во-первых, не противоречили принципам национального права и основам административного права; во-вторых, учитывали требования к терминологии административного и административно-деликтного права; в-третьих, отвечали требованиям законодательной техники.

Это обусловлено тем, что проблемы правового регулирования административной ответственности вызваны следующими факторами: а) недостатками в деятельности субъектов законодательной деятельности (например, проблема наличия в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях так называемых мертвых норм); б) неспособностью реализовать нормы административно-деликтного права субъектами административно-юрисдикционной деятельности (например, проблема несовершенства процедуры привлечения лица к административной ответственности); в) рефлексивной (бессистемной, непоследовательной, научно необоснованной) реакцией государства на отдельные вызовы в обществе (например, проблема развития эффективной системы субъектов административно-юрисдикционной деятельности).

Определено, что административно-деликтное право является правоохранительным институтом административного права, который регулирует возникающие отношения в связи с установлением оснований и мер административной ответственности, а также процессуальным порядком привлечения лица к административной ответственности. Существование этого института в системе административного права помогает административному праву реализовать одну из важных его функций – охранную.

Производство дел об административных правонарушениях регулируется административно-процессуальными нормами, которые выполняют следующие функции:

а) закрепляют стадии разбирательства и регулирование момента, с которого оно начинается, и момента, каким оно заканчивается;

б) определяют полномочия органов административно-юрисдикционной деятельности, а также права и обязанности других участников производства;

в) закрепляют гарантии реализации этих полномочий, прав и обязанностей в рамках административного производства;

г) наделяют субъектов и участников производства особым процессуальным статусом на каждой его стадии;

д) устанавливают непоколебимые требования к соблюдению процессуальных сроков и требования к оформлению и содержанию документов, которые составляются в рамках административного производства.

Таким образом, целью административно-деликтного права является охрана общественных отношений от посягательств, которые подпадают под признаки административных правонарушений. Основными задачами административно- деликтного права являются следующие виды деятельности:

а) защита физических и юридических лиц от административных правонарушений и их негативных последствий;

б) обеспечение законности и правопорядка в обществе;

в) воспитание граждан в духе соблюдения требований национального законодательства и уважения прав и свобод других лиц;

г) обеспечение неотвратимости мер административной ответственности для правонарушителей;

д) обеспечение принятие обоснованного и законного решения по делам о административные правонарушения как для потерпевших лиц, так и для лиц, которые привлекаются к административной ответственности;

е) обеспечение условий для выполнения постановлений о наложении административных взысканий.

Так, административно-деликтное право в будущем должно реализовывать учредительную, воспитательную, ограничительную, профилактическую, правозащитную и штрафную функции. В тоже время административно-деликтное право, которое в первые десятилетия существования широко использовало достижения уголовного права, должно иметь четкие ориентиры своего развития, не связаны с ориентирами развития уголовного права.

Наиболее распространенными прогностическими представлениями о системе субъектов административно-юрисдикционной деятельности есть следующие положения:

1) передать все административно-юрисдикционные полномочия судам;

2) исключить из системы юрисдикционных органов административные комиссии и ограничить юрисдикционные полномочия органов местного самоуправления;

3) оставить разветвленную систему органов и должностных лиц, имеющих право налагать административные взыскания, однако с определением основного юрисдикционного органа, который должен рассматривать подавляющее количество дел об административных правонарушениях [4].

Мы поддерживаем третий прогностический подход, в связи с чем это доказывает, что реформирование системы органов административно-юрисдикционной деятельности требует переходного периода. В идеальном виде основным органом системы субъектов административно-юрисдикционной деятельности должен быть суд, однако в переходный период таким субъектом должен стать специальный орган исполнительной власти административно-деликтной юрисдикции. Доказано, что правовое регулирование административной ответственности должно двигаться в сторону распространения использования упрощенных производств по делам о административные правонарушения.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК: в ред. от 12.09.2023 //Консультант Плюс. Информационная система. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>. – Дата доступа: 04.10.2023.

2. Административная ответственность в Республике Казахстан: конституционно-правовые проблемы: учебник / под ред. Б.А. Жетписбаева; авт. кол.: Б.А. Жетписбаев, Г.Т. Байсалова, А.И. Карипова, Е.Ш. Рахметов, Б.Ж. Сапаров. – Астана: NURPRESS, 2012. – 352 с.

3. Джакишев, С. Административная ответственность: актуальные вопросы правоприменительной практики / С. Джакишев // Юридическая газета. – 2007. - 13 июня. - С. 2.

4. Едилова, Б. Административная ответственность за нарушение общественного порядка и нравственности / Б. Едилова // Де-Юре. – 2016.- № 11.- С. 22–23.

УДК 342.4(476)

А. И. Курак

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

КОНСТИТУЦИЯ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассматриваются основные положения Конституции, закрепляющие характер белорусской модели экономического строя. Отмечается, что он носит ярко выраженную социальную направленность, что присуще Республике Беларусь, как социальному государству. Излагаются позиции отдельных отечественных и российских ученых по обозначенной проблематике. Предлагаются для включения в Конституцию (при возможной в дальнейшем ее корректировке) некоторые дополнения, которые по мнению автора, способствовали бы дальнейшему экономическому развитию нашего государства и на этой основе повышению жизненного уровня граждан и их социальной защищенности

Ведя речь о социально ориентированной экономике, следует отметить, что функционирование данной ее модели возможно лишь в условиях социального государства, разработчиками теории которого считаются немецкие ученые XIX в. Л. Фон Штейн, Ф. Науманн и А. Вагнер [1, с. 35]. При этом нельзя не согласиться с тем, что наиболее полная реализация идей социального государства присуща лишь странам с высокоразвитой экономикой. В противном случае провозглашенные государством меры социальной защищенности, пусть даже прописанные на уровне Конституции, окажутся не выполнимыми. Как справедливо отмечает В. Н. Годунов «достижение целей социального государства возможно лишь на прочном экономическом фундаменте» [2, с. 17]. Иными словами, успешное функционирование современного социального государства возможно лишь на основе высокоразвитой социально ориентированной инновационной экономики, уровень которой обуславливает объем прав социальной направленности и уровень их обеспеченности.

Как известно, одной из конституционных характеристик Республики Беларусь является провозглашение ее социальным государством. Однако данное положение не следует воспринимать лишь как констатацию того, что уже есть в жизни, т.е., что уже достигнуто за прошедший период времени. Дело в том, что Конституция – это не только юридический акт, имеющий высшую юридическую силу. Некоторые ее нормы одновременно имеют и программный характер, т.е. направлены на достижение перспективных или даже конечных целей, стоящих перед обществом и государством. Как верно отмечает известный белорусский ученый, член-корреспондент НАН Беларуси Г.А. Василевич, «Конституция (ее нормы), с одной стороны, фиксирует новые явления общественной жизни, которые уже проявились и восприняты теми политическими силами, которые выступали за принятие данной Конституции. С другой стороны, Конституция сама создает предпосылки дальнейшего развития государственных и общественных отношений, используя для этого политическую и юридическую основу» [3, с. 35–36]. Таким образом,

программные начала Конституции являются для общества и государства своего рода практическим руководством для дальнейших их действий. Как указывает еще один известный отечественный ученый А.Г. Тиковенко, Конституция как «...основополагающий политико-правовой акт общества и государства ... выступает в качестве ориентира, образца будущей государственной, социальной жизни» [4, с. 20].

Положение ст.1 Конституции Республики Беларусь о социальном характере нашего государства, нашло соответствующее развитие в ст. 21, согласно которой Республика Беларусь характеризуется как государство, политика которого направлена на обеспечение каждому достойного уровня жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий.

Государство берёт на себя решение многих социальных задач. Оно стремится создать такие условия, чтобы гражданин мог, прежде всего, сам обеспечить себе и своей семье свободное и достойное существование. «И в этой связи, – как справедливо отмечает В.Д. Ипатов – «большое значение придается реализации конституционного принципа, закреплённого в статье 41 Конституции Республики Беларусь, о праве каждого гражданина на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, а также на здоровые и безопасные условия труда» [5, с. 4]. Основным актом, развивающим данную конституционную норму и закрепляющий механизм реализации права на труд является, как известно, Трудовой кодекс Республики Беларусь. Важное значение в обеспечении права на труд придается проводимой в республике политике занятости населения. Согласно ч.2 ст.41 Конституции «... В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице в соответствии с законом». Решению данных задач в значительной мере способствует принятый закон «О занятости населения Республики Беларусь». В контексте сказанного, важным представляется обратиться к положению ст. 42 Конституции о том, что «лицам, работающим по найму, гарантируется справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда..., но не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование». На наш взгляд, вместо положения данной статьи об установлении вознаграждения лицам, работающим по найму, не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование, было бы целесообразным указать, что таким лицам «устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда», как это прописано, например, в Конституции России (ч. 2, ст. 7). Конституции Казахстана (п. 2, ст. 28), поскольку второй вариант более конкретен, чем понятие «свободное и достойное существование».

В качестве важной задачи, стоящей перед социальным государством, является реализация конституционных положений об оказании необходимой адресной финансовой и иной материальной поддержки инвалидам, пенсионерам, студентам, многодетным семьям и иным слоям населения, которые в силу объективных причин в этом нуждаются (ст.47). В то же время, некоторые ученые предостерегают от чрезмерно широкого спектра предоставления социальных услуг. В частности, известный российский ученый-конституционалист И.А. Алебастрова отмечает, что «необоснованное (и даже лишь представляющееся таковым значительной части населения) расширение социальной функции государства может способствовать экономическому спаду, росту социальной напряженности или апатии и усилению власти государственного механизма» [6, с. 3]. В аналогичном плане высказываются и некоторые отечественные ученые. В частности, А.Н. Данилов и М.А. Щеткина отмечают, что «когда доминирующим остается сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, можно только констатировать нарастание опасных условий для жизнедеятельности людей» [7, с. 5]. На наш взгляд, с подобными позициями следует согласиться.

Ведя речь о предназначении социального государства, не следует отождествлять его с государством социалистическим периода СССР. Существовавшее в нашей стране социалистическое государство было т.н. патерналистским государством, которое брало

на себя все заботы обо всех гражданах, что обуславливалось, прежде всего, существовавшей лишь одной экономической формы собственности – государственной. С распадом же СССР, в условиях произошедших коренных изменений в характере общественного и государственного устройства, появлением частной формы собственности, когда соответствующая часть экономики стала негосударственным сектором, государство в некоторой степени было вынуждено отказаться от патернализма как своей генеральной в прошлом линии. Иными словами, политика такого государства не допускает уравниловки и сдерживания получаемых гражданами доходов, исключает возможность абсолютно равного распределения доходов и богатства общества, т.е. оно не является постоянным опекуном граждан. Тем не менее, реальное социальное государство не может не думать о создании новых достойно оплачиваемых рабочих местах, востребованных цифровой экономикой, о том, что бы не было безработицы.

Во исполнение конституционных положений в республике принято и действует довольно значительное количество актов, направленных на наиболее полное удовлетворение жизненно важных потребностей людей, улучшения условий и качества их жизни. Среди актов подобной направленности можно выделить Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025гг. Составной частью прогнозирования и планирования являются государственные целевые программы по важнейшим социально-экономическим проблемам, которым в Республике Беларусь придается важное значение, и которых в настоящее время разработано и реализуются более двух десятков.

Достоинством Конституции Республики Беларусь является наличие в ней норм, непосредственно закрепляющих социальную ориентацию экономики. В данном случае речь идет, прежде всего, о чч. 4 и 7 ст. 13, в соответствии с которыми «государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях... Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни».

С прикладной точки зрения социально ориентированная рыночная экономика – это высокоэффективная открытая экономика с развитым предпринимательством и рыночной инфраструктурой, действенным государственным регулированием доходов, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании производства, а наемных работников - в высокопроизводительном труде. Она гарантирует высокой уровень благосостояния добросовестно работающим членам общества, достойное социальное обеспечение – нетрудоспособным, эффективную охрану жизни, здоровья, прав и свобод граждан.

Следует отметить, что Конституция Республики Беларусь, в отличие от Основного Закона БССР 1978 г., прямо не закрепляет тип экономической системы нашего государства. И такой подход в общем то характерен и для других современных государств. Как отмечает известный российский ученый М. В. Баглай «государственное регулирование экономической деятельности в правовом государстве, в отличие от тоталитарного, не учреждает экономический строй общества, а только охраняет его главные устои, основанные на правах и свободах» [8, с. 345–346]. В то же время следует заметить, что вопрос государственного регулирования экономики все еще остается в определённой мере дискуссионным и в настоящее время. Иногда можно услышать мнение, что в условиях рыночной экономики государство не должно вмешиваться в эту сферу. Но, как показывает мировой опыт, чисто рыночной, нерегулируемой экономики не существует ни в одной стране. При всей своей позитивной роли рынок не в состоянии обеспечить эффективное решение ряда стратегических задач развития экономики, устранение социальных проблем и противоречий. Нерегулируемому рынку присущи стихийность, обострение

социального неравенства, рост безработицы и ухудшение социального положения малообеспеченных слоев населения. Однако при этом важно соблюсти паритет между рыночной экономикой и регулирующим воздействием в отношении ее со стороны государства. При этом следует заметить, что в действующей Конституции Республики Беларусь сам термин «рыночная экономика» непосредственно не упоминается. Однако содержащиеся в ст. 13 Конституции положения, прописанные в виде норм-принципов, экономической деятельности не оставляют сомнений в том, что государство осуществляет курс на поступательное развитие именно рыночной экономики с ее социальной направленностью.

При этом обратим внимание на тот факт, что вышеуказанная статья Конституции расположена в главе, посвященной основам конституционного строя, что подчеркивает особую значимость закрепленных в ней принципов в сфере экономической деятельности. При этом отметим, что было бы правильным, на наш взгляд, позаимствовать опыт России, в Конституции которой закреплены и такие, отсутствующие в ст. 13 Конституции Беларуси принципы, как: свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (п. 1, ст. 8), запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (п. 2, ст. 34). Аналогичные положения содержатся и в Конституции Казахстана (п. 4, ст. 26). Наличие данных принципов положительно сказывалось бы на развитии социально-ориентированной рыночной экономики Беларуси. Однако, как нам представляется, основы отечественной экономической системы в большей степени проявляются через соответствующие права и свободы человека и гражданина, закрепленные в 32,37,39,41,42,44 статьях Конституции.

Иногда в литературе нормы, закрепляющие экономические права и свободы человека и гражданина, называют ядром конституционного регулирования экономических отношений, поскольку они во многом определяют смысл и содержание текущего законодательства в данной сфере жизнедеятельности общества и государства. На наш взгляд, данная позиция вполне справедлива. При этом важно отметить, что Конституция не ограничивается простым декларированием прав и свобод. Ее ст. 2 предусматривает, что не только признание прав и свобод человека, но и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства.

В тоже время, наряду с правами, Конституция устанавливает и некоторые обязанности, касающиеся сферы экономических отношений. В частности, в соответствии с ее ст. 56, граждане обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей.

Особое влияние на развитие рыночных отношений, а в конечном итоге и на уровень социально-экономического развития государства в целом оказывает частная собственность, которой в Конституции уделено значительное место. Как справедливо отмечает Г. А. Василевич «основой развития государства как демократического, социального, правового является существование и развитие не только государственной, но и частной формы собственности. Только в соревновании (конкуренции) субъектов хозяйствования, принадлежащих к различным формам собственности, можно создать эффективную экономику» [9, с. 80]. Вместе с тем, как нам представляется, стратегически важные предприятия, во всяком случае в течение ближайшего времени, все же должны оставаться в государственной собственности.

Наше государство сделало выбор в пользу эволюционного развития и отказалась от обвальная приватизации. Сложившаяся белорусская модель социально-экономического развития сочетает преимущества рыночного хозяйства с эффективной социальной защитой. Она содержит в себе элементы преемственности в использовании государственных институтов во всех сферах, где они проявили свою эффективность, что не позволило сложиться в Беларуси олигархическим структурам, не привело к массовой безработице и обнищанию людей.

В завершение полагаем возможным выдвинуть идею о дополнении ч.2, ст. 8 Конституции положением о том, что участие Республики Беларусь в межгосударственных объединениях осуществляется на принципах сохранения государственного суверенитета и в интересах повышения жизненного уровня граждан и их социальной защищенности.

Список использованной литературы

1. Демичев, Д.М. Социальное государство и социальная политика / Д.М. Демичев // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ.конф., Минск, 3-4 окт.2019г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Г.А. Василевич (отв.ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 556 с.
2. Годунов, В. Н. Социальное государство : социальные цели и механизм их достижения / В. Н. Годунов // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ.конф., Минск, 3-4 окт.2019г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Г.А. Василевич (отв.ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – 556 с.
3. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. - Минск: Вышэйшая школа, 2016. - 399 с.
4. Тиковенко, А.Г. Принципы Конституции Республики Беларусь / А.Г. Тиковенко // Конституция Республики Беларусь - основа преобразований государства и общества (к 10-летию Основного Закона): Материалы респ. науч. конф., Минск, 3 марта 2004г. / Редкол. : Г.А. Василевич (отв. ред.) и др. - Минск, Бел. гос. ун-т., 2004. – 235 с.
5. Ипатов, В. Д. Правовые аспекты развития социального государства / В. Д. Ипатов // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ.конф., Минск, 3-4 окт.2019г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Г.А. Василевич (отв.ред.) [и др.]. - Минск: БГУ, 2019. – 556 с.
6. Алебастрова, И. А. Социальное государство: белые надежды голого короля или платье для золушки ? / И.А. Алебастрова // Конституционное и муниципальное право. - М., 2008. - № 20. – С. 2–11.
7. Данилов, А. Н. Реализация целей устойчивого развития Беларуси : повестка дня до 2030 года / А. Н. Данилов, М. А. Щеткина // Журнал белорусского государственного университета. - 2019. - Серия 1. – С. 4–11.
8. Габричидзе, Б. Н. Конституционное право России: учеб. для вузов / Б. Н. Габричидзе, А. Г. Чернявский. - М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2005. – 1124 с.
9. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. - 2-е изд. - Минск : «Право и экономика», 2001. – 486 с.

УДК 342.8(476)

Л. Е. Можяева

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

НОВАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются правовые основы организации и проведения выборов в Республике Беларусь, в том числе последние изменения избирательного законодательства, а также особенности проведения выборов в единый день голосования. Особое внимание автор уделяет новшествам электоральной кампании-2024 и перспективам применения электронного голосования в Республике Беларусь.

В настоящее время правовую основу организации и проведения выборов в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 года, который подготовлен с учетом об-

щепризнанных принципов и норм международного права в области организации избирательного процесса и практики правового регулирования проведения выборов в других государствах, иные акты законодательства Республики Беларусь (например, Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании», Закон Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества»), постановления Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (например, об образовании избирательных округов по выборам депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь).

С 1994 года по 2023 год в Республике Беларусь было проведено 20 электоральных кампаний. Электоральная кампания-2024 станет крупнейшей за всю историю независимой Беларуси. Первые выборы депутатов пройдут в единый день голосования (последнее воскресенье февраля). 25 февраля 2024 года будут избраны депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и депутаты местных Советов депутатов. Практика проведения нескольких выборов в один день используется во многих государствах (Швеция, Канада, Мексика, США, Российская Федерация и др.).

Проведение выборов депутатов различных уровней в один день позволит значительно сэкономить бюджетные средства (примерно в два раза сократится использование бюджетных средств на проведение электоральных кампаний), позволит избежать излишних организационных и прочих расходов (количество образуемых избирательных комиссий будет сокращено более чем на 350), повысит интерес со стороны избирателей к местным выборам, сократит избирательный цикл и внесет определенную избирательную стабильность.

4 апреля 2024 года будут проведены выборы членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. До 18 апреля 2024 года будут избраны делегаты Всебелорусского народного собрания.

Официальный старт электоральных кампаний был дан подписанием Президентом Республики Беларусь 20 ноября 2023 года Указов №367 «О назначении выборов депутатов» и №368 «О назначении выборов в Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь».

Таким образом, фактически в течение двух месяцев будут сформированы органы представительной власти на ближайшие пять лет. Следующая электоральная кампания в Республике Беларусь пройдет летом 2025 года – выборы Президента Республики Беларусь. Далее до 2029 года не ожидается проведения очередных выборов различного уровня, что внесет определенную избирательную стабильность в белорусское общество.

Основные принципы избирательной системы Республики Беларусь остаются неизменными уже долгое время. В соответствии со статьей 38 Конституции Республики Беларусь граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании.

Право избирать имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет. Ограничены в данном праве граждане, признанные судом недееспособными, и лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. Новшеством электоральной кампании-2024 является участие в голосовании лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Ранее данная категория граждан была ограничена с данным праве.

Конституцией Республики Беларусь и на ее основе законодательством могут быть установлены избирательные цензы, то есть условия для получения или осуществления избирательного права. В частности, возрастной ценз (депутатом Палаты представителей может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года, членом Совета Республики может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 30 лет), ценз оседлости (членом Совета Республики может быть гражданин Республики Беларусь, проживший на территории соответствующей области, города Минска не менее пяти лет), служебный ценз (депутат Палаты представителей не может быть членом Правительства, депутатом местного Совета депутатов, судьей).

Выборы являются свободными, то есть избиратель лично решает, участвовать ли ему в выборах и за кого голосовать на выборах.

Избиратели участвуют в выборах на равных основаниях: каждый избиратель имеет один голос. Кандидаты, избираемые на государственные должности, также участвуют в выборах на равных основаниях.

В единый день голосования при избрании депутатов будет реализовано прямое избирательное право. Косвенные выборы сохраняются в избирательной системе Республики Беларусь: члены Совета Республики избираются на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и депутатов Минского городского Совета депутатов.

Голосование на выборах является тайным. С целью реализации данного принципа в законодательстве закреплён ряд положений:

- в ходе голосования запрещён контроль за волеизъявлением избирателей;
- бюллетень заполняется голосующим в кабине или комнате для тайного голосования;

- при заполнении бюллетеня запрещается присутствие кого бы то ни было в кабине или комнате для тайного голосования, кроме голосующего. Однако избиратель вправе пригласить в кабину или комнату для тайного голосования другое лицо по своему усмотрению. Таким правом обладает избиратель, не имеющий возможности самостоятельно заполнить бюллетень. При этом, подтверждать данный факт документально не требуется. Однако в кабину или комнату для тайного голосования для оказания помощи избирателю не могут быть приглашены члены участковой и вышестоящих комиссий, кандидаты в депутаты, их доверенные лица, наблюдатели, представители СМИ, депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики, депутаты местных Советов депутатов;

- запрет на осуществление фото- и видеосъёмки заполненного бюллетеня.

В единый день голосования в Минске избиратель получит два бюллетеня: по выборам депутатов в Палату представителей и по выборам депутатов Минского городского Совета депутатов, в Гомеле – три. Наибольшее количество бюллетеней получит избиратель в сельской местности – четыре (по выборам депутатов Палаты представителей, областного Совета, районного Совета и своего поселкового сельского Совета).

В связи с проведением выборов депутатов всех уровней в единый день голосования исключён порог явки при выборах депутатов Палаты представителей (для выборов в местные Советы депутатов порог явки избирателей по округу отменён в 2010 году).

Отметим, что порог явки отсутствует во многих странах (Германия, Великобритания, Канада, Испания, США и др.). Некоторые государства обеспечивают высокий уровень явки избирателей путем установления ответственности за неучастие в выборах без уважительных причин (Турция, Греция, Аргентина, Бельгия, Австралия, Бразилия, Люксембург, Швейцария и др.). Чаще всего данные санкции предусматривают штрафы, реже – тюремное заключение (Греция, Египет, Турция). В целом, в мире прослеживается тенденция ужесточения ответственности за неучастие в выборах.

В Республике Беларусь прогнозировать снижение избирательной активности в связи с отменой порога явки нет оснований, поскольку две последние избирательные кампании в местные Советы депутатов уже проводились в подобных условиях и явка на них в среднем по республике составила около 77 %.

В Избирательном кодексе Республики Беларусь изменился и порядок выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов депутатов путем сбора подписей избирателей. Теперь лицо, предлагаемое для выдвижения кандидатом в депутаты местного Совета депутатов, должны поддержать не менее 1% избирателей, проживающих на территории данного избирательного округа, но не менее 10 избирателей (ранее – от 20 до 150 подписей в зависимости от уровня местного Совета депутатов). Такой подход, безусловно, гарантирует равные условия для выдвижения кандидатов в населённых пунктах, существенно отличающихся численностью населения.

Организационно проведение выборов в Республике Беларусь обеспечивают комиссии.

Отметим, что изменился порядок формирования Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь и ее компетенция. В частности, 12 членов Центральной избирательной комиссии избираются Всебелорусским народным собранием по предложению Президента Республики Беларусь, предварительно согласованному с Президиумом Всебелорусского народного собрания, а председатель – Всебелорусским народным собранием по предложению Президента Республики Беларусь, предварительно согласованному с Президиумом Всебелорусского народного собрания, из числа членов Центральной избирательной комиссии.

Состав территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий не претерпел существенных изменений, как и порядок их формирования.

Начиная с электоральной кампании-2024 избирательные участки за рубежом не будут образовываться. При этом граждане Республики Беларусь, которые временно находятся за границей, смогут проголосовать по месту регистрации в Беларуси, а постоянно проживающие за рубежом с паспортом серии РР – на участке для голосования по месту временной регистрации либо месту последнего проживания в Республике Беларусь.

В Избирательном кодексе Республики Беларусь (раздел V¹) и Законе Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. «О Всебелорусском народном собрании» был закреплён и порядок избрания делегатов Всебелорусского народного собрания от местных Советов депутатов и гражданского общества. Предельная численность делегатов Всебелорусского народного собрания от местных Советов депутатов составляет 350 человек. Делегатами Всебелорусского народного собрания от местных Советов депутатов являются:

- представители местных Советов депутатов от каждой области. Нормы представительства от местных Советов депутатов определяются Центральной избирательной комиссией пропорционально численности избирателей, проживающих на территории соответствующей области. Указанное решение принимается не позднее чем через 10 дней после единого дня голосования (ст. 96² Избирательного кодекса Республики Беларусь);
- депутаты Минского городского Совета депутатов.

Делегатами Всебелорусского народного собрания от гражданского общества являются представители субъектов гражданского общества, участвующих в выборах делегатов Всебелорусского народного собрания. Предельная численность делегатов Всебелорусского народного собрания от гражданского общества составляет 400 человек. От каждого субъекта гражданского общества, участвующего в выборах делегатов Всебелорусского народного собрания, избирается равное количество делегатов, определяемое Центральной избирательной комиссией. При этом обеспечивается представительство от каждой области и города Минска.

Делегаты Всебелорусского народного собрания от гражданского общества избираются высшими органами субъектов гражданского общества из числа членов этих субъектов (членов организаций, входящих в состав субъекта гражданского общества). Порядок выдвижения и избрания делегатов Всебелорусского народного собрания от гражданского общества определяется уставами субъектов гражданского общества с учетом требований законодательства.

Правом избрания делегатов обладают те субъекты гражданского общества, которые имеют областные, Минскую городскую организационные структуры и являются республиканскими общественными объединениями численность совершеннолетних членов которых составляет не менее 100 000 граждан (для общественных объединений) либо объединяют не менее половины зарегистрированных в Республике Беларусь профессиональных союзов (для профессиональных союзов). Таким образом, в составе Всебелорусского народного собрания обеспечено представление интересов самых многочисленных объединений граждан.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-3 «Об основах гражданского общества» Министерством юстиции Республики Беларусь

принято решение об отнесении к субъектам гражданского общества, имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах, следующих общественных объединений и объединения профсоюзов:

- Республиканское общественное объединение «Белая Русь»;
- Белорусское общественное объединение ветеранов;
- Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи»;
- Общественное объединение «Белорусский союз женщин»;
- Федерация профсоюзов Беларуси.

Также в Избирательном кодексе Республики Беларусь были уточнены нормы об избирательном праве, касающиеся увеличения минимального возраста, по достижении которого гражданин может быть избран Президентом (не моложе 40 лет), закрепления ограничения на возможность избираться Президентом более чем на два срока, закрепления запрета на выдвижение кандидатами в депутаты граждан, имеющих гражданство (подданство) другого государства и (или) документы иностранных государств, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью. Изменились и часы проведения досрочного голосования. Теперь оно будет проводиться с 12 до 19 часов без перерывов со вторника по субботу.

Что касается тенденций развития избирательного законодательства, то в Беларуси в настоящее время работают над концепцией развития цифровизации избирательной системы. Прежде всего, рассматривается вопрос возможного применения электронного голосования для некоторых категорий граждан. Однако к введению данного механизма в реализации избирательных прав граждан необходимо подходить очень взвешенно, поскольку ряд стран, апробировавших данную систему (к примеру, Германия, Нидерланды), в последние годы отказываются от ее использования.

УДК 342.95

А. І. Усава

(Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Гомель)

НЕКАТОРЫЯ ПЫТАННІ РАЗГЛЯДУ І АБСКАРДЖАННЯ ПАСТАНОВЫ ПА СПРАВЕ АБ АДМІНІСТРАЦЫЙНЫМ ДАРОЖНА-ТРАНСПАРТНЫМ ПРАВАПАРУШЭННІ

У артыкуле закрануты пытанні, звязаныя з парадкам разгляду адміністрацыйных правапарушэнняў супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту, а таксама выяўлены асаблівасці стадыі абскарджання (апрадэставання) пастаноў па справе. Аўтар прапануе шляхі ўдасканалення прававога рэгулявання абазначаных стадыі адміністрацыйнага працэсу.

Дарожна-транспартныя адміністрацыйныя правапарушэнні прадстаўляюць самастойную групу дэліктаў, прадугледжаных главой 18 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях (далей - КаАП). Прыцягненне такіх дэлінквентаў да адміністрацыйнай адказнасці мае свае асаблівасці.

Значнае месца ва ўстанаўленні ўсіх абставін па справе, а таксама вінаватасці або невінаватасці асобы займае стадыя разгляду справы. Пры гэтым перагляд пастановы дае магчымасць улічыць нязгоду зацікаўленых суб'ектаў з вынесеным раней рашэннем. На гэтых двух стадыях спынімся больш падрабязна.

Разгляд справы аб адміністрацыйных правапарушэннях з'яўляецца асноўнай стадыяй адміністрацыйнага працэсу, паколькі толькі тут канчаткова вырашаецца пытанне аб наяўнасці або адсутнасці адміністрацыйнага правапарушэння, аб вінаватасці або невінаватасці канкрэтнай асобы ў здзяйсненні правапарушэння, вызначаецца мера адміністрацыйнай адказнасці і выносіцца пастанова аб яе прымяненні.

Паколькі правапарушэнні супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту не прыводзяць да адміністрацыйнага арышту або дэпартацыі, то тэрмін іх разгляду роўны пятнаццаці дням.

Згодна з Працэсуальна-выканаўчым кодэксам Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях (далей ПВКаАП) справы аб адміністрацыйных правапарушэннях супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту разглядаюць некалькі відаў органаў: суд, адміністрацыйныя камісіі, органы ўнутраных спраў, органы чыгуначнага транспарту, падатковыя органы, мытныя органы, органы Міністэрства транспарту і камунікацый Рэспублікі Беларусь, органы памежнай службы Рэспублікі Беларусь, органы Камітэта дзяржаўнага кантролю Рэспублікі Беларусь. Большасць складаў гэтых правапарушэнняў аднесена да падведнасці органаў унутраных спраў, судоў і адміністрацыйных камісій.

Варта адзначыць, што нярэдка пры выяўленні аднаго адміністрацыйнага правапарушэння можна выявіць іх сукупнасць. Нярэдка вадзіцелі, якія ажыццяўляюць кіраванне транспартным сродкам у стане ап'янення, таксама не выконваюць устаноўленую скорасць руху, і пры гэтым не выконваюць правілы перавозкі пасажыраў. Працэсуальна-выканаўчы кодэкс Рэспублікі Беларусь для павышэння эфектыўнай дзейнасці дапускае магчымасць злучэння некалькіх спраў аб адміністрацыйных правапарушэннях.

Згодна з ПВКаАП Рэспублікі Беларусь фізічная асоба, у адносінах да якой вядзецца адміністрацыйны працэс, мае права мець абаронцу з пачатку адміністрацыйнага працэсу. Ажыццяўляючы гэта права, асобай адначасова рэалізуецца і права на абарону сваіх інтарэсаў, парушэнне якой, з'яўляецца адной з падстаў для адмены вынесенай у дачыненні да фізічнай асобы пастанова аб накладанні адміністрацыйнага спагнання.

Важна адзначыць, што нормы, якія датычацца права асобы на абарону ў адміністрацыйным працэсе, могуць дзейнічаць толькі ў тым выпадку, калі адпаведныя службовыя асобы належным чынам выконваюць ускладзеныя на іх працэсуальныя абавязкі ў забеспячэнні іх ажыццяўлення. Аднак, у рамках парушэнняў у галіне дарожнага руху адзначаюцца парушэнні з боку службовых асоб, звязаныя з рэалізацыяй гэтага права. У прыватнасці, гэта датычыцца механізма атрымання юрыдычнай дапамогі ўдзельнікамі дарожна-транспартнага здарэння (далей ДТЗ).

Адміністрацыйны працэс пачынаецца з вытворчасці працэсуальных дзеянняў праварачнага характару - апытання ўдзельнікаў, агляду месца здарэння, агляду пашкоджаных транспартных сродкаў, фіксацыі прычынёных ім пашкоджанняў і занясенні ўсіх дадзеных у пратаколы працэсуальных дзеянняў. Сустрэкаюцца выпадкі, калі ўдзельнікам ДТЗ інспектары дарожна-патрульнай службы не тлумачаць іх правы і абавязкі, не высвятляюць у іх жаданне мець абаронцу пры вытворчасці названых працэсуальных дзеянняў, што лічыцца сур'ёзным недаглядам пры вядзенні адміністрацыйнага працэсу. З улікам таго, што некаторыя суб'екты не ведаюць аб магчымасці скарыстацца паслугамі прафесійнага юрыста, паколькі знаходзяцца ў стане моцнага душэўнага хвалявання, то дапамога абаронцы будзе вельмі дарэчна.

Акрамя таго, да адміністрацыйнай адказнасці ў галіне бяспекі дарожнага руху прыцягваюцца замежныя грамадзяне, якія з'яўляюцца неабароненымі суб'ектамі, паколькі не ведаюць належным чынам заканадаўства Рэспублікі Беларусь. У выніку, не ствараюцца ўмовы для выкарыстання прынцыпу адсутнасць магчымасці ў поўнай меры рэалізаваць сваё права на юрыдычную дапамогу на найважнейшым этапе адміністрацыйнага працэсу.

Уяўляецца лагічным, што службовай асобе органа, які вядзе адміністрацыйны працэс, да пачатку вытворчасці першага працэсуальнага дзеяння неабходна скласці пратакол аб растлумачэнні правоў і абавязкаў асобы, у дачыненні да якой вядзецца адміністрацыйны працэс. Важна адзначыць, што ў гэтым пратаколе неабходна абавязкова ўстанавіць наяўнасць пісьмовай адзнакі, а таксама подпісы такой асобы аб яе патрэбнасці або не патрэбнасці ў дапамозе адваката пры вытворчасці праварачных працэсуальных дзеянняў.

Абскарджанне і апратэставанне пастанова па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні - гэта факультатыўная стадыя адміністрацыйнага працэсу, якая з'яўляецца

сродкам выяўлення і ўстаранення недахопаў у дзейнасці органаў, упаўнаважаных разглядаць справы аб адміністрацыйных правапарушэннях. Неабходна адзначыць, што ў навуковай літаратуры некаторыя навукоўцы не лічаць, што дзеянні, якія здзяйснююцца на дадзенай стадыі, варта вылучаць у якасці асобнай. Лічыцца, што скарга, пратэст - гэта толькі працэсуальныя падставы для праверкі законнасці пастанова, перагляду справы. Такая пазіцыя замацоўваецца ў КаАП Расійскай Федэрацыі ў главе 30 і называецца “Перагляд пастаноў і рашэнняў па справах аб адміністрацыйных правапарушэннях”. З гэтай прычыны змяненне назвы главы 13 ПВКаАП у “Перагляд пастанова па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні” з’яўляецца апраўданай мерай і адпавядае тэндэнцыям развіцця прававой навукі.

Варта адзначыць, што скаргі на пастановы па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту могуць падавацца ў раённы (гарадскі) выканаўчы камітэт (адміністрацыя раёна ў горадзе), у вышэйшай орган (вышэйшай службовай асобе) або ў суд па месцы накладання адміністрацыйнага спагнання. Аднак пры падачы скаргі абавязкова трэба ўлічваць орган, які выносіў дадзеную пастанову.

Скарга (пратэст) на пастанову па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні можа быць пададзена на працягу дзесяці сутак з дня аб’яўлення пастанова, а асобай, у адносінах да якой вынесена пастанова, якая адсутнічала пры разглядзе справы, – не пазней за дзесяць сутак з дня атрымання копіі пастанова.

Скарга (пратэст) на пастанову па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні разглядаецца суддзёй, службовай асобай, упаўнаважанымі разглядаць скаргу (пратэст), у месячны тэрмін з дня яе паступлення.

Пры падрыхтоўцы да разгляду скаргі нярэдка выяўляюцца новыя абставіны, якія не ўлічаны былі пры першапачатковым разглядзе адміністрацыйнай справы. У прыватнасці, разгледзім правапарушэнне, калі асоба кіруе транспартным сродкам і парушае правілы карыстання радыё- або тэлефоннай сувяззю падчас руху.

Згодна з п. 10.4 Правілаў дарожнага руху карыстанне апаратам радыё- і тэлефоннай сувязі, не абсталяванай тэхнічнай прыладай, якая дазваляе весці перамовы без выкарыстання рук, забараняецца. Адказнасць за парушэнне дадзенай забароны ўстанаўліваецца ч. 5 арт. 18.13 КаАП Рэспублікі Беларусь.

Акрамя пагрозы накладання адміністрацыйнага спагнання ў выглядзе штрафу, грэбанне гэтай забаронай можа пацягнуць рознага кшталту ДТЗ, у выніку якіх могуць пацярпець людзі. Аднак такое адміністрацыйнае правапарушэнне назіраецца часта, але меры адказнасці за сабой не цягне з прычыны таго, што факт устанаўлення супрацьпраўнага дзеяння даволі складана даказаць.

Пры здзяйсненні ўказанага правапарушэння могуць выкарыстоўвацца тлумачэнні сведкаў, фотаматэрыялы, відэаматэрыялы, а таксама даныя, атрыманыя ў аператара сотавай сувязі. Самым эфектыўным доказам, магчыма, трэба лічыць менавіта апошняю крыніцу.

Супрацоўнік ДАІ запытвае ў аператара сотавай сувязі, якую выкарыстоўвае вадзіцель, дэталізацыю званкоў абанента, а потым робіць параўнанне атрыманай інфармацыі з часам спынення транспартнага сродку, якое абавязкова павінна зафіксавацца ў пратаколе. Калі ў дадзеных, прадстаўленых аператарам, зафіксаваны званок у бліжэйшы прамежак часу перад спыненнем транспартнага сродку, то ўпаўнаважаная асоба мае законную падставу для накладання адміністрацыйнага спагнання. Вытворчасць падобнай працэдуры неабходна адзначыць і пры даследаванні фота-, відэаматэрыялаў. Аднак ажыццяўленне гэтага запыту заканадаўча нідзе не замацоўваецца.

Таму на падставе вышэйпададзенага прапануецца ўнесці дапаўненні ў Інструкцыю аб арганізацыі дзейнасці падраздзяленняў дарожна-патрульнай службы дзяржаўнай аўтамабільнай інспекцыі Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь і замацаваць у главе 3 “Права падраздзяленняў арганізацыі дарожнага руху і дарожнай інспекцыі” пункт 6.61, у якім абавязаць інспектара дарожна-патрульнай службы ажыццяўляць

запыт у аператара сатавай сувязі аб дэталізацыі званкоў асобы, у адносінах да якой вядзецца адміністрацыйны працэс. Згодна з арт. 6.11 ПВКаАП Рэспублікі Беларусь дэталізацыю званкоў абанента - асобы, у дачыненні да якой вядзецца адміністрацыйны працэс, трэба адносіць да іншых дакументаў і іншых носьбітаў інфармацыі.

Такі ж парадак трэба праводзіць пры абскарджанні пастановы вадзіцелем транспартнага сродку, з мэтай пазбегнуць адміністрацыйнай адказнасці, калі, напрыклад, пры першапачатковым разборы вінаватасць вадзіцеля была даказана памылковымі сведкавымі тлумачэннямі. Так, атрымліваецца, што калі, паводле даных аператара, ніякіх званкоў у момант спынення транспартнага сродку ў вадзіцеля зафіксавана не было, то пастанова аб накладанні адміністрацыйнага спагнання будзе адменена.

Вынікам разгляду скаргі (пратэсту) выступае адно з наступных рашэнняў:

- пакіданне пастановы без змены, а скаргу (пратэст) - без задавальнення;
- адмена пастановы і спыненне справы аб адміністрацыйным правапарушэнні;
- адмена пастановы і накіраванне справы на новы разгляд;
- змена пастановы ў частцы;
- змяненне меры і (або) від спагнання ў межах, прадугледжаных Асаблівай часткай Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях, такім чынам, каб спагнанне не было ўзмоцнена;
- адмена пастановы і накіраванне справы на разгляд кампетэнтнага органа, калі пастанова па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні вынесена асобай, не правамоцнай вырашаць дадзеную справу.

Трэба адзначыць, што пастанова, якая ўступіла ў законную сілу, таксама можа быць абскарджана. Гэта абумоўлена тым, што памылка можа быць дапушчана і пры назначэнні спагнання, і пры разглядзе скаргі. Скарга (пратэст) можа быць пададзена на працягу шасці месяцаў з дня ўступлення ў законную сілу пастановы па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні пры абавязковым абскарджанні да ўступлення ў законную сілу.

Скарга (пратэст) на пастанову па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні, якая ўступіла ў законную сілу, разглядаюцца ў тэрмін не больш за адзін месяц з дня яе паступлення.

Перагляд пастановы па справе аб адміністрацыйным правапарушэнні - гэта самастойная стадыя, якая мае факультатыўны, неабавязковы характар. Па сутнасці, дадзеная сукупнасць дзеянняў уяўляе сабой новы разгляд справы, у ходзе якога правяраецца законнасць і абгрунтаванасць прынятага рашэння суб'ектам, надзеленым правам адмяніць, змяніць або пакінуць у сіле раней прыняты акт.

З улікам вышэйпададзенага лічым, што прапанаваныя змены дазваляць удасканаліць парадак разгляду правапарушэнняў дадзенага роду і павысіць эфектыўнасць дзейнасці ўпаўнаважаных органаў і службовых асоб.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 34.03:004

Д. А. Зубрик

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ГРАФИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются нормативно-правовые основы, которые регулируют использование нейросетей, генерирующих изображения. Рассматриваются различные виды данных нейросетей и их порядок использования. Приводятся доводы относительно возможных нарушений, которые может совершить лицо при использовании таких нейросетей, виды ответственности за такие нарушения. Рассматриваются способы использования нейросетей, попадающие под действие норм права белорусского законодательства. Аргументируются выводы относительно необходимости концепции правового использования нейросетей в графическом творчестве.

Нейросеть является одним из способов упрощения деятельности человека. И именно поэтому сейчас на просторах сети Интернет размещено большое количество нейросетей, облегчающих деятельность в создании контента, текста, изображений и так далее. В данной статье мы рассмотрим нейросети, генерирующие изображения. Примером такой нейросети является Midjourney, где изображения создаются при помощи текстовых запросов. Существуют множество подходов, как доктринальных, так и нормативных, касательно правовой природы созданных изображений. Однако до сих пор остается нерешенный вопрос относительно правового регулирования использования данных нейросетей в графическом творчестве.

Для начала, необходимо разобраться, что собой представляет графическое творчество. Графическое творчество представляет собой создание изображения при помощи различных художественных приемов. В данной статье мы будем рассматривать создание компьютерно-художественных изображений при помощи искусственного интеллекта.

Существует два способа создания картин нейросетями: 1) по изображению; 2) по запросу.

Рассмотрим первый способ – создание картин по загружаемому изображению. В нужную нейросеть загружают одно или несколько изображений и задают необходимый параметр. После этого изображения обрабатываются, и создается необходимая картинка. Однако, возникает вопрос: могут ли использоваться любые картинки при создании изображений?

Необходимо отметить, что при создании изображений используется большое количество стоковых фотографий. Однако, в случае если на фотографии изображены люди, можем ли мы использовать такие фотографии для создания изображений при помощи нейросети?

Действительно, фотографии с изображением лиц могут иметь стоковый характер, тогда разрешения на пользование не нужно. Но если фотография носит личный характер, то такое изображение содержит в себе персональные данные. В Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З указано, что персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [1]. Более того, поскольку любое использование такой фотографии можно отнести к обработке персональных данных, тогда прежде чем использовать такую фотографию, необходимо за-

просить разрешения у субъекта. Из этого можно сделать вывод, что использование фотографии людей без их предварительного согласия для создания картинки является незаконным и подлежит соответствующей ответственности.

Следует отдельно рассмотреть использование картинок, содержащих в себе порнографический характер, для использования в создании изображения. Можем ли мы говорить о том, что такое использование является распространением порнографического материала? Под термином «распространение» подразумевается доведения до сведения других лиц. Поэтому использование такого рода картинок не является распространением. Однако, если изображения были использованы в качестве способа создания порнографического материала с целью дальнейшего распространения, в таком случае лицо подлежит уголовной ответственности в соответствии со ст. 343 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Следующий вид – нейросеть, рисующая по запросам. Система работы следующая: вводится запрос – нейросеть по нему рисует. Однако, тут есть несколько правил: 1) запрос должен быть точным и понятным; 2) не использовать отрицательные частицы; 3) сложные запросы должны разбиваться через запятую или двоеточие; 4) указывать конкретный объект или число. Необходимо пояснить, что пользователи нейросети, рисующей по запросам, могут точно также использовать в неправомерных целях. Однако, если такой метод создания противоправного контента будет использован, можем ли мы говорить о том, что введение запросов в нейросеть является стадией приготовления к совершению преступления?

Для начала необходимо разобраться, что такое приготовление к преступлению. Согласно ч. 1 ст. 13 УК, приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления [2]. Теперь определимся с понятием «запрос к нейросети». В данном случае подразумевается введение конкретных характеристик или параметров для создания конкретного изображения. Можно сказать, что формула запроса следующая: [действие] + [вид картинки] + [тематика]. При соотнесении двух данных понятий, можно сделать вывод, что использование запросов, а также отдельных картинок, для создания преступного контента является стадией приготовления к преступлению.

В связи с этим, возникает вопрос: можем ли мы привлекать к ответственности модераторов нейросети, если с помощью данной нейросети был создан преступный контент?

В условиях пользования нейросети Midjourney указаны правила сообщества. В случае, если был изготовлен материал, носящий неправомерный характер (в частности, порнографический или носящий в себе высокий уровень жесткости), то такой контент блокируется, как и сам пользователь. Более того, указано, что если модераторами будет выявлено преступное нарушение, то информация передается в правоохранительные органы [3].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что если политикой пользования не были предусмотрены меры воздействия за создания неправомерного контента, то модераторы подлежат ответственности, поскольку ст. 406 УК предусмотрено, что недонесении о преступлении (готовящемся или уже совершенном) является преступлением и подлежит наказанию.

В январе 2023 года три художника подали коллективный иск против Stability AI, Deviant Art и Midjourney. Истцы указывают, что данные нейросети нарушают законодательство об авторском праве, так как в своей основе используют инструмент для преобразования текста в изображение Stable Diffusion. Также художники отмечают, что Stable Diffusion содержит многочисленные копии изображений, защищённых авторским правом. Они были сделаны без ведома или согласия создателей. Stable Diffusion в ответ заявила, что «права создателей не безграничны», а всё должно идти в ногу со временем и новыми технологиями. Также компания обвинила адвоката истцов Мэтью Баттерика в лицемерии, так как он использовал изображения из исследовательских работ без вознаграждения или согласия, хотя указал ссылку на источник [4]. Как мы уже говорили ранее,

если при использовании нейросети используются стоковые изображения, то отдельного согласия у лиц, создавших такие изображения, не требуется. Более того, существуют специальные стоковые платформы, на которых лица могут размещать свои изображения. В таком случае на изображение ставится водяной знак, подтверждающий авторское право. Однако если водяной знак был убран, и лицо, использующее такое изображение, выдает данное изображение за свое, тогда это действительно нарушение авторского права. Но как мы понимаем, основная претензия художников в том, что их творчество используется без предварительного согласия. При этом модераторы нейросети не выдают такие изображения за свои. На наш взгляд, использование картин с водяным знаком, при этом, если не преследуется цель выдачи как результат собственного интеллектуального творчества, то это не является нарушением.

В своей работе Н. А. Назаров отмечает, что данные (изображения) являются объектами интеллектуальной собственности, чей правовой статус охраняется авторским правом. В таком случае, можно разрешить возникшую проблему следующими путями: 1) получением разрешения у правообладателя; 2) ограничением исключительных прав; 3) расширенным пониманием доступа [5]. С нашей точки зрения, такое может быть, если пользователь нейросети использует объекты интеллектуальной собственности в создании изображения. Однако, здесь может возникнуть ряд проблем: 1) владелец объекта интеллектуальной собственности находится достаточно территориально далеко; 2) различное законодательство; 3) невозможность прийти к единому соглашению (человеческий фактор).

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что нормативно-правовые основы, регулирующие использование нейросетей в графическом творчестве, не имеют единого акта, а разбросаны по различным отраслям права. С нашей точки зрения, необходимо принять национальную концепцию по правовому использованию нейросетей в графическом творчестве, поскольку это позволит: 1) систематизировать законодательство; 2) разъяснить правовые аспекты использования нейросетей в создании изображений; 3) устранить существующие пробелы в законодательстве; 4) рассмотреть перспективы развития норм отраслевого информационного права.

Список использованной литературы

1. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Midjourney Terms of Service [Electronic resource] // Midjourney. – Mode of access <https://docs.midjourney.com/docs/terms-of-service>. – Date of access: 05.11.2023.

4. Художники подали коллективный иск против Stability AI, Deviant Art и Midjourney [Электронный ресурс] // Хабр. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/711090/>. – Дата доступа: 05.11.2023.

5. Назаров, Н.А. Машинное творчество и право: две части одного целого [Электронный ресурс] / Н.А. Назаров // Труды по интеллектуальной собственности. – Т. 43. – №4. – Режим доступа: <https://tis.hse.ru/article/view/16358>. – Дата доступа: 06.11.2023.

Ю. И. Иванова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В ЕВРОПЕЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена изучению контекста употребления понятия «цифровой суверенитет», смыслов, вкладываемых в данное понятие представителями европейских научных и политических кругов. Автор подчеркивает тот факт, что содержание данного понятия еще до конца не сформировано в правовой и политической мысли. При этом, принимая во внимание значимость происходящих процессов цифровизации, автор обращает внимание на доктрину цифрового суверенитета, формирующуюся в рамках Европейского союза.

Цифровизация, затронувшая первоначально экономику, добралась до государственного управления, международных отношений, собственно, до политики в ее внутригосударственном и международном проявлении. И вот на повестке дня стоят вопросы, связанные с цифровым суверенитетом. На первый взгляд кажется, что их изучение является данью моды последних лет, но анализ документов международных институтов, как правительственных, так и неправительственных, показывает, что активная цифровая трансформация общества, особенно в период пандемии Covid-19, превратила цифровую инфраструктуру в значимый инструмент решения экономических, социальных и иных проблем, инструмент управления.

Если говорить о европейском пространстве, то до сегодняшнего дня концепция цифрового суверенитета наиболее активно обсуждалась франко-германскими учеными и институциональными политиками ЕС. Несмотря на то, что термин «цифровой суверенитет» использовался в Европе с 2000-х годов, академической содержательной определенности он не получил. Как правило, речь идет о характере влияния Интернета на мировые и внутригосударственные процессы, в первую очередь экономические, об угрозах, связанных с все более глубоким проникновением цифровых технологий в повседневную жизнь. Как отмечает в своей работе «Цифровой суверенитет - шаги к новой системе управления Интернетом» Фарид Гюэм (Farid Gueham)¹: «Концепция "цифрового суверенитета" возникла в начале 2000-х годов. Пьер Беланже (Pierre Bellanger), генеральный директор французской радиостанции Skyrock, в 2011 году предпринял первую попытку дать ему определение: «Цифровой суверенитет - это контроль над нашим настоящим и судьбой, проявляющийся и направляемый использованием технологий и компьютерных сетей» [1].

Однако еще раньше в 2006 году термин «цифровой суверенитет» употребил в своей статье «Суверенитет и цифровые сети» Бернар Бенаму (Bernard Benhamou)² [2]. Более пятнадцати лет назад французский ученый отмечал, что владение технологиями всегда было ключом к экономической, военной и политической власти. И если мы легко воспринимаем, что местом и рычагом является Интернет, то редко кто интересуется собственной динамикой этих технологий, тем, как они разворачиваются в поле государств и систем международного регулирования.

¹ Консультант по государственному сектору и цифровым технологиям и инновациям Фонда политических инноваций (Франция), выпускник Парижского института политических исследований и Университета Париж IX Дофин.

² Французский специалист в области информационно-коммуникационных технологий, Генеральный секретарь Института цифрового суверенитета и старший преподаватель по вопросам управления Интернетом в Университете Париж I (Пантеон Сорбонна).

Бернар Бенаму, будучи членом и советником французской делегации на Саммите ООН по информационному обществу (2003-2005 гг.), отмечал, что все – от внедрения биометрических систем до маркировки объектов интеллектуальными, коммуникационными чипами, от использования систем геолокации до развития электронного управления – технические системы и стандарты, регулирующие работу сетей, сегодня имеют конкретные последствия для граждан и правительств. При этом Интернет формирует "атерриториальное", транснациональное, кажущееся децентрализованным и открытым пространство. По его мнению, сильную озабоченность вызывает, во-первых, тот факт, что власть над важнейшими инструментами (например, управлением DNS³ или ONS⁴) может остаться в руках одного игрока. Он приводит цитату Эстер Дайсон, первого президента ICANN⁵, которая описывает эту власть красноречивой метафорой: «DNS – это как кольцо во «Властелине колец», вы не можете доверять никому, у кого оно есть» [2]. Признавая существование такой угрозы, государства, собравшиеся на Саммит в Женеве, призвали к многостороннему управлению DNS. В 2016 году истек контракт между ICANN и министерством торговли США, а также Национальным управлением информации и связи (NTIA), и администрация адресного пространства Интернет перешла под контроль внутренней структуры ICANN. В настоящее время интересы правительств и межправительственных организаций в мультистейкхолдерной структуре ICANN представляет правительственный консультативный комитет (GAC)⁶. Ключевая роль GAC состоит в предоставлении ICANN рекомендаций относительно вопросов общественной политики, особенно в ситуациях, где возможно пересечение деятельности или политик ICANN и национальных законов или международных соглашений.

Второй проблемный вопрос, озвученный Бенамом еще в 2006 году, связан с «фрагментацией» Интернета. Сила и оригинальность Интернета заключаются в его нейтральности и открытости. Принцип нейтральности можно описать как возможность для каждого получить доступ к сетевым ресурсам (приложениям, сервисам или контенту) без дискриминации. Поэтому его соблюдение имеет политические последствия: свободный доступ к ресурсам Интернета является приоритетной задачей для всех демократических стран. Достижению этой цели может служить не навязывание единообразия использования, контента или технологий.

Таким образом, мы видим восприятие цифровой реальности в духе либерально-идеалистической парадигмы прочтения национальных интересов, где значение придается моральным нормам, гуманистическим идеалам и глобальным проблемам, а не защите государственного суверенитета в условиях усиливающейся взаимозависимости мира.

В то же время заявления политиков обращают наше внимание на признание изначальной экономической природы развития цифровых технологий, а, следовательно, и «цифрового суверенитета». Это позволяет использовать их как инструмент влияния различной степени интенсивности и, одновременно, сдерживает от необдуманного применения данного вида «оружия».

³ DNS (англ. Domain Name System – система доменных имён) – система, которая используется для получения IP адреса по имени хоста, т.е. преобразовывает доменные имена в IP-адреса и наоборот.

⁴ ONS (англ. Object Naming Service – служба наименования объектов) – механизм, который использует систему доменных имен (DNS) для получения информации о продукте и связанных услугах из электронного кода продукта (EPC).

⁵ ICANN (англ. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers – Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами) – это некоммерческая частная организация и руководящий орган Интернета.

⁶ В GAC насчитывается 182 правительства-члена и 38 организаций-наблюдателей. Список представителей-членов GAC постоянно развивается (см. <https://gac.icann.org/>).

На открытии 14-го Всемирного форума по управлению интернетом (IGF)⁷ в Берлине Ангела Меркель отметила: «Конечно, цифровой суверенитет имеет огромное значение. Но, возможно, сейчас в разных странах мира мы понимаем разные вещи, даже если используем один и тот же термин. В моем понимании цифровой суверенитет не означает протекционизм или государственные органы, диктующие, какую информацию можно распространять, т.е. цензуру, а скорее описывает способность самостоятельно формировать цифровую трансформацию как отдельного человека, так и общества в целом» [3]. В то же время в своем обращении к главе Еврокомиссии в 2021 году А. Меркель призывает защищаться, т.е. укреплять «цифровой суверенитет», так как «цифровая добавленная стоимость и инновации теперь формируются за пределами Европы».

В сентябре 2022 года вышел доклад «Цифровой суверенитет на практике: попытка ЕС сформировать новую глобальную экономику», авторами которого выступили Ф. Барвелл и К. Пропп.

В докладе констатируется, что за последние три года «цифровой суверенитет» стал одним из приоритетных направлений в европейских дискуссиях, посвященных новым технологиям и цифровой политике [4]. Как заявила председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая ранее в Европарламенте, ее цель заключается в том, чтобы Европа достигла «технологического суверенитета в некоторых критических технологических областях» [5].

С тех пор призывы к ЕС о достижении большей автономии в области цифровых технологий и политики продолжают, в частности, в «Цифровом компасе» Комиссии за 2021 год содержится призыв к ЕС обеспечить «цифровой суверенитет» [6]. Это включает в себя устранение уязвимостей и зависимостей, а также ускорение инвестиций. В этих целях Комиссия запустила обширную законодательную программу, направленную на поддержку использования ключевых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), квантовые вычисления и полупроводники, а также установление правил управления цифровой деятельностью.

В целом можно констатировать, что понятие «цифровой суверенитет», вошедшее в последнее время в политический лексикон не имеет четкого определения, содержит элементы устоявшейся трактовки понятия «суверенитет», имеет технологическую и экономическую природу.

Список использованной литературы

1. Farid Gueham. Digital sovereignty – steps towards a new system of Internet governance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fondapol.org/app/uploads/2020/06/f-gueham-digital-sovereignty-3.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2023.
2. Bernard Benhamou, Laurent Sorbier. Souveraineté et réseaux numériques // Dans Politique étrangère [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-politique-etrangere-2006-3-page-519.htm#no1>. – Дата доступа: 10.10.2023.
3. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel zur Eröffnung des 14. Internet Governance Forums 26. November 2019 in Berlin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-zur-eroeffnung-des-14-internet-governance-forums-26-november-2019-in-berlin-1698264>. – Дата доступа: 10.10.2023.
4. Frances G. Burwel, Kenneth Propp. Digital Sovereignty in Practice: The EU's Push to Shape the New Global Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2022/11/Digital-sovereignty-in-practice-The-EUs-push-to-shape-the-new-global-economy_.pdf. – Дата доступа: 10.10.2023.

⁷ Согласно мандату, IGF — дискуссионный форум для содействия диалогу между основными стейкхолдерами, вовлеченных в управление Интернетом: государства, бизнес, гражданское общество, техническое сообщество, проходит под эгидой ООН.

5. Nicolás González Casares. Why the EU must claim its place in the 5G race [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theparliamentmagazine.eu/news/article/why-the-eu-must-claim-its-place-in-the-5g-race>. – Дата доступа: 10.10.2023.

6. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/system/files/2023-01/cellar_12e835e2-81af-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02_DOC_1.pdf. – Дата доступа: 10.10.2023.

УДК 34:004

О. В. Русак

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДИНАМИКИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются отдельные направления функционирования правовой информатизации в Республике Беларусь. Предлагается пересмотр концептуальных положений правовой информатизации, в том числе посредством разработки национальной стратегии, направленной на совершенствование обозначенной сферы.

Факторы цифровизации охватывают прежде всего такой важный элемент правовой системы Республики Беларусь как правовая информатизация, что определяет актуальность настоящего исследования.

Различные аспекты правовой информатизации изучаются многими учеными и практиками Беларуси и России, такими как О.О. Айвазян, М.В. Андрияшко, А.М. Браусов, Е.И. Коваленко, В.П. Кутина, Т.Н. Макаренко, А.Ф. Мательский, А.В. Морозов, В.А. Шаршун и др. В их трудах представлены подходы к периодизации правовой информатизации, разработаны предложения по унификации ее понятийного аппарата, исследуется информационно-коммуникационная инфраструктура, в том числе государственная система правовой информации Республики Беларусь (ГСПИ) и ее развитие под влиянием внедрения новых технологий.

ГСПИ гарантирует гражданам возможность реализации своего неотъемлемого права на получение полной, достоверной и официальной правовой информации. Динамику ГСПИ обеспечивает «Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ), который является центральным государственным научно-практическим учреждением, осуществляющим сбор, учет, обработку, хранение, систематизацию и актуализацию эталонной правовой информации, ее распространение (предоставление), экспертно-аналитическую деятельность в указанных сферах, а также официальное опубликование правовых актов» [1]. Усилиями ГСПИ осуществляется сотрудничество между государственными органами, НЦПИ и другими государственными организациями, занимающимися сбором, учетом, обработкой, хранением, систематизацией, актуализацией и распространением правовой информации. НЦПИ ответственен за функционирование информационно-коммуникационной инфраструктуры ГСПИ, разработку и поддержку эталонного банка данных правовой информации, а также государственных информационно-правовых ресурсов (ГИПР), среди которых Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, информационно-поисковые системы «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE», Правовой форум Беларуси, Детский правовой сайт, автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА).

Также НЦПИ развивает внешний контур ГСПИ, создавая и обеспечивая функционирование пунктов доступа к правовой информации в форме публичных центров правовой информации (ПЦПИ) и центров эталонной правовой информации (ЦЭПИ). Первые создаются на площадках публичных библиотек страны и рассчитаны на все категории граждан, вторые имеют преимущественно целевую аудиторию и открываются в учреждениях высшего образования, в сети специальных библиотек, в юридических консультациях, а также на базе исправительных учреждений страны. Указанные центры содействуют проведению мероприятий по правовому просвещению граждан.

В общей сложности имеющаяся совокупность информационно-правовых ресурсов и информационно-коммуникационной инфраструктуры обеспечивает удовлетворение актуальных информационно-правовых потребностей государственных органов, организаций и граждан в нормативной правовой информации [2, с. 119].

Однако современные реалии оказывают воздействие на процессы правовой информатизации и ГСПИ. В этой связи Е.И. Коваленко рассматривает цифровую трансформацию национальной правовой системы в ракурсе научного обеспечения НЦПИ процессов правовой информатизации как «реального системообразующего фактора повсеместного распространения электронного взаимодействия субъектов правовой системы, внедрения цифровых технологий в различные сферы белорусского права» [3, с. 105].

В указанном контексте особый интерес представляет потенциал правовой информатизации для совершенствования нормотворческой деятельности и системы формирования правовой культуры граждан. Справедлива точка зрения А.М. Браусова, который отмечает, что «посредством правовой информатизации обеспечивается и качество нормотворческой деятельности, и субъективная способность, и готовность граждан воспринимать правовые нормы и следовать их предписаниям (уровень правового сознания и правовой культуры)» [2, с. 120]. При этом согласимся с утверждением В.А. Шаршуна, который указывает, что «с учетом новых цифровых преобразований целесообразно говорить не о «правовой информатизации», а о «правовой цифровизации» [4, с. 386]. Правовую цифровизацию ученый предлагает определять как «тенденцию интеграции цифровых технологий в национальную правовую систему и коренное преобразование на этой основе протекающих в ней процессов (нормотворческого, правоприменительного, образовательного, правового воспитания и формирования правовой культуры, обеспечения доступности правовой информации и др.)» [4, с. 386].

На наш взгляд, данный подход к определению правовой цифровизации в полной мере аккумулирует инновационный потенциал правовой информатизации и, в частности, ГСПИ. В этой связи целесообразным видится разработка стратегии правовой цифровизации Республики Беларусь, которая бы в том числе содержала направления совершенствования правовой информатизации и пути их реализации.

Обозначенная стратегия, по нашему мнению, должна носить научно-практический характер. В ее основу необходимо заложить совершенствование ГСПИ, в рамках которой происходит регулирование важнейших процессов обеспечения доступности правовой информации. При этом имеется в виду «модернизация» ГСПИ не только как системы с набором входящих в ее состав элементов, но и как формы государственного управления процессами правовой информатизации, что повлияет на инновационность правовой системы в целом.

Считаем, что в стратегии целесообразно отразить генезис и главные достижения правовой информатизации и ГСПИ. Это позволит обеспечить преемственность концептуальных положений и понятийного аппарата правовой информатизации. Одновременно необходимо предусмотреть разработку и закрепление «модернизированных» и принципиально новых терминов и их дефиниций, в том числе понятий «правовая цифровизация», «цифровая правовая информация», «цифровая трансформация ГСПИ» и т.д.

Далее потребуются выработка и закрепление в стратегии непосредственно инноваций и путей их воплощения. Прежде всего, исходя из понимания правовой информа-

тизации как «процесса создания оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур... и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий» [5, с. 94], целесообразно обозначить направления совершенствования возможностей доступа к правовой информации и ее практического применения как для граждан, так и для разработчиков проектов нормативных правовых актов. В частности, предусмотреть внедрение новых юридических и социальных технологий взаимодействия, сетевых сервисов, интеграцию ГИПР как инструментария правовой информатизации в соответствующие информационные платформы, направленные на дистанционное обслуживание населения, и др. В этой связи также целесообразно закрепить «развитие ГИПР с постепенным переходом от информационно-правовых систем к системам поддержки принятия решений, а также стимулирование их эффективного использования во всех отраслях и сферах социально-экономической деятельности» [6, с. 10].

Для создателей проектов правовых актов, на наш взгляд, следует предусмотреть дальнейшее совершенствование информационно-аналитического обеспечения нормотворческого процесса. Перспективным выглядит сотрудничество субъектов ГСПИ с разработчиками национальной цифровой библиотеки Беларуси, благодаря которому станет возможным доступ не только к эталонной правовой информации, практике применения правовых норм, но и доктринальным разработкам (монографиям, диссертациям и т.д.), необходимым для подготовки проектов нормативных правовых актов.

Помимо организации эффективного доступа к правовой информации приоритетными должны оставаться разработки, позволяющие достичь указанной социальной цели посредством предоставления правовой информации адаптированного характера для различных категорий граждан, в том числе имеющих ограничения по здоровью. В этой связи, на наш взгляд, в стратегии необходимо закрепить курс на дальнейшую адаптацию ГИПР в целях удовлетворения информационно-правовых потребностей незрячих и слабовидящих пользователей, а также иных категорий лиц с особенностями развития.

Еще одним важным направлением, которое следует отразить в стратегии, является расширение сферы влияния правовой информатизации. Прежде всего это касается формирования правосознания человека путем воздействия на его правовую культуру посредством правовой информации, ее создания и предоставления. Неслучайно в настоящее время государство особое внимание уделяет проблемам правового просвещения населения и участию граждан в нормотворческой деятельности: обсуждаются способы и средства обеспечения коммуникации между государством и гражданами в ходе процесса разработки нормативных актов, анализируются существующие проблемы и вырабатываются предложения по повышению эффективности указанного процесса и др. [7].

ГСПИ имеет уникальный инструментарий, используемый в целях правового просвещения граждан, в том числе ресурсы и внешняя инфраструктура в виде специализированных центров, о которых упоминалось ранее. При этом совершенствованию ПЦПИ и ЦЭПИ следует уделить особое внимание, так как они имеют хороший потенциал для формирования правовой культуры граждан. Отметим, что уже сейчас ПЦПИ начали поступательный переход из пунктов доступа к правовой информации в коммуникационные и информационно-правовые площадки. Например, ведется практика безвозмездного консультирования граждан в ПЦПИ адвокатами и нотариусами, на базе центров проводятся лекции и беседы с представителями органов местного управления. Однако следует усилить эту работу, сделав упор в том числе на цифровизацию правового информирования – «процесса социальной коммуникации и передачи правовой информации, которые обеспечивают население знаниевым компонентом, содержащим основы действующих законодательных норм и способы их реализации в целях защиты личных прав и интересов» [8, с. 202] посредством использования сетевых информационных платформ для ком-

муникации, а также путем расширения сферы применения ГИПР в указанном взаимодействии. Формой реализации подобного механизма цифрового правового информирования видится создание и функционирование единого портала информационно-правовой помощи гражданам как нового компонента ГСПИ.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации общественных отношений с целью пересмотра концептуальных положений правовой информатизации как неотъемлемого элемента национальной правовой системы предлагается разработка и принятие стратегии правовой цифровизации Республики Беларусь, в которой следует отразить:

- генезис и главные достижения правовой информатизации и ГСПИ;
- «модернизированные» и принципиально новые термины и их дефиниции, в том числе понятий «правовая цифровизация», «цифровая правовая информация», «цифровая трансформация ГСПИ» и т.д.;

- направления совершенствования возможностей доступа к правовой информации и ее практического применения как для граждан, так и для разработчиков проектов нормативных правовых актов;

- развитие ГИПР с переходом к системам поддержки принятия решений;

- направления, связанные с дальнейшей адаптацией ГИПР в целях удовлетворения информационно-правовых потребностей лиц с особенностями развития;

- расширение сферы влияния правовой информатизации, цифровизацию правового информирования, создание единого портала информационно-правовой помощи гражданам.

Вместе с тем, следует учитывать, что «правовая цифровизация – гораздо более широкое явление, чем правовая информатизация, поскольку она охватывает не только сферу доступа к правовой информации, но и, по существу, все элементы правовой системы, которые испытывают цифровую трансформацию под влиянием новых информационных технологий» [4, с. 386]. Соответственно, данные элементы в стратегии должны быть закреплены.

Для построения концепции будущей стратегии потребуется глубокая проработка обозначенных и иных вопросов прежде всего представителями научного сообщества и специалистами заинтересованных субъектов, в том числе государственных органов, организаций, осуществляющих решение актуальных задач, которые возникают в рамках развития национальной правовой системы и процессов информатизации в стране.

Список использованной литературы

1. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://ncpi.gov.by/about/obshchie-polozheniya/?ysclid=lnlin9jсхе432912717>. – Дата доступа: 11.10.2023.

2. Браусов, А. М. Генезис и современное состояние правовой информатизации в Республике Беларусь / А. М. Браусов // Право.by. – 2014. – № 4. – С. 113–121.

3. Коваленко, Е. И. Научная деятельность Национального центра правовой информации Республики Беларусь как фактор цифровой трансформации национальной правовой системы / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2019. – № 6. – С. 104–108.

4. Шаршун, В. А. Правовая цифровизация как основа современного развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь / В. А. Шаршун // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып. 17. – С. 381–388.

5. Морозов, А. В. История правовой информатизации Минюста России / А. В. Морозов // Правовая информатика. – 2020. – № 2. – С. 92–99.

6. Коваленко, Е. И. Развитие государственной системы правовой информации – актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2015. – № 6. – С. 5–11.

7. Участие граждан в нормотворческом процессе и правовое просвещение обсудили на международном круглом столе в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/october/75531/>. – Дата доступа: 15.11.2023.

8. Айвазян, О. О. Правовая информатизация как детерминанта совершенствования коммуникативно-правовой культуры молодежи: социологический анализ / О. О. Айвазян // Информационное общество. – 2020. – № 3. – С. 202–218.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 340.1(476)

И. Л. Вершок

(Белорусский государственный университет, Минск)

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются факторы эффективной правовой коммуникации. Называются основные направления взаимодействия государственных органов и должностных лиц с населением с использованием цифровых технологий, а также в реальности оффлайн. Выделяются две тенденции динамики правовой коммуникации в Республике Беларусь: максимально возможного вовлечения граждан в принятие юридических решений в сфере публичного интереса и внедрения административных процедур проактивного формата при реализации частного интереса.

В условиях существенных и быстрых изменений, происходящих в цифровой реальности, правовая коммуникация получает не только свое более широкое распространение, но и обретает все новые и более сложные формы организации и осуществления. Несмотря на это, в настоящее время в соответствии с п. 26 Концепции правовой политики Республики Беларусь имеется необходимость в устранении тенденции, связанной с недостаточностью уровня развития правового воспитания и просвещения населения [1]. В этой связи возникает запрос на более глубокое теоретическое обоснование форм организации, осуществления процедуры и содержательного наполнения эффективной правовой коммуникации в Республике Беларусь, правового просвещения и воспитания.

В литературе по психолингвистике отмечается, что даже качественная по содержанию, но недостаточно организованная пропаганда (как и правовое просвещение либо воспитание – *И. Вершок*) может иметь эффект бумеранга [2, с. 62], то есть итог, прямо противоположный ожидаемым результатам. Это происходит в тех случаях, когда отсутствует интраперсональная синонимия или не учитывается специфика языкового опыта реципиентов, а также особенности смыслообразования в рамках этого опыта [2, с. 61–62].

В настоящее время в Республике Беларусь сформировано значительное количество платформ и технологий коммуникации для правового просвещения и воспитания граждан, осуществляемого как в цифровом формате, так и оффлайн. На базе данных платформ необходимо обеспечивать поддержание указанной интраперсональной синонимии, учет языкового опыта и образования смыслов в нем.

Например, в целях получения общественной или профессиональной (экспертной) оценки содержащихся в проекте норм права, а также определения соответствия проекта нормативного правового акта общественным ожиданиям для возможной последующей его корректировки в Республике Беларусь предусмотрено общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов (ст. 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [3]). Однако в Положении о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов [4] произошло полное объединение правового регулирования процедур проведения общественного и профессионального обсуждений. Законодателем не предполагается учет языковых особенностей правовой коммуникации всех, потенциально участвующих в нем субъектов: неопределенного круга лиц, лиц, осуществляющих профессиональную или образовательную, научную или общественную деятельность в сфере регулирования общественных отношений обсуждаемого проекта нормативного правового акта.

При организации правовой коммуникации необходимо проводить разграничение не только между различными социальными группами или коллективами людей, но и выделять специфические семиотические группы на базе использования ими «тех или иных вокабуляриев (понятий)» [2, с. 61]. В этой связи представляется целесообразным разделять правовое регулирование порядка организации, проведения и подведения итогов публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов в зависимости от его участников.

В соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» от 27 декабря 2006 г. (в новой ред.) сформулированы основы правового регулирования иных разнообразных форм коммуникации в правовой сфере. Развитие многих из них отражает современные тенденции развития технических, организационных и правовых мероприятий, связанных с работой с населением.

Предусмотрены различные формы информационного взаимодействия и партнерства [5], то есть коммуникации государственных органов и должностных лиц с населением на цифровых платформах, а также в реальности оффлайн (прямых телефонных линий, выездных личных приемов, организации общественных приемных, пресс-конференций по актуальным вопросам, встречи в трудовых коллективах, диалоговых площадок, работы экспертных и консультативных советов общественных активистов, представителей субъектов гражданского общества и др.). Данные способы правовой коммуникации обеспечивают инклюзивность при решении публично-правовых проблем, вовлеченность граждан в процедуры правотворческого и (или) правоприменительного процесса.

В указанном нормативном правовом акте прослеживается тенденция поиска оптимальных границ между двумя противоположными процессами:

1) максимального вовлечения граждан в принятие юридических решений в сфере публичного интереса (например, стимулирования заинтересованности людей в развитии своих регионов, в том числе посредством участия в территориальном общественном самоуправлении, а также в реализации гражданских инициатив) и

2) внедрения административных процедур проактивного формата для реализации частного интереса, упрощенных, не обременяющих граждан и максимально исключаящих необходимость личного участия заинтересованного лица в процессе сбора и подачи сведений для осуществления административной процедуры.

Для обоих названных процессов высоко актуальным является налаживание каналов обратной связи с населением, а также обеспечение общего языка правовой коммуникации инстанции с населением, сокращение «смысловой дистанции» [2, с. 61] в информационном взаимодействии между ними. Пропагандист должен изучать и усваивать ту знаковую систему, которой пользуется реципиент [2, с. 61]. В этих целях любая из имеющихся платформ коммуникации должна быть выбрана и «настроена» на потенциальную аудиторию. Полагаем, что это будет способствовать повышению правовой активности граждан и укреплению национального согласия, предупреждению потребительского отношения к государству и высокого уровня правосознания [1].

Список использованной литературы

1. Концепция правовой политики Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь, 28 июня 2003 г. № 196. – Pravo.by [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300196>. – Дата доступа: 16.11.2023.

2. Сорокин, Ю. А. Психо-лингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин ; отв. ред. А. И. Новиков. – Москва: Наука, 1985. – 167 с.

3. О нормативных правовых актах, Закон Республики Беларусь, 17 июля 2018 г. (с изм. и доп.) № 130-З (с изм. и доп.). – Pravo.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>. – Дата доступа: 15.11.2023.

4. Положение о порядке проведения публичного обсуждением проектов нормативных правовых актов, утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 28 января 2019 г. № 56.). – Pravo.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=c21900056>. – Дата доступа: 15.11.2023.

5. О деbüroкратизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения, Директива Президента Республики Беларусь № 2, 27 декабря 2006 г. (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 13 июня 2023 г. № 172). – Эталон Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=p00600002>. – Дата доступа: 15.11.2023.

УДК 340.114.5(470)

А. М. Дроздова

(Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена основным проблемам, связанным с формированием национального мировоззрения и правового сознания личности в информационном обществе. Отдельно затронуты вопросы взаимосвязи воспитания правосознания и создания условий для повышения уровня правовой культуры населения. Анализу подвергается понимание юридического мировоззрения во взаимоотношении с правовой культурой процессе развития информационного общества и информатизации образования в вузе. Рассматривается современное состояние образования в России и перспективы особенности реформирования российской системы образования в связи с внедрением Концепции «Образование 2030».

В современном российском обществе не прекращаются последние годы активные разговоры о реформах в системе российского образования, поскольку оставшаяся после распада СССР система перестала устраивать современных чиновников от образования, а после распада Союза, руководством нашей страны была выбрана западная модель образовательной среды, что потребовало устранения всего то, что было достигнуто нашей страной и считалось традиционным. Нашелся и идейный вдохновитель, разработавший проект новой модели российского образования – глава Сбербанка России Герман Греф, который активно курирует, контролирует и обеспечивает реализацию проекта. В свое время он провозгласил основной тезис о том, что вся модель образования – от детских садов до ВУЗов – должна быть изменена. Сегодня оставшиеся в управлении образованием чиновники продолжают выстраивать эту же непонятную для России модель образования: отчеты, информации, справки и постоянные изменения в программах и планах.

При всем при этом реформаторы как-то забыли, что образование являлось и пока еще является сферой человеческой деятельности, которая формирует интеллектуальный человеческий капитал, потенциал государства и его национальную безопасность. Понятно, что развитое информационное общество ставит перед государствами новые задачи в плане привлечения современных инфокоммуникационных технологий, основанных на компьютерных сетях, в систему образования всех уровней. Можно из этого извлекать определенную пользу, построить вспомогательную систему образования, способную обеспечить больший доступ к образованию тех, кто был лишен этой возможности, помочь обучающимся иметь доступ посредством образовательных платформ к культурным и образовательным центрам других вузов и стран, например. Можно периодически встречать и общаться на платформе международной конференции, форума, межгосударственное и межвузовское сотрудничество вполне возможно и полезно. Поскольку

мы работаем на международное образовательное пространство, а не на свою страну только, то следует напомнить, что Национальный доклад Российской Федерации, подготовленный для II Международного конгресса ЮНЕСКО [1] провозгласил один из основных механизмов реформирования системы образования в форме информатизации, обозначив свое стремление, создать новые информационные технологии с целью влиться в мировое образовательное пространство, не пояснив с какой целью. Информатика при этом воспринималась как наука, изучающая природу информации, методы получения, хранения, обработки, передачи информации с использованием компьютерных технологий и средств коммуникации. Нельзя не отметить, что, именно в национальном докладе России была впервые предложена новая современная концепция преподавания информатики в системе образования, основанная на последних достижениях отечественной фундаментальной науки, по материалам доклада был проведен теоретический семинар среди участников.

Известный политический деятель Н.Назарбаев, будучи Президентом Республики Казахстан, выступая перед населением, однажды высказал мысль о том, что «если мы намерены строить цивилизованное общество, где торжествуют идеи права и нравственности, каждый гражданин со школьных лет должен усвоить их элементарные начала» [2], и это правильно.

Следует также помнить, что в национальной доктрине образования в РФ указано на внимание к вопросам обеспечения и контроля качества образования. Однако сегодняшнее реальное положение дел с подготовкой учащихся в школе и обучающихся в вузе настоятельно требует. Нас много раз упрекали проблемами подготовки научных работников, проблемами разрыва научных связей. Указывали на замыкание российских научных школ в себе, снижении академической мобильности ученых и аспирантов, замыкании последних в региональных сообществах. Якобы мы развиваем, без связи с миром свою науку и не общаемся на международном уровне. Перед нами была поставлена задача, которую следовало решать. Нужно было разработать систему подготовки специалиста-профессионала в вузе, выпускника школы и определиться с проблемами воспитания и образования. Нас опять ожидали перемены. Хотелось бы, чтобы, начиная практические реформы вначале подумали и все обсудили специалисты, разработали модели реформирования, четко определили цели, возможности и ожидаемые результаты. Начинать процесс цифровизации следует с подготовки преподавателей информатики в школах, начиная с первого года обучения детей в связи с тем, что объективно большинство преподавателей уровня начальной школы не подготовлены и не обладают ни глубокими знаниями курса информатики (им его никто не преподавал, они нигде не учились), ни педагогическими технологиями и знанием методики преподавания информатики с учетом возрастной психологии. Повсеместно в школьном, да и порой в вузовском образовании преподаватели имеют слабое представление моделей информационной культуры и формирования компьютерной грамотности учащихся и студентов, не преподаются информационные технологии, т.е. теоретическая подготовка низка у преподавателей и как следствие у обучающихся. Все строится интуитивно и отсюда низкое качество применения технических средств. Эта проблема может стать значимой и актуальной с учетом создания информационной среды школ, колледжей и вузов, поскольку отработанными являются в основном смешанные технологии применения компьютерных программ, при том, что инфокоммуникационные технологии развиваются намного быстрее, чем образовательные. Значит уже должна быть на вооружении программа педагогической информатики и программы постоянного повышения квалификации в данной сфере для преподавателей всех уровней образования; следует ожидать развития научно-методического направления в сфере образования, где бы разрабатывались концепции, теоретические вопросы, методы и приемы, а также технологии информационного обеспечения и автоматизации педагогической деятельности с последующим совершенствованием педагогического процесса и его практической реализации, обеспечивая преемственность обучения информатике при условии, что реформаторы видят перед собой личности: и педагога, и обучающегося.

В своем исследовании мы исходили из того, что для начала определили для себя, что такое мировоззрение, даже несмотря на множество точек зрения и подходов к этому сложному и неоднозначному феномену нашей жизни. Смеем предположить, что это определенная система принципов, концепций и ценностных установок об окружающем нас мире: и общественном, и природном, и личностном; еще определеннее – как личность воспринимает и понимает современную реальность. Именно личность, т.к. каждый из нас познает мир по-своему, с позиций собственного жизненного опыта и культурного уровня. Определенный интерес вызывают исследования, связанные с выделением таких элементов мировоззрения как мироощущение, мировосприятие, миропонимание, мироотношение, как система взглядов и важный для нас элемент – менталитет, объединяющий мировоззрение социальной группы, нации, этноса, целого народа, что в современном мире объективно востребовано.

Приходим в ходе исследования к объективному выводу о том, что основную роль в регулировании общественных отношений, в создании механизмов обеспечения принципов законности и правопорядка может играть только правосознание. О функциях правосознания сегодня говорят и пишут, дискутируют и исследуют множество ученых, авторов различного вида научных и ненаучных источников. Рассматривают процессы реализации функций правосознания в правотворчестве, в реализации функций права, в процессе правоприменения и т.д., обычно выделяя познавательную или гносеологическую, оценочную и регулятивную функции правосознания.

Исследователи содержательной стороны правосознания обращают особое внимание на оценочный характер в сфере определения качества действующих юридических предписаний, соотношении их с реальными общественными отношениями, личными интересами и ценностями индивида, с мировоззрением и уровнем нравственной правовой культуры. Индивид всегда пытается определить необходимость исполнения требований той или иной нормы относительно своим нравственным представлениям, вырабатывая для себя механизм необходимости соблюдения требований юридических норм или несоблюдения действующего закона, что превращается в мотив выбранного для себя поведения. В связи с этим, у И.А. Ильина мы читаем: *«Правосознание есть своего рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей; отсюда и основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу»*[3, с. 308].

Объективно: если образованию уделять недостаточное внимание со стороны властных органов государства, то исчезает фундаментальное значение образования для личности и для государства, поскольку для достижения высокого уровня общественных отношений в стране необходимо сформировать у личности правосознание, правовую культуру, правовую активность и менталитет, что послужит в свою очередь основанием для безопасности общества и государства в целом. Другого пути у нас с вами нет.

Список использованной литературы

1. Конгресс ЮНЕСКО о новых принципах изучения информатики в системе образования «Образование и информатика», который состоялся в 1996 году в Москве. В работе конгресса приняли участие более 1200 представителей правительств, научных и деловых кругов из многих стран мира. – Режим доступа: <https://helpiks.org/1-40850.html>.
2. Дроздова, А.М. Реализация и защита прав ребенка в России и за рубежом / А. М. Дроздова // Права и свободы человека и гражданина в современном мире: Коллективная монография / Под общ. ред. Г.Б. Власовой. - Ростов н/Дону: Фонд науки и образования, Наука-Спектр, 2016. – 320 с.
3. Ильин, И.А. Родина и мы. Статьи / Сост., вступ. ст. и коммент Ю.Т. Лисицы. – Смоленск: «Посох», 1995. – 512 с.

А. Г. Караткевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В статье анализируются политические изменения и процессы в трансформирующихся постсоветских обществах. Отмечается, что устойчивое развитие общества зависит как от субъективных, так и от объективных факторов. Автор констатирует, что в зависимости от выбора характеристик политических изменений в науке сложилось два подхода: контекстуальный и институционалистский, которые дают возможность построить обобщающую модель политических изменений: стабильность, кризисность, устойчивость.

Рассматривая политические изменения и процессы в трансформирующихся постсоветских обществах необходимо отметить, что устойчивое развитие общества зависит как от субъективных, так и от объективных факторов. К объективным отнесем, наряду с экономикой (природные запасы, расположение страны относительно суши, моря и др.), состояние гражданского общества, а также культуру, традиции. К субъективным – волю (власть) управляющего класса. Политический процесс не может быть устойчивым, если эта воля вступает в противоречие с объективной реальностью. Это и предопределяет непоследовательность политических элит, превращающая политические изменения в трансформацию и лишает общества устойчивого развития.

В зависимости от выбора характеристик политических изменений в науке сложилось два подхода: контекстуальный и институционалистский. Первый подход основывается на идее первичной роли социального контекста, социальной среды, социально-экономической, социокультурной обусловленности политико-институциональных изменений (Р. Арон, Р. Даль, С. Липсет). То есть становление демократических институтов зависит от уровня экономического развития. Второй подход акцентирует внимание на внутренней институциональной структуре политического процесса (С. Хантингтон) [1]. С. Хантингтон выдвинул заслуживающую внимание теорию, где политическая стабильность определяется в каждой стране степенью гражданского участия и оптимизацией уровня организации. Такой подход можно применить для трансформирующихся постсоветских обществ, где происходит отставание институциональных изменений от экономических, и соответственно от темпов политического участия граждан.

Эти два подхода дают возможность построить обобщающую модель политических изменений: стабильность, кризисность, устойчивость, что подробно описал в своей работе С. Хантингтон «Политический порядок в изменяющихся обществах», посвященной проблемам политического развития и модернизации. Устойчивость политического процесса обозначает его определенный период, уровень поддержания его целостности и системности. Поэтому теория «устойчивого развития» имеет наибольшую популярность. Считается, что ближе всего к ее реализации подошли высокоразвитые западные страны. В связи с изложенным можно констатировать, что категория «политическая стабильность» является более узким понятием, т.к. соотносится с ситуативными, тактическими параметрами политической динамики, а категория «политическая устойчивость» – со стратегическими ее изменениями.

Выражаясь физической терминологией можно согласиться с трактовкой А.А. Коновалова, который констатирует, что понятие: «устойчивость» по смыслу близко к понятиям «стационарность» и «равновесность». Это три показателя стабильности. Стабильность системы означает стабильность ее развития. Значит, в случае отсутствия устойчи-

вости нарушается и стабильность системы. В этом контексте следует привести некоторые концепции устойчивости, вытекающие из математических теорий: по Ж.А. Пуанкаре устойчивая система, выведенная из равновесия, стремится вернуться в него; по А.М. Ляпунову устойчивость трактуется шире – устойчивая система, выведенная из равновесного состояния, стремится вернуться в определенные окрестности этого состояния; по Ж.Л. Лагранжу понятие устойчивости еще менее ограничено, оно включает всю траекторию развития [2]. Полярные категории «неустойчивость» и «нестабильность» политических процессов проявляются в форме кризисных явлений.

Далее рассмотрим соотношение категорий «политическая система», «политические изменения», «политическое развитие» и «политический процесс» и попытаемся их развести. Нам представляется, что категории «политическая система» и «политические изменения» в какой-то мере являются противоположными, так как выражают состояние политической жизни: изменчивость и устойчивость политического порядка, стабильность и нестабильность, баланс и дисбаланс субъектов политической жизни.

Категории «политический процесс» и «политическое развитие» выражают определенную комбинацию институтов устойчивости и изменчивости в политической системе – сфере общества, поэтому в какой-то мере они проистекают из категории «политическая система» и «политические изменения». Если категория «политического развития» характеризует изменение институтов и систем, другими словами эволюционные или революционные перемены, то категория «политический процесс» характеризует основные механизмы преемственности, функционирования, адаптации и сохранения политических систем.

Таким образом, в целом общественный порядок и политические изменения опосредуются движением политического процесса. Понятие «процесс» используется многими общественными науками, т.к. разнообразные процессы протекают во всех сферах общественной жизни. В этом смысле политическая сфера не является исключением. Политический процесс – совокупная деятельность социальных субъектов (индивидов, групп, классов, общностей), посредством которой происходит формирование, изменение, преобразование и функционирование политической системы общества (функционирование, развитие, упадок). Вместе с тем, политические процессы служат не только формой функционирования политической сферы (системы) общества. Под политическим процессом понимается динамичное изменение политической жизни, заключающееся в воспроизводстве компонентов политической системы общества, а также в изменении ее состояния; политическая активность политических субъектов, связанная с борьбой за власть и оказанием влияния на властные структуры [3].

Поэтому под каким бы углом зрения не рассматривалась категория «стабильность», она так или иначе затрагивает и сосредотачивает внимание на процессе изменений. Однако, бесконечная череда изменений может быть разрушительной для общества. Политические изменения, происходящие в постсоветских государствах, вызвали необходимость изучения закономерностей развития трансформирующихся общественных систем. Закономерностью современного этапа развития постсоветских обществ является обострение в процессе их трансформации социальных противоречий во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, культурно-духовной, что в свою очередь обуславливает конфликтность между различными социальными группами, нарушает политическую стабильность и дестабилизирует общественную систему в целом. Следует отметить, что политическая стабильность, как и стабильность общества, обусловлена законами функционирования и развития общества, характером и способами взаимодействия его подсистем, изменения и эволюция которых не влекут за собой разрушения функционального единства структуры и их равновесия.

В истории государства и общества существовали различные модели политической стабильности. В античности стабильность понималась как гармоническое соотно-

шение между различными группами полиса. В Средние века стабильность обеспечивалась благодаря авторитету христианской церкви и силе традиций. В Новое время решающей моделью политической стабильности стала модель разделения властей и равновесия между ними, достижения баланса между различными политическими силами. В наши дни политическая стабильность обеспечивается политической системой общества и складывается из отношений населения к существующей политической власти, возможностей политического режима учитывать интересы различных групп и согласовывать их, характером отношений внутри самого общества и достигается, как правило, двумя способами: либо использованием элементов авторитаризма, либо широким развитием демократии, о чем подробнее скажем ниже.

Принято различать абсолютную, статическую и динамическую стабильность. Абсолютная – представляет собой абстракцию, не имеющую реальности. Она предполагает не только полную неподвижность политической системы и ее элементов, но и изоляцию от любых воздействий извне. Считается, что абсолютная стабильность возможна при высоком уровне благосостояния, огромной силе традиций, регулировании социального неравенства. Вместе с тем, ее дестабилизация возможна под влиянием как внешних факторов, так и нарастания внутренних кризисных явлений.

Статическая стабильность характеризуется сохранением постоянства социально-экономических и политических структур, незыблемостью общественных устоев, необходимостью сохранения господствующей идеологии, создания адекватных стереотипов политического сознания и поведения. Поэтому жизнеспособность политической системы подобной степени стабильности крайне ограничена [4].

Современное состояние общественной среды характеризуется новым динамическим уровнем стабильности. Он выработан “открытыми” обществами, способными воспринимать внутренние и внешние трансформирующие их импульсы, органично использовать демократические механизмы. Поэтому динамические системы имеют наибольшую степень стабильности. Однако они возможны (как уже было сказано) лишь в условиях демократии.

Вместе с тем, в обществе с множеством проблем социально-экономического, социально-политического развития демократия может и осложнить решение проблем политической стабильности. В условиях экономического неравенства, неразвитости гражданского общества, острых социальных конфликтов, демократия может оказаться весьма рискованной формой устойчивого развития. Считается, что одной из главных предпосылок политической стабильности является экономическая стабильность – рост благосостояния граждан. Тесная взаимосвязь между экономической эффективностью и политической стабильностью очевидна: социально-экономический фактор влияет на место и распределение политической власти в обществе и обуславливает политический порядок. Естественно, что экономические кризисы, спад производства, ухудшение уровня жизни граждан часто приводили политическую систему к разрушению.

Прогрессивная общественность понимает, что оптимизация политических изменений, которые происходят в постсоветский период, возможна только при организации взаимодействия основных институтов гражданского общества и государственных органов, что подтверждает принятый Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» [5]. Однако, следует констатировать, что институты гражданского общества у нас есть, но механизмов их системного взаимодействия с властью нет! Нравится нам это или нет, но многопартийность – это реальность. Политические партии все больше и больше заявляют о себе, пытаются различными методами повлиять на государственные структуры. Поэтому в идеале особая роль в политической системе должна принадлежать политическим партиям, общественно-политическим движениям, профсоюзам, другим организациям, создаваемым при институтах законодательной и исполнительной власти. В политических же системах постсоветских обществ, в отличие от западных стран (где политические партии играют ключевую роль в политических процессах), партии, профсоюзы и др. общественные организации отодвинуты на задний план и от их действий мало что зависит [6].

Поэтому еще раз подчеркнем, необходимость понимания теории устойчивости политических систем, значительный вклад в которую в середине прошлого века внесли Д. Истон, Г. Алмонд. Они создали политическую версию существования «черного ящика» - деформации управляющего сигнала, что объясняет механизм управления обществом как средством поддержания равновесия политической системы. Современные представления о происходящих политических изменениях в постсоветских обществах вносят существенные коррективы в данную теорию. Однако и сегодня многие исследователи подчеркивают ее универсальность: «Выделив функции «входа» и «выхода» управляющего сигнала, ученые обосновали механизм регулирования политической системы (развития общества) как простой гомеостат, обеспечивающий ее устойчивость (гомеостаз)» [7]. Рассматривая проблемы стабильного устойчивого развития общества этот факт нельзя обойти вниманием!

Список использованной литературы

1. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven – London, 1968. – P. 1–8.
2. Коновалов, А.А. Физический смысл и типология устойчивости экосистем. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DL/2-kon.htm>.
3. Политическая энциклопедия / Под. ред. Г.Ю. Семигина. М., 1999. Том 2. с. 216.
4. Политическая стабильность как цель политического процесса. URL: <http://www.txtb.ru/92/25>.
5. Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-3, «Об основах гражданского общества».
6. Агеев, Г. Особенности современного этапа трансформации политической системы России // Власть. 2007, №4. С. 91.
7. Шевченко, А.В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис. 2009. № 5. С. 69.

УДК 349.2

Г. Н. Карташова

(МАОУ Лицей №1 г. Южно-Сахалинска, Южно-Сахалинск)

СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена актуальным вопросам содействия занятости и трудоустройства несовершеннолетних. В Российской Федерации принимается много разнообразных программ для реализации принципа содействия занятости населения, трудового воспитания подрастающего поколения. При этом удается найти баланс между тем, чтобы упростить процесс трудоустройства и одновременно обеспечить гарантированность прав, защиту интересов для неокрепшей, неопытной психики молодежи. В статье освещаются не только позитивные перемены, но и недостатки современной практики правоприменения.

Одним из принципов социальной защиты населения – является принцип содействия занятости и защита населения страны от безработицы. Этот принцип включает в себя несколько его составляющих элементов: свободы занятости; особое внимание наиболее уязвимым категориям граждан в возможности занятости; участие специализированных органов и поддержка государства в лице уполномоченных представителей.

Среди прочих уязвимых категорий безработных граждан, наибольший интерес вызывают несовершеннолетние. В настоящее время много внимания уделяется вопросам трудоустройства несовершеннолетних. Как на федеральном [1], так и на региональном [2] уровнях принимаются нормативные акты, утверждаются программы по содействию профессиональной ориентации молодёжи и их трудоустройству.

Законодатель Российской Федерации в 2023 году упростил порядок принятия лиц в возрасте от 14 лет на работы. Так, в ст. 23 Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) внесены поправки, согласно которым в 01 июля 2023 года для трудоустройства достаточно получить согласие в письменной форме одного из родителей (законного представителя) [3]. Ранее требовалось согласие органов опеки и попечительства. Поскольку это согласие носило более формальный характер, нежели чем реально проверяемые условия и формы труда несовершеннолетних, то отмена данного условия – отмена фактора, замедляющего процесс трудоустройства.

Однако на практике не всё так односложно, как могло показаться в связи с принятием изменения в ТК РФ, поскольку на стадии подготовки к заключению трудового договора важно отработать процедуру согласования вакансии на портале «Работа в России». Потенциальный работодатель размещает вакансии на указанном портале, вакансии проходят проверку службой занятости соответствующего муниципального образования. Только после этого потенциальный несовершеннолетний работник регистрируется на портале «Работа в России» и подаёт заявку на занятие вакансии. Следовательно, государственный контроль за трудоустройством несовершеннолетних сохранился, но обрёл иную форму.

Учитывая, что спрос на вакансии для несовершеннолетних несколько лет подряд превышает предложение о вакансиях, то на практике введены ограничения и одно лицо не может быть трудоустроено на два срока подряд у одного работодателя. Стандарт деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по организации временного трудоустройства несовершеннолетних не предусматривает ограничений на повторную подачу заявления на трудоустройство [4]. Как правило, вакансии носят срочный характер, в связи с чем происходит постоянная ротация кадров несовершеннолетних работников у одного работодателя.

Между тем, при всех достоинствах работы обсуждаемого портала, на практике отмечается много проблем его корректной работой. Но если раньше самим семьям с несовершеннолетними работниками приходилось совершать дополнительные юридически значимые действия для трудоустройства (совместное обращение в орган опеки и попечительства), то теперь работа прибавилась у работодателя. Поскольку именно они отмечают в большей степени часто некорректную работу портала.

В этой части следует рекомендовать детальнее отрабатывать новеллы и проводить обучающие тренинги по работе с новыми программными продуктами, за которыми на начальном этапе, пока не отработана до автоматизма система, необходимы надзор и контроль со стороны инженеров.

В целях повышения интереса к трудоустройству среди несовершеннолетних, службы занятости повсеместно проводят ярмарки вакансий; организуют оплачиваемые общественные работы для несовершеннолетних; обеспечивают информационную поддержку посредством разнообразных источников; оказывают психологическую помощь всем несовершеннолетним, которые не смогли трудоустроиться; формируют банк данных вакансий для детей старше 14 лет планирующих работать по трудовому договору; регистрируют несовершеннолетних, планируют своё трудоустройство; проводят профессиональную ориентацию и социальную адаптацию на рынке труда [5].

Одним из ключевых факторов участия несовершеннолетних в трудовой деятельности общества – это возможность заработать собственные денежные средства. И условие оплаты труда действительно является обязательным условием трудового договора,

где должны быть выделены условия и размер оплаты труда. Следует отметить, что семейное законодательство в ч.ч. 2-3 ст. 60 Семейного кодекса РФ (далее СК РФ), защищая имущественные интересы ребенка, устанавливает, что он имеет право собственности на доходы и имущество, полученные (заработанные) им [6]. В вопросах распоряжения доходом и имуществом ребенка СК РФ отсылает к гражданскому законодательству, которое позволяет опекуну ребенка (ст. 37 ГК РФ) расходовать средства в интересах последнего в пределах величины прожиточного минимума, а средства свыше этой суммы - только с согласия органов опеки и попечительства. Гражданское законодательство не регулирует процесс получения и расходования доходов ребенка в виде заработной платы.

Поэтому справедливым в отношении работающих детей является установление условий выплаты и расходования денежных средств ими заработанных. Думается логичным в гл. 42 ТК включить норму об установлении заработной платы несовершеннолетним работникам. Которая установила бы, что месячная заработная плата несовершеннолетнего работника, полностью отработавшего норму рабочего времени или выполнившего норму труда, не может быть меньше прожиточного уровня несовершеннолетнего в субъекте Российской Федерации места выполнения работы. А также то, что заработная плата несовершеннолетнего работника выплачивается в месте выполнения им работы либо переводится в кредитную организацию, указанную в заявлении такого работника, на условиях, определенных трудовым договором или коллективным договором.

Список использованной литературы

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 28 января 2022 г. № 25н «Об утверждении стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время, безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, безработных граждан в возрасте от 18 до 25 лет, имеющих среднее профессиональное образование или высшее образование и ищущих работу в течение года с даты выдачи им документа об образовании и о квалификации».

2. Закон Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест»; Закон Сахалинской области от 24 ноября 2011 г. № 125-ЗО «О содействии в создании временных рабочих мест для трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время и о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Сахалинской области в сфере содействия занятости несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время» (Принят Сахалинской областной Думой 17 ноября 2011 года).

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. ФЗ от 04.08.2023 г. № 471-ФЗ).

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 28 января 2022 г. № 25н «Стандарт деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учёбы время».

5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. ФЗ от 31.07.2023 № 407-ФЗ).

А. И. Михайлова

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк)

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье анализируются теоретико-правовые особенности содержания понятия экологическое образование, автором анализируются доктринальные подходы в отношении данной категории. Проведен анализ нормативных правовых актов, документов программного и стратегического планирования Республики Беларусь на предмет закрепления в них положений, способствующих реализации процесса непрерывного экологического образования. Установлено, что образование в области охраны окружающей среды выступает важным инструментом формирования экологической культуры граждан.

Глобальные экологические проблемы с течением времени не теряют своей актуальности, экономика по-прежнему динамично развивается, стремительно используются природные ресурсы и оказывается значительное воздействие на окружающую среду. В этой связи одной из важных задач, стоящих перед государством, является достижение баланса экологических и экономических интересов общества. Для достижения поставленной цели предпринимается ряд мероприятий в области охраны окружающей среды, которые имеют организационно-правовое, экономическое и идеологическое содержание, при этом существенное место среди инструментов правовой охраны окружающей среды отводится инструментам, имеющим идеологическое содержание, в связи с чем представляется необходимым исследовать экологическое образование как правовую категорию экологического права и выявить особенности его формирования и функционирования.

В доктрине экологического права исследуемая правовая категория трактуется по-разному, так, по мнению ученых, экологическое образование заключается в популяризации базовых знаний об экологической науке, культивировании экологической осведомленности и экологической этики учащихся, а также в трансформации, контроле, аналогии и оптимизации экологических возможностей [1, с. 53]. Левченко Н. В., Куракова Н. Г. рассматривают экологическое образование как «непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, а также ценностных ориентаций, поведения и деятельности» [2, с. 110; 3, с. 145].

Экологическое образование рассматривается и как «процесс, направленный на преобразование личности на основе его непрерывного процесса обучения, воспитания и развития, на формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, поведения и установления ответственного и гармоничного отношения со средой обитания» [4, с. 116]. По мнению белорусских ученых экологическое образование «...представляет собой процесс и результат овладения знаниями, умениями и навыками в сфере состояния окружающей среды, воздействия на окружающую среду, а также последствий ее изменения» [5, с. 262].

Поддерживая вышеизложенные доктринальные подходы следует отметить, что термин экологическое образование должен включать в себя не только процесс получения необходимых знаний и компетенций в области охраны окружающей среды, но и стойкое осознание субъектом всевозможных последствий изменения состояния окружающей среды и возможные пути их предотвращения.

Государственная политика в сфере образования основывается на принципе обеспечения включения в содержание образовательной программы дошкольного образова-

ния, образовательных программ общего среднего образования, образовательных программ профессионально-технического образования, образовательных программ среднего специального образования, образовательных программ специального образования и образовательной программы дополнительного образования детей и молодежи основ знаний в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности жизнедеятельности (п.1.7 ст. 2 Кодекса об образовании) [6]. Из этого следует, что процесс формирования экологического образования в Республике Беларусь является непрерывным.

В Республике Беларусь принят ряд стратегических документов, содержащих основные приоритетные направления обеспечения экологического образования. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021 – 2025 годы содержит сведения о возрастающей доле образовательных проектов в сфере охраны окружающей среды (Зеленые школы, ПРООН – Глобальный экологический фонд и др.). Так, в рамках образовательного проекта «Зеленые школы» более чем в 400 учреждениях образования изучают вопросы биоразнообразия, энергосбережения, водосбережения, обращения с отходами, качества атмосферного воздуха и др. Количество школ, получивших сертификат «Зеленая школа» увеличилось за 2020 год более чем в два раза, если в 2019 году дипломы «Зеленых школ» 1-й, 2-й и 3-й степени имели 40 учреждений, то в 2020 году их стало 98 [7].

Обращая внимание на Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ (ред. от 04.01.2022, с изм. от 30.12.2022) «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») следует отметить отсутствие легального определения понятия экологическое образование. Так, в соответствии со ст. 72 Закона «Об охране окружающей среды» образование граждан в области охраны окружающей среды и природопользования обеспечивается путем включения в учебно-программную документацию образовательных программ основ знаний в области охраны окружающей среды и природопользования [8, ст. 75]. Правовым инструментам охраны окружающей среды, имеющим идеологическое содержание, посвящена глава 13 Закона «Об охране окружающей среды» «Образование, просвещение и научные исследования в области охраны окружающей среды», которая включает в себя четыре статьи, детализирующие общие вопросы реализации образования, просвещения в области охраны окружающей среды [8].

В соответствии со ст. 75 Закона «Об охране окружающей среды» работники, деятельность которых связана с использованием природных ресурсов и воздействием на окружающую среду, обязаны иметь необходимые знания в области охраны окружающей среды, природопользования и регулярно их повышать [8]. Нормы, детализирующие требования, предъявляемые к должностным лицам, осуществляющим деятельность, сопряженную с вредным воздействием на окружающую среду или использованием природных ресурсов, не в полной мере регламентируют объем и порядок формирования знаний экологической направленности. Так, в законе не установлен перечень должностных лиц предприятия, которые обязаны обладать знаниями в области охраны окружающей среды. Если же речь идет о руководителе предприятия, о специалистах службы охраны окружающей среды (ст. 95-1 Закона «Об охране окружающей среды»), то по нашему глубокому убеждению, этот перечень субъектов должен быть гораздо шире.

В соответствии с положением о непрерывном профессиональном образовании руководящих работников и специалистов, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 01.09.2022 № 574, руководители организаций, в интересах которых осуществляется непрерывное профессиональное образование руководящих работников и специалистов, обеспечивают направление специалистов по охране окружающей среды, иных работников, на которых возложены обязанности по охране окружающей среды и осуществлению производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов по мере необходимости, но не реже одного раза в два года. Руководители службы охраны окружающей среды

для получения образования при освоении содержания образовательной программы повышения квалификации руководящих работников и специалистов направляются по мере необходимости, но не реже одного раза в три года [9, п. 38 Положения].

Тематика образовательных курсов дополнительного образования в области охраны окружающей среды представляется весьма широкой, так, представлены следующие направления: обращение с отходами производства, порядок проведения экологического аудита, порядок организации и особенности проведения общественных обсуждений, приборный учет сточных вод и др. В данном случае можно сказать, что образовательные программы нацелены на регламентацию проведения отдельных эколого-правовых мероприятий, в отношении которых установлены соответствующие экологические требования. Экологические отношения интенсивно развиваются и усложняются, для достижения соответствующего уровня образования в области охраны окружающей среды необходимо акцентировать внимание на внедрении наилучших доступных технологий в области охраны окружающей среды с привязкой к осуществлению конкретной хозяйственной деятельности. Представляется необходимым уделять внимание вопросам внедрения принципов «зеленой» экономики и принципов цифровизации в природоохранной сфере.

При этом следует обратить внимание, что в доктрине экологического права зачастую идет речь о *формировании* инструментов правовой охраны окружающей среды, имеющих идеологическое содержание [10, с. 76–84]. Это объясняется тем, что процесс формирования экологической культуры представляет собой весьма длительный период, в результате которого происходит трансформация экологических сознаний общества, субъектов бизнеса. На данном этапе развития отношений в области охраны окружающей среды экологическая культура проходит процесс своего становления.

Таким образом, образование в области охраны окружающей среды является ключевым элементом, влияющим на формирование экологической культуры общества. В Республике Беларусь процесс получения экологического образования является непрерывным, это позволяет в должной мере обеспечить потребности граждан на каждом этапе своего профессионального развития, однако учебные программы должны учитывать потребности современного общества, которое активно внедряет инновационные технологии, принципы «зеленой» экономики, элементы цифровизации. Легальное определение понятия «экологическое образование» отсутствует в законодательстве об охране окружающей среды, анализ доктринальных подходов позволяет рассматривать экологическое образование как непрерывный процесс получения знаний в области охраны окружающей среды, который учитывает характер воздействия хозяйственной на окружающую среду и последствия ее изменения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ № Г23М-006 «Правовые проблемы формирования экологической культуры граждан и бизнеса для целей достижения устойчивого развития».

Список использованной литературы

1. Чуж Хуайсинь. Экологическое образование: теория и практика (на кит. яз.). – Пекин: Изд-во «Китайская экологическая наука», 2005. – 254 с.
2. Куракова, Н.Г. Экологическое образование и воспитание / Н.Г. Куракова // Внешкольная экология [Электронный ресурс]: – 2010. – Режим доступа: <http://www.eco.nw.ru/lib/data/10/07/070710.htm>. – Дата доступа: 22.09.2023.
3. Левченко, Н. В. Экологическое образование: классификация теоретико-методологических подходов / Н. В. Левченко // Ойкумена. – 2016. – № 1. – С. 109–116.
4. Белинова, Н. В., Современные подходы к реализации задач экологического образования детей дошкольного возраста / И.Б. Бичева, Т.Г. Ханова // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 6 (36). – С. 114–121.

5. Балащенко, С.А. Экологическое образование / С.А. Балащенко, О.В. Мороз // Белорус. юрид. энцикл.: в 4 т. / БГУ, Юрид. фак.; редкол.: С.А. Балащенко [и др.]. – Минск, 2013. – Т. 4: Т-Я. – С. 262.

6. Кодекс об образовании Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 января 2011 г., № 243-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710 (ред. от 15.11.2022) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП: в ред. Закона от 04 янв. 2022 г. № 431-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. Положение о непрерывном профессиональном образовании руководящих работников и специалистов: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 01.09.2022 № 574 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

10. Макарова, Т.И. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т.И. Макарова. – М.: Минск : БГУ, 2016. – 191 с.

УДК 349.6

Л. А. Субботина

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

«ЗЕЛЕНАЯ ПОВЕСТКА» В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируются программные документы, закрепляющие цели устойчивого развития в Республике Беларусь с акцентом на их экологическую составляющую, исследуются проблемные направления в реализации «экологических» целей устойчивого развития.

Устойчивое развитие любого государства возможно при равновесии трех основных составляющих: экономический рост, социальная ответственность и экологический баланс.

Концепция Национальной стратегии устойчивого развития (НСУР) впервые была предложена в 1992 году в «Повестке дня на XXI век», в которой к странам был обращен призыв объединить экономические, социальные и экологические задачи в единый стратегически ориентированный план действий на национальном уровне.

В 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН был принят документ – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка-2030). Повестка-2030 включает 17 целей и 169 задач, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех, и 232 индикатора для измерения их достижения. Ежегодно проводится обзор результатов стран в достижении 17 целей устойчивого развития (ЦУР) и подсчитывается Индекс достижения глобальных ЦУР. Страны ранжируются по общему баллу, который показывает прогресс государства в достижении всех 17 целей. Балл можно интерпретировать как процент достижения ЦУР. Оценка 100 означает, что все ЦУР были достигнуты [1].

Республика Беларусь активно включена в деятельность по реализации Целей устойчивого развития и принципов «зеленой» экономики. Это подтверждается международными обязательствами и принятыми программными документами. В настоящее время Беларусь является стороной двадцати трех глобальных и региональных международных договоров в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а также борьбы с изменением климата.

Важнейшие направления в области устойчивого развития определены Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года (далее – Стратегия НСУР-2035). Основной целью Стратегии НСУР – 2035 является достижение устойчивого «зеленого» роста во всех сферах жизнедеятельности общества.

В соответствии со Стратегией НСУР-2035, реализация основных задач в области охраны окружающей среды позволит достичь:

– сокращения уровня выбросов парниковых газов - с 33 процентов в 2018 году до 38 процентов к 2035 году;

– увеличения удельного веса поверхностных водных объектов с «хорошим» и «отличным» экологическим статусом до 100 процентов;

– снижения интенсивности образования отходов производства на единицу ВВП в сопоставимых ценах 2018 г. с 0,50 кг/руб до 0,40 кг/руб.;

– уменьшения площади нарушенных земель на 72 процента (с 3,6 тысяч гектаров по состоянию на 1 января 2019 года до 1 тысячи гектаров к 2035 году)[2].

В Программе социально-экономического развития на 2021-2025 годы отмечается, что «в сфере обеспечения экологической безопасности акцент будет сделан на внедрение инструментов поддержки «зеленой» экономики, в том числе будет активизирована работа по формированию национальной системы углеродного регулирования, привлечению «зеленых» инвестиций, развитию экоинноваций и созданию «зеленых» рабочих мест»[3].

По всем направлениям деятельности в природоохранной сфере разработаны и реализуются более 10 стратегий: стратегии по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия, сохранению и рациональному использованию торфяников, развитию системы особо охраняемых природных территорий, водная стратегия и ряд других. По многим из них разработаны национальные планы действий. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь обеспечивает реализацию Государственной программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021-2025 годы, Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года.

В Беларуси реализуется ряд проектов в области восстановления осушенных торфяников, защиты биологического и ландшафтного разнообразия, экологически безопасного обезвреживания стойких органических загрязнителей, противодействия деградации земель.

Особое место в системе программных документов занимает Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2025 года, в котором в качестве мероприятий предусмотрены: внедрение принципов устойчивого потребления и производства; развитие циркулярной экономики, производства органической продукции; развитие экологического туризма и агроэкотуризма; формирование умных и энергоэффективных городов; развитие электротранспорта (инфраструктуры) и городской мобильности; смягчение последствий изменения климата и адаптация к климатическим изменениям; сохранение и устойчивое использование биологического и ландшафтного разнообразия; развитие сферы «зеленого» финансирования; образование, подготовка кадров и социальная вовлеченность; научное обеспечение перехода к «зеленой» экономике [4].

Реализация этих мероприятий с начала действия программных документов позволила Республике Беларусь в 2023 году улучшить Индекс достижения глобальных ЦУР (SDG Index) до 77,5 (34 позиция из 166), что является оценкой выше средней по региону Восточной Европы и Центральной Азии[5].

При этом цели устойчивого развития, относимые к экологическим (7 ЦУР из 17), реализованы не в достаточной мере.

Направлениями, требующими дальнейшего совершенствования, являются: обеспечение населения и производств доступной и чистой энергией, реализация мер по борьбе с изменением климата и развитием партнерства в интересах устойчивого развития (ЦУР 7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех»). Реализация ЦУР 12 «Обеспечение перехода

к рациональным моделям потребления и производства» имеет определенные сложности, связанные с поддержанием бытового состояния городских и сельских территорий. Проблематичным также является захоронение отходов производства калийных удобрений и токсичных отходов 1-го и 2-го класса опасности при невозможности их утилизации. Достижение ЦУР 6 «Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех» имеет сложности, связанные с значительным превышением массы загрязняющих веществ в составе сточных вод.

Достижение ЦУР 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» и ЦУР 15 «Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия» предусматривает меры нормотворческого и регулятивного характера, направленные на борьбу с последствиями изменения климата, восстановление естественных экологических систем, прекращение деградации земель и их восстановление, воспроизводство биологических видов растений и животных в рамках восстановления биоразнообразия.

Таким образом, цели устойчивого развития, закрепленные в программных документах и реализуемые в настоящее время Республикой Беларусь могут быть достигнуты посредством создания условий для стабильности окружающей среды, а также на основе согласования целей социально-экономического развития с экологическими целями.

Список использованной литературы

1. Национальная платформа представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития (ЦУР) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/> Дата доступа: 20.11.2023.

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, утв. Протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 04 февраля 2020 года // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mintrud.gov.by/ru/programnie-dokumenti-ru> Дата доступа: 22.11.2023.

3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г. № 292 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mintrud.gov.by/ru/programnie-dokumenti-ru>. – Дата доступа: 23.11.2023.

4. О Национальном плане действий по развитию "зеленой" экономики в Республике Беларусь до 2025 года: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.12.2021 г. №710 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100710&p1=1> Дата доступа: 23.11.2023.

5. Отчет о целях устойчивого развития 2023 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/> Дата доступа: 23.11.2023.

УДК 323.21

М. В. Тимошенко

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье освещаются подходы к организации деятельности студентов юридического факультета в рамках деятельности студенческой образовательной клиники «Живое право» по реализации проектов по гражданскому и патриотическому воспитанию во время проведения электоральных компаний в Республике Беларусь.

Проект «Азбука гражданина» реализуется в рамках деятельности студенческой образовательной клиники «Живое право» с 2019 года. Идея «Азбуки гражданина» возникла на кануне парламентских выборов. Целью первой версии проекта было разъяснить молодежи в доступной форме, что представляет собой система органов государственной власти в Республике Беларусь, какова роль Национального собрания Республики Беларусь как высшего представительного и законодательного органа государства. Проект включал следующие разделы: мини-лекция, опрос «Мозговой штурм», викторина «Беларусь в лицах», упражнение «Угадай цифру», деловая игра, основной задачей которой являлось инсценирование процесса принятия закона. Участникам предоставлялась возможность попробовать себя в роли парламентариев.

К Президентским выборам 2020 года была разработана новая версия проекта «Азбука гражданина. Версия 2.0». Его цель заключалась в акцентировании внимания молодежи на необходимости принятия участия в голосовании, разъяснении актуальных вопросов, связанных с избирательным правом, порядком проведения выборов, предъявляемыми к кандидатам в президенты требованиями, процедурой выдвижения кандидатов. Деловая игра инсценировала голосование на избирательных участках: были напечатаны карточки с кандидатами в президенты, на обратной стороне которых описывались их биографии и предвыборные платформы, бюллетени для голосования, протоколы для подсчета голосов.

«Азбука гражданина. Версия 3.0.» являлась следующим этапом проекта, посвященным главному политическому событию - конституционному референдуму 2022 года, как вотуму доверия народу, признания за ним права принимать решения по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни.

Конституция – это правовой фундамент государства, основа политической, экономической, социальной, культурной и духовной системы общества, построения системы органов государственной власти. Конституция как основной закон закрепляет правовое положение личности, основы взаимодействия личности и государства, систему органов государственной власти и порядок их формирования, основы избирательной, финансовой системы. Нельзя недооценивать ее значение. Поэтому было крайне важно вовлечь студентов, обучающихся других учреждений образования в обсуждение конституционных изменений и привлечь к участию в референдуме, а как итог – повысить политическую активность молодежи.

Целевая аудитория проекта «Азбука гражданина. Версия 3.0» – учащиеся колледжей и студенты высших учебных заведений – молодежь, которая впервые должна была принять участие в референдуме.

Основная задача проекта - в доступной форме в течение сорока минут рассказать о референдуме, истории проведения референдумов в Республике Беларусь, какие основные изменения будут внесены в Конституцию и провести деловую игру. Форма общения – мини-лекция на тему «Референдум как форма участия граждан в решении важнейших вопросов государственной и общественной жизни» с обсуждением таких вопросов как: понятие референдума, какие виды референдумов бывают, когда и по каким вопросам проводились референдумы в Республике Беларусь, кому принадлежит право инициировать республиканский референдум, какие вопросы не выносятся на республиканский референдум, как проводится местный референдум, по каким вопросам. Особое внимание уделялось вносимым в Конституцию изменениям.

Заключительный этап – деловая игра с карточками. Было разработано два варианта игры. Первый - «Угадай слово», в ходе которой командам предложено за минуту назвать как можно больше понятий, связанных с референдумом и избирательным правом на основе данных капитаном команды описаний. В карточках представлен список слов, которые надо описать словами или изобразить мимикой и жестами. Второй вариант деловой игры - соотнести представленные на карточках понятия с их определениями.

Проект «Азбука гражданина» успешно реализовывался при активной поддержке ОО БРСМ на всех факультетах нашего университета и в других учреждениях образования Гомеля и области, проводился в рамках диалоговых площадок по обсуждению изменений в

Основной закон государства с участием ректора университета, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, экспертов, что повысило интерес к политическим событиям в нашей стране со стороны молодежи.

Проект «Азбука гражданина» - яркий пример успешного применения интерактивных методов в гражданском и патриотическом воспитании, воспитании активной гражданской позиции, ответственности за судьбу Беларуси. В проект активно вовлечены студенты юридического факультета, актив ОО БРСМ, которые выступают в качестве модераторов и проводят мероприятия со сверстниками. «Азбука гражданина» является первым и единственным комплексным проектом, направленным на формирование правовой и политической культуры через деловую игру и тренинги.

Проблема, на решение которой направлен проект «Азбука гражданина. Версия 4.0», заключается в активизации молодежи, привлечении ее внимания к предстоящим выборам 2024 года с целью недопустимости политического абсентеизма.

Целевая аудитория проекта - это обучающиеся учреждений общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования г. Гомеля и Гомельской области.

В качестве организаторов (модераторов) тренингов будут выступать участники студенческой образовательной клиники «Живое право» юридического факультета, секретари городской и районных организаций БРСМ.

Для повышения эффективности такой работы необходимо использовать современные технологии и методики. По этой причине нами широко используются интерактивные методы, которые позволяют активизировать коллективную деятельность всех участников образовательного процесса, развивать навыки работы в команде (например, в учебных мини-группах), формировать опыт социального взаимодействия, необходимый в дальнейшей профессиональной деятельности и социальной коммуникации.

Интерактивные методы работы с обучающимися основаны на диалоге (полилоге) и принципе «равный обучает равного». Эффективность методики обучения по принципу «равный обучает равного» обусловлена тем, что по многим вопросам молодежь в большей степени доверяет информации, полученной от сверстников, чем от взрослых. Занятия проходят в непринужденной атмосфере, используются групповые формы работы и обучения, когда каждый может высказывать свою точку зрения, задавать вопросы, принять участие в обсуждении значимой проблемы. Применяются игровые технологии, позволяющие вовлечь в процесс всех участников мероприятий и никого не оставить равнодушным.

Проект «Азбука гражданина. Версия 4.0» включает ряд этапов: мини- лекция о системе органов государственной власти и порядке их формирования, упражнение «Беларусь в цифрах», целью которого является усвоение знаний об избирательном праве и избирательной системе, едином дне голосования, работу в мини-группах, предполагающую разбор конкретных практических ситуаций и их обсуждение, деловые игры (инсценирование процесса принятия закона (решения) представительным органом с предоставлением участникам возможности попробовать себя в роли парламентария, депутата местного Совета депутатов, делегата Всебелорусского народного собрания; «Угадай слово», в ходе которой командам предлагается за минуту назвать как можно больше понятий, связанных с государством и правом, основами конституционного строя Республики Беларусь, избирательным правом на основе данных капитаном команды описаний).

Проект будет активно реализовываться перед единым днем голосования, когда будут избираться депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и местных Советов депутатов, и после него, когда будет формироваться Совет Республики и Всебелорусское народное собрание. Он не потеряет своей актуальности и после завершения процесса формирования представительных органов, поскольку готовит фундамент для следующего политического события – президентских выборов 2025 года.

Особенность проекта «Азбука гражданина. Версия 4.0» заключается в том, что он может реализовываться как в целом, так и по частям, в зависимости от запроса аудитории, например, мини-лекция с обсуждением актуальных вопросов или деловая игра.

В рамках проекта пройдет ряд мероприятий, направленных на достижение целей и выполнение задач проекта, в том числе циклы информационных, практических, профилактических занятий, обучающих игр, дискуссий в учреждениях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования по разработанной программе в соответствии с тематикой деятельности студенческой образовательной клиники «Живое право», Проект будет активно продвигаться в интернет-пространстве и социальных сетях. Знаковыми событиями станут конкурс-викторина «Калейдоскоп прав» и конкурсы «Правовой турнир».

Для более широкого охвата потенциальных участников будут проводиться пресс-конференции при запуске проекта и при подведении итогов. Проект предусматривает награждение самых активных участников проекта, организацию итоговой фотовыставки истории проекта с размещением в интернет-пространстве.

Результатом реализации проекта «Азбука гражданина. Версия 4.0» должно стать вовлечение молодежи в электоральную компанию 2024 года в целях недопущения политического абсентеизма и создание надежного фундамента для выборов 2025 года.

Дальнейшее развитие получит работа с обучающимися учреждений общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования по привлечению внимания к важнейшим политическим событиям, повышению правовой и политической культуры, углублению знаний о государстве и праве, формах участия в политической жизни общества.

За счет развития онлайн-форм работы и популяризации проекта в интернет-пространстве и социальных сетях расширится охват участников проекта, в т.ч. путем внедрения и расширения тематики онлайн-программ школы «Юный правоведа», «Студент на неделю», посвященных основам конституционного строя, правовому положению личности, системе органов государственной власти, избирательному праву и избирательной системе.

Проведение цикла тренингов по обучению эффективным методам работы с молодежью, в том числе в онлайн форме, среди актива региональных структур БРСМ (городская и районные организации БРСМ), студенчества будет способствовать повышению эффективности работы в идеологической сфере.

В целях привлечения внимания к проекту и вовлечения в него максимально широких кругов молодежи будут привлекаться СМИ, разработаны видеоролики, методические материалы (буклеты, плакаты, карточки для деловых игр), проведен цикл круглых столов, викторин-конкурсов и правовых турниров, подготовлена серия научно-методических публикаций о проекте «Азбука гражданина. Версия 4.0».

УДК 316.3:378.147:004.9:330.34

М. Я. Тишкевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются сложные и противоречивые процессы цифровизации образования в контексте устойчивого развития. В условиях, при которых главным драйвером разви-

тия всех сфер жизни общества становится цифровизация важно учитывать и минимализировать риски цифровизации для человека и общества противоречащие концепции и практике устойчивого развития. Автор статьи рассматривает влияние глобальной информационной революции на архитектуру сферы образования. Опираясь на результаты социологического исследования, автор приводит оценки студентами положительных и отрицательных сторон цифровизации образования в контексте устойчивого развития.

Концепции индустриального и информационного общества получившие свое развитие в 60-70-х годах XX-го века, определили новый этап становления цивилизации, основанной на передовых технологиях. В настоящее время, процессы глобальной информатизации приобрели характер системной инновации инициирующей изменения в экономике, политике, социальной и духовной сферах общества. Как фактор интеграции и глобализации современные информационные технологии «стирают» мировые границы и значительно расширяют области деятельности социума, а образование выступает решающим фактором и условием перехода к информационному обществу и устойчивому развитию. Концепция устойчивого развития рассматривает проблемы трансформации всех сфер человеческой деятельности включая образование. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года характеризуя тенденции глобального развития, внешние вызовы и угрозы современного мира констатирует: «В условиях глобальной борьбы за технологическое лидерство и исчерпания факторов экстенсивного роста экономики главным драйвером развития становится цифровизация. Цифровые платформы, роботизация и технологии искусственного интеллекта постепенно выходят за рамки производства, охватывая все сферы жизнедеятельности» [1, с. 8]. Информационное общество, как известно, основано на взаимодействии знаний, человека и информации, а образование обеспечивает освоение и трансляцию социального опыта, социокультурное воспроизводство человека и общества в целом. Развитие информационной среды современного общества неизбежно вызывает изменения в структуре образования и его содержании. Новая архитектура сферы образования ориентирована на «...повышение уровня цифровой грамотности детей, молодежи и взрослых, включая людей с инвалидностью, посредством внедрения обучающих практик с использованием цифровых технологий в системе основного и дополнительного образования» [1, с. 32]. Тем не менее, любая инновация, внедренная в общественные практики, показывает свои заранее прогнозируемые положительные и непредвиденные, изначально скрытые, отрицательные последствия для общества. Отношение студентов к цифровизации образования, ее положительным и отрицательным аспектам стало целью исследования в рамках совместного проекта кафедры социологии Белорусского государственного университета и кафедры политологии и социологии УО ГГУ имени Ф. Скорины. В данной статье представлены некоторые результаты опроса студентов УО ГГУ имени Ф. Скорины. Методом анкетного опроса, используя онлайн сервис для создания форм обратной связи, проведения опросов Google forms, были опрошены студенты технических, естественнонаучных и гуманитарных специальностей (N=250).

С утверждением о том, что цифровые технологии делают жизнь более лёгкой, упрощают процесс обучения и будущую работу, позволяют экономить время согласились 93,6% опрошенных студентов, не согласились с этим утверждением 2,4%, не определились в своей оценке 4,0% (таблица 1).

Как видно из ответов, подавляющее большинство студентов разделяют мнение о том, что цифровые технологии необходимы для жизни, делая жизнь более легкой, а процесс обучения более простым и экономичным во времени.

Таблица 1 – Цифровые технологии делают жизнь более лёгкой, упрощают процесс обучения и будущую работу, позволяют экономить время

	Частота	%
Да	234	93,6
Нет	6	2,4
Трудно сказать	10	4,0
Всего	250	100,0

Практически все респонденты (91,2%) констатируют тот факт, что использование цифровых технологий повышает технологичность образования, высвобождает активность студента и открывает возможности для профессионального роста и развития (таблица 2). Можно согласиться с высказыванием о том, что необходимо «...осуществить переход к социокультурному измерению цифровизации образования, основанному на изменении отношения преподавателей и студентов к онлайн-технологиям, осознанию их новой роли в обеспечении способности студентов к самоорганизации в процессе обучения» [2, с. 226]. Вместе с тем цифровизация образования чревата дегуманизацией образовательного пространства. Дистанционное обучение, например, максимально виртуализирует образовательный процесс, превращая обучаемого в стандартного получателя образовательной услуги.

Таблица 2 – Благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития

	Частота	%
Да	228	91,2
Нет	3	1,2
Трудно сказать	19	7,6
Всего	250	100,0

Результаты опроса относительно опасности цифровых технологий для человека и окружающей среды, ожидаемо разделили респондентов на две равные части – 29,2% поддержали суждение о том, что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды и столько же опрошенных не согласились с этим мнением. Значительная часть респондентов (41,6%) не определились со своей позицией, что может свидетельствовать о превалировании исключительно потребительских предпочтений в использовании цифровых технологий при отсутствии элементарных знаний о влиянии этих технологий на здоровье человека и окружающую среду (таблица 3).

Таблица 3 – Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды

	Частота	%
Да	73	29,2
Нет	73	29,2
Трудно сказать	104	41,6
Всего	250	100,0

Устойчивое развитие предполагает внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, что улучшает качество жизни человека, но и рождает проблемы, требующие своего решения. Глубокое погружение в информационную среду формирует за-

висимости, вызывает привыкание, а утечки персональных данных, изучение предпочтений людей делает их управляемыми. Ответы респондентов по данному вопросу распределились следующим образом: 30,4% согласились с тем, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым; высказали свое несогласие с данным суждением 29,2% опрошенных. Значительное количество студентов (40,4%) или 101 человек не определились с выбором (таблица 4).

Таблица 4 – Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым

	Частота	Проценты
Да	76	30,4
Нет	73	29,2
Трудно сказать	101	40,4
Всего	250	100,0

Цифровизация образования в контексте устойчивого развития общества является наиболее обсуждаемой проблемой в социологии и результаты таких обсуждений достаточно противоречивы. Неоспорим тот факт, что информационные и телекоммуникационные технологии неотъемлемая часть устойчивого развития. Цифровизация и компьютеризация делают образовательный процесс более технологичным, расширяют доступ к мировому научному наследию и облегчают коммуникации с мировым учебным и научным сообществами независимо от географического положения. С другой стороны, вопросы кибербезопасности, утечки персональных данных, негативные последствия для психического и физического здоровья обучающихся, возникновение и тиражирование цифрового неравенства в обществе бросают вызов всей системе образования.

Список использованной литературы

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Дата доступа: 15.11.2023.
2. Бурганова, Л.А. Социальные риски цифровизации высшего образования / Л.А. Бурганова // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 4. – С. 224–227.

УДК 329:342.553

Е. И. Эсмантович

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Современный этап развития гражданского общества предполагает развитие социальной активности населения, вовлечение в решение местных вопросов не только органов местного самоуправления, но и других субъектов. В связи с созданием нового представительного органа – Всебелорусского народного собрания – в последние годы возрастает активность объединений граждан, в первую очередь, политических партий. В статье рассматривается возможность влияния указанных объединений граждан не только на республиканском, но и на местном уровне.

Внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 году и появление нового органа – Всебелорусского народного собрания потребовали обновления за-

конодательства. За 2022-2023 годы приняты законы о Всебелорусском народном собрании и основах гражданского общества, внесены изменения в законодательство о политических партиях и общественных объединениях.

В результате приведения в соответствие с требованиями законодательства из 15 политических партий в Республике Беларусь смогли пройти перерегистрацию только 4 – Белорусская партия «Белая Русь», Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости. В настоящее время любая политическая партия Беларуси должна строиться по территориальному принципу: иметь организационные структуры во всех областях Республики Беларусь, районные организационные структуры не менее чем в одной трети районов и городов областного подчинения каждой из областей Республики Беларусь, районные организационные структуры не менее чем в одной трети районов города Минска [1]. Такая партийная структура позволяет и предполагает деятельность политических партий на всех административно-территориальных уровнях.

Все четыре партии, зарегистрированные на территории Республики Беларусь, в своих учредительных документах формулируют задачи развития гражданского общества. Среди целей Белорусской партии «Белая Русь» обеспечение незыблемости конституционного строя и гражданского согласия, развитие гражданского общества в Республике Беларусь и конструктивное взаимодействие со всеми его институтами [2]. Цель Либерально-демократической партии Беларуси – создание сильного консолидированного государства, где осуществляется социальное партнёрство общества и государства [3]. Коммунистическая партия Беларуси сформулировала в Программе стратегическую цель - создание общества подлинного народовластия и развитой духовной культуры, стимулирующее творческую активность личности, самоуправление трудящихся [4]. Методы деятельности Республиканской партии труда и справедливости закреплены в её Уставе: организация широкого участия граждан в общественной и политической жизни общества, участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством; содействие формированию и развитию системы социального партнерства на основе достижения баланса интересов между государством и обществом [5].

Все партии провозглашают необходимость развития местного самоуправления, оказания содействия населению территорий во взаимодействии с местными органами власти, в том числе, через представительство в органах власти и органах самоуправления различных уровней, участие в избирательных кампаниях, политическом просвещении граждан, с целью активизация их участия в управлении государственными и общественными делами, использование и поддержку различных форм самоуправления.

Стоит отметить, что избирательная активность рассматриваемых нами субъектов по сравнению с 2018 годом (год предыдущих выборов депутатов местных Советов Республики Беларусь 28-го созыва) [6] значительно выросла как на республиканском, так и на местном уровнях. Все прошедшие перерегистрацию партии претендуют на более внушительное представительство в местных Советах (таблица 1).

Таблица 1 – Представительство политических партий Республики Беларусь в местных Советах

Политическая партия	2018 год		2024 год	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Белая Русь			5187	27,6
КПБ	409	1,84	700	3,7
ЛДПБ	228	1,02	215	1,1
РПТС	177	0,79	484	2,6
Всего	1051	4,72	6586	35

Более трети депутатов местных Советов в 2018 году были членами общественного объединения «Белая Русь» [7].

Пока сложно определить, сколько представителей пройдет в депутаты местных Советов, тем не менее, цифра партийных кандидатов 6586 от общего числа 18802 составляет внушительные 35 процентов [8].

На наш взгляд, политические партии Республики Беларусь как наиболее активные и организованные субъекты гражданского общества должны выполнять значимую роль не только на республиканском, но и на местном уровне. От них во многом может зависеть решение местных вопросов. Именно политические партии, имея организационные структуры на местах, могут привлечь на свою сторону наиболее активных граждан, усилить взаимодействие с органами местного самоуправления и управления.

Повышение гражданской активности местного населения, в свою очередь, будет способствовать расширению членства в политических партиях, что для них также важно, важно для достижения основной цели любого политического сообщества – политической власти. Привлечение к решению местных задач, особенно, достижение реальных результатов в их решении, позволит завоевать симпатии определенной части местного сообщества.

Наряду с органами местного самоуправления первичные партийные организации – неотъемлемые элементы гражданского общества, выражающие связь с обществом и стремящиеся улучшить его. В современных условиях они могут помочь сформировать гражданскую компетентность жителей административно-территориальной единицы, содействовать их сплоченности, развивать гражданскую активность.

Создание разветвленной партийной структуры в регионах будет способствовать росту социально-политической активности населения. Привлечение внимания к своим уставным целям и программам даст возможность иметь своих представителей в местном самоуправлении. Таким образом политические партии смогут обеспечить развитие местного самоуправления и расширить свой электорат.

Список использованной литературы

1. О политических партиях: Закон Республики Беларусь 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ // ИПС «Эталон». – URL: <https://etalonline.by/>.
2. Программа партии «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт белорусской партии «Белая Русь». - URL: <https://partiya.by>.
3. Программа ЛДПБ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПБ. - URL: <https://ldpb.by/ru/category/informatsiya>.
4. Программа Коммунистической партии Беларуси [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПБ. – URL: <http://www.comparty.by/>
5. Устав Республиканской партии труда и справедливости [электронный ресурс] // Официальный сайт Республиканской партии труда и справедливости. - URL: <https://rpts.by/ru>.
6. Сведения о партийности кандидатов в депутаты местных советов депутатов 28 созыва по состоянию на 19.01.2018 [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/elections-ms28-elect-36-37.pdf>.
7. Беларусь сегодня [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sb.by/articles/bolee-treti-deputatov-mestnykh-sovetov-chleny-beloy-rusi.html>.
8. Сведения о партийности кандидатов в депутаты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/files/Pdf/2024/stat34-35.pdf>.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 341.1

И. В. Ершова, Л. В. Левит, И. В. Савельев

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск)*

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

В работе анализируются вопросы влияния правовой культуры на функционирование института мировой юстиции. Рассматриваются некоторые нормы Кодекса судейской этики, являющиеся основой для правовой культуры мировых судей. Для отправления правосудия и безупречного применения норм материального и процессуального права, а также эталонного поведения необходим высокий уровень правовой культуры у мировых судей.

Мировая юстиция – уровень судебной власти, с которой обычный гражданин сталкивается чаще всего. Уровень правовой культуры мирового судьи, его правосознание, профессионализм является неотъемлемым условием профилактики правового нигилизма населения.

Впервые мировые суды, как государственный институт, в России были созданы в ходе судебной реформы Александра II. Несмотря на то, что институт мировой юстиции происходил из самоуправления территориальных единиц, свой юридический статус приобрел только с государственно-властных полномочий [1].

Зарождение института мировой юстиции было вызвано объективными причинами. Необходимость усиления централизации власти в связи с формированием централизованных государств, обострение борьбы с оппозицией и необходимость наведения общественного порядка обусловили сосредоточение в руках одного лица как административных, так и судебных функций. Рост количества споров и конфликтов, с которыми не справлялись находившиеся у власти лица, требовал создания местной юстиции, пользующейся большим доверием у населения, но находящейся под постоянным контролем со стороны господствующего класса [1].

Мировая юстиция представляла собой достаточно приближенную к гражданам, обособленную замкнутую систему. Мировые суды рассматривали незначительные дела уголовной или гражданской направленности (уголовные – до года лишения свободы, а по гражданским делам сумма иска не должна была превышать пятьсот рублей). Должность мирового судьи считалась очень сложной и общественно значимой [2].

Мировые судьи разбирали подавляющее большинство споров физических лиц.

Вновь мировая юстиция возродилась в России в ходе судебной реформы 1990-х годов. Она является составной частью судебной системы РФ и входит в состав судов общей юрисдикции субъектов федерации.

Институт мировой юстиции был возрожден для предоставления широким слоям населения доступную судебную защиту [3].

Деятельность мировых судей регулируется федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 N 188-ФЗ и им подсудны часто рассматриваемые ситуации: уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы; дела о выдаче судебного приказа; дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; дела о

разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; дела по имущественным спорам, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; дела по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей; дела об административных правонарушениях, отнесенные к компетенции мирового судьи Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и законами субъектов Российской Федерации (ст. 3 обозначенного ФЗ) [5].

В настоящее время достаточно актуальным и обсуждаемым вопросом является эффективность функционирования института правосудия и влияние правовой культуры на их деятельность. Условием корректного применения норм права, издания не противоречащих принципу законности правоприменительных актов является высокий уровень правосознания и правовой культуры судей.

В контексте настоящей статьи анализируется такое понятие, как правовая культура. В общее понятие культуры входят такие элементы, как нравы, обычаи, язык, письменность, экономика, общественно-политическое устройство, наука, техника, а также судопроизводство [4].

Под термином «правовая культура» понимается все, что создано человеком в правовом поле: правовые нормы, законы и подзаконные акты, правоотношения. Институт мировой юстиции транслирует правовую культуру среди граждан посредством издания судебных решений. Правовая культура предполагает не только безупречное знание и уважение права, но и эталонное поведение судьи и следование предписаниям закона. Вынесенные судебные решения должны основываться на принципах законности, справедливости, гуманизма.

Правовая культура судьи состоит из трех взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих: идеологической, психологической и поведенческой. Первая включает в себя знание и понимание буквы закона, вторая включает в себя уважение права, в то время как третья составляющая проявляется не только в знании юридической техники акта, но и в умении ее применить при вынесении решения. Таким образом, знание, понимание и действие в соответствии с буквой закона и формирует общее понятие правовой культуры. На законодательном уровне установлена необходимость обладания судьями высокого уровня правовой культуры и положительного правосознания. Деятельность судебной власти основана на основополагающих началах правосудия, которыми являются законность, справедливость, беспристрастность. Вынесенные судебные решения являются проявлением правовой культуры судьи. В соответствии с нормами ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», мировые судьи осуществляют судебную деятельность на профессиональной основе [5]. Уровень профессионализма судебной власти выражается в качестве выносимых судебных решений. Несмотря на большой объем рассматриваемых мировыми судьями дел, важно поддерживать высокое качество правосудия, обеспечиваемое вынесением законных и обоснованных решений, соблюдение порядка исполнения судебных решений, следствием чего является повышение доверия населения к судебной власти, и, следовательно, повышение авторитета судебной власти.

Эталонное поведение судьи четко устанавливается в Кодексе судейской этики. В Кодексе указывается, что судебная защита прав и свобод человека обеспечивается исключительно компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности. Это означает соблюдение судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства, и авторитета судебной власти.

Принципы, на которых основывается поведение судей, также изложены в Кодексе судейской этики. Так, в гл. II Кодекса подчеркивается необходимость соблюдения законодательства и Кодекса судейской этики. Соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни, должно способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, уверенности в компетентности, независимости, беспристрастности и справедливости института судопроизводства [6]. Согласно ст. 9 и ст. 10 Кодекса судья, при осуществлении правосудия, придерживается принципа объективности и беспристрастности, принципа равенства, способствует поддержанию уверенности общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи и органов судебной власти [6]. Судья должен обладать такими характеристиками, как моральность, нравственность, честность, умение сохранить свою честь и личное достоинство в любой ситуации, что является возможным лишь при наличии высокого уровня правовой культуры и правосознания. Высокий уровень правовой культуры судьи предполагает такую профессиональную подготовку судьи, в соответствии с которой он должен обладать набором профессиональных знаний, умений, навыков. Поэтому в законодательстве делается указание на стаж работы по юридической специальности, необходимый для занятия судейской должности. На основании ст. 11 Кодекса судейской этики, судья должен обладать такими качествами, как компетентность, добросовестность, свои обязанности судья должен исполнять на высоком профессиональном уровне [6]. Эффективность, и, следовательно, авторитет судебной деятельности зависит от прозрачности судопроизводства, доверия со стороны общества, от должного понимания обществом правовых мотивов принятых судом решений. Представляется верной позиция Сачкова А.Н. и Филонова Ю.Л., обозначающих профессиональную правовую культуру судьи в качестве одного из самостоятельных и наиболее важных институциональных признаков мировой юстиции. [7, с. 106]. Следует согласиться с мнением Сачкова А.Н., считающего правовую культуру мировых судей социально – правовой ценностью для общества. С позиции данного подхода, состояние мировой юстиции оценивается обществом с трех позиций: доверия населения к судебной власти, выносимым ими решений, авторитета судебной власти; судебной возможности урегулировать возникший конфликт путем удовлетворения интереса одной из сторон, восстановления нарушенного субъективного права, путем примирения сторон; справедливости судебных актов мировых судей, соответствия актов нормам и правилам юридической техники [8, с. 17]. Потенциал социальной ценности правовой культуры мировых судей складывается из их особых взаимоотношений с населением соответствующих судебных участков, на которых они работают. Как правило, мировые судьи знакомы с проблемами населения, проживающего в пределах судебных участков. В своем лице мировой судья отождествляет всю полноту судебной власти, поэтому степень доверия мировому судье достаточно высока – мировой судья единолично рассматривает судебные споры и единоначально выносит решение. Гражданин, обращающийся за помощью к мировому судье, предполагает получить от него квалифицированную помощь. Для граждан понятия «судебная власть» и «правосудие» впервые персонифицированы в лице мирового судьи. Таким образом, особый межличностный характер государственно-властных взаимоотношений мирового судьи с населением судебного участка является важной социально – правовой особенностью профессиональной правовой культуры [7, с. 109]. Мировой судья является носителем уникального типа профессиональной правовой культуры. Для повышения уровня правовой культуры необходима постоянная работа над ее составными элементами: идеологическим, психологическим и поведенческим. Рост авторитета судебной власти достигается качеством выносимых судебных актов, доступностью и прозрачностью правосудия.

Список использованной литературы

1. Щербинина, И. А. Генезис института мировых судей в России / И. А. Щербинина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 3 (293). – С. 244–246. – URL: <https://moluch.ru/archive/293/66528/> (дата обращения: 15.11.2023).
2. Руденок, А. А. Мировой суд в Российской Империи в 1864–1889 годах / А. А. Руденок. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 13 (355). – С. 187–189. – URL: <https://moluch.ru/archive/355/79469/> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Горелкина, А. А. Мировые судьи в судебной системе Российской Федерации / А. А. Горелкина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 275–277. – URL: <https://moluch.ru/archive/397/87738/> (дата обращения: 15.11.2023).
4. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-202-4.htm#zag1466> (дата обращения 15.11.2023 г.).
5. ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»//Собрание законодательства Российской Федерации №51 от 21 декабря 1998 г., ст.6270.
6. Кодекс судейской этики (с изменениями на 8 декабря 2016г.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.20123г.).
7. Сачков А.Н., Филонов Ю.Л. Правовая культура мировой юстиции как институциональный признак // Философия права. - 2007. - №1. - С. 106-111.
8. Сачков А.Н. Объективация судебной власти мировых судей: к вопросу об институциональном измерении эффективности // ЮристПравоведь. – 2009. – №3. – С. 16–21.

УДК 330.34(476)

Н. И. Исайчикова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Возникновение социально ориентированной экономики стало закономерной тенденцией экономического развития нашей страны. Уделение должного внимания социальной сфере исходит из опыта предыдущих поколений в совершенствовании экономического строя общества, ведь именно социальная сфера определяет реальное состояние субъектов, через них влияет на доходность и эффективность экономики в целом.

Концепция социально-экономического развития в Беларуси представляет собой уникальное сочетание государственного регулирования и социальной направленности в контексте рыночной экономики. В чем же состоит эта уникальность? Прежде всего – в системе государственной координации экономической деятельности, гармонизированной с общенациональными интересами. Такой подход способствует устойчивости и сбалансированности национальной экономики, обеспечивает высокую занятость населения страны с акцентом на создание высокопроизводительных рабочих мест, гарантирует экономическую и продовольственную безопасность белорусского общества.

Совмещение рыночных и социальных принципов в регулировании экономической деятельности достигается путем координации экономической активности на макроуровне в интересах всего общества, сохраняя при этом стимулирующую роль рыночной конкуренции для хозяйствующих субъектов. Такая стратегия позволяет государству эффективно направлять экономическую деятельность, объединяя все имеющиеся ресурсы для достижения поставленных стратегических социально-экономических целей.

Ключевыми чертами социально-экономической модели являются предотвращение значительных социальных разрывов и предупреждение монополизации рынков, что позволяет экономике Республики Беларусь оставаться открытой для инвестиций и инноваций, нацеленных на развитие высокотехнологичного реального сектора.

Основным инструментом государства для решения стратегических и тактических задач в области экономической политики стал метод программно-целевого управления. Суть данного метода заключается в выборе основных целей, разработке взаимосвязанных мероприятий для их достижения в установленные сроки, обеспечивая сбалансированное распределение ресурсов с учетом их эффективного использования. Основной формой его применения являются различные целевые программы, такие как программа социально-экономического развития, национальная стратегия устойчивого развития, программа инновационного развития и другие. Следует также отметить, что все разрабатываемые программы адаптированы к историческим, экономическим и ментальным особенностям государства, что способствует эффективному достижению прогнозируемых показателей развития экономики и социальной сферы.

Так, программа социально-экономического развития Республики Беларусь на период 2021–2025 годов направлена на обеспечение стабильности в обществе и повышение благосостояния граждан. Поставленные в ней цели достигаются путем модернизации экономики, увеличения социального капитала и создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации человека. Развитие страны в соответствии с этой программой опирается на приоритеты, такие как счастливая семья, сильные регионы, интеллектуальная страна, государство-партнер. Все они направлены на укрепление взаимного доверия между государством и обществом, государством и человеком, государством и бизнесом [1].

Особое внимание в рамках этой программы уделяется формированию благоприятной институциональной среды, активно поощряя развитие высокотехнологичных отраслей, включая фармацевтику, оптику и электронику.

Необходимо отметить, что в рамках экономической стратегии Беларуси успешно реализованы ключевые задачи:

1. Сохранение, восстановление и модернизация крупных государственных предприятий в основных секторах экономики с применением прямых государственных инвестиций и субсидий.

2. Проведение частичной приватизации государственных предприятий через акционирование при сохранении контроля государства над процессом.

3. Модернизация сельского хозяйства с акцентом на обеспечение продовольственной безопасности страны.

4. Широкомасштабная модернизация ключевых промышленных предприятий в рамках целевых государственных программ.

5. Поддержание и развитие трудового и производственного потенциала предприятий через систему субсидирования и объединение убыточных предприятий с прибыльными, государственных заказов.

6. Предотвращение искусственного банкротства и рейдерских захватов предприятий государственной собственности.

7. Стимулирование импортозамещения и увеличение уровня локализации стратегически важных товаров, развитие экспорта.

8. Формирование новых высокотехнологичных отраслей и производств.

Ключевые факторы, способствующие развитию экономики Беларуси, включают [2]: во-первых, эффективное использование ограниченных природных ресурсов. Несмотря на отсутствие обширных запасов минеральных ресурсов, невысокую плодородность почв, Беларусь, находясь в зоне земледелия с повышенными рисками, успешно применяет экономический подход к каждому участку земли. Это включает экономное распоряжение местными ресурсами, применение передовых технологий и современного

оборудования отечественного производства. Высокая технологическая и трудовая дисциплина также играют важную роль, позволяя достигать оптимальных результатов в сложных геоэкономических условиях;

во-вторых, высокий уровень образования населения и квалификация рабочих кадров;

в-третьих, наличие в стране значительного научно-инновационного потенциала, который становится дополнительным стимулом для развития экономики страны;

в-четвертых, высокая степень открытости экономики. Экспортная ориентация, в сочетании с эффективной оптимизацией импорта и стратегией импортозамещения, не только способствует увеличению числа рабочих мест, но и обеспечивает высокий уровень экономической безопасности страны. Республика Беларусь экспортирует товары в 150 стран мира;

в-пятых, развитие экономической интеграции, прежде всего углубление двусторонней интеграции с Российской Федерацией в рамках Союзного государства с соблюдением национальных интересов, участие в Евразийском экономическом союзе, Содружестве Независимых Государств и других интеграционных проектах не только расширили рынки сбыта, но и обеспечили дополнительные инвестиции и трудовые ресурсы. По данным Белстат [3], в январе-августе 2023 года на долю стран СНГ приходилось 69,5% общего объема экспорта республики (в январе-августе 2022 года – 65,6%), в то время как на долю стран вне СНГ – 30,5% (по сравнению с 34,4% в январе-августе 2022 года).

В заключении хотелось бы отметить, что защита, сохранение и самостоятельное развитие собственной социально-экономической модели нашей страны становятся неотъемлемым условием выживания белорусской нации.

Список использованной литературы

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г. № 292// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь 04.08.2021 , 1/19834

2. Современная политэкономия : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования / В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2022. – 464 с.

3. Социально-экономическое положение Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d70/50mysjk2n03c86wt4assmhz0dopnu6nm.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2023.

УДК 37.017.4(476)

Е. М. Каравеева

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются вопросы воспитания гражданственности и патриотизма в нормативном и теоретическом аспекте, обоснована значимость гражданско-патриотического воспитания для современного государства. Отмечено, что воспитание патриотизма это необходимое условие формирования ценностных установок гражданина, обозначена роль учреждений образования и педагогических работников в данном процессе.

В современных геополитических условиях патриотизм и гражданственность приобретают неоспоримую значимость, как для государства, так и для общества и человека.

От того, насколько осознает человек свою роль в решении государственных задач, любит свою страну, знает историю, уважает достижения предков, готов стать на защиту Родины зависит суверенитет Республики Беларусь. А от сохранения суверенитета зависит возможность человека жить в своей стране со своими ценностными установками.

Процесс формирования патриотизма и гражданственности предполагает последовательность и включенность в него учреждений образования всех уровней, поскольку воспитание – процесс непрерывный, который осуществляется на протяжении всей жизни человека.

В Кодексе Республики Беларусь «Об образовании» закреплено, что целями образования являются формирование гражданственности и патриотизма, интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие личности обучающегося, формирование у него знаний, умений, навыков и компетенций [1, п. 2 ст. 10].

В соответствии со ст. 17 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. Достижение цели воспитания предполагает решение ряда задач, одной из которых является формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания молодежи на основе государственной идеологии. П.3 вышеуказанной статьи определяет, что воспитание основывается на общечеловеческих, гуманистических ценностях, культурных и духовных традициях белорусского народа, государственной идеологии, отражает интересы личности, общества и государства [1].

Таким образом, воспитательный процесс выходит на первое место на современном этапе развития образования и предполагает усвоение обучающимся идей, ценностей, принципов и представлений, объединяющих население Беларуси в политическое сообщество, необходимых для их осознанного участия в общественно-политической жизни страны в качестве ее полноправных граждан, формирование социально-личностных компетенций, осмысление и понимание основных ценностей и приоритетов развития Республики Беларусь на современном этапе, становление активной гражданской позиции, позволяющей определить пути конструктивной самореализации, активно включиться в созидательную деятельность.

Как отмечают современные ученые, воспитание гражданственности и патриотизма – это целенаправленная и систематическая деятельность по формированию у молодежи высокого патриотического сознания, чувства верности своей Родине, своему народу, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов своей страны. Оно направленно на формирование и развитие духовно-нравственных качеств личности учащихся, любви к родному краю, культурному наследию своего народа, чувства сопричастности к истории и ответственности за будущее своей Родины.

Патриотическое воспитание – это деятельность по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Воспитание патриота происходит в процессе развития личности, поэтому особое значение имеет трансляция традиционных ценностей: прав и обязанностей человека, Родины, Отечества, труда, семьи, ответственности, гражданственности, толерантности.

Патриотическое воспитание способствует стабильности функционирования институтов гражданского общества, недопущению совершения правонарушений и преступлений, сохранению историко-культурного наследия.

Гражданственность подразумевает определенный уровень сформированности духовной культуры человека, включает такие составные элементы, как потребности и привычки. Гражданственность рассматриваем по следующим аспектам: мировоззренческому, поведенческому, оценочному и культурному, проявляется в специфической гражданской деятельности. Учеными гражданское воспитание трактуется как:

- целенаправленный и управляемый процесс по овладению опытом;
- одно из направлений системы воспитания;
- процесс формирования гражданских качеств, патриотических чувств, которые предполагают освоение компетенций и успешной созидательной деятельности [2].

Патриотизм – духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства [3].

«Патриотизму, – отметил А.Г.Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании, – нельзя научить. Можно только показать пример своей искренней любовью к родной земле, гордостью достижениями своего народа, бережным отношением к историческому наследию, уважением традиций и ценностей многих поколений белорусов, конкретными делами во благо страны» [4].

О важности формирования патриотизма и гражданственности говорится в Конституции Республики Беларусь, Концепции правовой политики, Кодексе Республики Беларусь об образовании, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022 – 2025 годы, и др.

Патриотизм нужно пробуждать, а не навязывать, так как любовь к Родине по приказу невозможна. Важная роль в данном процессе отводится педагогу, который должен подходить к данному вопросу максимально ответственно и заинтересованно. Основной задачей является создать наиболее результативную систему патриотического воспитания для формирования у подрастающего поколения чувства принадлежности и сопричастности к белорусскому государству и обществу, сформировать гражданскую позицию и патриотизм. Меняется воспитательный идеал как ориентир для деятельности социальных институтов воспитания, но сохраняется обязанность педагога осуществлять воспитательную функцию в образовательном процессе.

Таким образом, задача педагогов в современном государстве заключается в том, чтобы создать наиболее результативную систему патриотического воспитания, определить направления и методы, которые помогут усвоить духовные традиции белорусского народа, идеологию белорусского государства, сформировать гражданскую позицию и патриотизм, готовность к исполнению гражданского долга, чувства принадлежности и сопричастности к белорусскому государству и обществу.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г., № 243-3 (в редакции закона от 14.01.2022 № 154-3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk1100243>. – Дата доступа: 02.10.2023.

2. Гревцева, Г.Я. Педагогические условия воспитания патриотизма обучающихся: теоретический и практический аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-vospitaniya-patriotizma-obuchayuschih-sya-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty> – Дата доступа: 02.10.2023.

3. Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022 – 2025 годы: Постановление Совет Министров Республики Беларусь 29.12. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1>. – Дата доступа: 02.10.2023.

4. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> – Дата доступа: 02.10.2023.

Е. С. Логунова

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ БЕЛОРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье анализируются место и роль религиозных организаций в развитии белорусского государства в условиях формирования гражданского общества, рассматриваются особенности правового положения религиозных организаций как субъектов гражданского общества и их взаимодействия с государством, а также выделяются некоторые правовые проблемы взаимодействия государства и религиозных организаций и предлагаются пути их решения.

Новый Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-3 «Об основах гражданского общества» (далее – Закон № 250-3) [1] определил вектор развития современного белорусского государства в сторону построения активного и сбалансированного взаимодействия государства и общества. Закон № 250-3 сформулировал новые для белорусской правовой системы понятия «гражданское общество», «субъекты гражданского общества», а также установил основные задачи взаимодействия государства и гражданского общества, общие и особые формы такого взаимодействия.

На сегодняшний день в Республике Беларусь в качестве одной из площадок для взаимодействия государства и гражданского общества рассматривается религия, что также отметил Глава государства А.Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании [2]. Религия как система взглядов оказывает сильное морально-нравственное и воспитательное воздействие как на отдельно взятого человека, так и на общество в целом. В данном контексте гражданское общество рассматривается как естественно сложившиеся взаимоотношения между индивидами с целью удовлетворения их духовных потребностей. Сбалансированное и развитое гражданское общество в значении системы религиозных отношений индивидов институционализируется через создание и деятельность разнообразных религиозных организаций и существенно влияет на мирное и устойчивое развитие межконфессиональных отношений, предупреждение религиозных конфликтов. Таким образом, религиозные организации являются одним из механизмов, позиционирующих себя как субъекты гражданского общества, его неотъемлемая часть.

Вопросы, связанные с правовым положением и деятельностью религиозных организаций, регулируются, прежде всего, Конституцией Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (далее – Конституция) [3]. Конституционную основу правового статуса религиозных организаций формируют положения о недопустимости установления идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп в качестве обязательной для граждан (ч. 4 ст. 4); законодательном регулировании взаимоотношений государства и религиозных организаций, которое осуществляется с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (ч. 2 ст. 16); запрете деятельности религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности (ч. 3 ст. 16) и другие.

В развитие конституционных положений принят Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХП «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон) [4], который определяет правовые основы создания и деятельности религиозных организаций. Отметим, что в целях реализации конституционной реформы, в настоящее

время осуществляется активная работа по разработке новой редакции Закона (в июне 2023 г. завершилось общественное обсуждение проекта Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» [5]).

На сегодняшний день Закон содержит в себе положения, необходимые для реализации задач белорусского государства по обеспечению надлежащего взаимодействия государственных органов (организаций) и религиозных организаций как субъектов гражданского общества. Государство уважает мировоззренческий выбор своих граждан и не регулирует внутреннюю деятельность религиозных организаций, они могут взаимодействовать друг с другом, например, тогда, когда под воздействием малоизвестных и зачастую опасных культов нарушаются права граждан, разрушается личность, физическое и психическое здоровье подрастающего поколения, подрывается безопасность государства, разрушаются семьи, традиционные культурные и духовные устои общества. Государство может строить свои взаимоотношения с религиозными организациями путем заключения с ними соглашений в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь. Государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству Республики Беларусь.

Данное положение отражается и в правоприменительной практике. В соответствии с поручением Главы государства, данным в ходе проведения 1 марта 2019 г. встречи с представителями общественности и экспертного сообщества, уполномоченным по делам религий и национальностей рассматривалось обращение гражданина П., касающееся оказания влияния государства на деятельность и проведение реформ в Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), в результате чего было принято решение о том, что вопрос гражданина П. является необоснованным, т.к. указанная религиозная организация осуществляет свою деятельность на территории Российской Федерации, и в рамках взаимодействия государства и РПЦ, в соответствии с действующим законодательством, государство не может оказывать влияние на происходящие в церкви реформы [6].

В тексте Закона наблюдается тенденция определения государства как единственного субъекта-регулятора для всех конфессий, который создает общие условия для определения их правового положения. Другими словами, только от государства могут исходить обязательные нормы, определяющие исходный статус и основные правила «нахождения» в государстве и обществе любых религиозных организаций. Закон предусматривает различные пути содействия государства выполнению функций религиозных организаций. Это может быть, например, передача в собственность религиозных организаций для использования в религиозных целях культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения, находящегося в республиканской или коммунальной собственности.

Государство также оставило за собой функцию контроля за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организаций и вменило ее специализированному органу, ответственному за организацию взаимодействия органов государственной власти с религиозными организациями – Республиканскому органу государственного управления по делам религий (ст. 11 Закона) [4].

Закон устанавливает, что на основании принципа отделения религиозных организаций от государства, последнее не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии с убеждениями указанных лиц и с учетом права ребенка на свободу совести, за исключением случаев, когда побуждение к религиозным действиям угрожает непосредственно жизни или здоровью ребенка, нарушает законные права.

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что национальная правовая система отражает и учитывает исторически сложившуюся в Республике Беларусь ситуацию в области свободы совести, упорядочивает деятельность религиозных организаций,

создает предпосылки для ограждения личности от разрушительной псевдорелигиозной деятельности, способствует упрочнению национальной самобытности и гражданскому миру и закладывает основы дальнейшей гармонизации взаимоотношений государства и религиозных организаций в условиях формирования белорусского гражданского общества.

Однако на пути своего развития и становления государственно-конфессиональные отношения до сих пор нуждаются во внимании и доработках. В настоящее время все чаще появляются вопросы о том, действительно ли государство эффективно взаимодействует с религиозными организациями. В ходе анализа различного рода статей и законодательства были выделены наиболее актуальные правовые проблемы в данной области.

В первую очередь, стоит обратить внимание на преамбулу Закона, значение которой связано с содержанием в ней основных целей и задач, условий, обстоятельств и мотивов, послуживших поводом для его принятия. Неоднозначной ситуацией является закрепление в преамбуле Закона особой роли для белорусского народа Православной церкви. На сегодняшний момент актуальным является вопрос возможности построения Республикой Беларусь отношений сотрудничества с различными конфессиями, законно осуществляющими свою деятельность на территории государства, поскольку подобные отношения уже существуют с Православной церковью. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и БПЦ не является нарушением принципа толерантности, веротерпимости. Ч. 7 ст. 8 Закона не дает ни одной конфессии преимуществ на заключение соглашения с государством [4]. Безусловно, данное положение закрепляется, исходя из уважения к историческому прошлому страны, что является положительным моментом для национальной политики. Но такое уважение создает ситуацию преференциального положения Белорусской православной церкви (далее – БПЦ), выделяет определенное религиозное направление, что ставится в противоречие с принципами, которым должно соответствовать светское государство. Отметим, что, исследуя проблему взаимодействия государства и религиозных конфессий, Л. Е. Земляков, рассматривая политико-правовые основы регулирования государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь, отмечает, что современная динамика таких отношений опережает темпы их правовой регламентации, а это не позволяет в полной мере решать некоторые вопросы в правоприменительной практике [7, с. 41].

Примечательно, что равенство религий на территории Республики Беларусь имеет свои ограничения и в Конституции Республики Беларусь: ст. 16 устанавливает, что характер взаимоотношений государства и религиозных организаций определяется с учетом степени влияния исповедуемой религии на культуру и традиции белорусского народа [3]. Такое положение рассматривается отдельными учеными как нормативно установленный примат БПЦ и сужение принципа до следующего содержания: все религиозные организации подчиняются закону и несут равную ответственность за его нарушение [7, с. 41].

В русле проведения преобразований предлагается изложить преамбулу Закона в следующей редакции: «Настоящий Закон регулирует правоотношения в области права человека и гражданина на свободу совести, а также определяет правовые основы создания и деятельности религиозных организаций исходя из национального характера белорусского народа; права каждого на свободу совести, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии; равенства религий перед законом; необходимости содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения религиозных чувств граждан в вопросах свободы совести».

В настоящее время в Республике Беларусь также отмечается отсутствие четкого нормативного регулирования взаимодействия религиозных организаций с органами государственной власти, что, в свою очередь, создает предпосылки неоднозначной реализации принципа светскости регулирования государственно-конфессиональных отношений. Сейчас в Законе установлены общие принципы государственно-конфессиональных отношений: отделение религиозных организаций от государства, добровольность их создания и другие. Однако представляется целесообразным четко определить возможные

направления совместной деятельности государства и религиозных организаций в различных сферах общественной жизни, нормативно закрепив формы их сотрудничества и меры взаимной ответственности, чтобы минимизировать возможность произвольного толкования принципа светскости в данной сфере. Считаем целесообразным разработать и дополнить Закон главой, регулирующей вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного управления и самоуправления с религиозными организациями, где будет отражен механизм такого взаимодействия.

Таким образом, роль религиозного фактора в развитии современного белорусского гражданского общества является достаточно важной и актуальной, поскольку религия способствует взаимодействию государства с общественностью. Указанное взаимодействие в контексте данного исследования рассматривается через призму взаимоотношений государства и религиозных организаций, являющихся самостоятельными субъектами гражданского общества. Деятельность религиозных организаций служит способом проявления активности гражданского общества в жизненно важных социальных вопросах, таких как религиозная самоорганизация. В добавок к этому, оценивая взаимодействие государства и религиозных организаций можно говорить о том, что национальная правовая система отражает и учитывает исторически сложившуюся в Республике Беларусь ситуацию в области свободы совести, упорядочивает деятельность религиозных организаций, создает предпосылки для ограждения личности от разрушительной псевдорелигиозной деятельности, способствует упрочнению национальной самобытности и гражданскому миру и закладывает основы дальнейшей гармонизации взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Список использованной литературы

1. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 фев. 2023 г., № 259-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Дата доступа : 20.10.2023.
2. О единстве, развитии и независимости. Доклад Президента Александра Лукашенко на шестом Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/lyubimuyu-neotdadim4.html>. – Дата доступа: 20.10.2023.
3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февраля 2022 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021 г., № 124-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Дата доступа : 25.10.2023.
4. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. № 328-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Дата доступа : 20.10.2023.
5. Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций [Электронный ресурс] : Проект Закона Респ. Беларусь : принят Палатой представителей Респ. Беларусь в первом чтении 11 октября 2023 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Дата доступа : 25.10.2023.
6. О рассмотрении обращений граждан по вопросам компетенции Уполномоченного по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа : <https://belarus21.by/Articles/o-rassmotrenii-obrashhenij-grazhdan-po-voprosam-kompetencii-upolnomochennogo-po-delam-religij-i-nacionaj>. – Дата доступа : 25.10.2023.
7. Земляков, Л. Е. Взаимоотношения государства и конфессий в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков // Проблемы управления (Минск). – 2021. – № 4(41). – С. 39–43.

Т. З. Шалаева

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест)

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЕЕ СТРУКТУРА КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья направлена на освещение теоретико-правовых аспектов организации социальной сферы Беларуси в условиях экономической интеграции. Автором отмечается, что социальная сфера, ее эффективность и фундаментальность, является важнейшей гарантией национального благополучия и государственного суверенитета, защищенности и безопасности национальных достижений, преемственности историко-культурного наследия, процветания и развития человеческого капитала.

Республика Беларусь представлена как суверенное государство в экономических интеграциях Евразийского экономического союза с четырьмя странами-участницами и Союзом государств с Российской Федерацией. В двух названных экономических интеграциях наблюдается достаточно эффективное правовое взаимодействие государств по основным социально-экономическим сферам регулирования. В то же время практически без внимания оставлена проблема правового обеспечения социальной сферы государств-членов названных интеграционных образований как фундаментальной основы экономической безопасности Беларуси и союзников. Целесообразным представляется определение общих универсальных правовых регуляторов и специфических национальных подходов к обеспечению экономической безопасности в контексте развития социальной сферы, что позволит разработать и сформулировать теоретико-методологические основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности граждан, общества, государства в условиях интеграции.

Научными исследованиями правового регулирования социальной сферы, определением правовых понятийно-терминологических подходов, устанавливающих рамки дефиниций объектов социальной сферы, теоретико-методологическими проблемами правового обеспечения экономической безопасности в контексте развития эффективной структуры социальной сферы в Беларуси занимались немногие ученые и специалисты-практики, примеру: Григорьева Е.А. «Роль социальной сферы в обеспечении экономической безопасности», Ткачев А.Б. «Социальная сфера Республики Беларусь в контексте экономических показателей».

Исследования правового регулирования экономической безопасности в контексте эффективной социальной политики не носят достаточно системного и комплексного характера, а отражают лишь отдельные аспекты правового обеспечения достаточно узких сфер экономической безопасности без учета современных реалий социальной сферы, интегрируемой в экономическое пространство, как отдельно взятого государства, так и экономических союзов.

Весомый вклад в продвижение теоретико-методологических взглядов о правовом обеспечении экономической безопасности внесли такие ученые Беларуси и России, как: Абалкин Л.И., Денисевич А.В., Жук М.Г., Генрих Н.В., Илларионов А.И., Козырева А.А., Максимов С.Н., Майорова Е.Н., Мусов Р.Х., Стрельников К.А., Сюсюкин А.В., Тамбовцев В.Л., Тимофеев С.В., Шахирин А.Е. и др.

В тесном взаимодействии с правовыми подходами к проблематике экономической безопасности движется экономическая наука, представленная разнообразием понимания термина «экономическая безопасность». Отметим известные труды белорусских и российских ученых-экономистов по данному вопросу: А.И. Архипов, С. Афонцев,

О.А. Барыкина, В.Г. Булавко, В.К. Буторин, С.Ю. Глазьев, В.А. Дадалко, Н.С. Лабуш, М.В. Мясникович, П.Г. Никитенко, Е.Г. Моисеенко, В.С. Паньков, В.К. Сенчагов, А.Н. Ткаченко, С.А. Шипилов и др.

Научно обоснованная концепция правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь находится в начальной точке формирования и становления правовых основ, закрепляющих основные понятия, принципы, методы и предмет правового регулирования. Следует констатировать отсутствие программно-установочных актов в этой важнейшей сфере национальной безопасности, последствием чего наблюдается рост ведомственных нормативных правовых актов, направленных на различные отраслевые области экономической безопасности.

Социальная сфера, ее эффективность и фундаментальность, является важнейшей гарантией национального благополучия и государственного суверенитета, защищенности и безопасности национальных достижений, преемственности историко-культурного наследия, процветания и развития человеческого капитала. И в данном контексте отличаются фундаментальностью теоретические проблемы объема, сферы, предмета, уровней, стадий, источников правового обеспечения социальной сферы.

Структура социальной сферы Республики Беларусь включает в себя такие отрасли как: здравоохранение, спорт и физкультура, культура, образование, социальная защита населения. Раскрывая внутренний состав отраслей, входящих в социальную сферу проведем краткий анализ национальных приоритетов развития и преобразования важнейших сфер повседневной человеческой жизнедеятельности.

Здравоохранение находится на бюджетном финансировании в размере 4 процентов ВВП, как рекомендует Всемирная организация здравоохранения. Установленный параметр финансирования соответствует пороговому значению индикатора национальной, а, следовательно, и экономической, безопасности нашей страны, как того требует Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В последнее десятилетие система здравоохранения Беларуси направлена на профилактические мероприятия на основе формирования здорового образа жизни. Основными приоритетами здравоохранения установлены принципы оказания доступной и качественной медицинской помощи, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения и будущих поколений, своевременного и доступного лекарственного снабжения. Кроме того, система здравоохранения выделяет на законодательном уровне в качестве основного приоритета в оказании медицинской помощи такие категории населения как матери и дети, направляя существенные меры социальной поддержки материнства и семей с детьми.

Спорт и физкультура в структуре социальной сферы занимает одно из ведущих направлений в контексте обеспечения национальной безопасности в связи с формированием здорового образа жизни населения. В данной отрасли социальной сферы выстроена нормативная система совершенствования физического воспитания детей и учащейся молодежи, в том числе правового регулирования подготовки олимпийского и спортивного резерва, системы республиканских отраслевых спартакиад, спортивно-массовых мероприятий, что в конечном итоге создает основу здорового состояния населения в целом и трудовых ресурсов, обеспечивающих экономическую независимость государства, в частности, повышению авторитета страны на мировом уровне.

Культурная отрасль социальной сферы Беларуси уникальна и самобытна с высокими идеалами добра и справедливости, уважения и духовности с решительным и активным неприятием зла и насилия. Государственная политика развития культуры Беларуси нашла закрепление в Кодексе Республики Беларусь о культуре, в котором установлены правовые, организационные, экономические и социальные основы культурной деятельности, регулируются правоотношения в области сохранения и развития культурных ценностей, охраны историко-культурного и археологического наследия; библиотечного и музейного дела; кинематографа; народного художественного ремесла, коллективов ху-

дожественной самодеятельности; организации культурных мероприятий и отдыха населения; поощрения в сфере культуры. Законодательно определена целостная трехуровневая система образования в отрасли культуры, включающая в себя детские школы искусств, учреждения среднего специального и высшего образования. Государственная поддержка культурной отрасли социальной сферы выражается не только в бюджетном финансировании библиотечной, музейной, театрально-зрелищной, концертной, выставочной деятельности, народного творчества, но и направлена на сохранение исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций, на реализацию творческого потенциала нации, на содействие национально-культурной идентичности белорусского народа.

Образование в Республике Беларусь как структурная составляющая социальной сферы представляет собой систему обучения и воспитания в интересах человека, общества, государства, направленную на формирование гармоничной и разносторонне развитой личности. Государственная политика в отрасли образования закреплена в Кодексе Республики Беларусь «Об образовании» и основана на укреплении приоритетных принципов развития национальной системы образования, среди которых: государственно-общественный характер управления; обеспечение принципа справедливости, равного доступа к образованию; повышение качества образования для каждого.

Образование Беларуси построено на системно-комплексной основе, состоящей из основного, дополнительного и специального уровня обучения и воспитания. Основное образование включает дошкольное, общее среднее, профессионально-техническое, среднее специальное, высшее и послевузовское. Дополнительное обучение подразделяется на дополнительное образование детей и молодежи, дополнительное образование взрослых. Правовое регулирование образовательных отношений носит целостный единый механизм, органично сочетаемый с программами социально-экономического развития страны, с Дорожными картами Союзного государства. Система образования в интересах устойчивого развития Беларуси базируется на принципе «Образование через всю жизнь» и эффективно обеспечивает реальную возможность участия каждого человека в повышении качества собственной жизни и жизни общества.

Социальная защита населения осуществляется на основе Государственной системы социального обслуживания Республики Беларусь, складывающейся из территориальных центров социального обслуживания населения с филиалами и социальными пунктами, из службы социальной помощи на дому, а также из стационарных учреждений с круглосуточным уходом и медицинском обслуживании, что обеспечивает максимальный охват и доступность получения социальной поддержки. Кроме этого, эффективно действует Государственная система адресной социальной помощи, в рамках которой оказывается материальная поддержка малообеспеченным гражданам, семьям, воспитывающим малолетних детей, помощь инвалидам. Создана Государственная система поддержки семьи на основе Закона Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», в которой действует разветвленный комплекс государственных пособий: по материнству, по временной нетрудоспособности по уходу за детьми и другие – всего 11 видов пособий. В Беларуси реализуется с 2015 года программа семейного капитала с единовременным предоставлением денежной помощи в размере 22500 рублей с ежегодной индексацией, как установлено Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 года № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей». Центры социального обслуживания осуществляют деятельность по предупреждению насилия в семье, семейного неблагополучия с возможностью использования в кризисной ситуации услуги временного приюта. Трудовой кодекс Республики Беларусь закрепляет государственные гарантии для семей (обоих родителей), воспитывающих детей: предоставление свободных оплачиваемых дней; особые условия по продлению контракта и предоставлению трудового отпуска, дополнительного отпуска при рождении ребенка и т.п.

В условиях цифровизации социальной сферы Указом Президента Республики Беларусь от 9 июля 2019 года № 264 для мониторинга за предоставлением полного объема гарантий и льгот многодетным семьям с 1 января 2020 года введена в действие единая общереспубликанская база данных учета многодетных семей, постоянно проживающих в Республике Беларусь. В отрасли социальной защиты населения одним из приоритетов государства является достойное пенсионное обеспечение, которое гарантируется по возрасту, по инвалидности, по случаю потери кормильца. При отсутствии права на трудовую (страховую) пенсию гарантируется предоставление государственной социальной поддержки в виде социальной пенсии, как установлено Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении». В 2019 году подписано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, а также с Республикой Польша, Республикой Молдова, Литвой, Латвией, Эстонией, Чехией и Азербайджаном. В Беларуси установлена системная и комплексная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны, включающая в себя наряду с иным комплекс мер социальной защиты в системе здравоохранения, транспортной и жилищной сфер, санаторно-курортном лечении. Ведущим направлением социальной сферы является защита прав инвалидов, правовые основы которой закреплены в Национальном плане о правах инвалидов. В документе предусмотрены условия по развитию инклюзивного образования, трудоустройство и занятость людей с инвалидностью, а также иные меры интеграции инвалидов во все сферы жизнедеятельности общества.

В орбиту социальной сферы в системе занятости населения входит охрана труда, отличительной чертой которой является активная деятельность государства направленная на формирование безопасных условий труда. В Беларуси создана система нормативно-правового регулирования в области охраны труда, которая учитывает имеющийся положительный международный опыт и многолетнюю практику регулирования этих вопросов на национальном уровне. Базовым документом является Закон Республики Беларусь «Об охране труда», который был принят в 2008 году, определяющий целостную и взаимоувязанную систему управления охраной труда от республиканского уровня до конкретных организаций, нанимателей и работников.

Целесообразным представляется определение общих универсальных правовых регуляторов и специфических национальных подходов к обеспечению экономической безопасности в контексте развития социальной сферы, что позволит разработать и сформулировать теоретико-методологические основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности граждан, общества, государства в условиях интеграции. Очевидным в контексте исследования темы социальной сферы как основы экономической безопасности видится концепт ядра этой сферы – гармонично развитого здорового человека в социуме, представляющего собой на начальном этапе социального развития «человеческий потенциал» с переходом в развитии через социальную сферу в «человеческий капитал».

УДК 37.014:330.341

І. І. Эсмантовіч

(Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Гомель)

АДУКАЦЫЯ Ў ІНТАРЭСАХ УСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦЯ

Асноватворнымі напрамкамі развіцця нацыянальных сістэм адукацыі ва ўсім свеце з'яўляюцца Мэты ўстойлівага развіцця да 2030 года, якія прыняты Арганізацыяй Аб'яднаных Нацый і прадугледжваюць, у тым ліку, забеспячэнне ўсёахопнай і справядлівай якаснай адукацыі

і заахвочванне магчымасці навучання на працягу ўсяго жыцця для ўсіх. Традыцыйна адной з найвышэйшых каштоўнасцяў беларускага народа з'яўляецца нацыянальная адукацыя. Нацыянальная стратэгія ўстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2030 года вызначае напрамкі стабільнага развіцця трох узаемазвязаных і ўзаемадапаўняльных кампанентаў: чалавека як асобы і генератара новых ідэй, канкурэнтаздольнай эканомікі і якасці навакольнага асяроддзя ва ўмовах унутраных і знешніх пагроз і выклікаў доўгатэрміновага развіцця.

З сямнаццаці мэт устойлівага развіцця, якія сфармуляваны Генеральнай Асамблеяй Арганізацыі Аб'яднаных Нацый у 2015 годзе, у якасці чацвёртай мэты вызначана якасная адукацыя. Ужо не выклікае сумненняў факт неабходнасці адукацыі для сучаснага чалавека, шэраг аўтараў нават адносяць адукацыю да аднаго з неад'емных натуральных правоў.

Нацыянальная стратэгія ўстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2030 года вызначыла мэты, этапы і напрамкі развіцця Беларусі, сярод якіх прадастаўленне максімальных магчымасцей для рэалізацыі асабістага патэнцыялу чалавека.

Па паказчыку "доступ да базавых ведаў" у індэксе сацыяльнага прагрэсу за 2022 г. Беларусь знаходзіцца на 17-м месцы з 169 краін. У Беларусі таксама забяспечаны гендэрны парытэт, рэалізуецца канцэпцыя бесперапыннай адукацыі, развіта інклюзіўная адукацыя. Узровень пісьменнасці насельніцтва Беларусі старэйшых за 15 гадоў дасягае 99,9 працэнтаў. Паводле звестак перапісу насельніцтва 2019 года ахоп насельніцтва ва ўзросце 15 гадоў і старэй агульнай базавай, агульнай сярэдняй, прафесійна-тэхнічнай, сярэдняй спецыяльнай, вышэйшай і навукова-арыентаванай адукацыяй склаў 97,8%. Сістэма адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь забяспечвае адукацыю на асноўным, дадатковым і спецыяльным узроўнях. Усяго ў краіне налічваецца каля 8 тыс. устаноў асноўнай, дадатковай і спецыяльнай адукацыі, у якіх навучаюцца і выходзяць больш за 2 млн. дзяцей, навучэнцаў, студэнтаў і слухачоў [1].

Канцэпцыя развіцця сістэмы адукацыі Рэспублікі Беларусь да 2030 года сярод тэндэнцый развіцця сістэмы адукацыі вызначае неабходнасць забеспячэння ўсеахопнай і справядливай якаснай адукацыі і заахвочванне магчымасці навучання на працягу ўсяго жыцця для ўсіх [2].

З мэтай стварэння ўмоў для эфектыўнай самарэалізацыі моладзі, фарміравання актыўнай грамадзянскай пазіцыі і адказнасці за лёс Беларусі; павышэння канкурэнтаздольнасці даступнай і якаснай адукацыі; умацнення прафесійнага патэнцыялу моладзі і яе ўцягванне ў грамадска карысную дзейнасць у Рэспубліцы Беларусь распрацавана Дзяржаўная праграма "Адукацыя і маладзёжная палітыка" на 2021-2025 гады [3]. У адпаведнасці з Праграмай вызначана мэта развіцця сістэмы вышэйшай адукацыі - павышэнне якасці і канкурэнтаздольнасці спецыяліста. Для рэалізацыі пастаўленай мэты неабходна павышаць якасць практыка-арыентаванай падрыхтоўкі спецыялістаў, эфектыўнасць ўзаемадзеяння з арганізацыямі - заказчыкамі кадраў; развіваць інавацыйную інфраструктуру ўніверсітэцкай навукі і павышаць выніковасць навукова-даследчай дзейнасці; ствараць умовы для прыцягнення моладзі да навукова-інавацыйнай дзейнасці і выкладчыцкай работы; павышаць прывабнасць атрымання вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь і канкурэнтаздольнасць нацыянальнай вышэйшай школы на міжнародным узроўні.

У Гомельскім дзяржаўным універсітэце імя Францыска Скарыны праводзіцца планамерная работа па дасягненню пастаўленых задач. На павышэнне міжнароднай прывабнасці ВНУ, канкурэнтаздольнасці ўніверсітэта на міжнародным узроўні працуюць сусветныя рэйтынгі. З 2014 года Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны ўваходзіць у спіс лепшых ВНУ краін СНД. Па выніках рэйтыngu QS EЕCA University Rankings 2022 універсітэт увайшоў у спіс 300 лепшых універсітэтаў краін Еўропы і Цэнтральнай Азіі. У абноўленым рэйтыngu Webometrics, апублікаваным у ліпені 2023 года, універсітэт заняў другую пазіцыю сярод беларускіх універсітэтаў і 3291 - сярод больш за 32 000 універсітэтаў свету. ГДУ імя Ф. Скарыны стабільна захоўвае першыноство сярод устаноў вышэйшай адукацыі Гомельскай вобласці [4].

У актуальным стане падтрымліваюцца адукацыйныя стандарты і навукова-метадычнае забеспячэнне. Так, усе дысцыпліны першай ступені вышэйшай адукацыі забяспечаны вучэбна-метадычнымі комплексамі. Універсітэтам заключаны дагаворы аб узаемадзейні з арганізацыямі - заказчыкамі кадраў, падрыхтоўка спецыялістаў вядзецца ў адпаведнасці з заяўкамі будучых наймальнікаў, патрэбнасць у спецыялістах фіксуецца ў рэспубліканскай базе "Заказ. Кадры». Такім чынам, падрыхтоўка спецыялістаў вядзецца па запатрабаваных на рынку працы спецыяльнасцях. Пры фарміраванні ў выпускнікоў ВНУ універсальных і прафесійных кампетэнцый пры складанні планаў спецыялізацый і навучальных праграм спецыяльнасцей улічваюцца пажаданні прадстаўнікоў філіялаў адпаведных кафедр. Супрацоўнікі філіялаў таксама прыцягваюцца да чытання лекцый, кіраўніцтва і рэцэнзавання курсавых і дыпломных работ.

У адпаведнасці з прыярытэтнымі напрамкамі навуковай, навукова-тэхнічнай і інавацыйнай дзейнасці на 2021–2025 гады [5] працуюць 2 навукова-даследчыя інстытуты, 20 навуковых лабараторый, у 11 навуковых школах праводзяцца даследаванні пад кіраўніцтвам вядучых вучоных універсітэта. Пастаянна развіваюцца і ўдасканальваюцца напрамкі навукова-даследчай работы студэнтаў у адпаведнасці з профілем і мэтамі падрыхтоўкі спецыялістаў, умовамі інтэграцыі навукі, вытворчасці і навучання. Па кожнай навуковай тэме разам з высокакваліфікаванымі выкладчыкамі да навуковых даследаванняў прыцягваюцца мінімум 5 студэнтаў і магістрантаў.

Зараз ва ўстановах адукацыі Рэспублікі Беларусь рэалізуецца праект "універсітэт 3.0" па стварэнню інтэграванага адукацыйнага, навукова-даследчага і прадпрымальніцкага асяроддзя. Праект прадугледжвае падрыхтоўку кампетэнтных спецыялістаў, якія не толькі валодаюць глыбокімі прафесійнымі ведамі, але і навыкамі вядзення інавацыйнай дзейнасці, уменнямі дзейнасці камерцыялізацыі.

У цяперашні час у ВНУ Беларусі, у тым ліку, у ГДУ імя Ф.Скарыны, актыўна ўкараняецца мадэль "Універсітэт 4.0" і элементы мадэлі "Універсітэт 5.0". Мадэль "Універсітэт 4.0", або "лічбавы ўніверсітэт", мяркуе трансфармаваць універсітэт з улікам лічбавых тэхналогій, навуковых дасягненняў і патрабаванняў сучаснага бізнесу, праз дыстанцыйнае навучанне і адаптыўныя адукацыйныя метады. Місія «Універсітэта 5.0» будзе садзейнічаць агульнанацыянальнаму і міжнароднаму абмеркаванню плюсаў і мінусаў анлайн-навучання ў вышэйшых навучальных установах і кансультавацца з адпаведнымі зацікаўленымі бакамі ў іх намаганнях па эфектыўным рэагаванні на зменлівыя ўмовы ў сферы вышэйшай адукацыі.

Такім чынам, Рэспубліка Беларусь робіць паслядоўныя меры для рэалізацыі мэт устойлівага развіцця на нацыянальным узроўні. У мэтах каардынацыі гэтай дзейнасці сфарміравана архітэктурна кіравання працэсам дасягнення мэт устойлівага развіцця, у склад якой уваходзяць: нацыянальны каардынатар па дасягненні МУР; савет па ўстойлівым развіцці; група нацыянальнага сходу па дасягненні Рэспублікай Беларусь МУР; рэгіянальныя групы ўстойлівага развіцця; грамадская рада па фармаванні і маніторынгу стратэгіі УР; група па каардынацыі працы СМІ па прасоўванні ЦУР; маладзёжныя паслы Мэт устойлівага развіцця. Нацыянальным статыстычным камітэтам па нацыянальных паказчыках дасягнення ЦУР праводзіцца маніторынг дасягнення Рэспублікай Беларусь Мэт устойлівага развіцця.

Можна сцвярджаць, што ў дзяржаве створаны трывалы фундамент для далейшага ўстойлівага развіцця, прадастаўлены разнапланавыя магчымасці для рэалізацыі асобнага патэнцыяла чалавека, яго якаснай адукацыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] // URL: <https://president.gov.by/be>.

2. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30.11.2021 № 683 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://adu.by/images/2021/12/konsep-razv-sist-obrazov.pdf>.

3. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 годы: Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29.01.2021 № 57 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 4 февраля 2021 г., 5/48744.

4. Афіцыйны сайт ГДУ імя Ф.Скарыны [Электронны рэсурс] // URL: <http://gsu.by/ru/university-in-world-rankings>.

5. Приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы: утв. Указом Президента Республики Беларусь 7 мая 2020 г. № 156 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32000156>.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

<i>Андрияшко М. В.</i> О некоторых критериях оценки эффективности мероприятий государственной политики Республики Беларусь в сфере семьи и детства.....	3
<i>Баранашник М. А.</i> К вопросу о реформировании законодательства, регулирующего риэлтерскую деятельность.....	6
<i>Белоусова С. Д.</i> Цифровизация корпоративного права в Беларуси: текущее состояние и вызовы.....	10
<i>Богустов А. А.</i> Результаты использования искусственного интеллекта в контексте охраны права лица на изображение.....	12
<i>Васильева Е. С.</i> Понятие и правовое регулирование недвижимости в Республике Беларусь.....	15
<i>Гурина О. В.</i> Либерализация строительной деятельности в аспекте обеспечения безопасности и эксплуатационной надежности энергоустановок.....	17
<i>Ефименко А. Е., Климченя В. С.</i> Защита прав потребителей по законодательству Российской Федерации.....	21
<i>Журович Н. А.</i> Правовые аспекты выражения согласия и мнения ребенка в семейных правоотношениях.....	26
<i>Кацубо С. П.</i> О правовом обеспечении аграрных отношений на инновационном пути развития экономики Республики Беларусь.....	29
<i>Квяткович А. А.</i> Предупреждение несостоятельности и банкротства юридических лиц: понятие, причины, меры.....	33
<i>Ковалёва Н. П., Тихова А. А.</i> Актуальные проблемы профессионального пенсионного страхования и пути их решения.....	36
<i>Коновалова Ж. Ч.</i> Специальные договорные конструкции в гражданском праве Республики Беларусь.....	38
<i>Копыткова Н. В.</i> Форма сделки в свете развития информационно-коммуникационных технологий.....	42
<i>Мануковская А. Н.</i> Российский нотариат: проблемы и пути развития.....	46
<i>Михайлов Д. И.</i> К вопросу о регламентации не соответствующих законодательству сделок юридических лиц.....	50
<i>Парукова Е. В.</i> Приобретательная давность как основание возникновения прав на недвижимое имущество.....	54
<i>Рожок Е. П.</i> Государственная семейная политика в Республике Беларусь.....	58
<i>Рощенко Н. В.</i> Обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством лиц, работающих по гражданско-правовым договорам: актуальные проблемы.....	61
<i>Рузанова В. Д.</i> Влияние гражданского законодательства на развитие персонализированной медицины.....	64
<i>Савчик В. Д., Савчик Е. В.</i> Проблемные вопросы применения пункта 56 ¹ Правил электроснабжения.....	68
<i>Скуратов В. Г., Мельников А. С.</i> Рекламная деятельность как вид экономической деятельности: правовой аспект.....	72
<i>Тарасов П. А.</i> Отдельные аспекты обеспечения гражданско-правовой защиты информации в режиме коммерческой тайны.....	75
<i>Халецкая Т. М.</i> Законный режим имущества супругов как фактор, влияющий на брачность.....	78

<i>Хрулева В. В.</i> Злоупотребление свободой договора как особой формы гражданского правонарушения.....	82
<i>Чугунова Т. И.</i> Правовое обеспечение защиты прав потребителей в сфере электронной торговли.....	87
<i>Шингель Н. А.</i> Правовое обеспечение рационального (устойчивого) использования диких животных, отнесенных к объектам охоты и рыболовства.....	89

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА

<i>Апушкина Т. С., Гинзбург И. В.</i> Цифровизация правосудия в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития.....	94
<i>Гапоненко Д. В.</i> К вопросу о правах судебного исполнителя.....	97
<i>Каратаев И. А.</i> К вопросу об электронном правосудии.....	100
<i>Костюк А. С.</i> Отдельные вопросы правопреемства по делам о конфискации имущества в исполнительном производстве.....	102
<i>Маренков А. С.</i> Проблемы квалификации требований неимущественного характера в судебной и исполнительской практике.....	106
<i>Моторина И. С.</i> К вопросу оптимизации судебной нагрузки в России путем совершенствования института медиации.....	109
<i>Пастухова С. С.</i> Оптимизация защиты прав несовершеннолетних истцов в гражданском судопроизводстве как обязательное направление развития правовой системы.....	112
<i>Раюшкин В. К.</i> Особенности обращения взыскания налоговыми органами в странах-участницах ЕАЭС.....	115
<i>Скобелев В. П.</i> О новеллах в регулировании порядка получения информации судебными исполнителями.....	118

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Денисенко Н. В.</i> Порядок наследования супругов по законодательству Российской империи (середина XIX – начало XX века).....	122
<i>Мисаревич Н. В.</i> К вопросу о правовых традициях на белорусских землях.....	126
<i>Немкевич И. В.</i> О национальной концепции истории белорусской государственности и актуальных направлениях ее развития.....	129
<i>Объедкова И. В.</i> Позитивная юридическая ответственность в системе правового воспитания граждан.....	131
<i>Тенюта Е. С.</i> К вопросу о классификации технических документов.....	134

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Абраменко Е. Г.</i> Конституционные реформы в странах ЕАЭС.....	138
<i>Валевко А. С.</i> К вопросу применения штрафа как вида административного взыскания за недобросовестную конкуренцию в Республике Беларусь и за рубежом	142
<i>Василевич Г. А.</i> Источники белорусского права в новом конституционном измерении.....	145

<i>Василевич С. Г.</i> Принцип пропорциональности (соразмерности) ограничения прав и свобод.....	149
<i>Забаренко Ю. А.</i> Фискальный федерализм как конституционный принцип регулирования правоотношений в налоговой сфере.....	152
<i>Карсюк Д. С.</i> Доклад судьи при рассмотрении жалобы (протеста) на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.....	155
<i>Краснобаева Л. А.</i> К вопросу о стандартах публичных услуг.....	158
<i>Кукеев А. К.</i> Тенденции развития законодательства об административной ответственности.....	162
<i>Курак А. И.</i> Конституция как правовая основа социально-ориентированной экономической политики белорусского государства.....	165
<i>Можсаева Л. Е.</i> Новации избирательного законодательства Республики Беларусь и тенденции его развития.....	169
<i>Усава А. І.</i> Некаторыя пытанні разгляду і абскарджання пастановы па справе аб адміністрацыйным дарожна-транспартным правапарушэнні.....	173

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Зубрик Д. А.</i> Нормативно-правовые основы использования нейросетей в графическом творчестве в Республике Беларусь.....	177
<i>Иванова Ю. И.</i> К вопросу о понятии «цифровой суверенитет» в европейском политическом и правовом пространстве.....	180
<i>Русак О. В.</i> О перспективах динамики правовой информатизации Республики Беларусь в условиях цифровизации.....	183

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Вершок И. Л.</i> Вопросы совершенствования правовой коммуникации в Республике Беларусь.....	188
<i>Дроздова А. М.</i> Правосознание как основа качественного образования и воспитания личности в современном российском обществе.....	190
<i>Караткевич А. Г.</i> Устойчивое развитие: проблема стабильности общественных систем.....	193
<i>Карташова Г. Н.</i> Содействие занятости несовершеннолетних.....	196
<i>Михайлова А. И.</i> Образование в области охраны окружающей среды и природопользования.....	199
<i>Субботина Л. А.</i> «Зеленая повестка» в системе целей устойчивого развития.....	202
<i>Тимошенко М. В.</i> Проектная деятельность студентов юридического факультета как форма гражданского и патриотического воспитания.....	204
<i>Тишкевич М. Я.</i> Цифровизация образования и устойчивое развитие: социологический подход.....	207
<i>Эсмантович Е. И.</i> Повышение роли политических партий в местном самоуправлении.....	210

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

<i>Ершова И. В., Левит Л. В., Савельев И. В.</i> Мировая юстиция в контексте правовой культуры: некоторые теоретико-правовые вопросы.....	213
<i>Исайчикова Н. И.</i> Социально-экономическая концепция развития Республики Беларусь.....	216
<i>Караваева Е. М.</i> Гражданско-патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений системы образования в Республике Беларусь.....	218
<i>Логунова Е. С.</i> Религиозные организации как субъекты белорусского гражданского общества.....	221
<i>Шалаева Т. З.</i> Социальная сфера и ее структура как основа экономической безопасности Республики Беларусь в условиях экономической интеграции.....	225
<i>Эсмантовіч І. І.</i> Адукацыя ў інтарэсах устойлівага развіцця.....	228

Научное издание

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета

(Гомель, 29–30 ноября 2023 года)

В двух частях

Часть 2

Подписано в печать 17.05.2024. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 27,44. Уч.-изд. л. 23,90.
Тираж 20 экз. Заказ 288.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.